

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

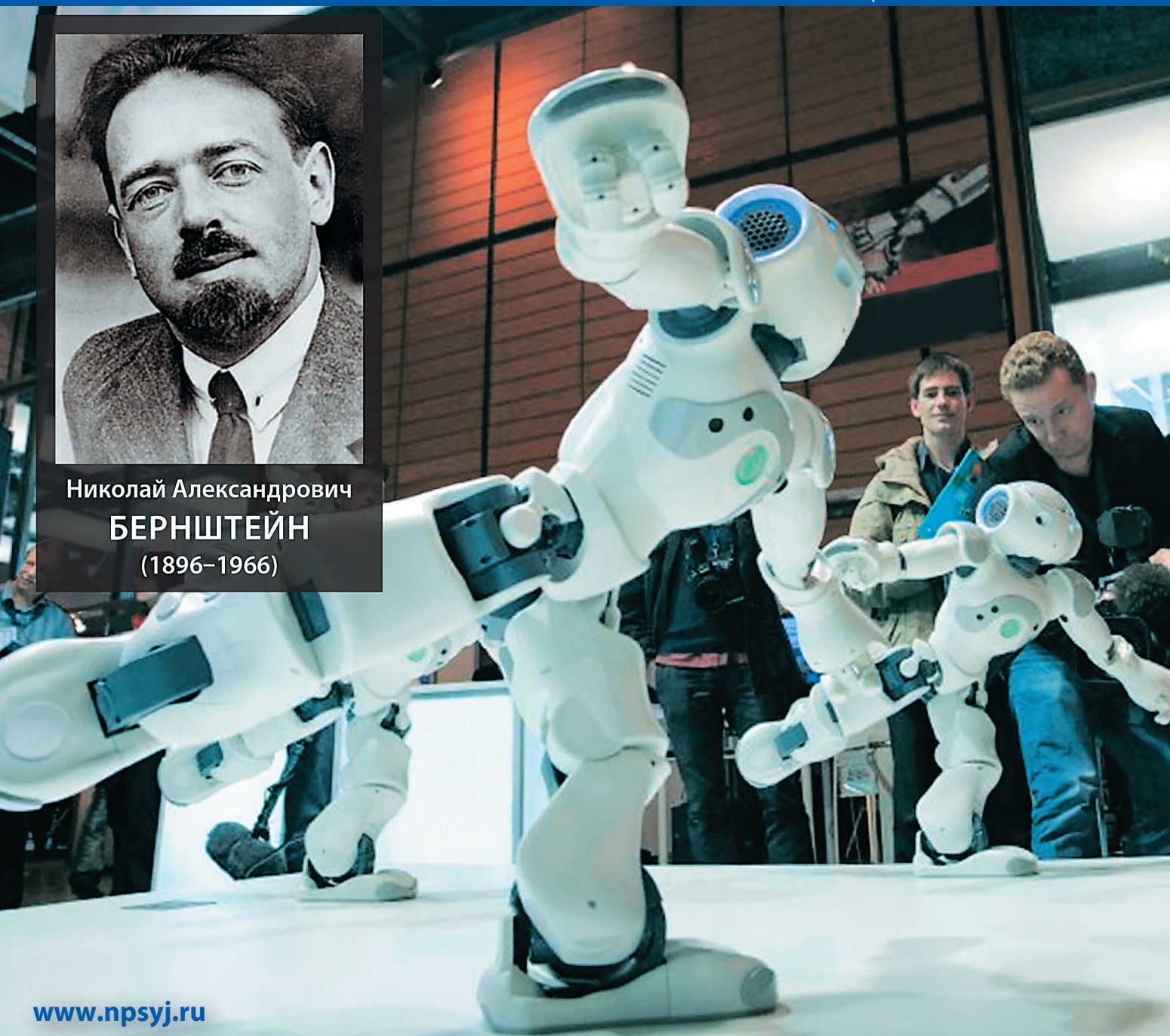
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
журнал

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL № 4 (20) 2015

ISSN 2079-6617 (print) ISSN 2309-9828 (online)

Николай Александрович
БЕРНШТЕЙН
(1896–1966)

www.npsyj.ru

Целенаправленное поведение человека
строится с опорой на «модель будущего»
(Н.А. Бернштейн)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№4 (20) 2015
NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2015, no. 4

УЧРЕДИТЕЛЬ / ИЗДАТЕЛЬ

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова.

Факультет психологии
www.psy.msu.ru

Издается при поддержке

Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество» (<http://рпо.рф>)
и **Европейской федерации психологических**
ассоциаций – EFPA

Главный редактор

Ю.П. Зинченко

Заместитель главного редактора

О.А. Карабанова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели

Ю.П. Зинченко, Л.А. Цветкова

Члены совета

М. Абалакина-Паап (США), В.М. Аллахвердов, А. Ардила (США), А.Г. Асмолов,
Н.А. Батурин, Д.Б. Богоявленская, Б.М. Величковский (Германия),
В.Ф. Воскобоев, Э.В. Галажинский, Е.Ф. Гутырчик (Германия), И.В. Дубровина,
С.Н. Ениколопов, П.Н. Ермаков, А.Л. Журавлев, А.Г. Караяни, А.В. Карпов,
Б. Котик-Фридгут (Израиль), Е.Е. Кравцова, А.С. Курский, А.Б. Леонова,
С.Ю. Малков, С.А. Маничев, М.И. Марьин, А.И. Овсяник, В.Ф. Петренко,
П.И. Падерно, О.В. Раевская, М. Роселли (США), В.В. Рубцов, В.С. Собкин,
А.А. Стрельцов, Е.В. Субботский (Великобритания), А.Г. Тоневицкий,
Я. Хаутамяки (Финляндия), А.В. Шаболтас, Ю.С. Шойгу, А.В. Юревич

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т.В. Ахутина, Н.К. Бакланова, Н.Б. Березанская, Б.С. Братусь,
И.А. Володарская, А.Н. Гусев, М.С. Егорова, В.А. Иванников,
В.И. Ильченко, О.А. Карабанова, М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Носкова,
А.И. Подольский, В.М. Полонский, Н.С. Пряжников, И.А. Самоненко,
С.Д. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, Н.Ф. Талызина, О.А. Тихомадрицкая,
А.Ш. Тхостов, А.М. Черноризов

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор номера

О.А. Карабанова

Ответственный редактор

О.В. Решетникова

Над номером работали

Л.Г. Бардонова, М.С. Белоховская, И.В. Еремина,
Е.В. Зайцева, М.Ю. Цветков

Перевод

Е.В. Темнова, А.Н. Веракса

Интернет-версия

С.А. Козловский

Дизайн обложки

М.А. Коршунов, Л.Ю. Галушкина

В номере использованы фотоматериалы

О.В. Решетниковой и др.

Медиа-менеджер проекта

М.С. Белоховская

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-29042

от 3 августа 2007 года и **свидетельство**

о перерегистрации СМИ ПИ № ФС77-54509 от 17 июня

2013 года, выданные Федеральной службой по надзору
в сфере массовой информации России

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Год основания: 2006

Фото на обложке:

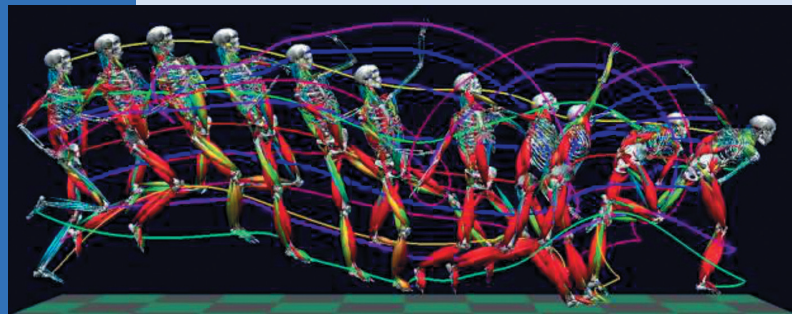
Николай Александрович Бернштейн

(1896–1966 гг.)

выдающийся русский учёный заложил основы биомеханики в России.

Разработал методы исследования движений (кимоциклографии, циклограмметрии, зеркальной кимоциклографии и др.).
Основоположник исследований в области физиологии движения и физиологии активности.

Всемирную известность получил его труд «О построении движений», опубликованный в 1947 году, за которую Н.А. Бернштейн был удостоен государственной премии СССР

Студенты университета Кобе Гакуин (Япония) – участники японо-российского саммита анимэ и окате-культуры в МГУ.
(<http://www.psy.msu.ru/science/conference/anime/2015/index.html>)

журнал в открытом доступе
npsyj.ru/en

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11 строение 9
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Тел.: +7 (495) 629-3723, +7 (910) 407-8378

E-mail: NPGournal@mail.ru

Электронный адрес: **www.psy.msu.ru/science/npj/**

www.npsyj.ru/en

Журнал доступен в мобильном приложении «PsyMSU» в App Store

Psychologist Day is a professional holiday of all experts in the field of psychology. Students of the Department of Psychology, Moscow Lomonosov State University, keep the university traditions and are convinced that the job of the psychologist is important in our modern life, that is full of stress and emotions.

РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY

входит в международные организации:

IUPsyS

Международный союз психологической науки
при Юнеско

EFPA

Европейская федерация
психологических ассоциаций

"National Psychological Journal" is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation

Cover photo:
Nikolai Bernstein (1896-1966) is an outstanding Russian scientist who laid the foundations of biomechanics in Russia. He developed methods for studying movements (kimocyclography, cyclogrammetry, mirror kimocyclography and others.). He is the founder of the research in the field of physiology and physiology of movement activity. His work "On the construction of movements", published in 1947, for which N.A. Bernstein was awarded the USSR State Prize, was a global success.

EDITORIAL OFFICE

Bld. 9, 11 Mokhovaya st. Moscow 125009 Russia
Department of Psychology Lomonosov Moscow State University
Tel.: +7 (495) 6293723, +7 (910) 4078378
E-mail: NPJournal@mail.ru

Official website: www.psy.msu.ru/science/npj/
www.npsyj.ru/en

The journal is available in «PsyMSU»
mobile application in App Store

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2015, no. 4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№4(20) 2015

FOUNDER/ PUBLISHER

Lomonosov Moscow State University
Department of Psychology
www.psy.msu.ru

Published in collaboration with **the Russian Public Organization
"Russian Psychological Society"** (<http://psyrus.ru/en/>)
and the **European Federation of Psychological Associations – EFPA**

Editor-in-Chief

Yu.P. Zinchenko

Deputy Editor

O.A. Karabanova

EDITORIAL COUNCIL

Co-Chairs

Yu.P. Zinchenko, L.A. Tsvetkova

Council Members

M. Abalakina-Paap (USA), V.M. Allakhverdov, A.E. Ardila (USA), A.G. Asmolov, N.A. Baturin, D.B. Bogoyavlenskaya, E.V. Cubbtsky, I.V. Dubrovina, S.N. Enikolopov, P.N. Ermakov, E.V. Galazhinsky, E.F. Gutyrchik (Germany), A.G. Karayani, A.V. Karpov, Ya. Khautamyaki (Finland), B. Kotik-Friedgut (Israel), E.E. Kravtsova, A.S. Kursky, A.B. Leonova, Ju.S. Malkov, S.A. Manichev, M.I. Maryin, A.Iv. Ovsyanik, V.F. Petrenko, P.Ios. Paderno, O.V. Raevskaya, M. Rosselli (USA), V.V. Rubtsov, A.V. Shabolts, Yu.S. Shoygu, V.S. Sobkin, A.A. Streltsov, E.V. Subbtsky (Great Britain), A.G. Tonevitsky, B.M. Velichkovsky (Germany), V.F. Vockoboev, A.V. Yurevich, A.L. Zhuravlev

EDITORIAL BOARD

T.V. Akhutina, N.K. Baklanova, N.B. Berezanskaya, B.S. Bratus, M.S. Egorova, A.N. Gusev, V.Iv. Ilchenko, V.A. Ivannikov, O.A. Karabanova, M.Sh. Magomed-Eminov, O.G. Noskova, A.II. Podolskij, V.M. Polonsky, N.S. Pryajnikov, Ju.A. Samonenko, S.D. Smirnov, T.G. Stephanenko, N.Ph. Talyzina, O.A. Tihomandritskaya, A.Sh. Tkhostov, A.M. Chernorizov, I.A. Volodarskaya

EDITORIAL

Production Editor

O.A. Karabanova

Executive Editor

O.V. Reshetnikova

Production Unit

L.G. Bardonova, M.S. Belokhovskaya, I.V. Eremin,
E.V. Zaitseva, M.Yu. Tsvetkov

Translation

E.V. Temnova, A.N. Veraksa

Online Version

S.A. Kozlovskiy

Cover Design

M.A. Korshunov, L.Yu. Galushkina

Photographs used in this issue

O.V. Reshetnikova and others

Project Media Manager

M.S. Belokhovskaya

License of Mass Media Registration PI number FS77-29042

August 3, 2007 and **License of Mass Media Reregistration**
PI number FS77- 54509 June 17, 2013 issued by The Federal Service
for Supervision of Communications, Information Technology
and Mass Media of Russia

No materials published in the journal may be reproduced
without written permission from the publisher. The publisher
is not responsible for the legality of the information given
in the advertisement materials

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Founded in: 2006

SCIENTIFIC ANALYTICAL EDITION

ISSN 2079-6617 (Print)
ISSN 2309-9828 (Online)

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

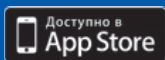
2015, no. 4

Targeted human behaviour is based on the "model of the future" (N. Bernstein)

All volumes in PDF

<http://www.psy.msu.ru/science/npj/contents.html>

Electronic versions of scientific scholarly journals

- "NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL",
- "PSYCHOLOGY IN RUSSIA: STATE OF THE ART",
- "The Moscow University Herald Series 14. Psychology", are accessible in the application of MSU Department of Psychology "PsyMSU" for iPad and iPhone in App Store

Information for readers

You can subscribe to the printed version of the journal in post offices using the Catalogue of ROSPECHAT Agency «Gazety, Zhurnaly» (www.rosp.ru), subscription index 36862, or in the editorial office (2647541@mail.ru). Certain issues or disk archive can be purchased in the editorial office as well

You can also subscribe to the electronic versions at: www.elibrary.ru, www.psy.msu.ru

CONTENT

Personality Psychology

Lidia V. Borzhdina

The concept of personality and character based on the activity theory of A. Leontiev

Irina N. Pogozhina

Determination of logical thinking through the prism of postnonclassical paradigm.

Methodology and Methods of Psychology

Alexander V. Shuvalov

Anthropological aspects of health psychology

Aida M. Ailamazyan

The role of the plastic image in developing personal identity: historical aspects

Julia M. Koryakina

Conditions for fulfilled life: description and measurement of existential motivations

Psychophysiology

Valery M. Eskov, Yuriy P. Zinchenko, Mikhail A. Filatov, Tatiana Yu. Poskina

The effect of N.A. Bernstein in the evaluation of tremor parameters for different acoustic effects

Vazha M. Devishvili

N.A. Bernstein, the founder of modern biomechanics

Roman S. Ivanov

Application of a polygraph detector in diagnosing symptom simulation of the biographical amnesia

Galina Ya. Menshikova, Artem I. Kovalev

Vection in virtual environments: psychological and psychophysiological mechanisms

Developmental Psychology and Family Psychology

Artur A. Rean

Risk factors of deviant behaviour in the family context

Olga A. Dorontsova

The potential of the system of interpersonal interaction in the formation of adolescent autonomy

Sergey A. Kapustin

Balanced parenting style and its impact on the development of child personality

Labour psychology and engineering psychology

Valentina V. Barabanshchikova, Galina I. Marusanova

Perspectives for research of the procrastination phenomenon in professional work

Application

Information For Authors

Guidelines for Abstract Writing

ICP 2016
YOKOHAMA
The 31st International Congress of Psychology

<http://www.icp2016.jp>

ICP2016 Office
<http://www.icp2016.jp>
c/o The Japanese Psychological Association
5-23-13, Hongo, Bunkyo-ku, Tokyo, 113-0033 Japan
E-mail: info@icp2016.jp

July 24-29, 2016
Pacifiko Yokohama, Yokohama, Japan

ISSN 2079-6617

9 772079 661772 >

Содержание

Психология личности

- Л.В. Бороздина
 Концепция личности и характера, основанная на теории деятельности А.Н. Леонтьева 3
- И.Н. Погожина
 Детерминация развития структур логического мышления сквозь призму постнеклассической парадигмы 13

Методология и методы психологии

- А.В. Шувалов
 Антропологические аспекты психологии здоровья 23
- А.М. Айламазян
 Роль пластического образа в формировании идентичности личности: исторический аспект 37
- Ю.М. Корякина
 Условия исполненной жизни: описание и измерение экзистенциальных мотиваций 49

Психофизиология

- В.М. Еськов, Ю.П. Зинченко, М.А. Филатов, Т.Ю. Поскина
 Эффект Н.А. Бернштейна в оценке параметров тремора при различных акустических воздействиях 66
- В.М. Девишвили
 Н.А. Бернштейн – основатель современной биомеханики 74
- Р.С. Иванов
 Применение полиграфа в целях диагностики симуляции симптомов биографической амнезии 79
- А.И. Ковалев, Г.Я. Меньшикова
 Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования 91

Возрастная и семейная психология

- А.А. Реан
 Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст 105
- О.А. Доронцова
 Потенциал системы межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии подростков 111
- С.А. Капустин
 Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей 119

Психология труда и инженерная психология

- В.В. Барабанщикова, Г.И. Марусанова
 Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности 130

Приложение

- Информация для авторов 142
- Краткие рекомендации по написанию авторских резюме
 (аннотаций, рефератов к статьям) 144

Content

Personality Psychology

Lidia V. Borozdina

The concept of personality and character based on the activity theory of A. Leontiev 3

Irina N. Pogozhina

Determination of logical thinking through the prism of postnonclassical paradigm 13

Methodology and Methods of Psychology

Alexander V. Shuvalov

Anthropological aspects of health psychology 23

Aida M. Ailamazyan

The role of the plastic image in developing personal identity: historical aspects 37

Julia M. Koryakina

Conditions for fulfilled life: description and measurement of existential motivations 49

Psychophysiology

Valery M. Eskov, Yuriy P. Zinchenko, Mikhail A. Filatov, Tatiana Yu. Poskina

The effect of N.A. Bernstein in the evaluation of tremor parameters for different acoustic effects 66

Vazha M. Devishvili

N.A. Bernstein, the founder of modern biomechanics 74

Roman S. Ivanov

Application of a polygraph detector in diagnosing symptom simulation of the biographical amnesia 79

Galina Ya. Menshikova, Artem I. Kovalev

Vection in virtual environments: psychological and psychophysiological mechanisms 91

Developmental Psychology and Family Psychology

Artur A. Rean

Risk factors of deviant behaviour in the family context 105

Olga A. Dorontsova

The potential of the system of interpersonal interaction in the formation of adolescent autonomy 111

Sergey A. Kapustin

Balanced parenting style and its impact on the development of child personality 119

Labour psychology and engineering psychology

Valentina V. Barabanshchikova, Galina I. Marusanova

Perspectives for research of the procrastination phenomenon in professional work 130

Application

Information For Authors 142

Guidelines for Abstract Writing 144

**Лидия Васильевна
БОРОЗДИНА**

(31.03.1941 – 5.10.2015) – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, действительный член Нью-Йоркской академии наук. Автор более 100 научных работ.

Жизнь во имя науки

Памяти Л.В. Бороздиной

Вспоминая об ученом, посвятившем себя науке, мы нередко говорим «Его жизнь до конца отдана химии, или биологии, или математике». Это является, конечно, метафорой, ибо жизнь, при ближайшем рассмотрении, была отдана еще многому, что находится помимо научных занятий – любви, дружбе, семье, личным пристрастиям, словом, тому, что наполняет любую жизнь, которую, согласно пословице «Прожить – не поле перейти».

Профессор Лидия Васильевна Бороздина (31.03.1941–05.10.2015) относилась к тем редким людям, для которых служение в ее научной области (в психологии), служение Московскому Университету, факультету психологии, родной кафедре общей психологии, действительно, составляло, особенно с годами, не просто значимое, даже основное, но поистине «все». Ее суждения, оценки, поступки, пристрастия, были пронизаны, определены этим служением. Она жила долгие годы (после смерти матери) одна и всецело отдавала себя преподаванию, руководству дипломными и аспирантскими работами, фундаментальным исследованиям в области самооценки, уровня притязаний, характера и личности. Отношения к своим подопечным – курсовикам, дипломникам, аспирантам – были отношениями строгой и любящей матери: она много требовала, строго контролировала, но и создавала все условия для роста, она опекала и ревностно защищала. Затронуть интересы ее дипломника или диссертанта значило навлечь на себя всю силу научного и личного гнева и возмущения. Это выглядело далеко не всегда справедливо, но всегда искренне, страстно и безоглядно – никакие авторитеты, должностные положения и приятельские связи не спасали тогда от ее острого и беспощадного оппонирования. При этом «остыв», она могла признавать перегибы в оценках. Вообще, при всей внутренней пристрастности и научной ревности («Платон мне друг, но истина дороже!») она очень ясно, четко, контрастно видела и оценивала коллег, бескомпромиссно взвешивала их личностные и научные качества. Дутые фигуры в науке ее, понятным образом, не любили и побаивались, поскольку она в толпе по разным основаниям молчащих могла, подобно андерсоновскому мальчику громко воскликнуть, что король то – голый.

Перед последним учебным годом (последним в ее жизни) она настояла – как всегда решительно и твердо – чтобы ее учебная нагрузка была полностью отодвинута на второй (весенний) семестру, поскольку она должна срочно закончить свою книгу о последних (ее группы, ее научной школы) исследованиях самооценки и уровня притязаний... Она умерла одна в своей квартире, видимо, скоропостижно. На столе осталась законченная, готовая к печати рукопись книги... Завещание так и не обнаружено. Родственников – тоже. Смерть на кафедре. Жизнь, отданная до конца Университету...

В нынешнем мире навязчивой регламентации всей научной и учебной деятельности с бесконечными поквартальными рейтингами, обязательствами, «дорожными картами», коэффициентами и другими количественными показателями как оценить, на каких весах взвесить такую жизнь? И что важнее для судьбы и славы Московского Университета – погоня за очередным показателем или пример подобного Служения? Оставим эти вопросы для читателя риторическими.

Заведующий кафедрой общей психологии
факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор Б.С. Братусь

Концепция личности и характера, основанная на теории деятельности А.Н. Леонтьева

Л.В. Бороздина | МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 8 июня 2015/ Принята к публикации: 20 июня 2015

The concept of personality and character based on the activity theory of A. Leontiev

Lidia V. Borozdina | Lomonosov Moscow State University, Russia

Received: June 8, 2015 / Accepted for publication: June 17, 2015

Цель статьи – представление концепции личности и характера, построенной на основе теории деятельности А.Н. Леонтьева. Во вступительной части работы приведена краткая история характерологии, анализ которой обнаруживает очевидную неопределенность в понимании предметов психологии характера и личности, их прямое (характер) или косвенное (личность) сведение к психической индивидуальности субъекта. Однако конкретное наполнение этой индивидуальности оказывается настолько широким и разнообразным, что характерология начинает терять свои ясные очертания, личность же не находит сколько-нибудь общепринятого определения. С позиции излагаемой концепции личность рассматривается как структура жизненных смыслов, характер – в качестве инструментального уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы индивидуума и реализующего их в человеческих поступках. Показана неидентичность двух исследуемых образований, их различия по назначению в человеческой психике, содержанию, единицам строения, общей конструкции и генезису. На материале этнической психологии даны примеры реализации единого для разных народов смыслового образования с помощью неодинаковых характерологических приемов, и напротив, обслуживание одним поступком или их стереотипом нескольких смысловых образований. В заключение обсуждаются вопросы соотношения личности и характера, а также источник их формирования.

Ключевые слова: личность, характер, личностный смысл, жизненный смысл, смысловое образование, поступок, этническая психология.

The aim of the article is to introduce the concept of personality and character which is based on the activity theory approach by A.N. Leontiev. The introductory part of the work gives a short history of characterology whose analysis reveals apparent uncertainty in understanding the subject matters of character psychology and personality psychology. They are directly (character) or indirectly (personality) confined to a person's psychic individuality. However, the specific content of this individuality appears to be so broad and various that characterology starts losing its clear contours while personality does not find any generally accepted definition. In the framework of the developed concept, personality is regarded as a structure of life meanings while character is seen as an instrumental level which accepts life meanings for performance and implements them in human actions. Nonidentity of the two studied formations is shown: they are different in terms of content, function in human psychics, units of structure, general construction and genesis. Some examples are given based on the data of ethnic psychology. They show how a sense formation which is the same for different nations is realized through unequal characterological techniques. On the other hand, a few sense formations can be expressed by a single action or stereotype. In conclusion problems of correlation between personality and character and the source of their generation are discussed.

Key words: personality, character, personalized meaning, life meaning, sense formation, action, ethnic psychology.

Краткий очерк истории характерологии

Понятие «характер», как не однажды упоминалось, впервые появляется в языке древних греков (Roback, 1928; Стратоновский, 1974; Бороздина, 1997, 2004, 2012), образуясь от глагола «*χαρασσω*», передающего обширный комплекс ремесленных действий. Одним из значений слова становится «отгиск, штамп, метка». В этом качестве концепт довольно рано начал применяться к человеку, у которого уникальной меткой, отличающей его от других людей, выступало лицо. Так, об этом писал Геродот еще в V в. до н.э. (Бороздина, 1997). Позднее понятие обозначает уже не только соматические, но и психические свойства индивида, его мысли, слог, манеру устной или письменной речи. Таким образом, термин наделяется общим смыслом индивидуальных особенностей, различий и в целом — индивидуальности субъекта.

Ясно, что подобная интерпретация делает представление о характере чрезвычайно широким. Аристотель сужает такое воззрение (Аристотель, 1984). Пользуясь не ремесленным «характер», а, по примеру своего учителя Платона, словом «этос» («*ἦθος*») — устойчивый нрав, он рассматривает его как констелляцию черт, возникшую прижизненно, созданную привычным способом действий человека и презентующую субъекта со стороны морали. Последняя задает специфику поведения индивида, с помощью которой этос может быть описан и распознан. Ученик Аристотеля Феофраст (Феофраст, 1974; Фрейденберг, 1941; Стратоновский, 1974) последовательно реализует наметенный Стагиритом путь психогностики. В книге о характерах Феофраст впервые вводит в научный лексикон ремесленный термин в его исходном значении и, озаглавливая труд «*Ἠθικὰ χαρακτήρες*» — буквально «*Этические характеры*», т.е. «*Поведенческие стереотипы, штампы, шаблоны*» (Аверинцев, 1971; Лосев, 1975; Ярошевский, 1976; Бороздина, 1997). Автор приводит в ней целую галерею различных стилистических клише, выделяя их по доминирующей черте: лести, тще-

славию, трусости (30 этюдов), и показывая, как данное свойство выражается в манере поведения, ибо каждому качеству релевантен свой стандарт поступков¹. Феофраст изображает типовые характеры. Его ученик, известный античный комедиограф Менандр, применяя прием Феофраста, рисует уже индивидуальные нравы.

Новый всплеск интереса к анализу характера возникает в XVI в., когда рукописи Феофраста попадают в Западную Европу и печатаются на греческом и латинском языках. В XVII столетии сначала в Англии (Hall, 1969), потом во Франции у моралистов (Лабрюйер, 2011) появляются подражания Феофрасту (Бороздина, 1997). Наряду с увлечением феноменологией характера ставится проблема его истоков и генезиса, далее интенсивно обсуждаемая французскими материалистами: Д. Дидро, К.А. Гельвецием и др. (Бороздина, 1997), чей вывод гласил: характер человека есть продукт обстоятельств его жизни, производное влияний среды. Это мнение удерживается и в XIX в.

В итоге почти двух с половиной тысячелетней истории изучения человеческого нрава складывается странная ситуация. Прежде всего, не происходит какого-либо продвижения в понимании предмета психологии характера. У Аристотеля главным был вопрос о том, что такое характер, и он отвечает на него, выделяя из всей индивидуальности этос как моральную персону субъекта. В интервале между XVI и XIX вв. определение характера большей частью вообще не да-

значительной доли своей свободы самозидания, а у Р. Оуэна (1865) теряет ее полностью, поскольку индивид мыслится в принципе не способным творить себя, оказываясь «пассивной смесью» в руках предшествующих поколений.

Вместе с тем, к середине XIX-началу XX в. исследование характера становится модным. Предлагается даже учредить особую науку о нем — этологию (Милль, 1914), отделив ее от общей психологии. Позднее нечто подобное осуществляется усилиями, главным образом, русского психиатра А.Ф. Лазурского, стремившегося построить характерологию в форме индивидуальной психологии (Лазурский, 1908). Предмет этой науки — полный психический облик субъекта; метод — эмпирический и экспериментальный, насколько, по словам автора, это возможно в психологии личности, а цель — анализ человеческой разновидности для построения типологии.

На переломе XIX и XX столетий возникают три специальных подхода к изучению характера: конституциональный (Э. Кречмер, У. Шелдон), психоаналитический (З. Фрейд и другие), идеологический (Э. Шпрангер, А. Робэк). В рамках этих подходов толкование характера остается прежним — как психической индивидуальности. В конституциональном подходе делается попытка уточнить представления об истоках характера и возможности его диагностики по соматическому типу. В психоаналитическом — присутствует вопрос о специфических детерминантах характера и дается соб-

В большинстве стран мира тема характера утратила свой автономный статус, а соответствующая категория стала либо прямо отождествляться с термином «личность», что делалось чаще всего, либо считаться анахронизмом, исключая ее употребление в качестве психоаналитического клише — «анализ характера», «черта характера».

ется, а трактовка предмета расширяется до полной психической индивидуальности. Признается, что характер созидаем — с ним не рождаются, он становится. Но, если у Аристотеля человек и был самозидателем, то у французских материалистов характер образуют жизненные условия, в результате чего субъект лишается

своя разработка его развития в виде последовательного прохождения индивидом психосексуальных стадий. В идеологическом — поднимается проблема действия духовных ценностей на образование характера.

В зарубежной психологии, начиная с Г. Олпорта (Allport, 1937), категория «харак-

¹ Традиционная дофилософская этика Греции сводилась к набору поведенческих предписаний для мужчин и женщин, взрослых и юношей, знатных и простолюдинов. Этот свод регламентировал поведение на войне и в мирной жизни, в общении со старшими, младшими, иностранцами и т.д. (Стратоновский, 1974).

тер» постепенно изымается из научного языка как не имеющая самостоятельного содержания. Согласно Г. Олпорту, наибольшим завоеванием психологии XX в. служит открытие личности, а ее наиважнейший атрибут – индивидуальность. Характер же – это личность в ее оценке, личность – это некий «сырой» характер, вне оценки. По замечанию немецких авторов (Arnold, 1972), американцы произвели замену понятия «характер» на «личность», никак не меняя его смы-

ляющие. Одна из них – направленность, существующая в виде отношения субъекта к длинному ряду различных объектов, первоначально составленному А.Ф. Лазурским в соавторстве с философом С.Ф. Франком (Лазурский, 1912) и наиболее точно, хотя и усеченно, воспроизводимому впоследствии Б.Г. Ананьевым (Ананьев, 1947). Это отношение к обществу, общественным идеям, труду, природе, людям, к себе и т.д. Другой составляющей служит способ действия индивида,

характер, в отличие от темперамента и прочих наследственно обусловленных свойств (Фульье, 1896). Другие исследователи полностью отрицают какое-либо действие сознания на построение человеческого нрава, целиком помещая его в область бессознательного (Рибо, 1886). Представители английской школы закладывают в основу этоса чувства и пытаются конструировать весь характер из них (Shand, 1914). В Германии характер приравнивают к воле, во Франции он создается из различных стремлений (Полан, 1986), строится по законам ассоциаций (Малапер, 1913) или с использованием трех «элементов характера»: «ум, чувства, воля» (Бэн 1866) и т.п. В результате возникает такая разногласица суждений о непосредственном наполнении человеческого нрава как индивидуального психического склада, что он начинает терять четкие контуры.

Что касается второго, уже упоминавшегося факта, – сведения характера к психической индивидуальности, то здесь мы сталкиваемся с прямым редукционизмом, когда одно явление переносится на другое и, если следовать такой логике, неизбежно проступает странная последовательность: характер = личность = индивидуальность. Не требуется особой пронизательности для выделения главной части ряда – это его последний компонент. Ни характер, ни личность при подобной интерпретации не имеют собственного значения без индивидуальности, потому что она и составляет их суть. Но это грубое искажение действительности. Людской нрав действительно обладает качеством уникальности, но он не есть сама уникальность, поэтому редукция характера, а далее личности к психической индивидуальности человека – это не более чем подчеркивание широко известного их разнообразия и единичной неповторимости. Однако дело в том, что свойство индивидуальной вариативности касается не только полной психической структуры субъекта, но и ее отдельных компонентов – от элементарной сенсорики до выбора жизненных ценностей. Это непреложный факт, объективно фиксируемый, например, при измерении порогов чувствительности. Индивидуальное своеобразие – качество номотетическое, закономерность

Обращение к истории характерологии вскрывает два существенных факта. Прежде всего, крайнюю неопределенность трактовки предмета изучения, несмотря на монотонную апелляцию к психической индивидуальности. Вопрос разногласий – конкретное наполнение этой индивидуальности

сла. В результате этого в большинстве стран мира тема характера утратила свой автономный статус, а соответствующая категория стала либо прямо отождествляться с термином «личность», что делалось чаще всего, либо считаться анахронизмом, исключая ее употребление в качестве психоаналитического клише – «анализ характера», «черта характера».

К сожалению, характер весьма рано начали идентифицировать с личностью – примерно с XVIII в., что в последующие два столетия становится повсеместным: в США – М. Селигман (Seligman, 2002) и др.; в Англии – Р. Оуэн (Оуэн, 1865), Г. Модсли (Модсли, 1871), А. Бэн (Бэн,

обычно заменяемый на волю (Ковалев, 1957; Левитов, 1969). Такое представление, сформированное в первой половине XX в., еще удерживается в отдельных текстах, но не является сколько-нибудь серьезно востребованным.

Обращение к истории характерологии вскрывает два существенных факта. Прежде всего, крайнюю неопределенность трактовки предмета изучения, несмотря на монотонную апелляцию к психической индивидуальности. Вопрос разногласий – конкретное наполнение этой индивидуальности. Аристотель не вводил в этос ум, ибо он врожден человеку, за него не порицают и не хвалят,

Людской нрав действительно обладает качеством уникальности, но он не есть сама уникальность, поэтому редукция характера, а далее личности к психической индивидуальности человека – это не более чем подчеркивание широко известного их разнообразия и единичной неповторимости

866) и др.; во Франции – Т. Рибо (Рибо, 1886), Ф. Полан (Полан, 1896), Л. Корман (Corman, 1932) и др. В Германии при образовании в конце второй половины XIX в., т.е. практически на рубеже веков, «немецкой характерологии» это словосочетание означало специальное направление философского толка, посвященное изучению человеческой личности.

В отечественной психологии наличествуют так называемые широкая и более узкая интерпретации характера. Первая сводит его к индивидуальному психическому складу (Левитов, 1969), согласно второй – характер содержит две состав-

а также аффективные процессы, вследствие которых субъект утрачивает контроль над собой. Но практически уже в одно с ним время (384-322 г. до н.э.) Феофраст включает в сборник скетчей о нравах, датируемый приблизительно 318-317 г. до н.э., описание недостатка ума, как одну из черт, детерминирующих определенный тип характера (Феофраст, 1974). Позднее одни авторы рассматривают не только мышление, но и сознание в качестве наиважнейшего фактора образования характера, переменной, чье влияние именуется «личным воздействием», благодаря которому и формируется собственно

общего действия, оно не подходит для выражения сущности феноменов характера или личности столь же интериндивидуальных, как и составляющие их психические функции и процессы. Поэтому указанное свойство, пронизывающее всю психику, как и телесность, не в состоянии быть сколько-нибудь строго выделенным предметом ни характерологии, ни науки о личности. Здесь необходимо ясное понимание содержания названных феноменов, их места и назначения в человеческой психике.

О предмете психологии личности и характера

В отечественной психологии с конца 70-х гг. XX в. все более упрочивается воззрение на личность как на структуру мотивационно-смысловых образований, или структуру личностных смыслов (Асмолов, 1979). При всей продуктивности вводимого и разрабатываемого подхода, определение личности кажется слишком широким, ибо заимствованное из теории деятельности понятие «личностный смысл» в авторской редакции составляет «значение для себя» (Леонтьев, 1975, С. 145). В действительности личность человека – это структура не просто личностных, а «жизненных смыслов» (Бороздина, 1989, 2002, 2004, 2012), т.е. таких, которые не только значимы для индивидуума, но которые детерминируют, программируют и реально строят его линию жизни. Комплекс жизненных смыслов несет в себе то, ради чего существует данный субъект, на что он тратит свою жизнь, что включает ее центральное содержание.

Единицей анализа личности, т.е. анализа на данном уровне человеческой психики, служит единичный смысл, все они образуют иерархическую конструкцию, где жизненные смыслы занимают наиболее высокие позиции, дифференцируясь по степени накала этого «значения для себя». Изложенное представление не подразумевает, однако, какого-то аксиологического подтекста, привносимого по критерию социальной валентности отдельных смыслов, в результате чего один индивид наделяется личностью, а другой – нет. Личность есть у каждого человека, не исключая делинквентов, во-

прос в том, чем она наполнена, какое непосредственное содержание имеют, главным образом, жизненные смыслы.

Сеансы клинического интервью с испытуемыми в возрасте от 10 до 90 лет показывают, что, в отличие от просто личностных, жизненные смыслы относительно немногочисленны, но отнюдь не единичны. Уже в ранней взрослости они достаточно осознаны людьми, хотя часть смысловой структуры может оставаться в латентном состоянии. Назван-

На уровне личности постулируется иерархия смыслов, в слое характера логично предположить центризм. Если весь репертуар поступков субъекта расположить на концентрических окружностях, находящихся в большей или меньшей близости к центру в зависимости от частоты использования, то характер будет складываться из тех действий, которые чаще всего применяются, становясь привычкой, второй натурой человека

ные смыслы способны перестраиваться в ходе жизни, меняя место в иерархии. Последнее с очевидностью обнаруживается в геронтогенезе, когда смысл продления собственного существования, самосохранения приобретает для субъекта чрезвычайную значимость, продуцируя соответствующий мотив и деятельность по самообереганию, самоподдержанию, самоукреплению, когда обследуемые начинают приписывать наивысшую ценность жизни как таковой, чего нет или почти нет у молодых взрослых (Бороздина, 2001). Итак, личность – это часть человеческой психики, представляющая мотивационно-смысловую структуру субъекта и, прежде всего, его жизненные смыслы.

Разумеется, любой единичный смысл можно реализовать по-разному. Способ их воплощения презентует иной слой психики человека – его характер в качестве уровня, принимающего к исполнению жизненные смыслы, поэтому для него релевантен вопрос: не «что, ради чего?», а «как, каким образом?» Единицей анализа на уровне характера служит поступок. В теории деятельности А.Н. Леонтьева, на которой базируется концепция, развиваемая автором, такого элемента нет, и А.Н. Леонтьев нечасто пользуется им в текстах. В предлагаемой концепции под поступком понимается вид действия, обеспечивающего локомоцию индивидуума в особой области его жизненного пространства – области субъект-субъектных отношений. Объектом здесь высту-

пает не предмет, а иное лицо. Поступок – это действие, в котором человек обращается к другому или с другим, либо действие, адресованное другому и способное иметь социальный резонанс. Кристаллизация системы поступков, их организация в устойчивую поведенческую схему, обретение индивидуального стандарта таких актов и являет собой отработку характера. Это поведенческий шаблон, стилистическая особенность, представляющая стабильный, свойственный кон-

кретному человеку модус деяний.

Принцип строения здесь отличен от предыдущего. На уровне личности постулируется иерархия смыслов, в слое характера логично предположить центризм. Если весь репертуар поступков субъекта расположить на концентрических окружностях, находящихся в большей или меньшей близости к центру в зависимости от частоты использования, то характер будет складываться из тех действий, которые чаще всего применяются, становясь привычкой, второй натурой человека. Поэтому шаблон поступков войдет в ближний сектор центра, занимая примыкающие к нему окружности. В слое характера первостепенна не высота, т.е. амплитуда индивидуальной значимости жизненного смысла, как в личности, а привычность, доступность того или иного акта в форме техники исполнения. Это образование, имеющее статус устойчивого гештальта приемов, позволяющее субъекту осуществлять свою жизненную линию, не задумываясь, в силу автоматизации привычки о том, как это делать (Adler, 1927).

Нетождественность личности и характера

Два образования человеческой психики – личность и характер явно не идентичны и являются таковыми, прежде всего, по определению мотивов и целей в

теории деятельности А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975), на которой базируется вся система приведенных положений. Сопровождаясь смыслами, мотивы порождают деятельность, цели – действия. Личность – это ценностно-смысловая структура субъекта, характер – целевая структура, слой создания или выбора целей человеком. Как видим, по своему содержанию и функции рассматриваемые образования различны, что в контексте настоящего обсуждения достаточно аксиоматично. Однако это различие прямо подкрепляется фактическим материалом, при использовании приема, с помощью которого А.Н. Леонтьев разводил феномены действия и деятельности. Он пишет: «Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую, обнаруживая таким образом свою относительную самостоятельность... Очевидно и обратное, а именно, что один и тот же мотив может конкретизоваться в разных целях и соответственно породить разные действия» (Леонтьев, 1975, С. 105).

В свете приведенных рассуждений необходимо проанализировать отдельные жизненные примеры, а также, и главное, данные этнической психологии.

Что касается первых, то поступок, вроде острого спора одного человека с другим или другими, способен служить реализацией смысла защиты себя, своего достоинства, семьи, близких, имущества и т.п. Словом, всего того, что в языке У. Джемса входит в понятие «мое» или «Я» (эмпирическое), т.е., применительно к данному контексту, в смысловую структуру «Я» (Джемс, 1991). Однако аналогичным поступком – участием в ожесточенной полемике человек способен отстаивать справедливость, как часть смыслового содержания его личной нравственности, даже если справедливость нарушается по отношению не к нему, а к иному лицу или лицам. Это отстаивание принципов субъектом как моральной персоной. Итак, один и тот же поступок может воплощать разные смыслы индивидуума, а один и тот же смысл, например, свободолобия, осуществляться за счет нетождественных действий, что наблюдается в различных культурах.

Столь значимый жизненный смысл, как любовь и стремление к свободе, типичный для многих народов мира, всегда входил незыблемой ценностью в интегральную личность древних греков. В своем воплощении свободолобие получило совершенно определенное отражение в каноне полисной морали, т.е. в требованиях к гражданину города-государства, первыми из которых были храбрость, стойкость, отвага. Особенно ярко это проявилось в античной Спарте, где наиболее почитаемыми считались сила духа (наряду с физической), бесстрашие, доблесть, готовность человека защитить независимость своего полиса и собственную свободу, не щадя жизни (Боннар, 1958; Бороздина, 1997).

В смысловой структуре представителей современной Греции, вопреки осознанию того, что они не в состоянии возродить лучезарную «Великую Грецию», вопреки их «комплексу неполноценности» даже по отношению к византийским грекам, свободолобие служит одним из высокоценных смысловых образований нации и отдельных людей. По описанию И.В. Зиньковской, греки «смогли пройти через 400-летнее турецкое завоевание² – одно из самых жестоких в истории, сохранив практически в неприкосновенности самосознание, религию, обычаи и язык. «Мимо них прошла эпоха Возрождения, их не коснулись научные открытия Просвещения, социальные и промышленные революции и многое другое» (Зиньковская, 2005, С. 83). Греки были, по выражению автора, выброшены в современность примерно 150 лет назад и с тех пор стараются догнать Запад. Переход оказался болезненным, ибо народ живет в стране, потерявшей более трех четвертей территории и постоянно находящейся на грани банкротства. Но тот факт, что за 400 лет турецкого владычества греческий этнос не утратил национального самосознания, культуры, религии, обычаев и языка, является серьезнейшим доводом в пользу неприятия греками положения подчинения и их стойкого стремления к независимости. На уровне реализации этой смысловой структуры можно видеть ее полное и прямое воплощение. «Обнаруживая чрезвычайную страсть

к свободе выбора, греки совершенно не восприимчивы к пониманию слов: “дисциплина”, “координация” или “система”» (Там же, С. 84). Но дело здесь, разумеется, не в перцептивных или когнитивных трудностях, а в полном отказе от условных ограничений, от той или иной регламентации жизни и деятельности: «свободный человек должен жить свободно!» По словам Зиньковской, «греки путают хорошие манеры и подобострастное повиновение, которое они были вынуждены усвоить, чтобы выжить под турецким игмом» (Зиньковская, 2005, С. 85). Вследствие этого они убеждены, что проявление вежливости как некой цивилизованной формы предупредительного угодничества подобает рабу, но не свободному человеку. В результате стиль поведения греков отличается неприятием конвенциональных норм, тяготением к свободе без искусственных, в их понимании, ограничений и включает в себя элементы необязательности в межличностных контактах. Нельзя сказать, что современные греки не знают и не признают своих недостатков, они вполне критичны, но готовы моментально «поставить на место» любого, особенно иностранца, который нелепно отзовется о Греции или усомнится в том, что «греки – соль земли» (Там же, С. 83).

Англичанам также в полной мере присущи независимость и ощущение себя свободной нацией (Зиньковская, 2005), впервые отвергнувшей диктат Ватикана и вообще католицизма, впервые ограничившей абсолютную власть монарха, а помимо того – нацией, не столько входящей в народонаселение планеты, сколько стоящей над ним, потому что в своей истории Великобритания имела длительный период существования в виде крупной колониальной империи, владевшей огромными территориями вне метрополии. Современный англичанин сознает себя свободным в свободной стране и крепко держится за свою свободу. Его пристрастие к домашнему очагу служит символом личной независимости. Но, если обратиться к тому, как поведенчески осуществляется это свободолобие, то мы видим высокомерие британцев и отстраненность, отражающую их самодостаточность (Зиньковская, 2005; Ле-

² С XV в. Греция находилась под властью Турции. Благодаря Греческой революции 1821-1829 гг. и поражению Турции в войне с Россией 1828-1829 гг. с 1830 г. Греция обрела независимость.

бон, 2011), а также особое внимание англичан к неукоснительному соблюдению их гражданских прав, оберегание последних от любого посягательства со стороны государства, каких-либо организаций внутри него или частных лиц.

Таким образом, в первом из анализируемых случаев (древние греки) свободолюбие воплощается в храбрости, бесстрашии, доблести, а во втором (современные греки) – в поведенческой раскованности, не редко в бестактности и быстром соскальзывании в вербальную агрессию; в третьем (англичане) – в надменности, замкнутости и своеобразной «прикованности» людей к своим гражданским правам (Зиньковская, 2005).

Можно видеть, что один и тот же жизненный смысл, т.е. единый элемент личности, имеет неодинаковую характерологическую конкретизацию в разных этносах.

Конечно, специальные исторические и этнические условия и, помимо этого, частное толкование обсуждаемого смысла, будучи небезразличными для его реализации, отчасти и продуцируют отмеченные дифференциальные особенности. Древним грекам надо было защищать свои государства, поэтому формировался, в основном, характер воина. Современные греки, обретя свободу, переполнены желанием пользоваться ею в полной мере. Англичане, испытывая гордость за державу, рано получившую и длительно удерживающую свой суверенитет, зорко следят за соблюдением собственных гражданских прав как гарантии личной независимости. Но, какие бы оттенки значения ни принимало свободолюбие при трех описанных обстоятельствах, ядерным, корневым в этом, безусловно, жизненном смысле для народа каждой страны остается одно: свобода и независимость, что и подлежит осуществлению, сопровождающемуся характерологической вариацией, следующей за частной смысловой задачей (защита территории и проч.) или не только за ней.

Приведенные примеры были призваны показать, что один и тот же жизненный смысл может воплощаться с помощью разных акций на уровне характера, т.е. разных поступков, формирующих черты. Но действительно и обратное:

один и тот же поступок способен «служить» нескольким смысловым образованиям. Храбрость, бесстрашие древних греков реализует не только смысл свободолюбия, но и любовь к Родине, сверщенный смысл патриотизма. Деяния людей, свидетельствующие об их неустрашимости, доблести, героизме, прямо

Один и тот же жизненный смысл может воплощаться с помощью разных акций на уровне характера, т.е. разных поступков, формирующих черты. Но действительно и обратное: один и тот же поступок способен «служить» нескольким смысловым образованиям

касаются смысла «Я» субъекта, резко поднимая потенциал его самовосприятия и создавая отношение человека к себе как к персоне, окруженной ореолом славы. А это, в свою очередь, делает индивида не только само-, но и социально ценным, что в небольшом по размеру городе-государстве, которым был полис, обеспечивало субъекту определенный статус, который непосредственно задавал смысл общественной или профессиональной деятельности.

Расхожее мнение о возможности сочетания хорошей личности с плохим характером – всего лишь иллюзия: высокие смыслы не реализуются в низких поступках и наоборот. Однако в жизни мы иногда видим более или менее заметное несоответствие обсуждаемых конструктов

Подобные примеры несложно продолжить, но важно то, что одинаковый смысл или структура имеют разное характерологическое выражение в стереотипе поступков, а один и тот же поступок обслуживает ряд смысловых структур, т.е. комплекс элементов личности.

Соотношение личности и характера. Источник их формирования

По своему назначению и функции в психике человека личность и характер представляют собой достаточно самостоятельные конструкты. Но все же ведущим в известной мере оказывается уровень личности, ибо конкретный смысл с его частным толкованием несомненно задает вектор поиска средств реализации, подбор способов воплощения в жизнь данной смысловой единицы или структур.

Очевидно, что обсуждаемые образования не идентичны, но они и не разведены. Напротив, оба уровня связаны: поступок как любое действие всегда имеет цель, которая есть производное смыслов. Такое понимание не означает, тем не менее, что мотив разбивается на цели, подобные его более мелким фрагментам. Определен-

ный смысл, рождающий мотив, или мотив, сопровождающийся определенным смыслом, вызывает процесс либо целеобразования, целепостроения, т.е. создания цели, либо ее выбора, если она присутствует в поле альтернатив.

Источник формирования личности и характера один: смыслы существования человек черпает в мире людей, там же он находит и способы их исполнения. Ни с личностью, ни с характером индивид не рождается, то и другое он выбирает

и усваивает в культуре социума. Но сказанное не предполагает параллельности генезиса обоих образований. Напротив, в процессе развития между ними возможны смещения. Какие-то формы поступков ребенок усваивает раньше пробуждения способности осознать и присвоить их значение. На протяжении жизненного цикла человека вероятны периоды более интенсивного построения личности или характера.

Расхожее мнение о возможности сочетания хорошей личности с плохим характером – всего лишь иллюзия: высокие смыслы не реализуются в низких поступках и наоборот. Однако в жизни мы иногда видим более или менее заметное несоответствие обсуждаемых конструктов. Чем оно порождается? Чаще всего установкой «казаться, а не быть», когда человек создает внешний, социально одобряемый рисунок поведения и лишь в экстремальной ситуации обнаруживает свое «истинное лицо», открывая личность

Отождествление понятий «личность» и «характер» неправомерно, поскольку это неодинаковые компоненты человеческой психики, различающиеся по месту и назначению в ней, по своему содержанию, единицам анализа, строению и генезису

и/или характер. Помимо этого, отклонения первой в лучшую сторону по сравнению со вторым нередко являются результатом недостатка средств исполнения (плохо сформированных или неадекватных смыслов). Следующая причина может крыться во влиянии темперамента на характер: эмоционально неустойчивый, импульсивный человек оказывается не в состоянии последовательно выдерживать линию поведения, соответствующую его смыслу. Важны и качества интеллекта. Последний не входит в характер, как учил Аристотель, но, по его же мнению, решение о поступках принимается при прямом, непосредственном интеллектуальном участии, и это – фактор, способный тормозить не только воплощение, но и возникновение смыслов.

Уместно внести уточнение о том, как соотносятся известные психические функции человека с двумя рассматриваемыми образованиями. Если к личности предъявляется вопрос «что, ради чего?», к характеру – «как?», то к прочим функциям – «чем?» Их сумму Л. Клягес (Klages, 1910) называл материалом характера, комплексом естественных дарований, прирожденным капиталом. Последний, несомненно, обладает разной мощностью и его воздействие на оба конструкта трудно переоценить. У субъекта, избравшего музыкальную карьеру, но не избавленного от ограничений звуковысотного слуха, рушится смысл стать серьезным профессионалом. У амбициозного человека, стремящегося к самовозвышению, но обделен-

ного достаточной силой интеллекта, из-за неоптимальной стратегии срывается исполнение многих замыслов, возникает конфликт с социальным окружением, развивается тревожность, агрессивность, фрустрированность, что мы воочию наблюдаем при так называемой «триаде риска» (Бороздина, 2011).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что отождествление понятий «личность» и «характер» неправомерно, поскольку это неодинаковые компоненты человеческой психики, различающиеся по месту и назначению в ней, по своему содержанию, единицам анализа, строению и генезису. Исключение характера из сферы исследования делает общую структуру психики человека неполной, а идентификация личности с психической индивидуальностью столь же бесперспективна, как и ее идентификация с характером, в чем убеждает 2,5-тысячелетняя история изучения характера в указанной интерпретации.

Литература:

- Аверинцев С.С. «Греческая» литература и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира / отв. ред. П.А. Гринцер. – Москва : Наука, 1971. – С. 206-266.
- Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII-XIX веков / Б.Г. Ананьев. – Ленинград : Госполитиздат, 1947.
- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. IV. – Москва : Наука, 1984. – С. 73-127.
- Асмолов А.Г. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности / А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник и др. // Вопросы психологии. – 1979. – № 4. – С. 35-46.
- Боннар А. Греческая цивилизация / А. Боннар. – Москва : Иностранная литература, 1958.
- Бороздина Л.В. Личность и характер / Л.В. Бороздина // «Активизация личности в системе общественных отношений» : тезисы докл. VII Всесоюз. съезда Общества психологов СССР. Москва, август 1988. – Москва, 1989. – С. 57-59.
- Бороздина Л.В. Психология характера / Л.В. Бороздина. – Москва : Изд-во МГУ, 1997.
- Бороздина Л.В. Различие личности и характера / Л.В. Бороздина // Ежегодник РПО «Психология и ее приложения». – 2002. – Т. IX. – Вып. 2. – С. 222-225.
- Бороздина Л.В. О предмете психологии характера и личности : учеб. пособие / Л.В. Бороздина. – Москва : Проект-Ф, 2004.
- Бороздина Л.В. Уровень притязаний: классические и современные исследования / Л.В. Бороздина. – Москва : Акрополь, 2011.
- Бороздина Л.В. Проблема характера в психологии / Л.В. Бороздина // Вопросы психологии. – 2012. – № 1. – С. 36-43.
- Бороздина Л.В. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Л.В. Бороздина, О.Н. Молчанова. – Москва : Проект-Ф, 2001.
- Бэн А. Об изучении характера / А. Бэн. – Санкт-Петербург : Изд-е Заленского и Любарского, 1866.
- Джемс У. Психология / У. Джемс. – Москва : Педагогика, 1991.
- Зиньковская И.В. Этническая психология / Зиньковская. – Воронеж : Истоки, 2005.
- Ковалев А.Г. Характер / А.Г. Ковалев, В.Н. Мясичев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1957.
- Лабрюйер Ж. Характеры / Ж. Лабрюйер. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011
- Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах / А.Ф. Лазурский. – Санкт-Петербург : Изд-во К.Л. Риккера, 1908.
- Лазурский А.Ф. Программа исследования личности в ее отношении к среде / А.Ф. Лазурский, С.Ф. Франк // Русская школа. – 1912. – Кн. 1. – С. 1-24.
- Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Москва : Академический проект, 2011. – 238 с.
- Левитов Н.Д. Психология характера / Н.Д. Левитов. – Москва : Педагогика, 1969.

- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1975.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 8 томах Т. 4 / А.Ф. Лосев. – Москва : Наука, 1975.
- Малапер П. Элементы характера и законы их сочетаний / П. Малапер. – Москва : Кн. изд-во К.И. Тихомирова, 1913.
- Милль Дж.Ст. Система логики / Дж.С. Милль. – Москва : Изд. Г.А. Лемана, 1914.
- Модсли Г. Физиология и патология души / Г. Модсли. – Санкт-Петербург : Изд. О. Бакста, 1865.
- Оуэн Р. Образование человеческого характера / Р. Оуэн. – Санкт-Петербург : Изд. Н.И. Билибина, 1865.
- Полан Ф. Психология характера / Ф. Полан. – Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1896.
- Рибо Т. Болезни личности / Т. Рибо. – Санкт-Петербург : А.Е. Рябченко, ценз., 1886.
- Стратоновский Г.А. Феофраст и его «характеры» / Г.А. Стратоновский. – Ленинград : Наука, 1974.
- Феофраст. Характеры / Феофраст. – Ленинград : Наука, 1974.
- Фрейденберг О.М. «Характеры» Феофраста / О.М. Фрейденберг // Ученые зап. ЛГУ, Сер. Филол. науки. – 1941. – № 63. – Вып. 7. – С. 129-164.
- Фульье А. Темперамент и характер / А. Фульье. – Москва : Изд-е магазина Книжное Дело, 1896.
- Ярошевский М.Г. История психологии / М.Г. Ярошевский. – Москва : Мысль, 1976.
- Adler A. The Practice and theory of individual psychology. – New York: Harcourt, Brace & World, 1927.
- Allport G. Personality: A Psychological Interpretation. – New York: Hole, 1937.
- Arnold W. Character. In: Eysenk H. (Ed.). Encyclopedia of Psychology. – London: Fontana Collins, 1972. – P. 177-180
- Corman L. Visages et caracteres. – Paris: Plon, 1932.
- Hall J. Characters of Virtues and Vices [1608]. London: Works. 1608. Ed. Philip Wynter. Volume VI. – New York: reprinted by AMS Press, 1969. – 89-125.
- Klages L. Prinzipien der Charakterkunde. – Bonn: Bouvier, 1910.
- Seligman, M.I.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. – New York: Free Press, 2002.
- Shand A.F. Foundations of character. – London: Macmillan, 1914.
- Roback A.A. Psychology of character. – London; New York: Harcourt Brace & Company, 1928.

References:

- Adler, A. (1927) The Practice and theory of individual psychology. New York, Harcourt, Brace & World.
- Allport, G. (1937) Personality: A Psychological Interpretation. New York, Hole.
- Ananiev, B.G. (1947) Essays on the history of Russian psychology of 18-19th centuries. Leningrad, Gospolitizdat.
- Aristotle (1984) Nicomachean Ethics Aristotle. Vol. 4. Moscow, Nauka, 73-127.
- Arnold, W. (1972) Character. In: Eysenk H. (Ed.). *Encyclopedia of Psychology*. London, Fontana Collins, 177-180.
- Asmolv, A.G., B.S. Bratus', & B.V. Zeigarnik et al. (1979) Some prospects in the study of meaning of the personality. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*, 4, 35-46.
- Averintsev, S.S. (1971) «Greek» literature and the Middle East «literature». Moscow, Nauka. 206-266.
- Bonnard, A. (1958) Greek civilization. Moscow, Inostrannaya Literatura.
- Borozdina, L.V. (1989) Personality and character. «Revitalization of the person in the system of social relations»: Abstracts. 7th All-Union Congress of the USSR Psychologist Society. Moscow, August 1988 [«Aktivizatsiya lichnosti v sisteme obshchestvennykh otnosheniy»: tezisy dokladov VII Vsesoyuznogo s'ezda Obshchestva psikhologov SSSR. Moskva, avgust 1988]. Moscow, 57-59.
- Borozdina, L.V. (1997) The psychology of character. Moscow, MGU.
- Borozdina, L.V. (2002) The difference between personality and character. *Yearbook RPO «Psychology and its applications» [Ezhegodnik RPO «Psikhologiya i eyo prilozheniya»]*. Vol. 2, 222-225.
- Borozdina, L.V. (2004) On the subject of the psychology of the character and personality: manual. Moscow, Proekt-F.
- Borozdina, L.V. (2011) The level of claims: classical and modern studies. Moscow, Akropol'.
- Borozdina, L.V. (2012) The problem of character in psychology. *Issues of psychology [Voprosy psikhologii]*, 1, 36-43.
- Borozdina, L.V. (2001) Self-evaluation in different age groups, from teenagers to the elderly Moscow, Proekt-F.
- Ben, A. (1866) On the study of the nature. St. Petersburg, Izdanie Zалenskogo i Lyubarskogo.
- Corman, L. Visages et caracteres. – Paris: Plon, 1932.
- Fouillée, A. (1896) Temperament and character. Moscow, Izdatel'stvo magazina Knizhnoe Delo.
- Freudenberg, O.M. (1941) «Characters» of Theophrastus. *Scientists zap. LSU, Series Philology. Science [Uchenye LGU, Seriya Filologiya nauki]*. 63, Vol. 7, 129-164.
- Hall, J. (1969) Characters of Virtues and Vices [1608]. London, Works. 1608. Ed. Philip Wynter. Volume VI. New York, reprinted by AMS Press, 89-125.
- James, W. (1991) Psychology. Moscow, Pedagogika.
- Klages, L. (1910) Prinzipien der Charakterkunde. Bonn, Bouvier.
- Kovalev, A.G. (1957) Character. Leningrad, Izdatel'stvo LGU.
- La Bruyere, J. (2011) Characters. St. Petersburg, Azbuka.
- Lazurskiy, A.F. (1908) Science Essay about the characters. St. Petersburg, Izdatel'stvo K.L. Rikkera.

- Lazurskiy, A.F. (1912) Exploration of personality in its relation to the environment. *Lazurskii, A.F., & Frank, S.F. Russian school [Russkaya shkola]*. Book 1, 1-24.
- Lebon, G. (2011) Psychology of peoples and masses. Moscow, Academicheskii Proekt, 238.
- Levitov, N.D. (1969) The psychology of the character. Moscow, Pedagogika.
- Leontiev, A.N. (1975) Activities. Consciousness. Personality. Moscow, Politizdat.
- Losev, A.F. (1975) History of ancient aesthetics. Vol. 4. Moscow, Nauka.
- Malaper, P. (1913) Character parts and the laws of their combinations. Moscow, Knizhnoe izdatel'stvo K.I. Tikhomirova.
- Mill, J.S. (1914) System of logic. Moscow, Izdatel'stvo G.A. Lemana.
- Maudslay, H. (1865) Physiology and pathology of the soul. St. Petersburg, Izdatel'stvo A. Baksta.
- Owen, R. (1865) Education of human character. St. Petersburg, Izdatel'stvo N.I. Bilibin.
- Polan, F. (1896) Psychology of character. St. Petersburg, F. Pavlenkov.
- Ribot, T. (1886) Diseases of personality. St. Petersburg, A.E. Ryabchenko.
- Roback, A.A. (1928) Psychology of character. London; New York, Harcourt Brace & Company.
- Seligman, M.I.P. (2002) Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. New York, Free Press.
- Shand, A.F. (1914) Foundations of character. London, Macmillan.
- Stratonovskiy, G.A. (1974) Theophrastus and his «characters». Leningrad, Nauka.
- Theophrastus (1974) Characters. Leningrad, Nauka.
- Veraksa, N.E., Belolutsкая, A.K., Vorobyeva, I.I., Krashennnikov, E.E., Rachkova, E.V., Shiyani, I.B., & Shiyani, O.A. (2013). Structural dialectical approach in psychology: Problems and research results. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(2), 65-77. doi: 10.11621/pir.2013.0206
- Yaroshevskiy, M.G. (1976) History of Psychology. Moscow, Mysl'.
- Zinkovskaya, I.V. (2005) Ethnic Psychology. Voronezh, Istoki.

Детерминация развития структур логического мышления сквозь призму постнеклассической парадигмы

И.Н. Погожина Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 27 мая 2015/ Принята к публикации: 20 июня 2015

Determination of logical thinking through the prism of postnonclassical paradigm.

Irina N. Pogozhina Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: May 27, 2015/ Accepted for publication: June 20, 2015#

Цель работы – анализ функционирования и развития познавательных процессов в целом, и логического мышления в частности, как открытых неравновесных саморазвивающихся систем, поведение которых определяется сложными взаимосвязями между внешними и внутренними детерминантами. Три группы факторов, описание которых должна включать в себя любая постнеклассическая детерминационная модель, обосновали ряд исследовательских задач. Среди них: изучение внутренних закономерностей функционирования и развития содержания (состава и структуры) познавательных психических процессов как целостной системы, описание ее равновесных (относительно стабильных) и неравновесных состояний; исследование взаимосвязи внешних и внутренних детерминант, динамических и статистических типов причинных связей в процессе функционирования и развития познавательных процессов в равновесных и неравновесных фазах; исследование влияния внешних детерминант и описание механизмов изменения структурной организации познавательной системы при переводе ее на новый уровень развития.

Эти задачи уточняют и усложняют традиционный взгляд на взаимосвязи обучения и развития, при котором развитие психических процессов рассматривалось как однозначно детерминированное исключительно извне (обучение) или изнутри (собственно развитие). Становится возможным детальное описание механизмов работы в так называемой «зоне ближайшего развития».

В результате теоретико-аналитической работы все три группы исследовательских задач конкретизированы в контексте развития логического мышления. Сформулирована гипотеза о том, что содержание объектов и знаний о них, задаваемое культурно-социальной средой и передаваемое обучением, может являться внешней причиной формирования и развития содержания мышления индивида (его состава и структуры) и инициировать процессы самоорганизации элементов системы логического мышления субъекта в соответствии с потенциальными возможностями ее саморазвития. Предложена процедура экспериментальной проверки эффективности работы предлагаемой детерминационной модели на материале развития операциональной системы логического мышления дошкольников.

Ключевые слова: самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, постнеклассическая модель детерминации, развитие познавательных процессов, развитие логического мышления, обучение и развитие, психология мышления.

The aim of this study is to analyse the cognitive processes functioning and development. Nevertheless, another particular goal is to analyse logical thinking functioning and development. Within this research they are analysed as the open nonequilibrium self-developing systems whose behaviour is determined by the complex inter-relationships between external and internal determinants. Three groups of factors, which should be included in any postnonclassical determination model, are represented by three groups of research objectives: 1) studying intrinsic laws of cognitive mental processes (and structure) functioning and developing as an integrated system; describing its equilibrium (relatively stable) and nonequilibrium conditions; 2) studying the interrelationship of the external and internal determinants, dynamic and statistic types of causal relationships in the cognitive operation and development processes in equilibrium and nonequilibrium phases; 3) studying the influence of the external determinants and describing the cognitive system change mechanisms during its transfer process to a new level of development. This approach clarifies and complicates the conventional perspective of the relationship between learning and development, whereas the mental processes development is deemed as exclusively determined either from outside (training) or from inside (development). Within this approach it is possible to describe in detail the working mechanisms of the so-called «zone of proximal development». As a result of theoretical analysis, all three research tasks groups are specified using logical thinking development context. A hypothesis states that the content of objects and knowledge about objects, which are determined by the cultural and social environment and which are imparted in the training process, may be the external cause of forming and developing thinking of a human individual (its composition and structure). Moreover, the content of objects and knowledge about objects may launch self-organization process of the logical thinking system elements in accordance with its potential for self-development. Design of experimental verification of the proposed determination model efficacy is described in details and theoretically justified using the development material of the preschoolers logical thinking.

Keywords: self-organization and self-developing systems, postnonclassical determination model, cognitive development, logic thinking development, training and development.

Анализ философских и теоретико-методологических работ показал, что при разработке постнеклассической модели детерминации формирования и развития познавательных структур эти структуры и их конфигурации должны рассматриваться как открытые неравновесные самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, в которых происходят процессы обмена с окружающей средой и внутренние процессы, характерные для самой системы (Зинченко, 2012; Ключко, 2013; Новая философская энциклопедия, 2010; Объективная диалектика, 1981; Пригожин, 1991; Степин, 2012). Исследование развивающейся системы, в частности, системы логических мыслительных операций, предполагает изучение как динамических, так и статистических закономерностей. При этом изучение жестких зависимостей не отрицает вероятностной детерминации, а предполагает нахождение в вероятностном поле таких взаимосвязей, при которых вероятностный характер ответа системы на определенное внешнее воздействие при соблюдении определенных условий становится необходимым.

вания и развития взаимосвязаны между собой, «...законы развития существуют и действуют не сами по себе, а лишь через законы функционирования. Поэтому нельзя понять законы развития, не изучая законов функционирования... В то же время, для более глубокого понимания законов функционирования следует рассматривать их как следствие законов развития» (Объективная диалектика, 1981, С. 230). Законы функционирования описывают динамику системы в течение определенного ограниченного временного интервала. «...Законы развития выражают основные тенденции, движущие силы, механизмы и возможные пути преобразования наличной сущности и превращения рассматриваемой системы в качественно отличную, но генетически связанную с ней» (там же, С. 250).

В сложноорганизованных системах изменения на одном уровне отношений могут характеризоваться как функционирование системы, а, включаясь в другой уровень отношений, выступать уже как элемент развития (например, онтогенез-филогенез). Поэтому, изучение сложных систем, таких как система операций ло-

низованных открытых неравновесных (диссипативных) системах и соотносится с ними. Странный аттрактор и точка бифуркации (в терминах Пригожина) в неравновесной системе – это не просто хаос элементов и переход от одного пути движения к другому, это определенное неравновесное структурное состояние системы с вероятностным спектром поведения. Состояние, в котором система готова, воспримет внешнее воздействие и сформирует на него свой ответ, повышающий, в конечном счете, ее устойчивость. Возникать при этом могут, не какие угодно структуры, а лишь определенный набор структур, который определяется природой и функциями системы.

Задача исследователя сводится к поиску внешнего малого возмущения и его «прицельного воздействия» на такие компоненты системы, которые бы запустили внутренние процессы переструктурирования в желаемом направлении. «Достаточно лишь возбудить действие внутренних тенденций и природа сама построит необходимую структуру. Нужно только знать потенциальные возможности данной природной среды и способы их стимуляции ... Человек, зная механизмы самоорганизации, может сознательно ввести в среду соответствующую флюктуацию ... и тем самым направить ее движение. Но направить ... не куда угодно, а в соответствии с потенциальными возможностями самой среды» (Пригожин, 1991, С. 57).

На основе анализа литературы мы выделили три группы факторов, описание которых должна включать в себя постнеклассическая модель детерминации развития познавательных структур:

- 1 собственные тенденции развития системы;
- 2 способы и конфигурацию воздействия на систему;
- 3 механизмы внешнего инициирования процессов самоизменения системы в желаемом направлении.

При этом исследователю, с нашей точки зрения, необходимо решить три группы задач:

- 1 исследовать внутренние закономерности функционирования и развития содержания познавательных психических процессов (их состава и структу-

Изучение сложных систем, таких как система операций логического мышления, должно включать в себя анализ того, какие детерминанты определяют ее функционирование на определенном уровне развития, а какие приводят к изменению ее строения (состава, структуры) и уровня функционирования в целом

Исследование развивающейся системы требует соотнесения понятий функционирования и развития. В процессе функционирования изменения, как правило, характеризуются обратимостью и не меняют структуру системы. А в процессе развития, наоборот, возникают необратимые изменения как самой структуры, так и параметров ее функционирования. Процессы функциониро-

гического мышления, должно включать в себя анализ того, какие детерминанты определяют ее функционирование на определенном уровне развития, а какие приводят к изменению ее строения (состава, структуры) и уровня функционирования в целом.

Данное утверждение не противоречит представлениям о детерминированности саморазвития в сложноорга-

Ирина Николаевна Погожина – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: pogozhina@mail.ru

ры), как целостной системы, описать равновесные (относительно стабильные) и неравновесные состояния такой системы;

2 исследовать динамические и статистические типы причинных связей в процессе функционирования познавательных процессов и развития их содержания как системы в равновесных и неравновесных фазах;

3 исследовать влияние внешних детерминант и описать механизмы изменения структурной организации изучаемой познавательной системы, перевода ее на новый уровень функционирования и развития.

Описывая механизмы внешнего иницирования процессов самоизменения системы познавательных структур в желаемом направлении, следует различать процессы развития и функционирования системы, как это было отмечено выше.

Развитие возможно лишь в условиях, при которых система уже находится в неравновесном состоянии. Следовательно, задача исследователя сводится к тому, чтобы найти динамическую закономерность (порождающую детерминанту), которая действует на точку бифуркации в системе и запускает процессы переструктурирования (саморазвития) и выход системы на новый уровень функционирования (сдвиг в развитии).

В процессе функционирования система относительно стабильна, поэтому воздействия на нее извне «рассеиваются» (в терминологии Пригожина). Это часто встречающаяся при обучении ситуация, когда субъекту могут даваться знания (содержание), либо он потенциально может самостоятельно их получить в процессе взаимодействия со средой, но они «не берутся», не повышают эффективности функционирования системы на том или ином этапе ее развития. Эти ситуации описываются авторами по-разному. Например, говорят о зонах актуального, ближайшего и дальнейшего развития (Выготский), неуравновешенности процессов ассимиляции и аккомодации (Пиаже) и т.п. Перед исследователем стоит задача поиска путей интеграции внешнего содержания во внутреннее у относительно стабильной системы.

Вначале необходимо вывести систему из состояния равновесия. Когда она

становится неравновесной, то в большей степени готова перестроиться под влиянием внешних воздействий. Во многих исследованиях было показано, что проблемное обучение (Давыдов, 1986; Матюшкин, 2008; Рубинштейн, 1989; Эльконин, 1989), введение познавательной структуры в более широкий контекст (Подольский, 1987; Решетова, 2002) и пр. повышают эффективность формирования познавательных действий. На наш взгляд, это объясняется тем, что создание проблемных ситуаций, включение имеющейся структурной организации мышления в систему новых связей и отношений, нарушают стабильность ее функционирования и выводят из состояния равновесия. После этого на познавательную систему можно оказывать воздействие извне тем или иным выбранным способом (например, формировать структуру познавательного действия путем задания соответствующей ориентировки). Если внешняя детерминация подобрана правильно (новое познавательное умение сформировано), система должна вновь уравновеситься. Это так на-

смотрения взаимосвязи обучения и развития, при котором развитие психических процессов рассматривается как однозначно детерминированное исключительно извне (обучение) или изнутри (собственно развитие), а также получаем возможность детально описать механизм работы в так называемой «зоне ближайшего развития» (Выготский, 1983). Становится доступным влияние на изменение содержания познавательных процессов (состава и структуры) в направлении повышения уровня их развития путем воздействия внешних детерминант (порождающая причина) на механизмы самоорганизации познавательных структур (внутренняя причина) в соответствии с потенциальными возможностями их саморазвития.

Прежде чем приступить к эмпирической проверке эффективности использования постнеклассической теоретической модели для формирования и развития тех или иных познавательных процессов субъекта, необходимо уточнить сформулированные выше три группы факторов относительно конкретно-

Изучив механизмы самоорганизации познавательных процессов, стадии (этапы) развития, мы сможем предсказать поведение системы в ответ на вычлененные в процессе теоретического анализа внешние детерминанты и проверить их влияние на изменение познавательной структуры в требуемом направлении через организацию внешних детерминационных воздействий в ходе специально организованного экспериментального обучения

зываемый отрицательный ответ на внешнее воздействие в терминах концепции Пригожина. При этом, чем более обобщенной и полной будет новая познавательная структура, тем она становится более устойчивой, тем меньше количество внешних воздействий будет выводить ее из состояния равновесия.

Изучив механизмы самоорганизации познавательных процессов, стадии (этапы) развития, мы сможем предсказать поведение системы в ответ на вычлененные в процессе теоретического анализа внешние детерминанты и проверить их влияние на изменение познавательной структуры в требуемом направлении через организацию внешних детерминационных воздействий в ходе специально организованного экспериментального обучения. Тем самым мы уточняем и усложняем традиционный ракурс рас-

го материала (предмета исследования). В качестве материала, по отношению к которому будет уточняться разработанная нами модель, выступит развитие процессов логического мышления.

Начнем с 1-ой группы задач: исследование и описание внутренних закономерностей функционирования и развития содержания (состава и структуры) познавательных психических процессов, как целостной системы, ее равновесных (относительно стабильных) и неравновесных состояний.

Наиболее полно закономерности функционирования и развития содержания познавательных структур, как целостной системы, представлены в теории интеллекта Пиаже (Пиаже, 1994). Описывая четыре стадии развития логического мышления (сенсомоторную, дооперациональную, конкретно- и формальноопе-

рациональные), он характеризует представления детей об основных сторонах окружающей действительности: объектах, взаимосвязях между ними, движении, особенностях структурирования пространственно-временных отношений, показывает, как равновесные и неравновесные состояния системы логических операций сменяют друг друга. Каждая стадия интеллектуального развития завершается уравновешиванием внутреннего содержания операциональной системы относительно внешних условий, в которых она функционирует (адаптацией) (Пиаже, 1994, 2003). Такое состояние характеризуется тем, что внешние воздействия на систему как бы проходят сквозь нее, «рассеиваются», не оказывая заметного влияния. С этой точки зрения, используемое в некоторых работах Пиаже деление процесса развития логического мышления не на четыре периода, а на три (сенсомоторный, конкретнооперациональный, включающий стадию дооперационального мышления, и формальнооперациональный) выглядит, на наш взгляд, более логичным. Постепенно в процессе функционирования равновесие между элементами системы вновь нарушается,

Особый интерес представляет описание (хоть и не всегда в явном виде) внутренней структурной организации и механизмов самоорганизации логического мышления: содержания логических операций (состава и структуры), последовательности их появления, сложных систем взаимосвязей между ними. В частности, феноменологические описания этапов развития и последовательности появления в логической системе субъекта децентрации, элементарных группировок (классификации, сериации), инвариант (понимание принципа сохранения). Эти описания, на наш взгляд, могут быть положены в основу изучения внешних детерминационных влияний на внутренние механизмы функционирования операционной системы в рамках предложенной нами теоретической модели детерминации содержания познавательных структур.

Вместе с тем, специальных эмпирических проверок наличия взаимосвязей и степени их статистической значимости между уровнями развития децентрации, логическими операциями класси-

кации, сериации и пониманием принципа сохранения не проводилось. Поэтому эмпирическое изучение внутренних закономерностей функционирования и развития познавательных структур как целостной системы на этапе перехода от дооперационального к конкретнооперациональному уровню развития логического мышления остается актуальной задачей.

2-ая группа задач при разработке детерминационной модели предполагает исследование взаимосвязи внешних и внутренних детерминант, динамических и статистических типов причинных связей в процессе функционирования и развития содержания познавательных процессов как системы в равновесных и неравновесных фазах.

В психологической литературе представлены результаты эмпирических исследований, в которых анализировались факторы, влияющие на изменение содержания познавательных структур на этапе перехода ребенка от дооперационального к конкретнооперациональному уровню развития логического мышления. Остановимся на некоторых из них.

В работах Пиаже и его коллег, направленных на изучение феномена детского эгоцентризма, было показано, что по мере взросления особенности восприятия и толкования детьми событий и явлений окружающей жизни меняются в направлении все большей дифференцированности между субъективными и объективными представлениями о мире (децентрированности). Причем, это относится к самым разным областям действительности: представлениям об объектах, субъектах и взаимосвязях между ними, о пространстве и времени, о движении (Пиаже, 1994, 2008, 2003).

В качестве внешних и внутренних причин развития децентрации исследователи указывают:

- внешние объекты и явления, социальное окружение, самостоятельное взаимодействие с объектами окружающей среды, когнитивные структуры, субстратные характеристики нервной системы (Пиаже, 1994);
- деятельность общения, отношения ребенка с другими людьми (Smedslund, 1977; Перре-Клермон, 2009);
- игровая деятельность (ролевая игра) (Эльконин, 1989);

– появление инвариант (понимание принципа сохранения) (Бурменская, 1978; Обухова, 1972).

Большой пласт исследований был посвящен изучению факторов, влияющих на процессы присвоения детьми содержания логических операций классификации, сериации и понимание ими принципа сохранения.

Некоторые авторы, рассматривая формирование конкретно-операциональных структур мышления, в определенной степени учитывали состав уже имеющихся у ребенка логических операций (Лидерс, 1978). Однако в большинстве работ структуры мышления на стадии перехода от дооперационального мышления к уровню конкретных операций исследовались вне связи друг с другом.

Наиболее интенсивно изучалось влияние различных внешних факторов на процесс возникновения у детей понимания принципа сохранения. Этот принцип рассматривался в условиях столкновения мнений нескольких детей (Перре-Клермон, 1991; Murray, 1972), путем наблюдения за действиями модели (Brainerd, 1978; Zimmerman, Rosental, 1974), исследовалась роль словесного обозначения в понимании детьми принципа сохранения количества твердого вещества (Галлатенко, 1981; Сонстрем, 1971). Освоение принципа сохранения проводилось посредством тренировки обратимости (Roll, 1970), тренировки компенсации (Larsen, 1970), обучения установлению взаимно-однозначного соотношения объектов (Baron, 1975), обучения овладением вербальными правилами решения задач Пиаже (Обухова, 1972; Overbeck, 1970; Siegler, 1972). Выполнялось обучение вычленению релевантных и нерелевантных признаков при сравнении длины и дискретных количеств объектов в трех рядах, когда в двух из них количество элементов ряда или длина рядов были одинаковыми, а в третьем ряду – один из дифференцируемых признаков отличался (Field, 1981), а также обучение пониманию принципа сохранения на основе вычленения инвариантного параметра объекта на материале сохранения объема (Sheppard, 1974). Формировались представления об инвариантности на разном материале (объ-

ем, длина, площадь, вес и др.) путем организации процесса усвоения внешне заданной ориентировки действия измерения: умения выделять разные параметры вещей, оценивать их с помощью меры и фиксировать результаты измерений метками (Обухова, 1972). Имелись и другие исследования данного феномена.

Анализируя подходы к формированию понимания принципа сохранения, Чуприкова отмечает, что их эффективность связана с созданием условий, которые помогают субъекту дифференцировать между собой разные свойства объектов, преодолевать целостность, нерасчлененность психического отражения (Чуприкова, 1997).

Обзор исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на процессы присвоения детьми содержания логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения показал, что, существуют разные, часто не совпадающие между собой данные о возможности и эффективности целенаправленного внешнего воздействия на процессы формирования и развития конкретно-операциональных структур как целостной системы. Нет единого мнения в определении последовательности становления у детей логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения. Не проводилось исследований, в которых бы специально изучалось взаимное влияние друг на друга элементов операциональной системы, как целого, возможность формирования одних элементов системы через другие при переходе от дооперационального мышления к уровню конкретных операций.

Поэтому проблема взаимосвязи между внешними воздействиями на операциональную систему, как целое, и структурными изменениями самой системы остается по-прежнему актуальной. Необходимо провести дополнительное изучение последовательности возникновения у детей логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения под влиянием целенаправленных внешних воздействий. Это позволит сделать более обоснованные выводы о конфигурации динамических и статистических причинных связей в функционировании и развитии

содержания конкретно-операциональных структур как целостной системы.

3-я группа задач при разработке детерминационной модели связана с исследованием влияния внешних детерминант и описанием механизмов изменения структурной организации познавательной системы при переводе ее на новый уровень развития.

Анализ результатов эмпирических исследований системы логических операций на стадии перехода от дооперационального к конкретнооперациональному уровню развития, выполненных в рамках разных теоретических подходов, показал, что внешняя деятельность и культурная среда (в широком смысле слова) определяют содержание и характеристики формируемых познавательных структур. Однако имеющиеся в литературе данные о детерминации развития познавательных процессов различными компонентами внешней деятельности неоднозначны и нуждаются в уточнении. В частности, вопрос о детерминирующей роли собственно взаимодействия субъекта со средой в развитии и формировании содержания познавательных структур на настоящий момент не может считаться окончательно решенным в силу недостаточной объяснительной силы имеющихся эмпирических данных.

Разногласия, в конечном счете, могут быть сформулированы следующим образом: являются ли собственные взаимодействия (манипуляции) с объектом, как компонент внешней деятельности, одной из внешних причин развития содержания (состава и структуры) познавательных процессов или только средствами обеспечения условий развития (Ильясов, 1986).

А.Н. Леонтьев и его ученики выступили с концепцией детерминации содержания познания и его развития внешней, практической деятельностью. Механизм реализации деятельностной детерминации у Леонтьева – внутреннее (психическое) порождается (строится) внешним (самостоятельной внешней деятельностью) непосредственно в процессе интериоризации (Леонтьев, 1983).

Рубинштейн, оспаривая данное положение, говорил о формировании содержания познавательных процессов в дея-

тельности. Он отмечал, что психическая деятельность, психические процессы, в частности, мышление осуществляются одновременно на нескольких уровнях, которые взаимосвязаны между собой, и выделял две группы умственных действий. К первой группе относятся умственные действия анализа, синтеза, абстракции, обобщения, которые направлены на обнаружение объективно существующих между объектами окружающей действительности связей и отношений. Ко второй – умственные действия, отражающие во внутреннем плане реальные действия субъекта с объектами окружающей действительности. Первая группа – это собственно мыслительные действия (некоторые авторы называют их механизмами мышления, познавательными актами), которые лежат в основе всех действий с реальными или представленными в виде образа объектами. Именно эти мыслительные акты и развиваются в познании. Собственные взаимодействия с окружающей действительностью, обеспечивающие преобразование объекта, могут создавать условия для отражения его свойств, но не определяют содержание собственно мыслительных операций. Механизм реализации деятельностной детерминации Рубинштейна – действие внешних причин на внутреннее (психологические) условия, структуры, взаимосвязи и уже через них – на изменение внутренней природы субъекта (Рубинштейн, 1997).

Выделив в познании аналитико-синтетические акты и преобразовательные действия, необходимо более определенно показать, что и как порождается собственными взаимодействиями субъекта с объектом.

В любой развивающейся системе, в том числе, в системе логических операций выделяют три типа взаимосвязи между причинными цепями: отдельная причинная цепь, пересечение зависимых цепей и пересечение независимых причинных цепей. Независимые причинные цепи не связаны между собой и могут пересекаться в разных местах, их пересечение причинно не определено. Зависимые причинные цепи связаны друг с другом особой соединяющей их причинной цепью, которая и предопределяет место их пересечения (Объектив-

ная диалектика, 1981). Задачей управляемого развития является обнаружение именно этих соединяющих причинных цепей. Если рассмотреть конфигурацию воздействия со стороны внешней деятельности на познавательную структуру как открытую систему, дальнейшей эмпирической проверке подлежат следующие возможные соединяющие цепи:

- 1 Последовательность собственных взаимодействий с объектами как компонент внешней деятельности → возникновение (изменение) познавательной структуры. Механизм – интериоризация последовательности внешних изменений;
- 2 Знание (содержание) о составе и структуре познавательного действия как компонент внешней деятельности → возникновение (изменение) содержания познавательной структуры. Механизм – интериоризация знаний об объектах, задаваемых культурно-социальной средой и передаваемых в обучении.

Анализ работ, содержащих данные, свидетельствующие о необходимости совершения манипуляций испытуемыми для успешности формирования и развития познавательных структур (1-ая связывающая цепь), показывает, что в экспериментальных схемах таких исследований при устранении взаимодействия испытуемого с объектом устранялись и их результаты. Тем самым устранялись определенные изменения в условиях отражения изучаемого объекта и его свойств, то есть условия для возникновения 2-ой связывающей цепи. В одном случае – в условиях отражения объекта имели место как взаимодействия, так и вызванные ими изменения, а в противном случае – и то, и другое было исключено. Рубинштейн писал, что при восприятии маскируется полнота всех характеристик объекта, она может быть снята только путем включения объектов в новые связи и отношения (Рубинштейн, 1997).

Если бы внешнюю деятельность субъекта и развитие содержания познавательных структур связывала между собой 1-ая соединяющая причинная цепь, т.е. если бы собственные взаимодействия с объектом выступали как динамическая (непосредственно порождающая) закономерность формирования и развития этого содержания, то были бы невозмож-

ны описанные в литературе феномены успешного безмануального и неуспешного (при определенных условиях) мануального познавательного развития (Бандура, 2000; Галатенко, 1981; Brainerd, 1978; Gouin-Décarie, 1974; Fetters, 1981; Zimmerman, 1974).

Видимо, взаимодействия с объектами не детерминируют содержание познавательных структур, а создают условия, воздействуя на объекты, «обнаруживают», «демаскируют», «показывают» скрытые от непосредственного восприятия характеристики объектов, обнаруживаемые лишь в их взаимосвязи. Тем самым они влияют на полноту отражения логических отношений между объектами окружающей действительности (полноту знаний). А затем уже это содержание (знание) детерминирует формирование и развитие познавательной структуры. Не собственно взаимодействие с объектами «связывает» независимые причинные цепи: внешнюю деятельность и изменение представлений об объектах, делая их зависимыми, а знание (информация) об объективных связях и отношениях между объектами – ориентировка, то есть 2-ая описанная нами выше причинная цепь. «Психический процесс развертывается изначально не по логике деятельности, а по логике отражения. Будучи включенным в деятельность, он обеспечивает ее организацию» (Ломов, 1984, С. 158).

Для обоснованного ответа на вопрос: какая соединяющая цепь связывает между собой внешнюю деятельность и познавательные процессы, выступая детерминантой формирования и развития новых познавательных структур – собственные взаимодействия субъекта или знание о структуре логических отношений вещей, нужно провести эмпирическое исследование. В нем при устранении взаимодействий испытуемых с объектами (1-ая соединяющая цепь) должны сохраняться вызываемые ими изменения в условиях отражения объекта (2-ая связывающая цепь). Одним из возможных методических приемов, позволяющих достичь такого результата, может быть исключение собственного манипулирования с объектами с сохранением его результатов, что достигается заменой действий ис-

пытываемых действиями другого субъекта и наблюдением за ними испытуемых.

Адекватная экспериментальная проверка и доказательство возможности и эффективности безмануального формирования имела место пока лишь в отношении формирования идеальных перцептивных действий (Галатенко, 1981). Необходимо проведение подобных исследований на другом материале, в частности, на материале формирования и развития структур логических операций, частных предметных умений, сложных обобщенных познавательных действий.

Резюме

Анализируя логическое мышление как целостную систему, мы рассматриваем много-многозначный тип причинной детерминации, при котором поведение системы определяется совокупностью внешних и внутренних детерминант, сложно переплетенных причинными цепями. Если рассматриваются разные системы (например, культурно-социальная среда, психические процессы), то говорят о внешней причинности. Внутренняя причинность – это воздействие системы (или объекта) на саму себя, самопроизвольное изменение. При этом необходимо различать внутреннюю причинность и внутреннее взаимодействие. Если внешняя активная зависимая причинная цепь порождает изменение внутренних взаимосвязей в объекте – это ситуация внутреннего взаимодействия при отсутствии внутренней причинности, поскольку взаимодействующие объекты сами по себе остаются пассивными. Например, мы предполагаем, что организация элементов (состава) в структуру логической операции – это внутреннее взаимодействие элементов логической структуры как результат действия внешней причины. В ситуации внешней причинности причина и следствие разделены по пространственно-временным параметрам и относятся к разным объектам (системам). Если изменения в системе являются следствием самопроизвольного воздействия объекта (элементов системы) на самого себя, то это результат действия внутренних причин. В ситуации внутренней причинности причина и следствие находятся в единой про-

странственной плоскости и относятся к одному и тому же объекту (системе). Например, мы предполагаем, что организация логических операций в новую конфигурацию внутри операциональной системы – это результат действия внутренней причины – саморазвития системы. Причинно-следственные зависимости не являются жесткими, раз и навсегда определенными. Развивающиеся системы характеризуются наличием разных типов взаимосвязей между причинными цепями, одновременным действием динамических и статистических закономерностей, постоянным возникновением качественно новых изменений. Поэтому то, что было причиной развития системы, на определенном этапе функционирования ее структурной организации может становиться условием развития, а затем вновь выступать как причина, образуя новые соединяющие причинные цепи уже на более высоком уровне развития системы, как целого.

Конкретизация. Содержание объектов и знаний о них, задаваемых культурно-социальной средой и передаваемых в обучении, могут порождать содержание состава и структуры познавательных процессов индивида. Аналитико-синтетические познавательные

механизмы выступают при этом условием формирования и развития содержания познавательных процессов. В свою очередь, содержание индивидуального мышления является причиной дальнейшего изменения уровня его развития. В процессе своего функционирования содержание мышления субъекта (содержание состава и структуры логических операций) обеспечивает познавательным механизмам возможность аналитико-синтетической обработки все более сложного содержания объектов культурно-социальной среды, влияя тем самым на процессы развития логического мышления в целом. Это приводит к тому, что структурные элементы логического мышления субъекта приобретают новые свойства (в первую очередь, обобщенность) и могут устанавливать между собой новые системы связей, образуя новые конфигурации, свойства которых не выводимы из свойств образующих их структурных элементов. Логическое мышление, как целое, выходит на следующий уровень развития. То есть, содержание объектно-культурной среды, породив содержание познавательных структур индивида, начинает выступать условием дальнейшего развития системы, как целого, на основе ее внутренних закономерностей функцио-

нирования до достижения ею относительно стабильного состояния (рис. 1). Вместе с тем, выйдя на более высокий уровень развития содержания, система логического мышления субъекта получает способность обнаруживать (отражать) новое, ранее не доступное ему содержание в окружающей (внешней) объектно-культурной среде, новые более сложные характеристики, связи и отношения. Содержание культурно-социальной среды, по отношению к содержанию мышления индивида, вновь начинает выступать внешней причиной дальнейшего развития его содержания и т.д. Происходит смена причинно-следственных зависимостей по описанной выше схеме до тех пор, пока новое состояние системы не достигнет следующего стабильного состояния. Количество циклов нестабильности-стабильности состояния познавательной системы и высшая стадия развития ее содержания определяются внутренней природой системы.

Таким образом, содержание объектов и знаний о них, задаваемых культурно-социальной средой и передаваемых в обучении, может являться внешней причиной формирования и развития содержания мышления индивида (его состава и структуры) и инициировать процессы

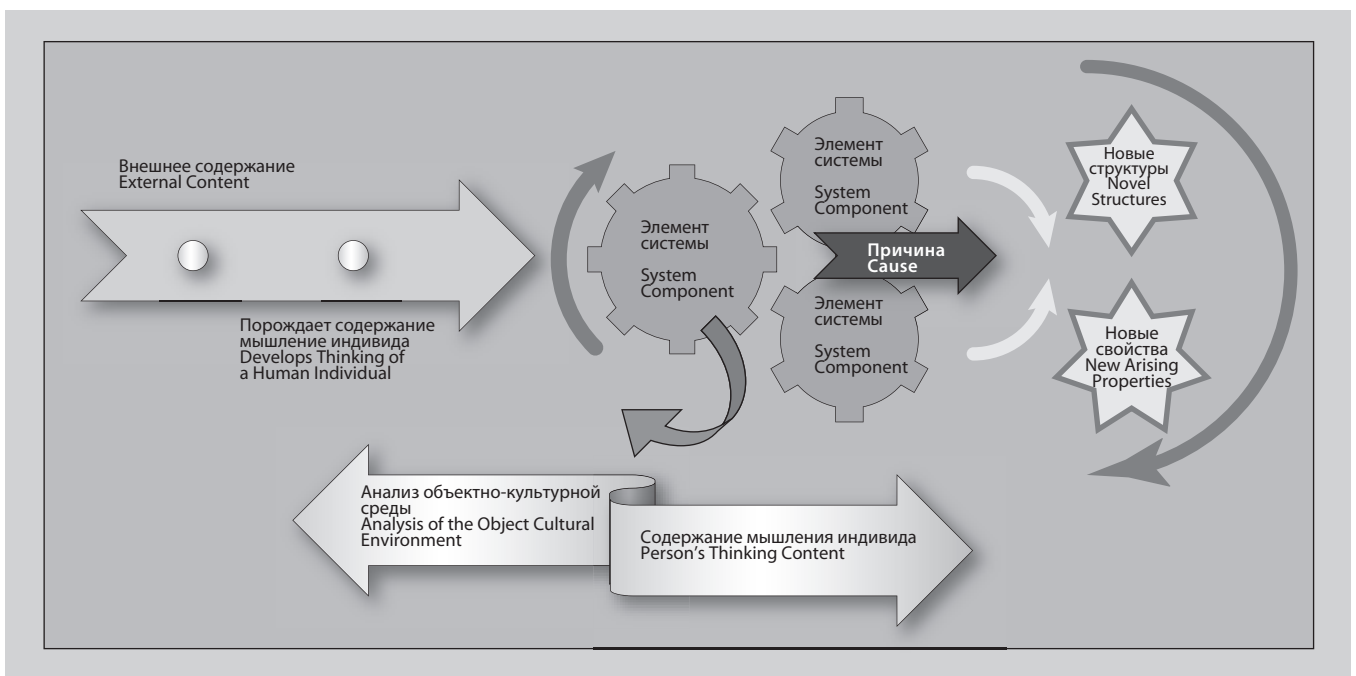

Рисунок 1. Модель детерминации формирования и развития содержания логического мышления как целого.

Fig. 1 Determination model of formation and development of logical thinking as a whole

Для цитирования: **Погожина И.Н.** Детерминация развития структур логического мышления сквозь призму постнеклассической парадигмы // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 13-22

For citation: **Pogozhina Irina N.** (2015). Determination of logical thinking through the prism of postnonclassical paradigm. *National Psychological Journal*, 4, 13-22.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

самоорганизации элементов системы логического мышления субъекта в соответствии с потенциальными возможностями саморазвития системы, как целого.

Конкретизация теоретической модели детерминации формирования и развития содержания познавательных структур позволяет задать дизайн эмпирической проверки эффективности работы разработанной нами детерминационной модели, которая будет проводиться на материале развития логического мышления дошкольников:

1 Выполнение 1-ой группы требований. Описать внутренние закономерности функционирования и развития системы логических операций при переходе ее от дооперационального этапа развития мышления к конкретнооперациональному. Выявить наличие и

степень статистической значимости взаимосвязей между уровнями развития элементов операциональной системы: умением децентрироваться, логическими операциями классификации, сериации и пониманием принципа сохранения.

2 Выполнение 2-ой группы требований. Исследовать взаимосвязь между внешними воздействиями на операциональную систему логического мышления, как целое, и изменениями, возникающими в структурных элементах и связях внутри системы, а также возможность инициировать извне взаимное влияние друг на друга элементов операциональной системы, как целого, формировать одни элементы системы через другие. Изучить последовательность возникно-

вания у детей логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения, умения децентрироваться под влиянием целенаправленных внешних воздействий в ходе формирующего эксперимента.

3 Выполнение 3-ей группы требований. Исследовать и описать механизм влияния внешних детерминант на изменение структурной организации познавательной системы со стороны разных компонентов внешней деятельности. Выявить причинную цепь, которая соединяет между собой внешнюю деятельность и процессы мышления, и механизм ее разворачивания на материале развития логического мышления (формирование понимания принципа сохранения) и обучения простым предметным умениям (умение считать).

Литература:

- Бандура А. Теория социального научения. – Санкт-Петербург : Евразия, 2000. – 320 с.
- Бурменская Г.В. Возможности планомерного развития познавательных процессов дошкольника : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1978. – 24 с.
- Веракса А.Н. Развитие регуляторных функций дошкольников в образовательном процессе // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – №3 – с. 65-73.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский Собр. соч. В 6-ти т. Т. 3. – Москва : Педагогика, 1983. – С. 5-328.
- Галатенко Н.А. Роль манипуляций в формировании зрительного и мыслительного умения : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1981. – 196 с.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального исследования. – Москва : Педагогика. 1986. – 240 с.
- Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 8. – С. 32-45.
- Ильясов И.И. Структура процесса учения. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 200 с.
- Клочко В.Е. Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2013. – № 4. – С. 20-35.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х т. Т. 2. – Москва : Педагогика, 1983. – 320 с.
- Лидерс А.Г. Формирование обобщенного способа сравнения множеств у дошкольников // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1978. – № 3. – С. 25-37.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – Москва : Наука, 1984. – 444с.
- Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 392 с.
- Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1-4. / Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – Москва : Мысль, 2010.
- Обухова Л.Ф. Этапы развития детского мышления (формирование элементов научного мышления у ребенка). – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 152 с.
- Объективная диалектика. Т. 1 / Ф. Ф. Константинов и др. ; отв. ред. тома Ф. Ф. Вяккерев // Материалистическая диалектика. В 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. – Москва : Мысль, 1981. – 374 с.
- Перре-Клермон А.-Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта детей. – Москва : Педагогика, 1991. – 248 с.
- Перре-Клермон А.-Н., Аркидияконо Ф. Revisiting the Piagetian test of conservation of quantities of liquid: Argumentation within the adult-child interaction // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 25-33.
- Пиже Ж. Избранные психологические труды; вступ. статья В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – Москва : Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – Москва : РИМИС, 2008. – 448 с.
- Пиаже Ж., Инхельдер Б. Психология ребенка. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 160 с.
- Погожина И.Н. Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 35-45.
- Подольский А.И. Становление познавательного действия: научная абстракция и реальность / А.И. Подольский. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 175 с.
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-57.
- Решетова З.А. Формирование системного мышления в обучении. – Москва : Изд-во ЮНИТИ, 2002. – 344 с.
- Решетова З.А. К вопросу о механизмах усвоения и развития // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 25-32.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1. – Москва : Педагогика, 1989. – 488 с.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Москва : Наука, 1997. – 192 с.
- Сонстрем Э. О понимании детьми принципа сохранения количества твердого вещества // Исследование развития познавательной деятельности / под ред. Дж. Брунера и др. – Москва : Педагогика, 1971. – С. 251-271.
- Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18-25.
- Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. – Москва : Столетие, 1997. – 480 с.
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – Москва : Педагогика, 1989. – 560 с.
- Baron J., Lawson G., Siegel L. Effects of training and set size on children's judgments of number and length // *Developmental Psychology*. – 1975. – Vol. 11. – N 5. – P. 583-588.
- Brainerd C.J. Learning research and Piagetian theory // L.S. Siegel and C.J. Brainerd (Eds.) *Alternatives to Piaget: Critical essays on the theory*. – New York: Academic Press, 1978. – P. 69-109.
- Fetters L. Object permanence development in infants with motor handicaps // *Physical Therapy*. – 1981. – Vol. 61. – N 3. – P. 327-333.
- Field D. Can preschool children really learn to conserve? // *Child Development*. – 1981. – Vol. 52. – N 2. – P. 326-334.
- Gouin-Décarie T., O'Neill M. Some aspects of cognitive development among children suffering from malformations due to thalidomide // *Bulletin de Psychologie*. – 1974. – 27. – P. 286-303.
- Lawson G.Y., Flavell J.H. Verbal factors in compensation performance and the relation between conservation and compensation // *Child Development*. – 1970. – Vol. 41. – N 4. – P. 965-977.
- Overbeck C., Schwartz M. Training in conservation of weight // *J. Exp. Child Psychology*. – 1970. – V. 9. – N 2. – P. 253-264.
- Roll S. Reversibility training and stimulus desirability as factors in compensation of numbers // *Child Development*. – 1970. – Vol. 41. – N 2. – P. 501-507.
- Sheppard J.L. Compensation and combinatorial systems in the acquisition and generalization of conservation // *Child Development*. – 1974. – Vol. 45. – N 3. – P. 717-730.
- Siegler R.S., Liebert R.M. Effects of presenting relevant rules and complete feedback on the conservation of liquid quantity task // *Developmental Psychology*. – 1972. – 7 (2). – P. 133-138.
- Smedslund J. Piaget's psychology in practice // *British Journal of Educational Psychology*. – 1977. – Vol. 47. – N 1. – P. 3-9.
- Zimmerman B.J., Rosenthal T.L. Conserving and retaining equalities and in equalities through observation and correction // *Developmental Psychology*. – 1974. – N 10. – P. 260-268.

References:

- Bandura, A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Social learning theory]. SPb., Eurasia, 320.
- Baron J., Lawson G., & Siegel L. (1975) Effects of training and set size on children's judgments of number and length. *Developmental Psychology*. Vol. 11, 5, 583—588.
- Brainerd, C.J. (1978) Learning research and Piagetian theory. In L.S.Siegel & C.J.Brainerd (Eds.) *Alternatives to Piaget: Critical essays on the theory*. New York, Academic Press, 69-109.
- Burmenskaya, G.V. (1978) *Vozmozhnosti planomernogo razvitiya poznatel'nykh protsessov doshkol'nika: Avtoreferat, dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk* [Opportunities of planned development of cognitive processes in preschoolers: Ph.D. in Psychology, Thesis]. Moscow, 24.
- Chuprikova, N.I. (1997) *Psikhologiya umstvennogo razvitiya: Printsip differentsiatsii* [Psychology of mental development: The principle of differentiation] Moscow, AO «STOLETIE», 480.
- Davydov, V.V. (1986) *Problemy razvivayushchego obucheniya: Opyt teoreticheskogo i eksperimental'nogo issledovaniya* [The problems of developing training: experience of theoretical and experimental studies]. Moscow, Pedagogika, 240.
- El'konin, D.B. (1989) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogika, 560.
- Fetters, L. (1981) Object permanence development in infants with motor handicaps. *Physical Therapy*. Vol. 61, 3, 327-333.
- Field D. (1981) Can preschool children really learn to conserve? *Child Development*. Vol. 52, 2, 326-334.
- Galatenko, N.A. (1981) *Rol' manipulyatsiy v formirovanii zritel'nogo i myslitel'nogo umeniya: dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk* [The role of manipulation in developing visual and thinking skills: Ph.D. in Psychology]. Moscow, 196.
- Gouin-Décarie, T., & O'Neill, M. (1974) Some aspects of cognitive development among children suffering from malformations due to thalidomide. *Bulletin de Psychologie*. 27, 286-303.

- Ilyasov, I.I. (1986) *Struktura protsessa ucheniya* [The structure of the teaching process]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universitetata, 200.
- Klochko, V.E. (2013) Problema soznaniya v psikhologii: postneklassicheskiy rakurs [The problem of consciousness in psychology: postnonclassical angle]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14. Psychology. 4, 20-35.
- Leontiev, A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. Vol. 2. Moscow, Pedagogika, 320.
- Lieders, A.G. (1978) Formirovanie obobshchennogo sposoba sravneniya mnozhestv u doshkol'nikov [Developing a generalized method of comparing plurality in preschoolers]. *Vestnik MGU [Bulletin of Lomonosov Moscow State University]*. Series 14. Psychology. 3, 25-37.
- Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka, 444.
- Lawson, G.Y., & Flavell, J.H. (1970) Verbal factors in compensation performance and the relation between conservation and compensation. *Child Development*. Vol. 41, 4, 965-977.
- Matyushkin, A.M. (2008) *Problemnye situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem situations in thinking and learning]. Moscow, Direct Media, 392.
- Obukhov, L.F. (1972) *Etapy razvitiya detskogo myshleniya (formirovanie elementov nauchnogo myshleniya u rebenka)* [Stages of development of the child's thinking (developing components of scientific thinking in the child)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 152.
- Overbeck, C., & Schwartz, M. (1970) Training in conservation of weight. *J. Exp. Child Psychology*. Vol. 9, 2, 253-264.
- Perret-Clermont, A.-N. (1991) Rol' sotsial'nykh vzaimodeystviy v razvitii intellekta detey [The role of social interactions in the development of children's intelligence]. Moscow, Pedagogika, 248.
- Perret-Clermont, A.-N., & Arkidyakono, F. (2009) Revisiting the Piagetian test of conservation of quantities of liquid: Argumentation within the adult-child interaction. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural Historical Psychology]*. 3, 25-33.
- Piaget, J. (1994) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 680.
- Piaget, J. (2008) *Rech' i myshlenie rebenka* [Speech and thinking of the child]. Moscow, RIMIS, 448.
- Jean Piaget, & Inhelder B. (2003) *Psikhologiya rebenka* [Child Psychology]. SPb., Peter, 160.
- Podolsky, A.I. (1987) *Stanovlenie poznatel'nogo deystviya: nauchnaya abstraktsiya i real'nost'* [Developing cognitive activities: scientific abstraction and reality]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 175.
- Pogozhina I. N. (2015). Determination of cognitive development: postnonclassical theoretical model. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal]*, 3, 35-44.
- Prigozhin, I. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy instability]. *Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]*. 6, 46-57.
- Reshetova, Z.A. (2002) *Formirovanie sistemnogo myshleniya v obuchenii* [Developing system thinking in education]. Moscow, UNITY, 344.
- Reshetova Z.A. (2013) On the mechanism of learning and development. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal]*, 1, 25-32.
- Roll, S. (1970) Reversibility training and stimulus desirability as factors in compensation of numbers. *Child Development*. Vol. 41, 2, 501-507.
- Rubinstein, S.L. (1989) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Vol. 1. Moscow, Pedagogika, 488.
- Rubinstein, S.L. (1997) *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow, Nauka, 192.
- Sheppard, J.L. (1974) Compensation and combinatorial systems in the acquisition and generalization of conservation. *Child Development*. Vol. 45, 3, 717-730.
- Siegler, R.S., & Liebert, R.M. (1972) Effects of presenting relevant rules and complete feedback on the conservation of liquid quantity task. *Developmental Psychology*. 7 (2), 133-138.
- Smedslund, J. (1977) Piaget's psychology in practice. *British Journal of Educational Psychology*. Vol. 47, 1, 3-9.
- Sonstrem, E. (1971) O ponimani det'mi printsipa sokhraneniya kolichestva tverdogo veshhestva [On understanding the children the principle of conservation of solid quantity]. *Issledovanie razvitiya poznavatel'noy deyatel'nosti [The study of cognitive activity]*. Moscow, Pedagogika, 251-271.
- Stepin, V.S. (2012) *Nauchnaya ratsional'nost' v tekhgennoy kul'ture: tipy i istoricheskaya evolyutsiya* [Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution]. *Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]*. 5, 18-25.
- Stepin, V.S. (Ed.) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [The New Encyclopedia of Philosophy]. Institut filosofii RAN [Institute of Philosophy, Academy of Sciences]. Vol. 1-4. Moscow, Mysl'.
- Veraksa, A. N. (2015) The development of the executive functions of preschool children in the educational process. *Moscow University Psychology Bulletin*. Series 14. Psychology, 3, 65-73]
- Veraksa, A.N. (2013). Symbol as cognitive tool of mental activity. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 57-65. doi: 10.11621/pir.2013.0105
- Vygotsky, L.S. (1983) *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [The history of the development of higher mental functions]. *Collected papers*, Vol. 3. Moscow, Pedagogika, 5-328.
- Vyakkerev, F.F. (Ed.) (1981) *Obektivnaya dialektika* [The objective dialectic]. Vol.1. Moscow, Mysl', 374.
- Zimmerman, B.J., & Rosenthal, T.L. (1974) Conserving and retaining equalities and in equalities through observation and correction. *Developmental Psychology*. 10, 260-268.
- Zinchenko, Yu.P., & Pervichko, E.I. (2012) *Postneklassicheskaya metodologiya v klinicheskoy psikhologii: nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo – A.R. Luriya* [Postnonclassical methodology in clinical psychology: Scientific School of L.S. Vygotsky-A.R. Luria]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [National psychological journal]*. 8, 32- 45.

Антропологические аспекты психологии здоровья

А.В. Шувалов Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила 25 февраля 2015/ Принята к публикации: 17 апреля 2015

Anthropological aspects of health psychology

Alexander V. Shuvalov Institute of Psychology, the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Received: February 25, 2015 / Accepted for publication: April 17, 2015

В статье представлены результаты теоретического исследования, проведенного в рамках научного проекта «Детерминанты психологического здоровья современной личности». Проблема психологического здоровья рассматривается в контексте ситуации антропологического кризиса, который затрагивает общественный организм и влечет за собой сокращение синергичности социальной жизни. На уровне конкретных проявлений он связан с поражением духовно-нравственной сферы человека, искажением личного способа бытия и межличностных отношений, что приводит к общему снижению жизнеспособности. Растет число людей, чье субъективное состояние можно охарактеризовать как «психически здоров, но лично болен». Вторичные проявления таких состояний – депрессия, агрессия, зависимое поведение. Однако их существенные характеристики не улавливаются посредством сложившихся социально-психологических, психолого-педагогических или медико-психологических представлений и не укладываются в рамки типовых описаний психоэмоциональных и/или поведенческих расстройств. Автор придерживается гипотезы, что упомянутые состояния имеют специфические духовно-психологические предпосылки и проявления, которые заслуживают научного анализа и философского осмысления.

Лейтмотивом статьи является проблема психологического здоровья в ее научном и мировоззренческом восприятии. Обобщены представления о сути здоровья с позиций современного гуманитарного познания и традиционной духовной культуры. Сформулированы общие положения теории психологического здоровья. Представлены основные подходы к проблеме психологического здоровья. Приведен сравнительный анализ гуманистической и антропологической моделей психологического здоровья. Выявлено соответствие выделенных в рамках антропологической модели условий и критериев психологического здоровья представлениям о современном национальном воспитательном идеале. Педагогическая деятельность описана как антропопрактика, ориентированная на обретение ребенком всей возможной полноты своего существования как человека. В таком виде она максимально благоприятствует сохранению и укреплению психологического здоровья учащихся.

Ключевые слова: психологическое здоровье, гуманистическая психология, психологическая антропология, субъективная реальность, со-бытийная общность, традиционализм, постмодернизм, антропопрактика, духовная культура, духовные основы здоровья, теологическая антропология.

The paper presents the results of a theoretical study carried out in the framework of the research project «Determinants of psychological health of the modern person». The issue of psychological health is considered in the context of the anthropological crisis that affects public body and causes a decrease in synergetic social life. On the level of specific manifestations, it is associated with damage to the spiritual and moral sphere, distortion of personal way of life and interpersonal relationships, which leads to a general decline in viability. A growing number of people, whose subjective state can be described as mentally fit, but personally sick is identified. Secondary symptoms of such conditions are depression, aggression, dependent behaviour. However, their essential characteristics are not captured by the existing social psychological, psychological pedagogical and medical psychological concepts and also do not fit the typical description of psychological emotional and/or behavioural disorders. The author adheres to the hypothesis that these states have specific spiritual and psychological conditions and symptoms that deserve scientific analysis and philosophical reflection.

The leitmotif of the paper is the issue of mental health in its scientific and philosophical sense. Representation of health from the standpoint of modern humanitarian knowledge and traditional spiritual culture are generalized. The theory of general psychological health is developed. The main approaches to the problem of psychological health are presented. Comparative analysis of the humanistic and anthropological models of mental health is shown. Correspondence between the anthropological conditions and criteria of mental health concepts of the modern national educational ideal is presented. Educational activity is described as anthropological practice aimed at acquiring by a child the wide range of values as a person. As such, it is the most conducive to maintaining and strengthening the psychological health of students.

Keywords: anthropological crisis, the rate of mental health, mental health, psychological anthropology, theological anthropology, humanistic psychology, subjective reality, co-existent community, self-transcendence, traditionalism, post-modernism, the national educational ideal, anthropological practice.

Обращение к теме психологического здоровья обусловлено масштабностью и остротой проблем гуманитарного характера, которые в современной России носят стихийный характер и пока не находят адекватных подходов и способов решения. Эти проблемы требуют глубокого анализа и осмысления, в том числе, в русле рационального психологического знания.

В 1997 году Б.С. Братусь прозорливо дал оценку тенденциям, усиливающимся в индивидуальной и социальной жизни людей. Он отметил, что человек может быть вполне психически здоровым (хорошо запоминать и мыслить, ставить сложные цели, быть деятельным, руководствоваться осознанными мотивами, достигать успехов, избегать неудач и т.п.) и, одновременно – личностно больным, ущербным (не координировать свою жизнь, не направлять ее на достижение человеческой сущности, разобщаться с ней, удовлетворяться ее суррогатами и т.п.). Причем, для все большего количества людей становится характерным именно этот диагноз: психически здоров, но личностно болен (Братусь, 1997, С. 77).

детского алкоголизма, по объему потребления героина, по числу нападения педофилов на детей, по количеству суицидов среди всех возрастных категорий¹. Инфернальные гуманитарные показатели дают основания для поднятия вопроса о снижении жизнеспособности людей (самая мягкая из возможных формулировок) в контексте более общей проблемы. При ее рассмотрении на макроуровне речь может идти об антропологическом кризисе, который затрагивает общественный организм, и влечет за собой снижение синергичности социальной жизни. На уровне конкретных проявлений он связан с поражением духовно-нравственной сферы человека, искажением способа личностного бытия и межличностных отношений. Растет число людей, чье субъективное состояние можно охарактеризовать как пограничное норме. Вторичные проявления таких состояний – депрессия, агрессия, зависимое поведение. Однако их сущностные характеристики не улавливаются посредством сложившихся социально-психологических, психолого-педагогических или медико-

которые заслуживают научного анализа и философского осмысления.

В 1990-е годы в профессиональный лексикон отечественных специалистов введено понятие «психологическое здоровье» (Дубровина, 2004). В самом общем, интуитивно понятном значении психологическое здоровье начинает рассматриваться как интегративный показатель нравственной зрелости и личностной состоятельности человека, как индикатор качества жизни людей, как смыслообразующая и системообразующая категория профессионализма практических психологов. Вместе с тем, в отношении термина «психологическое здоровье» сложилась двусмысленная ситуация: с одной стороны, он предложен как эвристичное понятие, необходимое для рациональной проработки феноменов личностного развития и функционирования людей в современном социокультурном контексте, с другой – за многозначность содержания и широту контекстов употребления он критикуется как неохваченный формальной дефиницией и малообоснованный.

Для успешного решения широкого круга профессиональных задач психологам необходимы научные знания о человеческой субъективности во всей полноте ее наиболее существенных проявлений. Они, помимо общих представлений о психологической норме, должны указывать практические возможности ее обеспечения и восстановления. Специалисты нуждаются в понятийном аппарате, фиксирующем специфику субъективных (внутриличностных, духовно-душевных) отклонений в этиогенетическом и феноменологическом аспектах, позволяющем не только их выявлять, анализировать, но и вырабатывать эффективные меры борьбы с этими отклонениями. Иначе нацеленность на психологическое здоровье выглядит декларативно-декоративной. В этом случае справедливо будет подвергнуть сомнению осмысленность практической деятельности психологов, не вооруженных адекватными рациональными средствами. Кроме того, теория психологического здоровья может оказать конструктивное влияние на раз-

В самом общем, интуитивно понятном значении психологическое здоровье начинает рассматриваться как интегративный показатель нравственной зрелости и личностной состоятельности человека, как индикатор качества жизни людей, как смыслообразующая и системообразующая категория профессионализма практических психологов

Минуло восемнадцать лет. Согласно экспертным данным, современная Россия находится среди мировых лидеров по количеству аборт, по числу разводов супружеских пар, по числу детей, брошенных родителями, и детей-сирот, по числу курящих детей, по масштабам

психологических представлений и не укладываются в рамки типовых описаний психоэмоциональных и/или поведенческих расстройств. Мы исходим из гипотезы, что упомянутые состояния имеют специфические духовно-психологические предпосылки и проявления,

Александр Владимирович Шувалов –

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности Института психологии РАН, руководитель психолого-логопедического отдела Центра развития творчества детей и юношества «Лефортово», главный редактор научного альманаха «Живая вода».

E-mail: virtus@front.ru

¹ См., например: Доклад ЮНИСЕФ «Анализ положения детей в Российской Федерации» // Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, 2013. Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.rfdeti.ru/files/1270207063_analiz_rf.pdf – (дата обращения: 05.04.2013); Павел Астахов считает суициды

вите профессиональной кооперации специалистов гуманитарного профиля. Пока же содержательные аспекты феноменов, которые можно квалифицировать как «психически не болен, но личностно не здоров», остаются на периферии внимания и понимания психологов, других специалистов помогающих профессий.

Здоровье человека относится к числу наиболее интригующих, сложных и не утрачивающих своей актуальности проблем. Мнимая простота его обыденного понимания не должна вводить в заблуждение. Тема здоровья связана с фундаментальными аспектами человеческой жизни, она имеет не только рационально-прагматический, но и мировоззренческий уровень рассмотрения, и поэтому выходит за рамки узко дисциплинарного обсуждения. Прежде чем углубляться в ее личностно-психологические нюансы, целесообразно определиться с более общими вопросами, а именно, с представлениями о сути здоровья с позиций современного гуманитарного познания и незыблемых канонов традиционной духовной культуры.

Наука о здоровье

В современной науке понятие «здоровье» не имеет общепринятого исчерпывающего определения. Знакомая с трудами, представляющими вариации научного подхода к проблеме здоровья, мы находим такие толкования этого феномена как: «отсутствие болезней или дефектов», «нормальная функция организма на всех уровнях его организации», «динамическое равновесие организма с окружающей средой», «способность приспосабливаться к изменяющимся условиям существования», «способность к полноценному выполнению основных социальных функций, участие в общественно полезном труде», «полное физическое, душевное и социальное благополучие». В зависимости от дисциплины и соответствующей ей рациональной основы выводятся биологический, медицинский, экологический, социальный, демографический, экономический, психологический, пе-

дагогический, культурологический критерии здоровья в качестве ориентиров для определения принципов и условий здоровьесбережения. Обобщая мнения специалистов относительно феномена здоровья, можно выделить ряд общих положений:

- 1 Понятие «здоровье» характеризуется неоднородностью и многозначностью состава, т.е. оно синкретично.
- 2 Здоровье – это одновременно и состояние и сложный динамический процесс, охватывающий созревание, формирование и работу физиологических структур организма, развитие и функционирование психического аппарата, личностное становление, переживания и поступки человека.
- 3 Учитывая многомерность человеческой реальности, можно говорить об оценке соматического, психического и личностного (в сложившейся терминологической традиции – психологического) здоровья человека.
- 4 Признаются и имеют эмпирическое подтверждение эффекты положительного и отрицательного взаимовлияния «духа», «души» и «тела» на общее состояние здоровья человека.
- 5 Здоровье – это культурно-историческое, а не узко-медицинское понятие. В разные исторические периоды, в разных культурах граница между здоровьем и нездоровьем определялась по-разному.
- 6 Категория «здоровье» изначально принадлежит полюсу индивидуальности: состояние здоровья персонифицировано.
- 7 Сохранение здоровья зависит преимущественно от избранного человеком образа жизни и далее по мере убывания – от наследственности, от влияния окружающей среды и от качества медицинского сопровождения.
- 8 Человек может быть здоров при определенных условиях жизни. Совокупность факторов, в целом, благоприятная для одного человека, может оказаться болезнетворной для другого.
- 9 Выявление общих аспектов здоровья позволяет определить способы и разработать программы здоровьесбережения.

10 Здоровье и болезнь относятся к числу диалектически связанных, взаимодополняющих понятий.

Изучение здоровья и болезней связано с осмыслением природы и сущности человека. Поэтому, наряду с научными подходами, интересны представления о здоровье человека в контексте богословской антропологии. Осмысление этих представлений – удел не только духовенства, но и профессионалов гуманитарного профиля: ученых и специалистов-практиков. Если адекватно уяснить специфику способов научного познания, то становится понятно, что богословские представления отнюдь не диссонировать с научными данными и не являются обязательно альтернативой гуманитарным научным концепциям, как это иногда пытаются показать (если, конечно, не вставить априори в позицию отрицания). Скорее, это весомое дополнение в рамках иного – не рационального, а трансцендентного уровня познания и осмысления человека. В современной социокультурной ситуации сопряжение науки и богословия (упомянем в связи с этим и философию) особенно актуально, т.к. и классическая философия, и богословие работают в рамках многовековой традиции. Им чужды погоня за новизной ради новизны и стремление производить спекулятивные идеи и скороспелые «продукты», благодаря которым можно «пустить пыль в глаза» и поживиться на рынке.

В соответствии с вышесказанным мы посчитали целесообразным уделить специальное внимание представлениям о сути здоровья в свете библейского повествования и богословской антропологии.

Богословская антропология и духовные основы здоровья

Согласно библейскому рассказу², Бог сотворил человека как венец дел Своих: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). При этом Бог действует особенным образом, как бы сосредотачиваясь, прежде чем сотворить челове-

² Библия. Синодальное издание.

ческую природу. В богословии это называется предвечным Советом Троицы: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему <...> И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1: 26-27). Человек наделен телом и душой, а душа включает и дух, как отличие его царственной природы, как сердцевину его родовой сущности.

Апостол Павел называет человеческое тело «храмом Святого Духа» (1 Кор. 6: 19-20). Богозданное тело совершенно строением (соразмерность), расположением в пространстве (вертикаль) и приспособлением к окружающему миру (при всей изощренности средств современной науки и техники не создано кибернетического устройства, которое может хотя бы отдаленно приблизиться к нему по своим возможностям).

«Душа живая» – жизненная сила (жизнеспособная крепость) ориентирует в окружающем мире и охраняет от разрушающих стихий. Душой наделен не только человек, но и иные существа, обитающие на земле. Но, в отличие от них, в акте творения «дуновением Божиим» человек обрел «бессмертную душу» по образу Творца.

Богословская антропология является методологической платформой для реализации теоцентрического подхода к проблеме здоровья. Пространство ее рассмотрения в данном случае – не многообразие телесных составов и психических феноменов, а человеческая реальность в своей целокупности

Становление человека предполагает пробуждение и утверждение в нем духовного начала, благодаря наличию которого он безмерно возвышается над всеми другими живыми существами. Главенство духа – один из основополагающих принципов богословской антропологии. Философ В.С. Соловьев писал, что человеческая субъективность проявляется в трех главных моментах:

- внутреннее саморазличение духа и плоти;
- реальное отстаивание духом своей независимости;
- преобладание духа над плотью, необходимое для сохранения нравственного достоинства человека (Соловьев, 1988, С. 151).

По своему составу и способу существования человек причастен двум мирам –

материальному и духовному. Телом он принадлежит земле: пришел из праха и возвратится в прах. Сознанием он преодолевает границы видимого дольнего мира и устремляется к горнему миру Божественной любви и свободы. Двойственность человеческой природы уникальна и свидетельствуют об особом месте и назначении человека в общем устройстве мира.

Богословская антропология является методологической платформой для реализации теоцентрического подхода к проблеме здоровья. Пространство ее рассмотрения в данном случае – не многообразие телесных составов и психических феноменов, а человеческая реальность в своей целокупности, которая может обсуждаться и может быть понята, по словам протоиерея А. Шмемана, только «в триединой интуиции о бытии человека: его творения, его падения и его спасения» (Шмеман, 2005, С. 314). Причем, необходимо говорить об этих трех событиях, как о реально продолжающихся в индивидуальной жизни каждого из нас.

Попробуем в предельно лаконичном виде воспроизвести аксиоматику теоцентрического восприятия проблемы здоровья.

- 1 В религиозно-философском понимании суть здоровья – это целостность человека в единстве и гармонии его духовного, душевного и телесного устройства. Изначально таким был первый человек и прародитель человеческого рода Адам: образ Божий в нем был чист, а Богоподобие – полно.
- 2 В результате грехопадения и последовавшего искажения человеческой природы, нарушения иерархии составляющих ее структур люди утратили и полноту здоровья. Ложные жизненные ориентиры, извращенное понимание счастья и благополучия, страстные привязанности и плотские злоупотребления, скверные привычки и наклонности, совершенные против совести дурные поступки, разлад и вражда повлекли за собой снижение

жизненных сил, телесные и душевные недуги.

- 3 Болезнь есть не столько маркер греха, сколько поучительный опыт или испытание во благо: она пробуждает в человеке сознание греховности и стремление к исцелению. Господь допускает хвори, потому что они смиряют людей: «страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4: 1-2).
- 4 Восстановление в человеке полноты здоровья Священное Предание относит к эсхатологической перспективе – жизни будущего века. В связи с этим цель истории и отдельной человеческой жизни схожи – спасение человека через воссоединение его с Богом. Жизнь в Боге и есть здоровье.
- 5 Священное Писание гласит: «Господь – Целитель твой» (Исход 15: 26). Целостный (здоровый) человек – это человек, оживающий и живущий в Боге, обретающий нравственное совершенство (святость) перед лицом противостояния сил добра и сил зла и вытекающей из него проблемы достойного и недостойного бытия в мире.
- 6 В качестве основы для исцеления падшего человека Спаситель указал в двух главнейших заповедях на преобразующую силу любви – любви к Богу и любви к ближнему, в которой восстанавливается первозданная симфония.
- 7 Условия и критерии истинной полноты жизни человека провозглашены Спасителем в Нагорной проповеди в Заповедях Блаженства. Блаженными Он называет «нищих духом» (смирненных), «плачущих» (сострадающих), «алчущих и жаждущих правды», «милостивых», «чистых сердцем», «миротворцев», «изгнанных за правду», а также, подобно ветхозаветным пророкам, поносимых и гонимых за имя Господне.
- 8 В отношении человека к Заповедям Блаженства проявляется его духовный настрой. Если возникает интерес к этим странным по меркам обыденной жизни, тревожащим словам, если появляется желание проникнуть в их смысл и воля руководствоваться ими, то это свидетельствует о внутренней готовности внимать Слову Божию.

- Если между внутренним миром человека и наставлениями Спасителя не находится ничего общего, созвучного, то это является «симптомом» духовного недуга, ибо человек в своих высших устремлениях сопряжен либо с Богом, либо с силами, Ему противостоящими.
- 9 Исконная духовная традиция открывает людям пути и способы поддержания эмоционального и физического благополучия. Душа и тело приводятся в порядок покаянием, молитвой, поучением из Священного Писания, участием в Таинствах, нравственной чистоплотностью, воздержанием, трудом и, главное – исполнением заповедей Божиих по отношению к ближнему.
- 10 Аскеза – укоренившаяся в традиционной духовной культуре практика «здорового образа жизни», направленная на восстановление внутренней свободы и изначальной целостности духовно-телесной сущности человека. Смысл аскезы как физической, так и духовной, состоит в разумном отказе от второстепенного ради достижения главного. Св. отцы предписывают «мирянам» посильную аскезу как действенное средство врачевания души от страстей и укрепления воли для духовной борьбы. Самоограничение совершается без одержимости, но с умеренностью и разумием, при постепенном восхождении от простого к более сложному, соразмерно состоянию организма и условиям жизни.

Психология о здоровье

Длительное время проблема здоровья не являлась приоритетом психологической науки, которая по большей части была сосредоточена на аномалиях развития и функционирования человека. Только во второй половине прошлого века, главным образом, в рамках гуманистической психологии, ученых заинтересовала проблематика здоровой личности. Так, А. Маслоу пишет: «Я предполагаю, что уже в недалеком будущем мы получим своего рода теорию психологического здоровья, генерализованную, общевидовую теорию, которую можно будет применить ко всем человеческим существам, независимо от того,

какая культура их взрастила, в какую эпоху они живут» (Маслоу, 1999, С. 354). Он предпринимает конкретные шаги для построения такой теории. Появляются разработки первых психологических концепций здоровья. В конце 1970-х годов в общем своде психологических дисциплин выделилась психология здоровья (Health Psychology). Началось ее утверждение в качестве самостоятельной сферы психологических исследований. За сравнительно короткий период в странах западной цивилизации психология здоровья превратилась в достаточно обширную и влиятельную область исследований и их практических приложений. Сложилась тенденция к возрастанию роли психологии в обеспечении здоровья людей.

В современной России психология здоровья, как новое научное направление, еще только проходит начальную стадию своего становления. В числе приоритетных направлений ее исследований – выявление психологического оптимума жизнедеятельности человека и выработка критериев его оценки и самооценки. Многие ученые сходятся во мнении, что в качестве центрального объекта исследований здесь должна выступать «здоровая личность» (Никифоров, 2002, С. 26). Личность есть целостный, всеохватный способ бытия человека, через который раскрывается его духовная суть (Братусь, 1997; Братусь, 2000; Слободчиков, Исаев, 1995, 2000; Флоренская, 2009). Соответственно, особое значение приобретает гуманитарное познание, обращение к духовному миру человека, ценностно-смысловое освоение атрибутов человеческой жизни.

Возрастание внимания к проблеме психологического здоровья с исторической точки зрения выглядит вполне закономерным. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить логику развития психологической науки и эволюцию понимания проблемы нормы в психологии.

Методологи выделили и обосновали три этапа развития научной рациональности, которые распространяются, в том числе, и на психологию: классический, неклассический и постнеклассический (Степин, 2009; Слободчиков, 2012). На их протяжении логика развития пси-

хологии воспринимается как разворот от полюса психосоматики к полюсу психопневматики, как восхождение от психофизиологических аспектов существования к метаантропологическим феноменам бытия. Этот процесс влечет за собой преобразование системы научного психологического знания и пересмотр ее основных проблем. В отношении проблемы нормы такими шагами стали:

- перемещение фокуса исследований с психического аппарата на специфически человеческие проявления;
- понимание психической нормы как нормы развития;
- переход от заимствования способов решения проблемы в смежных науках к разработке психологических (как правило, описательных) моделей здоровья;
- возникновение (как бы в противовес клинической психологии) психологии здоровья как самостоятельного раздела научных знаний и их практических приложений;
- принципиальное различие терминов «психическое здоровье» и «психологическое здоровье»: первый характеризует отдельные психические процессы и механизмы, второй – относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа;
- выделение психологического здоровья человека в качестве одного из центральных объектов исследований психологической антропологии.

Определение «психологическое здоровье человека» составляют два категориальных словосочетания – психология здоровья и психология человека. На стыке этих областей знания возникают психологические модели, в которых проблема здоровья рассматривается с человековедческой позиции. В многообразии мнений и течений постепенно сформировались общие контуры теории психологического здоровья:

- 1 понятие «психологическое здоровье» фиксирует сугубо человеческое изменение, по сути, являясь научным эквивалентом здоровья духовного;
- 2 проблема психологического здоровья – это вопрос о норме и патологии в духовном развитии человека;

3 основу психологического здоровья составляет нормальное развитие человеческой субъективности³;
4 определяющими критериями психологического здоровья являются направленность развития и характер актуализации человеческого в человеке.

Основные подходы к проблеме психологического здоровья

Историческая инициатива в постановке и разработке проблемы психологического здоровья принадлежит видным западным ученым гуманистической ориентации – Г. Олпорту, К. Роджерсу, А. Маслоу. Гуманистическое течение в психологии оформилось на рубеже 1950-1960 гг. Его основополагающей особенностью стала сосредоточенность научной и практической деятельности на специфически человеческих проявлениях и общечеловеческих ценностях. Несмотря на разногласия внутри самого течения

Так, Г. Олпорт, введя представление о проприативности⁴ человеческой природы, составил образ психологически зрелой личности. К. Роджерс, настаивая на том, что человек наделен врожденным, естественным стремлением к здоровью и росту, раскрыл образ полноценно функционирующей личности. А. Маслоу на основе теории мотивации личности вывел образ самоактуализированного, психологически здорового человека. Резюмируя доводы упомянутых и других, не менее именитых авторов, можно утверждать, что, с точки зрения гуманистической психологии, питающей безусловное доверие к человеческой природе, общим принципом психологического здоровья является стремление человека стать и оставаться самим собой в процессе самоактуализации.

Гуманистический подход стал яркой вехой в развитии психологии. Он способствовал преодолению редуцированного восприятия человека в науке, скорректировал профессиональные

ского сознания, для которого «самость» есть основополагающая и конечная ценность. Такая позиция больше соответствует укладу языческого мира. Только объектом поклонения (идолом, кумиром) людей становятся не природные силы как живые сущности, а их собственная природа (натура), нормой жизни – самоутверждение и самовыражение во всех доступных формах, целью жизни – земные блага. Суть такого рода «природной духовности» проявляется в стремлении к человекобожеству, когда индивид старается приравнять себя к Богу, так и не потрудившись быть человеком. В наше время эта тенденция оформилась в культ вождельной успешности и приобрела характер социальной догмы. В действительности замыкание индивида в своем самосовершенствовании ради самосовершенствования чаще приводит к обесмысливанию бытия и общему снижению жизнеспособности.

Справедливости ради заметим, что установка на самоактуализацию получила неоднозначную оценку и среди гуманистически ориентированных психологов. Хорошо известна точка зрения В. Франкла, утверждавшего, что самоактуализация – это не конечное предназначение человека: «Лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя <...>. Подобно тому, как бумеранг возвращается к бросившему его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самоактуализации, только если он промахнулся мимо своего призвания» (Франкл, 1990, С. 58-59).

Надо признать, что сам термин «психологическое здоровье» вряд ли можно считать удачным. Тем не менее, он прочно вошел в профессиональный лексикон как эквивалент личностного (можно сказать – духовного, нравственно-психологического) здоровья.

Гуманистический подход стал яркой вехой в развитии психологии. Он способствовал преодолению редуцированного восприятия человека в науке, скорректировал профессиональные принципы в гуманитарных сферах (прежде всего в образовании и здравоохранении) и придал мощный импульс становлению практики психологической помощи людям

и размытость его границ, гуманистическая психология была признана в качестве новой психологической парадигмы, проповедующей преимущественно самобытность и самодостаточность человека. Вместе с ней в профессиональный

принципы в гуманитарных сферах (прежде всего в образовании и здравоохранении) и придал мощный импульс становлению практики психологической помощи людям. В период освоения профессии он воодушевлял и автора этих

Надо признать, что сам термин «психологическое здоровье» вряд ли можно считать удачным. Тем не менее, он прочно вошел в профессиональный лексикон как эквивалент личностного (можно сказать – духовного, нравственно-психологического) здоровья

лексикон входят пока еще «поэтико-метафорические» термины, определяющие качество индивидуальной жизни. В их числе – психологическое здоровье. Появляются работы, посвященные созданию психологических моделей здоровой личности, существенно обогатившие рациональный взгляд на проблему нормы.

строк. Критически осмыслив и соотнеся гуманистическую доктрину с опытом практической работы, должен признать, что далеко не все ее идеи и идеалы воспринимаются сегодня с прежней убедительностью.

Гуманистическая психология реализовала установку персоноцентриче-

³ «Субъективность» (по русски – «самость») - форма существования и способ организации человеческой реальности, суть - самостоятельность духовной жизни.

⁴ Термин «проприум» (буквально – «собственное») объединяет все, что человек ощущает как важную часть себя, о чем говорит: «Это – я» или «Это – мое».

отечественной психологией. Психологическое здоровье детей начинает рассматриваться как смыслообразующая и системообразующая категория профессионализма практических психологов образования. Так, II Всероссийский съезд психологов образования (Пермь, 1995 г.) постановил, что одной из главных целей деятельности педагогов-психологов является профессиональная забота о психологическом здоровье детей дошкольного и школьного возраста.

Отечественная наука предложила иные основания и принципы рассмотрения проблемы психологического здоровья, сообразные нашей культурной традиции и ментальности. Они последовательно реализованы в русле антропологического подхода (Слободчиков, Шувалов, 2001; Шувалов, 2011б, 2011в, 2012).

Центральной для антропологического подхода в психологии является идея возможности и необходимости восхождения человека к полноте собственной реальности. Человек здесь предстает в различных обликах, раскрывающих сущностные стороны и уровни субъективной реальности: бытие в качестве субъекта (функциональное и обыденное), бытие в качестве индивидуальности (единичное и уникальное) и бытие в качестве личности (целостное и над-обыденное). В соответствии с этим определены поуровневые условия и критерии психологического здоровья, которые (в норме!) образуют структуру иерархического соподчинения: от субъективации, жизнеспособности и самообладания («быть в себе») через индивидуализацию, самобытность («быть самим собой») и созидательность к самоодолению («быть выше себя»), духовному возрастанию и нравственному совершенствованию личности.

Парадигмальное отличие и эвристическая ценность антропологического подхода состоит в том, что он постулирует антиномию человеческой субъективности (самости): она есть средство («орган») саморазвития человека, и она же должна быть преодолена (преображена) в его духовном росте. Вспомним в связи с этим слова св. апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Галл. 2: 20).

В отличие от мировоззренческого контекста гуманистической психологии,

сосредоточенной на индивидуальной сущности человека, антропологический подход представляет собой соотнесение рациональной психологической мысли с православной традицией в стремлении к синергии научной методологии и духа учения Христа для решения проблем здоровья, развития и существования человека (табл. 1). Здесь общим принципом психологического здоровья является стремление человека быть выше себя в процессе универсализации индивидуального бытия, поскольку «человеческое бытие становится самым собой лишь превращаясь в со-бытие, когда свобода как любовь к Себе, развивается до свободы как любви к Другому. Во всей полноте развившихся свободы и любви в нас пробуждается Личность Бога. И всякий раз, когда мы относимся к Другому как к своему Ты, в таком отношении проглядывает божественное» (Хамитов, 2002, С. 140).

В отличие от мировоззренческого контекста гуманистической психологии, сосредоточенной на индивидуальной сущности человека, антропологический подход представляет собой соотнесение рациональной психологической мысли с православной традицией в стремлении к синергии научной методологии и духа учения Христа для решения проблем здоровья, развития и существования человека

Евангелие повествует о том, как один из «книжников» спросил Иисуса Христа: «Какая первая из всех заповедей?» Иисус отвечал ему: «Первая из всех заповедей: “Слушай Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею: вот, первая заповедь! Вторая, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; иной большей сих заповеди нет”» (Мк. 12: 29-31).

Вершиной духовного восхождения человека-христианина является Нагорная проповедь Иисуса Христа (Мф. 5-7). Начинается проповедь с девяти Заповедей Блаженства. Первая Заповедь – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» – на первый взгляд звучит парадоксально. Однако этот парадокс полон глубокого внутреннего смысла. «Нищие духом» – смиренные люди, отказавшиеся от произвола собственной самости ради единения с Богом и возрастания в меру Богочеловека. В этом и со-

стоит идея обретения полноты земной жизни как жизни во Христе.

Для наглядности сведем в таблицу общие положения гуманистической и антропологической моделей психологического здоровья (табл. 1).

Сравнение моделей психологического здоровья

В современном мире в духовно-мировоззренческой, социальной и культурной сферах ясно обозначилась поляризация и противостояние двух сил: традиционализма и постмодернизма. Сравнение двух моделей психологического здоровья человека с точки зрения этого противостояния позволяет лучше понять суть их различий.

Основу традиционализма составляет религиозное мировоззрение, ориентированное на мировые («авраамические») религии – христианство, иудаизм и ислам. Они происходят из древней традиции, восходящей к патриарху семитских

племен Аврааму, и признают Священное Писание Ветхого Завета. Западная цивилизация, к которой мы себя причисляем, возникла в лоне христианской культуры. Российская государственность оформилась на ниве православной духовной традиции. И это имеет для нас непреходящее значение.

Традиционализм аккумулирует в себе предельные ценности и смыслы земной жизни, объединяет духовный опыт многих поколений людей. Он предполагает прочные межпоколенные связи, обеспечивающие духовное наследование и культурную преемственность, ориентирует человека на путь духовно-нравственного возрастания, побуждает к сущностному познанию и осмыслению своей жизни, воодушевляет на благие дела, на служение не ради гордыни или обогащения, а ради торжества Добра и Истины.

Предтечей постмодернизма принято считать немецкого философа Ф. Ницше. В 1881-1882 гг. он пишет книгу «Веселая

Таблица 1. Модели психологического здоровья

Общие тематические параметры	Психологические модели здоровья	
	Гуманистическая	Антропологическая
Методологическая установка	Персоноцентрическая	Теоцентрическая
Вектор развития	Самоактуализация	Универсализация бытия
Основа психологического здоровья	Личностный рост как утверждение самости в наращивании способности полноценного функционирования	Духовное возрастание как преодоление самости в развитии способности к децентрации, самоотдаче и любви
Максима психологического здоровья	Стремление к самоидентичности: «быть самим собой»	Стремление к полноте человеческого бытия: «быть выше себя»
Образ нормы	Самобытность и самодостаточность	Самоодоление и синергичность
Дефициты развития	Диффузная идентичность, ограниченность мотивационно-смысловой сферы (поверхностность, приземленность), со-зависимость, выученная беспомощность	Отчуждение нравственных чувств, моральная незрелость (опустошенность) или моральная распушенность (ценностная дезориентированность), своенравие, следование в делах и поступках принципу «ничего святого»
Деформации развития	Развращение самомнением («комплекс полноценности»), иллюзия самодостаточности, односторонность мотивационно-смысловой сферы (эгоцентризм), самонадеянность и самозамкнутость (гордыня)	Метафизическая интоксикация, одержимость сверхценными идеями и фанатизм, иллюзия духовного совершенствования и самообольщение (духовная прелесть)
Установки психологической помощи	<ul style="list-style-type: none"> Психологическая помощь исходит из презумпции индивидуальной этики и, в силу этого, осуществляется как бы «по ту сторону добра и зла»; эмпатическое слушание, феноменологическое проникновение, фасилитация личностного роста человека недирективными психотерапевтическими средствами; безоценочное поддерживающее отношение: человека нужно принимать таким, каков он есть. 	<ul style="list-style-type: none"> Психологическая помощь затрагивает духовно-душевную сущность человека и, в силу этого, соотносима с нравственными аспектами жизни, с проявлениями «проблемы добра и зла»; диалогические формы контакта, ориентированные на пробуждение в человеке его «духовного Я»; доминанта на Другом и участная внеаходимость: сопереживание и вера в человека в сочетании со стремлением к объективности по отношению к отрицательным проявлениям его нрава.
Мировоззренческая ориентация	Неоязыческая: эволюция человека как человекобожества (самоутверждение и самообожествление)	Святоотеческая: эволюция человека как Богочеловека (самоодоление и единение с Богом)

Table 1. Mental Health Models

General Theme Attitudes	Mental Health Models	
	Humanistic	Anthropological
Methodological Attitudes	Personoriented	Theocentric
Vector	Self-Actualization	Universalization of Being
Basis of Mental Health	Personal development as an assertion of the self in acquiring the full functioning capacity	Spiritual growth as the overcoming of the self in the development of the ability to decenteration, dedication and love
Maxim of Mental Health	The desire for self-identity: "To be oneself"	The desire for the fullness of human existence "to be above oneself"
The image of the norm	Originality and self-sufficiency	Self-transcendence and synergy
Development Deficiency	Diffuse identity, limited motivational semantic sphere (superficiality, earthiness) codependency, learned helplessness	Alienation of moral feelings, moral maturity (drained) or moral turpitude (disorientation of values), perversity, following in deeds and behaving according to the principle of "nothing is sacred"
Development Deformation	Corruption conceit ("Usefulness Complex"), the illusion of self-sufficiency, one-sidedness of the motivational-semantic sphere (self-centeredness), self-enclosed and self-confidence (arrogance)	The metaphysical intoxication, obsession with overvalued ideas and fanaticism, delusion and self-deception of spiritual perfection (spiritual beauty)
Attitudes of Psychological Assistance	<ul style="list-style-type: none"> Psychological assistance is based on the presumption of individual ethics and, therefore, is carried out, as it were, "beyond good and evil"; empathic listening, phenomenological penetration, facilitation of personal growth nondirective psychotherapeutic means; supporting non-judgmental attitude: man must be taken for what it is. 	<ul style="list-style-type: none"> Psychological assistance affects the spiritual and the spiritual nature of man and, therefore, correlates with the moral aspects of life, with the manifestations of the "problem of good and evil"; dialogical forms of contact, focused on awakening in the person of his "spiritual self"; dominance over the Other and participator's outsideness: empathy and faith in man, combined with the desire for objectivity in relation to the negative manifestations of his character.
Ideological Orientations	Neopagan: the evolution of man as man-godhood (self-assertion and self-deification)	Patristic: the evolution of man as a God-man (self-transcendence and union with God)

наука». Один из персонажей книги – безумный человек, который в светлый полдень посреди рынка с зажженным фонарем ищет Бога и, не найдя его, заявляет, что Бог умер. Эта фраза не только выражает позицию самого философа, но и отражает настроение того времени, и становится афоризмом. В ней отголоски надвигающегося нравственного кризиса человечества, связанного с утратой веры в космический порядок и в абсолютные моральные законы. Люди отвернулись от Бога и Он «умер» в их сердцах. В это же время Ф.М. Достоевский через своего героя Ивана Карамазова задается вопросом: «Если Бога нет, значит, все можно?»

Традиционализм теснится, с одной стороны, позитивной наукой, с другой – богоборческим гуманизмом. Ученые-естествоиспытатели обещают посредством научно-технического прогресса в самое ближайшее время решить основные проблемы человечества. На деле достижения науки и технологический бум порождают в человеке иллюзию всемогущества, подталкивают к безоглядно экспансивному характеру деятельности. Интенсивное вмешательство в природу, провокативно-манипулятивные действия в общественной и культурной жизни провоцируют экологические и этические проблемы, которые бумерангом возвращаются к человеку, но уже в масштабе социальной энтропии и глобальных аномалий.

В 1933 г. в США был опубликован первый гуманистический манифест – программный документ апологетов гуманизма, главная идея которого состояла в необходимости создания новой нетрадиционной гуманистической доктрины, которая должна прийти на смену традиционным верованиям. Эта доктрина проповедует самоценность человеческой индивидуальности и ориентирует человека исключительно на мирские ценности.

Во второй половине XX века в условиях отхода западного общества от ценностей традиционной культуры формируется постмодернизм – специфическое мировоззрение и умонастроение с претензией на переосмысление самой сущности культуры, места и назначения человека в мире. Человеческое бытие в постмодернизме получает

весьма сомнительное толкование. Вслед за «смертью Бога», провозглашенной Ф. Ницше, постмодернисты заявляют о «смерти Человека», имея в виду уход с исторической сцены людей, ориентированных на традиционные ценности. Постмодернизм упраздняет нормы морали и раскрепощает человека: все относительно и все допустимо, вплоть до

Интенсивное вмешательство в природу, провокативно-манипулятивные действия в общественной и культурной жизни провоцируют экологические и этические проблемы, которые бумерангом возвращаются к человеку, но уже в масштабе социальной энтропии и глобальных аномалий

принципа «ничего святого». Возникнув как явление духовной жизни Запада, постмодернизм на рубеже 1980-1990-х гг. преодолел его границы и стал распространяться на просторах всего мира, затрагивая разные сферы жизнедеятельности людей.

Ошибочность гуманистической модели, на наш взгляд, заключается в абсолютизации «индивидуального Я», возведении «самости» человека в ранг верховной ценности. Такая линия неизбежно ведет к индивидуализму и, в конечном итоге, к одиночеству человека, замыканию на своем самосовершенствовании ради самосовершенствования

Антропологическая модель психологического здоровья ориентирована на традиционную концепцию человека, призванного к духовному возрастанию и преобразению. Традиционная концепция человека системно представлена в богословской антропологии и творчески воспринята в рамках антропологического подхода к решению проблемы психологического здоровья. Здесь норма – это самоодоление человека: преодоление эгоцентризма, подчиненность душевных и физических сил, мотивов и поступков нравственному началу личности; это синергия: переживание человеком сопричастности Единому Первоначалу и добродетели; это децентрация: приобщение к ценностям и обретение смыслов, которые воодушевляют к самоотдаче, терпимости и любви к ближнему.

Гуманистическая модель психологического здоровья тяготеет к постмодернистскому идеалу самодостаточного человека, освобожденного от бремени нравственной проблематики ради сохранения чувства самоидентичности и самоактуализации. Здесь норма – это

стремление человека преуспеть, оставаясь всегда и во всем верным себе. Но, как показывает жизнь, самоутверждение возможно и на основе негативных образцов и ценностей, побуждающих к анархии, хаосу, допингу, кощунству и вандализму.

Ошибочность гуманистической модели, на наш взгляд, заключается в аб-

солютизации «индивидуального Я», возведении «самости» человека в ранг верховной ценности. Такая линия неизбежно ведет к индивидуализму и, в конечном итоге, к одиночеству человека, замыканию на своем самосовершенствовании ради самосовершенствования.

На этом пути уходят сакральность и тайна, теряется метафизический, духовный компонент развития (Братусь, 2000, С. 48). Безрелигиозный гуманизм «обожествляет» человека в его природном естестве и своеволии, что неминуемо порождает аморальность. Видимо поэтому «посевы» гуманизма, не подкрепленные духовно-нравственным воспитанием личности, на деле дают сомнительные «всходы» эгоцентризма, а вместе с ним и множества человеческих недостатков и пороков. Вспомним в связи с этим очень точное замечание К.Н. Леонтьева о том, что индивидуализм, ставший доминантой развития, губит индивидуальность людей и своеобразие наций (Леонтьев, 1992, С. 59). Нечто подобное мы можем наблюдать теперь в нашей стране.

Отчуждение от духовной традиции и ориентация на постмодернистский идеал разжигают в человеке эгоцентризм, пробуждают своенравие и самонадеянность, влекут, с одной стороны, ценностную дезориентированность, страстность, с другой – внутреннее опустошение, переживание бессмысленно-

сти жизни и, в конечном итоге, приводят к общему снижению жизнеспособности. Эгоцентризм – «ахиллесова пята» человека замыкает его на собственных интересах, целях и пристрастиях, пробуждает гордыню, толкает к деструктивным и/или аутодеструктивным действиям. Преобладание постмодернистских тенденций в обществе ведет к кардинальной смене (по сути, перекодировке) приоритетов человеческого бытия. Ориентация на нравственное достоинство, крепкую семью, служение Отчизне и обществу подменяется признанием самоценности отдельной личности, поощрением ее самовыражения и самоутверждения любыми средствами и любой ценой. При таком целеполагании обостряются проблемы, обусловленные всплеском эгоцентризма и распространением антисоциального поведения. В обществе нарастают девиантные и аномические тенденции: люди привыкают действовать за счет других, в ущерб другим, про-

нирывать личное будущее, ставить перед собой цели и творчески подходить к решению жизненных задач, иметь смелость принимать решения и совершать поступки от первого лица. Именно в процессе индивидуализации по мере взросления и вступления в самостоятельную жизнь человек сталкивается с необходимостью нравственного самоопределения. Но индивидуализация – не самоцель, а одно из важных условий нравственного совершенствования личности, ступень на тернистом пути духовного возрастания человека. При этом ошибочно полагать, что перед лицом извечной проблемы добра и зла человек в состоянии блости верность самому себе. В ситуациях нравственного выбора мы вынуждены снова и снова решать пожизненно неразрешимую дилемму: либо «быть выше себя» и, вопреки усталости, лености, скупости, страху, вступаться за правду и справедливость, протягивать руку помощи нуждающимся, делать шаги навстречу оступившим-

и верность, любовь и терпение, чувство долга и служение. А противостоят им обезличенность (в просторечии – «малодушие»⁵), дезинтеграция личности (в просторечии – «осуетление»⁶ и «равнодушие»), деформация личности (в просторечии – «криводушие», «окаянство»⁷), выделенные и описанные как формы дигногенеза человеческой субъективности в рамках антропологической модели психологического здоровья (Шувалов, 2011б, 2011в).

Проницательный ум заметит весьма существенное обстоятельство: гуманистическая и антропологическая модели разномасштабны (рис. 1). Это позволяет конструктивно преодолевать противоречия, если воспринимать первую в качестве частичного и подчиненного аспекта второй. Теоцентрический подход отнюдь не умаляет зорко подмеченные и изложенные в рамках гуманистической модели нюансы развития человека, органично вживляя их в общую структуру человеческой субъективности на новой мировоззренческой и методологической основе, но теперь уже в качестве теогуманизма (Шувалов, 2014б).

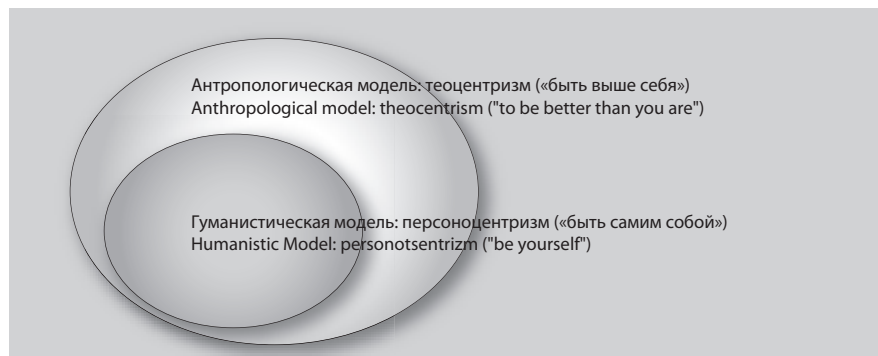

Рисунок 1. Соотношение моделей психологического здоровья

Fig. 1. The ratio of mental health models

Чтобы не создалось впечатления посягательства на право человека иметь частную жизнь и огульной критики гуманистического подхода, отдадим ему должное. Гуманистический подход, безусловно, несет в себе рациональное зерно: человеку важно научиться формировать собственное видение и понимание действительности, обрести свой почерк и свой стиль в деятельности, уметь пла-

ся, либо «быть ниже себя», лукавя, пасуя или самоустраиваясь. Вариант «быть самим собой» здесь, увы, нереализуем, ибо человек в духовно-нравственном плане не тождественен самому себе, потому что в своих личностных устремлениях он сопряжен с силами добра или силами зла в их явных или латентных проявлениях. Здесь (в норме!) действуют другие, более высокие мотивы: вера

Психологическое здоровье и национальный воспитательный идеал

Отечественному образованию традиционно отводится ведущая роль в духовно-нравственной консолидации общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны. В связи с этим была разработана «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (Данилюк и др., 2011), которая представляет собой ценностно-нормативную основу взаи-

⁵ Буквально – упадок духа, малодушный человек – слабохарактерный человек, легко поддающийся стороннему убеждению и своим мелочным рас-
четам.

⁶ Погружение в не имеющие истинной ценности, пустые и бесплодные заботы.

⁷ Недостойный человека и заслуживающий осуждения образ мыслей и поступков, ведущий к духовной гибели; «окаянный» – по-церковнославянски каиноподобный, то есть подобный первому человекоубийце.

модействия общеобразовательных учреждений с другими субъектами социализации – семьей, общественными организациями, религиозными объединениями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации. Целью этого взаимодействия является обеспечение условий для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

Важнейшими национальными задачами нашей страны в Концепции названы преумножение численности многонационального народа Российской Федерации, повышение качества его жизни, улучшение условий труда и творчества, укрепление духовности и нравственности, гражданской солидарности и государственности, развитие национальной культуры. Решение этих задач должно обеспечить устойчивое и успешное развитие России. Ключевое значение в тексте документа отводится современному национальному воспитательному идеалу, который определяется:

- национальными приоритетами;
- необходимостью сохранения преемственности по отношению к национальным воспитательным идеалам прошлых исторических эпох;
- положениями Конституции Российской Федерации;
- содержанием Закона Российской Федерации «Об образовании».

Современный национальный воспитательный идеал – это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации (Данилюк и др., 2011, С. 11).

Полагаем, что порядок перечисления педагогических приоритетов: нравственность, творчество, компетентность не является случайным и отражает систему их соподчинения – от региональных задач формирования компетентностей, необходимых для существования в мире, через развитие способности их творческого приложения, к общезначимой установке на личностное развитие и нравственное воспитание детей.

Таким образом, представления о современном национальном воспитательном идеале буквально соответствуют выделенным в рамках антропологической модели условиям и критериям психологического здоровья: от субъективации, самообладания и жизнеспособности через индивидуализацию, самобытность и созидательность к самоодолению, духовному возрастанию и нравственному совершенствованию личности.

Закономерно, что представления о психологическом здоровье наиболее основательно закрепились именно среди специалистов системы образования. Для системы образования проблема психологического здоровья сводится к вопросу о том, какой субъективный настрой и духовный облик складывается у ребенка в процессе развития. Поэтому психологическое здоровье является не столько диагностическим, сколько контекстным понятием, фокусирующим педагогов и специалистов на профес-

и взаимодополнения (рис. 2). Этот настрой системы образования мы называем «симфонией» (Шувалов, 2011а). При первом приближении он может быть очерчен в виде трех уровней образовательных процессов, на которых осуществляется и результируется развитие.

На первом уровне ребенок, интеллектуально познавая и практически осваивая разнообразные предметы, развивается как самостоятельный субъект, приспособляющийся к сложным условиям природной среды и социокультурного окружения. Здесь отношения взрослого и ребенка строятся по типу формальной общности, в которой параметры совместной деятельности (образовательные стандарты, учебный план, учебная программа) заранее заданы, статусы (учитель и ученик) и функции (учить и учиться) предписаны. Развитие и качество образования обеспечиваются грамотной организацией и методикой ведения учебного процесса.

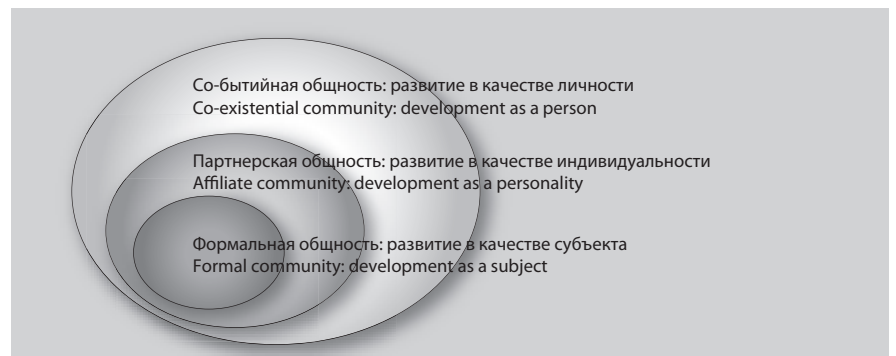

Рисунок 2. Соотношение форм педагогической деятельности

Fig. 2. Value forms of pedagogical activity

сиональной сверхзадаче. В образовании – это приоритет развития ребенка как личности. Соответственно, педагогическая деятельность может быть понята и описана как антропопрактика, ориентированная на обретение ребенком всей возможной полноты своего существования. В таком виде она максимально благоприятствует сохранению и укреплению психологического здоровья учащихся. При этом, определение основной миссии образования – обеспечение личностного развития и нравственного воспитания ребенка – подразумевает и другие функции образования, приводя их на основе принципа иерархии (соподчинения) к состоянию согласия

Но приобретаемые знания и умения (компетенции) в подлинном смысле облагораживают ребенка лишь в той мере, в которой благоприятствуют развитию его индивидуальности: помогают ему формировать собственное видение и понимание действительности, оттачивать свой почерк и свой стиль деятельности, учиться принимать решения и совершать поступки от первого лица. Залогом решения образовательных задач второго уровня является «человеческий фактор» – личное обаяние и педагогический такт взрослых, которые обнаруживают себя в чутком и бережном отношении к проявлениям нарождающейся детской самобытности, умении заинте-

ресовать, воодушевить ребенка, предоставить соразмерные его возрастным возможностям степень свободы и пространство самоопределения. Задача педагога (специалиста) состоит в том, чтобы, не стесняя развитие детей формальными требованиями и ограничениями, постараться помочь каждому ребенку понять и проявить себя, определить свои интересы и обрести вкус к творчеству, крепко встать на ноги и пойти по жизни своим путем. Здесь образовательная практика перестраивается на эгалитарный стиль отношений, складывается партнерская общность взрослого и ребенка.

В процессе индивидуализации по мере взросления и вступления в самостоятельную жизнь человек начинает лично сталкиваться с необходимостью нравственного самоопределения. Поэтому индивидуализация – не самоцель, а одно из важных условий нравственного совершенствования личности, ступень на тернистом пути духовного роста человека. Человек как личность непрерывно экзаменуется мучительной проблемой добра и зла и вытекающей из нее проблемой достойного и недостойного бытия в мире. Необходимость делать нравственный выбор побуждает человека искать высшие (спасительные) ориентиры, укрепляющие и направляющие

его. В контексте истории и культуры – это духовная традиция как источник и форма обретения своей подлинной сущности, а с ней и всей возможной полноты существования. В религиозном миропонимании – это чувство присутствия Живого Бога, твердая вера и добрые дела. Пространством личностного развития и нравственного воспитания ребенка является со-бытийная общность: духовное единение людей на основе общих ценностей и смыслов, преодоление каждым тяготения собственного эгоцентризма и границ своей индивидуальности, переживание чувства солидарности, ответственности и преданности, которое включает в себя и «я», и «ты», и «мы».

Со-бытийная общность теоцентрична и синергийна. Педагогической нормой здесь является опыт децентрации взрослого и ребенка в диалогическом общении, сотрудничестве и сопереживании. На этом уровне развития в нас утверждается понимание человека как носителя образа Божия, когда другой человек в наших глазах обретает особую сакральную ценность.

Мера соответствия современного отечественного образования положениям национального воспитательного идеала и стандартам антропопрактики – это отдельная и весьма злободнев-

ная тема, которой мы уделяем внимание в других наших исследованиях (Шувалов, 2011а, 2014а).

Заключение

Для нормализации психологического здоровья отдельных людей и жизни общества в целом недостаточно приведения в действие политических, экономических, правовых или культурных регуляторов. Необходима деятельная забота о духовно-личностном развитии и нравственном совершенствовании человека. Такие возможности открываются в условиях семейного воспитания, в сферах педагогической деятельности и психологической помощи. Это основные области приложения антропологической модели психологического здоровья. Антропологический подход к проблеме здоровья позволяет восполнить научную базу гуманитарных практик рациональными представлениями, отвечающими современным вызовам. Чтобы психология могла полноценно включиться в процесс исцеления современного человека и общества требуется реабилитация духовного начала внутри самой психологии. Сегодня это важный аспект развития научного психологического знания.

Литература:

Анализ положения детей в Российской Федерации : Доклад ЮНИСЕФ // Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, 2013. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.rfdeti.ru/files/1270207063_analiz_rf.pdf – (дата обращения: 05.04.2013).

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва : Советский писатель, 1963.

Братусь Б.С. Образ человека в психологии / Б.С. Братусь // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – Москва : Смысл, 1997. – С. 67-91.

Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология / Б.С. Братусь. – Москва : Флинта, 2000.

Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – Москва : Просвещение, 2011.

Дубровина И.В. Введение в практическую психологию образования // Практическая психология образования / под ред. И.В. Дубровиной. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – С. 15-178.

Зинченко Ю.П. Психологическое здоровье и профессиональная самореализация руководителя / Ю.П. Зинченко, И.С. Бусыгина // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 89-95.

Леонтьев К.Н. Записки отшельника : публицист. и филос. ст. / К. Леонтьев ; сост., вступ. ст., примеч. В. Чочеткова. – Москва : Рус. кн., 1992. – 538 с., портр.

Маслоу А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 1999.

Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник для студ. вузов / В.С. Мухина. – Москва : Академия, 1999.

Олпорт Г. Становление личности / Г. Олпорт. – Москва : Смысл, 2002.

- Павел Астахов считает суициды государственной трагедией : комментарии пресс-службы Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павла Астахова // Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, 2013. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.rfdeti.ru/display.php?id=4735> – (дата обращения: 05.04.2013).
- Рассказова Е.И. Модели стадий изменения поведения в психологии здоровья: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2014. - №4 – с.102-119.
- Решетников М.М. Психическое здоровье населения – современные тенденции и старые проблемы. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 9-15.
- Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – Москва : Прогресс, 1994.
- Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – Москва : Школа-Пресс, 1995.
- Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – Москва : Школьная Пресса, 2000.
- Слободчиков В.И. Духовно-нравственное становление и развитие человека // Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения как определяющее условие развития общества : сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции (16-18 февраля 2011 г.) / под ред. Т.А. Синоюшкиной. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КИПКПК, 2011.
- Слободчиков В.И. Категориальный строй постнеклассической психологии человека // Современная личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Слободчиков В.И. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей / В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 91-105.
- Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьев Соч. В 2 т. Т. 1. – Москва, 1988.
- Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Мирь», 2009. – С. 249-295.
- Флоренская Т.А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем / Т.А. Флоренская. – Москва : Русский Хронограф, 2009.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990.
- Хамитов Н.В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии / Н.В. Хамитов. – Киев: Ника-Центр, 2002.
- Чеснокова М.Г. Общепсихологические основания исследования здоровья личности // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 96-102.
- Шмеман А., протоиерей. Дневники 1973-1983 / протоиерей А. Шмеман. – Москва : Русский путь, 2005.
- Шувалов А.В. Принцип симфонии в системе образования (психолого-педагогическое эссе) / А.В. Шувалов // Образовательная политика. – 2011а. – № 3. – С. 97-105.
- Шувалов А.В. Антропологический подход к проблеме психологического здоровья / А.В. Шувалов // Вопросы психологии. – 2011б. – № 5. – С. 3-16.
- Шувалов А.В. Проблема психологического здоровья в свете православной духовной традиции / А.В. Шувалов // Человек. – 2011в. – № 6. – С. 134-151.
- Шувалов А.В. Психологическое здоровье и гуманитарные практики / А.В. Шувалов // Вопросы психологии. – 2012. – № 1. – С. 1-10.
- Шувалов А.В. Психолого-педагогические аспекты реализации воспитательного идеала / А.В. Шувалов // Вопросы психологии. – 2014а. – № 5. – С. 57-70.
- Шувалов А.В. Методологические аспекты психологического человекознания / А.В. Шувалов // Национальный психологический журнал. – 2014б. – № 3 (15). – С. 17-27.

References:

- Allport, G. (2002) Stanovlenie lichnosti [Development of the person]. Moscow, Smysl.
- Bakhtin, M.M. (1963) Problemy pojetiki Dostoevskogo [Issues of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskii pisatel'.
- Bratus', B.S. (1997) Obraz cheloveka v psikhologii [The image of person in psychology]. *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoy psikhologii* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in the post-Soviet psychology]. Moscow, Smysl, 67-91.
- Bratus', B.S. (2000) Russkaya, sovet'skaya, rossiyskaya psikhologiya [Russian, Soviet, Russian psychology]. Moscow, Flint.
- Chesnokova M.G. (2013). General psychological bases for individual health research. *National Psychological Journal*, 1, 96–102.
- Danyluk, A.Y., Kondakov, A.M., & Tishkov, V.A. (2011) Kontsepsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii [The concept of spiritual and moral development and education of a citizen of Russia]. Moscow, Prosveschenie.
- Doklad YuNISEF «Analiz polozheniya detey v Rossiyskoy Federatsii» [UNICEF report «Analysis of the situation of children in the Russian Federation»]. *Sayt Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka, 2013* [Website of the Commissioner of the President of the Russian Federation for the Rights of the Child, 2013]. URL: http://www.rfdeti.ru/files/1270207063_analiz_rf.pdf (date of treatment: 04/05/2013).
- (Ed.) Dubrovin, I.V. (2004) Vvedenie v prakticheskuyu psikhologiyu obrazovaniya [Introduction to the practical psychology of education]. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical psychology of education]. SPb, Piter, 15-178.
- Florenskaya, T.A. (2009) Mir doma tvoego. Chelovek v reshenii zhiznennykh problem [The world of your house. Man in solving life's problems]. Moscow, Russkii Khronograf.
- Frank, S.L. (2010) Chelovek i Bog [Man and God]. Minsk, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov'.
- Frankl, V. (1990) Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow, Progress.

- (2014) K 70-letiyu V.I. Slobodchikova [On the 70th anniversary of V.I. Slobodchikov]. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 4, 143-149.
- Khamitov, N.V. (2002) *Filosofiya cheloveka: ot metafiziki k metaantropologii [The philosophy of the person, from metaphysics to meta-anthropology]*. Kiev, Nika-Tsenter.
- Leontiev, K.N (1992) *Vizantizm i slavyanstvo [Byzantium and the Slavs]. Zapiski otshel'nika [Notes of a hermit]*. Moscow.
- Maslow, A.G. (1999) *Motivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]*. SPb, Evrasia.
- Nicholas Serbian, St. (2010) *Mysli o dobre i zle [Thoughts of right and wrong]*. Minsk, Izdatel'stvo D. Kharchenko.
- (Ed.) Nikiforov, G.S. (2003) *Psikhologiya zdorov'ya. Uchebnik dlya vuzov [Health Psychology. Textbook for high schools]*. SPb, Piter.
- Pavel Astakhov schitaet suitsidy gosudarstvennoy tragediy [Pavel Astakhov considers suicides a public tragedy]. *Sayt Upolnomochennogo pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka, 2013 [Website of the Commissioner of the President of the Russian Federation for the Rights of the Child, 2013]*. URL: <http://www.rfdeti.ru/display.php?id=4735> (the date of circulation: 04.05.2013).
- Reshetnikov I.I. (2015). Mental health of Russian population: new tendencies and old problems. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 9-15.
- Rogers, K.R. (1994) *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka [A look at psychotherapy. Becoming a person]*. Moscow, Progress.
- Schmemmann, A., Archpriest (2005) *Dnevniky 1973-1983 [Diaries 1973-1983]*. Moscow, Russkiy put'.
- Shuvalov, A.V. Printsip simfonii v sisteme obrazovaniya (psikhologo-pedagogicheskoe esse) [The principle of the symphony in the education system (psycho-pedagogical essay)]. *Obrazovatel'naya politika [Educational Policy]*, 2011a. № 3. S. 97-105.
- Shuvalov, A.V. (2011b) *Antropologicheskii podkhod k probleme psikhologicheskogo zdorov'ya [The anthropological approach to the problem of psychological health]*. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 5, 3-16.
- Shuvalov, A.V. Problema psikhologicheskogo zdorov'ya v svete pravoslavnoy dukhovnoy traditsii [The issue of mental health in the light of the Orthodox spiritual tradition]. *Chelovek 2011 [Man 2011]*. 6, 134-151.
- Shuvalov, A.V. (2012) *Psikhologicheskoe zdorov'e i gumanitarnye praktiki [Psychological health and humanitarian practice]*. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 1, 1-10.
- Shuvalov, A.V. (2013) *Invarianty psikhologicheskogo chelovekoznanija [Invariants of psychological anthropology]*. [Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University]. Series 4, Pedagogy, Psychology.1 (28), 109-128.
- Shuvalov, A.V. (2014a) *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty realizatsii vospitatel'nogo ideala [Psychological pedagogical aspects of the implementing the educational ideal]*. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 5, 57-70.
- Shuvalov, A.V. (2014b) *Metodologicheskie aspekty psikhologicheskogo chelovekoznanija [Methodological aspects of psychological anthropology]*. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 3, 17-27.
- Slobodchikov, V.I., & Isaev, E.I. (1995) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: vvedenie v psikhologiyu subektivnosti. Uchebnoe posobie dlya vuzov. [Fundamentals of psychological anthropology. Human Psychology: An Introduction to the psychology of subjectivity. Textbook for high schools]*. Moscow, Shkola-Press.
- Slobodchikov, V.I., & Isaev, E.I. (2000) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: razvitie subektivnoy real'nosti v ontogeneze. Uchebnoe posobie dlya vuzov. [Fundamentals of psychological anthropology. Psychology of human development: the development of subjective reality in ontogeny. Textbook for high schools]*. Moscow, Shkola-Press.
- Slobodchikov, V.I. (2012) *Kategorial'nyy stroy postneklassicheskoy psikhologii cheloveka [Categorical structure of postnonclassical human psychology]. Sovremennaya lichnost': Psikhologicheskie issledovaniya [Modern personality: Psychological studies]*. Moscow, Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN».
- Slobodchikov, V.I., & Shuvalov, A.V. (2001) *Antropologicheskii podkhod k resheniyu problemy psikhologicheskogo zdorov'ya detey [Anthropological approach to the problems of mental health in children]*. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 4, 91-105.
- Sokolova, E.T. (2013). Cultural-psychological and clinical perspectives of research on phenomena of subjective uncertainty and ambiguity. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(2), 78-88. doi: 10.11621/pir.2013.0207
- Solovyov, V.S. (1988) *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of the Good. Moral philosophy]*. Vol. 2. Moscow.
- Stepin, V.S. (2009) *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classical, non-classics, post- non-classics: criteria for distinguishing]. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura [Post-non-classics: philosophy, science, and culture]*. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Mir", 249-295.
- Zinchenko Yuriy D., Busygina Ina S. (2013). Psychological health and professional actualization of the company executive. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 89-95.

Роль пластического образа в формировании идентичности личности: исторический аспект

А.М. Айламазян Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 8 апреля 2015/ Принята к публикации: 17 мая 2015

The role of the plastic image in developing personal identity: historical aspects

Aida M. Ailamazyan Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

Received: April 8, 2015 / Accepted for publication: May 17, 2015

В статье поставлен вопрос о значении знаково-символической функции в формировании личности человека. С позиций культурно-исторической психологии личность человека как некая тотальность и субъектность может быть рассмотрена в качестве высшей психической функции, которая должна быть раскрыта с точки зрения ее исторического генеза и тех культурных средств, которые участвуют в ее организации и развитии. Показана роль пластического образа как культурного средства, позволяющего человеку осмыслить себя и свое место в мире как некую целостность и ценность. Рассмотрен генез пластического знака от буквальных телесных преобразований (татуировка и пр.) до более условных форм, когда пластический образ приобретает символическое значение (маска, танец, роль актера в театре и др.). По его истории можно проследить, как возникают те представления о человеке, которые мы связываем с личностью и индивидуальностью. Появление самых зачаточных культурных форм поведения демонстрируют активное, преобразующее отношение человека к самому себе. Телесные изменения, культурное «членовредительство» и другие преобразования своей телесности становятся первыми признаками и знаками выделения себя из природы и формирования самого явления идентичности и механизма отождествления с родовым именем и образом тотема. Появление скульптурного портрета и антропоморфных изображений свидетельствуют о выделенности отдельного человека из рода, социума, и осознании себя как гражданина полиса, самостоятельно принимающего решения и несущего за них ответственность. В дальнейшем возникшая театральная культура сформировала представления о человеке как об актере, который может исполнять ту или иную роль, не сливаясь с ней полностью, принимая решение с разных позиций.

Ключевые слова: пластический знак, пластический образ, маска, танец, театр, персональность, культурно-историческая психология

The paper raises the issue of signs and symbolic meaning in developing human personality. From the standpoint of cultural historical psychology personality as a kind of totality of subjectivity may be considered as a higher mental function that should be disclosed in terms of its historical genesis and the cultural resources that are to develop it. The role of the plastic image as a cultural means of allowing a person to conceptualize himself/herself and his/her place in the world as a kind of integrity and value is shown. The genesis of the plastic sign of literal physical transformation (tattoos, etc.) to more conventional forms when the plastic image takes on a symbolic value (mask, dance, actor's part in the theater and others) is considered. Its history can reveal such representations of a person as personality and individuality. The emergence of the most rudimentary forms of cultural behaviour demonstrates an active, transforming the relation of person to him/herself. Bodily changes, cultural «mutilation» and other transformations of physical features are the first signs and symptoms of separation from the nature and development of identity and mechanism of identification with the family name and the image of the totem. The sculptural portrait and anthropomorphic images point to the allocation of the individual family, society and the awareness of a person as a citizen of the state, make their own decisions and to responsibility for oneself. Further theatrical culture shaped a view of a person as an actor who can carry a role without merging with it completely, taking a decision from different positions.

Keywords: plastic sign, plastic image, mask, dance, theater, personal, cultural and historical psychology.

Отношение к сложным явлениям психической жизни человека как к социально и культурно обусловленным процессам завещано нам культурно-исторической психологией Л.С. Выготского. Культурная обусловленность в методологии Л.С. Выготского раскрывается как опосредствованность, инструментальность высших психических функций, а историчность указывает на их генез, происхождение и развитие. Благодаря культурным опосредствованиям психические функции становятся высшими – т.е. сознательными, управляемыми человеком процессами. Закон овладения своим поведением, как главный закон, руководящий психическим развитием человека, был сформулирован Л.С. Выготским и доказан в целом цикле исследований его учеников на примере изучения развития памяти, внимания, мышления и речи (Выготский, 2005). Управление своим, как и чужим поведением, по мысли Л.С. Выготского, стало возможно, благодаря овладению механизмами психической регуляции. В отличие от прямых манипуляций с поведением или психикой, культурное опосредствование расширяет зону свободы человека, а не программирует его. Этот факт, часто ускользающий от внимания исследователей, позволяет увидеть проблематику психологии личности в теории Л.С. Выготского.

Роль культуры не сводится к орудийности и инструментальности – нельзя не согласиться с этой критикой в адрес подхода Л.С. Выготского. Последний как бы за скобками оставляет вопрос о том, что такое культура и личность. С нашей точки зрения, эти проблемы косвенно обозначаются и решаются. Во-первых, отметим, что сам выбор культурного поведения является неким выходом за пределы наличной ситуации и актом свободы. Культурное

поведение, отодвигающее нужду и витальную потребность, дающее зазор между действующими на человека стимулами и его ответом, прежде всего, полагает зону свободного выбора. Культуру нельзя навязать, ее можно только выбрать. Отсюда вечная альтернатива нашей жизни: дикость, псевдокультура, культура. И опосредствованному, символом освещенному поведению, пониманию люди по-прежнему предпочитают ситуативный ответ и сиюминутное видение.

Знаки сами по себе – слабый стимул: в них нет витального зова, отсутствует элементарная интенсивность ощущений. Но это не ошибка, а тайна знака. Освобождая от принудительности и гипноза, не увлекая аффектом, знак предлагает работать в зоне малых интенсивностей и только наличие и создание определенных условий, постоянной работы и усилий субъекта (т.е. культа) позволяет удерживать внимание на знаке, а воображение и вера сообщают ему магическую силу. Итак, за инструментальной функцией угадывается субъект, который опосредованным образом воздействует сам на себя и получает, тем самым, независимость от действия «поля» (в широком смысле слова, включая свои внутренние условия).

Высшие психические функции (ВПФ) – результат «искусства». Но никогда в «искусственности» у Л.С. Выготского нет произвола (в отличие от понимания «искусственного» в психике и сознании в постмодернистской методологии). Представления о созревании функций и сензитивных периодах в их развитии, о внутренней структуре слова, взаимоотношениях смысла и значения, стадиях развития мышления – все это говорит о включении знака в систему отношений, об укорененности знака в сознании человека, о его символической природе. В

теории Л.С. Выготского «функции» принадлежат «волящему» субъекту, совершающему очень странный выбор: отказываясь от необходимости в сторону свободы, от явной предпочтительности и легкости непосредственного реагирования и удовлетворения нужды в сторону культуры. Не стоит ли за таким выбором влюбленность в культуру, а, значит, в красоту? Этот выбор субъекта не может быть объяснен причинно-обусловленным поведением и является актом свободы, т.е. трансцендирующего за пределы самого себя.

Хочется задать вопрос: можно ли указать пути и этапы развития субъектности, используя методологию Л.С. Выготского, можно ли выявить культурно-символический аспект в становлении личности человека?

Прежде всего, зададим те параметры и характеристики, которые конституируют субъектность на уровне личности. В теории деятельности А.Н. Леонтьева субъектность выражается в мотивированности, направленности деятельности. В общем виде это отражается на додеятельностном уровне в активности, избирательности и пристрастности психики. Уже на зачаточных стадиях своего развития личность предполагает некоего «автора» этих действий, некий единый центр, из которого исходят инициативы. Именно такая центрированность обеспечивает согласованность мотиваций и психофизическую и даже организмическую целостность индивида. Наличие инициативы – не менее важная характеристика, предполагающая возможность действий, направленных на преобразование условий, в которых индивид находит себя, в том числе, преобразование себя и таким образом – создание среды (в широком смысле), в которой он живет, и себя самого. Инициатива не обеспечивается обстоятельствами деятельности, но вызвана той сверхсобранным, которая связана с центрированностью психической жизни.

Если говорить об инструментальном подходе к проблеме целостности субъекта, то она может быть достигнута через некий гештальт или целостный образ, «схватывающий» реальность субъекта, очерчивающий его простран-

Аида Меликовна Айламазян – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: aida@heptachor.ru

ство и территорию. По нашему предположению такие способы обозначить, задать человека, как осмысленного субъекта, мы находим в культуре с первых шагов человеческой истории.

Утрата природной целостности психической жизни и поведения, обусловленных господством инстинкта, ставит перед человеком, теперь уже как его собственную, задачу задачу «новой сборки». Это приводит к необходимости найти способы управления своим целостным поведением, обеспечивающие последовательность, непротиворечивость и логичную направленность последнего. В противном случае, раздираемый отдельными импульсами, не связанными в систему, человек обречен либо на участь Буриданова осла, либо, в худшем варианте, на безумие, ужас «психического хаоса».

Именно такую функцию обуздания первичного хаоса и овладения своим целостным поведением выполняли первобытные образы поклонения, а в психическом смысле, образы – идентификации, рождающие первое самосознание человека. Как показано в многочисленных этнографических исследованиях, в первобытных обществах мы встречаемся с фактом «отождествления» человека себя с тотемным животным.

Согласно определениям этнографов, тотемизм представляет собой соединение мифических представлений, религиозных обычаев и обрядов, связанных с якобы существующим кровным родством между людьми и животными, реже растениями. «Тотем – это символ, используемый для выделения и отличия определенного рода и племени. Часто им бывает какое-нибудь местное животное, принятое в качестве талисмана; оно становится тотемом в том случае, когда находит отражение в каком-нибудь виде искусства» (Громько, 1984, С. 88-89). Животное или растение, именем которого называлось племя, считалось прародителем всего рода и с ним связывались многочисленные табу: запрещалось убивать и употреблять в пищу тотемное животное и растение, вводились нормы, запрещающие браки между членами рода, поклоняющихся одному и тому же тотему и т.д.

В мифологии этих народов и племен существует некоторая история, определенным образом объясняющая происхо-

ждение тотема и соответствующей маски. В них подчеркивается, как правило, спасительный момент (животное оказывает помощь) и с этой историей связывается рождение племени. Однако такой рассказ часто носит явно парадоксальный характер и психологический смысл можно понять, только учитывая эту парадоксальность. Приведем пример, взятый из работы А.А. Громько: «Так, в соответствии с мифическими преданиями догонов (Республика Мали), давным-давно, спасаясь от преследования, этот народ очутился перед широкой рекой, преграждавшей ему путь. Пересечь водное препятствие, казалось, невозможно. Людям грозила

Утрата природной целостности психической жизни и поведения, обусловленных господством инстинкта, ставит перед человеком, теперь уже как его собственную, задачу задачу «новой сборки». Это приводит к необходимости найти способы управления своим целостным поведением, обеспечивающие последовательность, непротиворечивость и логичную направленность последнего

неминуемая гибель. Однако в реке находились крокодилы, которые на время превратились в бревна, образовав мост от берега реки к другому. По этому мосту все племя быстро перебралось на другой берег и очутилось в полной безопасности, а бревна снова превратились в крокодилов. С тех пор тотемом догонов стал крокодил и главная маска племени изображала это животное» (Громько, 1984, С. 89). С точки зрения структуралистских реконструкций, здесь можно увидеть типичный пример тотемического мышления (Леви-Стросс, 1994; Островский, 2004). Здесь можно найти как эмпирические обобщения, сделанные на основе наблюдений (крокодил похож на бревно, по бревнам можно переходить реку), так и инверсивные умозаключения: крокодил связан с опасностью, поэтому оказывается причастен дихотомии «опасность – спасение». Вывод относительно крокодила, приносящего спасение, не следует из эмпирических наблюдений, но связывает крокодила с людьми некими почти кровными узами. Следует подчеркнуть, с точки зрения решения психологических задач, такой вывод или такая логика могут быть достаточно эффективны и приносить «спасение».

Ошеломляющие для современного европейского сознания заявления о наиме-

новании себя тотемным животным или растением послужили основой для многочисленных реконструкций первобытного сознания, объяснений религиозного и психологического характера:

- 1 объяснения религиозного характера предлагают достаточно сложную систему представлений в первобытных религиях, основанных на формировании идеи «души» и ее переселении;
- 2 психологические объяснения указывают на особенности мышления: дологического, аффективного, синкретического, легко переходящего границы «Я» и «не-Я», реального и ирреального, границы предметов.

При попытках не только объяснения, но и первичного описания феномена трудно уйти от понятия отождествления – отождествления себя с предметом. Однако простейшая философская редукция выявит условия такой непростой операции как отождествление – оно предполагает выделение «себя» как того, что может быть с кем-то или чем-то тождественно (процедуры соотнесения и т.п.). Но, возможно такого отождествления не происходит? Скорее происходит первое выделение, выделение себя из мира природы и первичного хаоса. Сам акт называния служит формой осознания, выделения, не слияния, дает очерченность и новый гештальт.

Откровение пробуждения субъекта, восстающего из хаоса стихии, многократно отражено в древнем, сохранившемся до наших дней фольклоре. Такое пробуждение – всегда вспышка, моментальное озарение, переход к возможности действия. Возможность построения себя по «образу и подобию» является не только важным духовным событием в человеческой истории, но и фундаментальным психологическим событием, открывающим перед человеком путь его личностного развития.

Захваченность образом может носить и негативный характер, когда он созда-

ет впечатление разрыва, распада, отпадения, раскола.

Роль материального знака, тела и движения в формировании символического образа идентификации

Идентичность с тотемом, выделение себя через фиксацию связи с ним происходят вначале с помощью предметов и телесных действий.

Типологически наиболее ранними являются такие способы, как изменения собственной внешности, татуировки и раскраска. Н.М. Тарабукин показывает, что «татуировка не эстетический факт, а имеет общественно-символическое значение» (Тарабукин, 1994, С. 16). Татуировки, так же как и другие физические, анатомические изменения тела, являются самыми ранними формами преобразования себя с помощью прямого физического воздействия, изменения телесного облика. Укорененность, «несмываемость» этих рассечений и наколок, видимо, была важным аспектом процесса трансформации, приобретения соответствующих черт. «Определяющим моментом был символический или ритуальный смысл знаков. Генезис и эволюция татуировки подтверждают это. Татуировка в начале своего существования имела не украшательское, а символическое значение. Татуировка у некоторых африканских племен до сего времени считается необходимостью. Женщин, избежавших татуировки, подвергали штрафу, а детей, родившихся от нетатуированных женщин, – убивали. Процесс нанесения знаков татуировки обусловлен определенным ритуалом. Несоблюдение обрядности лишает татуировку ее магического значения» (там же, С. 15). С точки зрения развития символической или знаковой функции, символическое действие здесь не отделено от его носителя – материального субъекта. Тем не менее, такая отметина, «зарубка» является для сознания способом обретения новой целостности. Раскраска, которая поддается уничтожению и, в связи с этим, может носить временный характер, выражает новые отношения в сознании человека, новые способы преобразования себя. Татуировку

можно рассматривать как первую форму костюма (Тарабукин, 1994).

Такой же путь проходит и маска, с помощью которой человек уже в более сложной форме достигает преобразования и превращения, а с точки зрения нашей гипотезы – единственно возможного обретения себя.

Типологически ранними являются формы преобразования скелета лица умершего, известные по древним археологическим памятникам. Для описания этих архаических прообразов маски представляется целесообразным, по мнению Вяч. Вс. Иванова, использовать понятие «натурального макета» (Иванов, 2006).

Для самых ранних традиций особенно существенно отделение головы. Способность с помощью части обозначать целое является следующим этапом в развитии символической функции сознания. Такая особенность мышления отмечается исследователями первобытного общества (Леви-Брюль, 1930), но присутствует и как характеристика чувственного, аффективного мышления у современного человека.

«В нашумевшей недавней находке изолированной и оттого хорошо сохранившейся палеолитической пещеры на юге Франции особенно интересной деталью представляется отдельный медвежий череп, стоявший на естественном постаменте в виде выступа скалы. Эта архаическая инсталляция согласуется с другими археологическими данными, позволяющими возвести к очень глубокой древности культ медведя, пережиточно сохраняющийся до нашего времени, например, у кетов и нивхов, а в совсем недавнем прошлом бывший одной из самых заметных примет повседневной жизни айнов – древнего населения острова Хоккайдо. Поздним выражением этого культа являются медвежьи маски у многих народов, в частности, сибирских» (Иванов, 2006, С. 4).

Далее следует отметить движение от рассеченного туловища животного, деформирующего его структуру, к обрядовой зооморфной маске. В этнографии документировано удастся проследить путь развития чрезвычайно распространенных медвежьих масок. Так, занимаясь построениями общей теории выразительности, С.М. Эйзенштейн показал, что художест-

венный образ строится по закону дологического, чувственного мышления. В своих конспектах он делает следующий вывод: «... Во всех случаях мы имеем не только «снижение» разряда мышления, но снижение в совершенно определенный разряд, – в тот разряд, где господствует *pars pro toto*; регистрируется движение предмета прежде, чем осознается предмет; абстрактно-математические представления еще неотделимы от конкретно-геометрических представлений, представления о частных случаях походки вместо представления, понятия «ходить». Область чувственного мышления, пра-логики... как хотите, назовите. И во всех же случаях мы обнаруживаем повышенную аффективность восприятия, то есть повышенный чувственный аффект» (цит. по Лурия, 2009, С. 291). С.М. Эйзенштейн убедительно показывает, что принцип «часть вместо целого» используется в художественной практике и является одним из главных приемов, нацеленных на выразительный, эмоциональный эффект.

Следует отметить, что «маска» фиксирует новый психологический сдвиг в сознании и представляет собой опосредованный тип отношения между теперь уже знаком и обозначаемым, тем, что стоит за маской. Будучи отделенной от тела ее надевающего, маска одновременно «хранит» на себе тело. Таким образом она дает свободу манипуляций, обеспечивает временный характер связи с одевающим ее человеком, возможность превращать и преобразовывать саму маску, а не лицо человека.

Сложные отношения, существующие между масками у племен, составляющих единый культурный ареал, описаны в ряде исследований, в том числе, в фундаментальной работе К. Леви-Стросса «Путь масок» (Леви-Стросс, 2000).

Задача маски-наголовника и костюма, в целом, двойка. Во-первых, она целиком скрывает лицо и тело человека. С одной стороны, шуршащие древесные волокна, украшения-погремушки и шлейф костюма призваны «заметать следы» искусственности маски, отвлекать внимание от тела человека, надевшего маску¹. А, с другой стороны, маска создает теперь уже только визуальный образ, поверхность отделяется от телесной целостности предмета и служит его заместителем.

Так как теперь связь маски с человеком, который ее носит, временная и непрочная, то для того, чтобы ее «удерживать», требуются дополнительные действия, как-то культивирующие эти отношения. Ритуал, обряд и соответствующие ритуальные действия выполняют эту функцию. Наиважнейшую роль в этом играют ритуальные танцы. Как указывает Вяч. Вс. Иванов, дальнейшее развитие применения зооморфных масок ведет к появлению специальных танцев, связанных с каждым из тотемных животных, соответственно которым эти танцы называются. Появление танца, как особой формы идентификации с тотемом через движение, становится следующей важной вехой в развитии символической функции и обретении индивидом целостности. Уподобление через движение, с одной стороны, основывается на базовых способностях человеческой психики к подражанию и заражению, а, с другой, фиксируясь с помощью танцевальных форм, позволяет произвольно воспроизводить найденные состояния и отношения.

Психическое регулирование с помощью танца, возможно, имеет наиболее древнее происхождение. В этнографии описано множество ритуальных и обрядовых танцев. Центральное место в магических действиях занимал танец, выступая способом сношения с духами животных, предков. Описаны танцевальные действия: инициации, процедуры исцеления с помощью танцев и др. Для определения психологической роли танца в развитии сознания необходимо учитывать следующие моменты:

- 1 тотальную вовлеченность субъекта в действие, благодаря движению;
- 2 имитационный характер движения.

Знаковая ситуация состоит в том, что в ситуации с маской и соответствующими танцами тело человека, весь его состав целиком превращаются в знак, в означающее. Означаемым – тем, на что указывает этот знак, что выражает, является тотемный образ. Тотемический образ не тождественен реальному животному или растению, он обладает признаками, не вытекающими из эмпири-

ческих наблюдений, но одновременно очень точно передает отдельные повадки и характер поведения животных. И по сей день такие танцы можно наблюдать в африканских, австралийских племенах. В преобразованном виде их доносит до нас фольклор, народные танцы, сохранившие отдельные элементы, идущие из глубокой древности.

Первоначально танцевальный знак, танцевальное движение использует не столько визуальное, сколько ритмо-пластическое соответствие. Преображение человека, превращение его тела в знак, которое достигается с помощью движения, имеет следующие психологические особенности и последствия:

- 1 для такого преобразования не требуется телесных изменений, оно временно, но требует активности, опосредовано поведением человека;
- 2 движение интимно связано с исполнителем, собственно от него неотделимо и включает, втягивает его целиком в действие;
- 3 происходит символическое переозначивание человеческого тела – руки могут стать крыльями, ноги представлять собой лапы зверя, птицы, или выражение движения какой-то стихии, бег – превратиться в полет и т.п.
- 4 через движение происходит переосмысление тела человека и его функций, и выражение эмоций подвергается влиянию танца, становится частью символических движений и действий. Это обеспечивается наличием заданных танцевальных движений, где наряду с импровизационностью существует жесткая ритмо-пластическая форма.

Усвоенная в танце форма движения, организующая целиком тело человека, характеризует и бытовое поведение, становится пластическим каноном движения (Харитонов, 1993; Айламазян, 2012), характерным для определенной культуры, определенного народа или, первоначально, племени.

Согласно нашей гипотезе, такая ритмо-пластическая форма создает первичную идентичность, организует целостное поведение индивида, придает ему некую согласованность и направленность.

В подтверждение своих выводов приведем наблюдения за движением и танцами народов Африки, сделанные современными исследователями. Описывая африканский танец, Л.Н. Федорова подчеркивает: «Известно, что африканцы легко и свободно владеют своим телом, лишены скованности. Их движения, жесты рождаются непринужденно, кажутся свободной импровизацией. Но любая, самая свободная импровизация в фольклорном танце народов Тропической Африки не выходит за рамки традиционной пластики и ритма. Эти два компонента постоянно держат исполнителя в границах заданной ритмо-пластической формы. Трудно представить, какой жесткой пластической организации подчинено тело африканца, в какой четкой, раз и навсегда созданной пластической гармонии находятся все его движения. Речь здесь идет не только о танце, но и о бытовых повседневных физических действиях. Созданные далекими предками африканские ритмы, пластика передавались из поколения в поколение. Есть основания полагать, что многие народности Африки, в основном Центральной, сохранили до наших дней свои ритмические и танцевально-пластические особенности в почти неизменном виде» (Федорова, 1986, С. 33).

Танцевальное движение в танцах, связанных с тотемическими образами, не столько указывает или показывает какого-то животного и т.п., сколько объединяет с его «духом». Поэтому воспроизводится не внешний облик животного, а некоторые характерные ритмические особенности поведения: неровный бег коня, прыжки кенгуру, ползание тюленя и т.п.

Например, в плясках австралийских аборигенов, посвященных тотемическим предкам, почти всегда присутствует этот имитационный элемент. Участники танцев подражают определенным животным и птицам. Это проявляется и в костюмах (раскраска, прикрепленные хвосты, перья и т.п.) и в имитации поведения животных. «Так, у австралийцев района Порт-Джексон можно было видеть «собачий танец», который был

¹ Можно сказать, что любое символическое действие существует сразу в двух пространствах: пространстве физическом, реальном и пространстве символическом, смысловом, культурном, которое накладывается на объективную реальность. Единовременное существование реального и символического пространства – универсальный принцип культуры.

частью посвященного обряда (обряд инициации – посвящение мальчиков во взрослые). В нем принимали участие два десятка мужчин, которые, подражая собакам, бегали вокруг мальчиков друг за другом на четвереньках, а посвящаемые бросали в них горсти песка. Танцоры были и одеты соответствующим образом: сзади за поясом каждого из них был заткнут деревянный меч, имитирующий хвост собаки.

Во вторую часть той же церемонии был включен «танец кенгуру», исполнители которого искусно подражали движениям и повадкам кенгуру (прыгали на согнутых коленях, ложились на землю, почесывались и т.п.), приделав сзади длинные хвосты из травы» (Баглай, 2007, С. 34-35).

Относительно танцев папуасов Новой Гвинеи также существует множество свидетельств, начиная с подробных описаний, данных Н.Н. Миклухо-Маклаем. Данные, которыми располагают исследователи, показывают, что типологически внутри церемоний танцы папуасов различаются местом, временем, составом участников, длительностью исполнения, атрибутикой, специфическими песнями и музыкальным сопровождением, функциональной направленностью. «В самом языке танцев есть и элементы имитации, и чистая символика. Например, в одном из танцев этнографы выделили имитацию движений и поз «танца» райских птиц. Религиозной основой такого танца была тотемическая вера исполнителей в то, что их предки происходили от этих птиц. Также этнографы отмечали, что движения танцующих людей могут передавать движения лодки и поднимающей ее волны, борьбу лодки с бурей, порывы ветра, треплющего парус, и т.п. Также танцующие передавали языком танца прогулку пеликана, ловлю рыбы с помощью ловушки, охоту с гарпуном на черепахе и т.д.» (там же, С. 54).

Еще раз подчеркнем, что семиотическая и психологическая специфика данных танцевальных ситуаций состоит в том, что танцевальное движение не указывает и не обозначает изображаемое животное, птицу, а является способом и средством переживания себя в соответствующем образе.

Однако нельзя не отметить и такую характерную особенность первобыт-

ных, особенно магических танцев, как использование монотонных, длительно повторяющихся движений для изменения состояния танцора. Они вызывают, с одной стороны, ослабление контакта с окружающей действительностью, с другой, – появление сверхвозможностей (например, отсутствие чувства боли, способность ходить по горячим углям, не обжигаясь и т.п.) и видений. Так, тот же автор отмечает, что «заклинатель попадает под власть физического автоматизма танцевального процесса, который очень скоро, при нагнетании динамики рождает механическую инерционность движений, когда человек теряет контроль над своими действиями и, будучи не в состоянии руководить собой, изнуряясь, доходит до невменяемости» (Баглай, 2007, С. 66). Таким образом, приведение себя в определенное состояние «священного экстаза», сопровождающееся видениями, изменением работы органов чувств и т.п. также является важной особенностью тотемических танцев.

С самого начала имитационный, а не внешне изобразительный характер танцевальных движений служил основой переживания целостного преображения, трансформации под властью определенного образа, переживания единства с принятым образом – «духом», и на этой основе – переживания единства между участниками танцев-обрядов.

И в случае более сложных религиозных верований танец-имитация остается способом действенного проживания религиозных представлений. В начале XX века Р.Р. Маретт предложил теорию эмоционального переживания религиозного опыта через танец. Предполагается, что понятия, идеи, составляющие определенное мировоззрение, «проживаются», пропускаются танцорами через себя.

Основы целого ряда народных танцев уходят в глубокую древность и связаны с первичной культурой маски и тотемических танцев, далее многократно переработанных, но сохраняющих определенный образный строй и характер. Как отмечают исследователи этнической хореографии и фольклора: «На протяжении веков народ создает в танце идеальный образ, к которому он стремится и который утверждает в эмоциональной художественной форме» (там же, С. 24).

Важным этапом в развитии сознания и становлении личности является появление персонализированных изображений человека. Первые такие изображения связаны с погребальным культом, и к ним могут быть отнесены погребальные маски. Как указывает Вяч. Вс. Иванов, погребальная маска может сама охранять покойного в загробном мире, может служить знаком этого мира, где она заменяет прежнее лицо человека, наконец, она может символизировать одного из постоянных обитателей этого мира (Иванов, 2006). Исторически в Египте распространение погребальной маски привело к возникновению портрета как посмертного изображения человека (Флоренский, 2010). Так называемый фаюмский портрет является образцом изображения на плоскости, пришедшего на смену сложным и дорогостоящим обрядам мумификации, изготовления масок и саркофагов. Известны также золотые маски царей, найденные в Микенах, и др. Можно было бы предположить, что первые антропоморфные маски – суть слепки с лиц людей, наподобие современных посмертных копий лиц или рук знаменитых людей. Но это совсем не так. Это, как правило, идеализированные изображения, достаточно унифицированные и не соответствующие внешности изображенного, как минимум, его возрасту. Необходимо помнить, какую роль играла личность царя в древнем обществе, в котором последняя себя персонализировала: как бы одна личность на всех. Отсюда чрезвычайно важна была ее сохранность.

Маска, саркофаг, повторяющий контуры мумии, и далее уже скульптура становятся отделенными от человеческого тела вместилищами его души. Такие устойчивые формы являются местом пребывания личности как бессмертной души, бессмертной сущности фараона, царя, и, значит, выступают гарантом бессмертия каждого.

Форма, отделенная от тела, как хранилище личности человека, приводит к возникновению в культуре фигуры двойника – загадочной и овеванной мистической идее. Двойник как форма, вмещающая личность человека, – это не только архетипический способ организации своей целостности. Она и для современ-

ного сознания не утратила своего психологического глубинного значения. Так, в современной психотерапии можно найти методы и приемы, использующие фигуру двойника – особого изображения человека, создаваемого для восстановления утраченного контакта с «самим собой», для преодоления разорванности и расщепленности сознания человека. Сошлемся на опыт известного врача-психиатра и автора психотерапевтического метода «скульптурного портретирования» Г.М. Назлоян.

Как отмечает Г.М. Назлоян, «врачу предстоит найти, вернуть черты лица больного, вытесненные или искаженные недугом. Психотерапевт, как подлинный художник, полностью погружается в свое творение, идентифицирует себя с моделью, забывая об осторожности, теряя собственные «защитные механизмы». Он «заболевает» тем, от чего должен вылечить другого. Так больной и врач оказываются в едином психическом поле, центром которого становится рождающийся по правилам искусства скульптурный портрет» (Назлоян, 1994, С. 20). Портреты Г.М. Назлояна часто достаточно условны, особенно в начале работы – это просто куски глины, что не мешает процессу отождествления с ними портретируемого. В дальнейшем случившееся отождествление помогает возникновению взгляда на себя со стороны, сравнению себя с другими людьми, формированию опосредованного и опосредствованного отношения к себе. Вот как описывает этот процесс Г.М. Назлоян: «Отождествление с портретом – главное условие выздоровления. Оно цементирует весь ритуал психотерапии и может выявиться уже с первых минут работы, хотя на станке пока лишь кусок глины или пластилина. В профессиональном искусстве, где имеют право на жизнь различные интерпретации портрета – вплоть до полного несходства, – разговоры на тему «похож – не похож» – признак плохого тона. Иное дело лечебный портрет. Постепенное возникновение реалистической (аналитической) оценки своего лица порождает сильные переживания, разрушающие привычный ход мышления больного, «привязывающие» его к своему зарождающемуся образу, заставляющие часто (иногда «тайно») подходить

к зеркалу для улучшения отдельных деталей лица, искать сходства с портретом. Эти переживания не могут не отразиться и на выборе понятий, выражений, с помощью которых ведется диалог: К примеру, один из моих больных, когда на станке была лишь грубая маска, едва напоминающая человеческое лицо, спросил: «Неужели у меня такой угол рта?» Затем подошел к зеркалу, проверил и вернулся с недоуменным выражением лица» (там же, С. 21). Так, работа над скульптурным портретом становится работой над внутренним образом человека, это то внешнее, что дает человеку опору для создания целостного образа себя, целостного «гештальта» себя.

Возвращаясь к погребальной маске, отметим, что она как бы стояла на границе двух миров, являясь проводником в загробный мир. Что касается данной маски, а в дальнейшем – надгробной скульптуры (в Древней Греции – курсы, этрусские надгробия), то их черты носят идеализированный и достаточно универсальный характер. Вследствие обращенности погребальной маски (позже погребальной скульптуры) к вечному миру, она как бы «не замечает» индивидуализированные черты.

Личность человека, отраженная в его лице, как отсвет вечного мира – такая позиция начинает формироваться в культуре, в дальнейшем приведшая к христианскому представлению о личности и выявляющем ее лике (Флоренский, 2010).

Танец также претерпевает эволюцию. В древнем Египте появляется танцевальное искусство и хореография в современном смысле слова. На основании сохранившихся изображений и текстов исследователи делают вывод о наличии сложно построенного танца, в геометрии движений передающего астральные символы. «Любопытно описание у Платона, Лукиана и Плутарха египетского астрономического танца жрецов, который изображал движение различных небесных светил, гармонически расположенных во вселенной. Танец происходил в храме: вокруг алтаря, поставленного посередине и представляющего солнце, плавно двигались и кружились одетые в яркие платья жрецы, представляющие знаки зодиака. По объяснению Плутар-

ха, они двигались с востока на запад, напоминая движение неба, а затем с запада на восток, в подражание движению планет. Затем исполнители останавливались в знак неподвижности земли. С помощью различных жестов и движений жрецы давали наглядное представление о планетной системе и о гармонии вечного движения» (Бороздина 1919, С. 9-10). Танец уподоблялся вечному и непреложному, неизменному движению светил на небосклоне и в этом отношении походил на «вечную» маску. Однако в плане семиотической ситуации мы имеем дело с совершенно новым отношением, когда движение как бы отрывается от носителя и начинает выступать в своей собственной семантике. Абстрагирование от носителя, приписывание танцевальному движению собственного содержания создало предпосылки для построения движения на основе внешних образцов, геометрических, пространственных форм.

Существует гипотеза, что посредством подобных движений, заимствованных будто бы от египтян (астральный танец), греки желали обозначить движение небесных светил. Строфа и поворот направо означали движение небесных звезд, антистрофа и поворот налево – движение планет, и, наконец, эпод и стояние на месте – неподвижность Земли. Точно установлено только, что трагическими танцами темной, до сих пор не разъясненной эвмелии, назывались все те движения и марши, которые производились помещаемым в оркестре хором во время сценических представлений. Драматург Эсхил, живший за 500 лет до н.э., считается первым изобретателем разных шествий хора, действовавшего в трагедиях. Триклиний в своем сочинении о стихах Софокла полагает, что в пьесах на сцене строфу пел хор, который в это время двигался вправо; при пении антистрофы хор поворачивался влево. При исполнении же эпода, после строфы и антистрофы, хор оставался неподвижным (Худков, 2009).

Новым этапом в развитии культуры маски и сопряженной с ней культуры личности становится появление театра. Рожденный в Древней Греции из культа Диониса театр формирует представления о роли, напрямую связанное с понятием личности. Современными

исследователями неоднократно подчеркивалась этимология слова «персона», изначально означавшее маску, или, по другой версии – текст театральной роли. Так или иначе, но и русское личина – личность проявляет ту же связь, ту же взаимообусловленность явлений. Новая психологическая функция маски возникает в связи с тем, что она теперь не только являет образ духа или души и тем самым задает целостность человека, но и скрывает человека перед лицом людей и общества. Так формируется новая культура лица и представление о некоей личностной отделимости человека.

Действительно, театр представляет новую структуру отношений и способов опосредствования. Во-первых, появляется актер-протагонист, который хоть и рассказывает о судьбе Диониса, сам с Дионисом полностью не отождествляется, между маской и актером начинает существовать определенный зазор, дистанция, роль – это написанный зафиксированный текст, маску тоже можно снять. Не менее важно появление и другого участника театрального процесса – зрителя, который даже в мистериальном театре остается все же зрителем, то есть наблюдателем за происходящим по внешним проявлениям, наблюдателем за поведением. Наконец, не менее интересно наличие «хора», комментирующего происходящее, как бы предотвращающего возможность полной идентификации актера с ролью, зрителей с актером, театрального представления с явлением Диониса.

Театральные представления первоначально давались во время праздников, посвященных богу Дионису. И незримое присутствие бога предполагалось его участниками, так же как и обязательной частью церемонии был вынос статуи Диониса из храма и установление его алтаря. «На четвертый день праздника Великих Дионисий в театре начинались драматические состязания. С восхода и до захода солнца шли они потом еще два дня. Это была самая важная, самая значительная часть празднований Диониса, к которой в Афинах долго и тщательно готовились. Именно в дни драматических состязаний праздник Великих Дионисий достигал своей кульминации» (Каллистов 1970, С. 22). Главное назначе-

ние праздника, по мнению автора, состояло в том, чтобы освободить его участников «от оков будничного, ... наполнить их сердца радостным, возвышенным настроением. ... Театр, в их представлении, должен был высоко стоять над повседневной жизнью, и не просто людей, а «... лучших людей, нежели ныне существующие», по мнению Аристотеля, должна была изображать трагедия» (там же, С. 23). Театральным зрелищам на всем протяжении известной нам истории греческого театра предшествовали жертвоприношения на алтаре Диониса и обряд очищения всех собравшихся в театре. Только люди, прошедшие через этот обряд, могли находиться здесь, не оскверняя своим присутствием театра этого бога. В жертву Дионису приносили поросят, потом кровью их окроплялись все, кто находился в театре, а мясо разрезалось на мелкие кусочки и разносилось по рядам зрителей, которые тут же с благоговением его проглатывали. Только после такого ритуала можно было приступить к самому главному.

Маска выполняет особую роль в культуре Диониса и принадлежит определенному типу изображений этого бога. Двойственность, свойственная этому культу, подчеркивается многими исследователями: умирающий и возрождающийся бог растительности, бог несущего созревание света и бог мертвых, подземный Дионис или подземное солнце, бог плодородия во всей полноте и силе и оскотленный бог. К. Кереньи в своей работе, посвященной религии Диониса, дает интересную трактовку различным типам изображения Диониса и, соответственно, различным ипостасям этого бога. Маска замещала Диониса в его отсутствие и выдавала половинчатость и амбивалентность этого бога. К. Кереньи подчеркивает, что в архаическое время в Аттике были в обиходе два характерных дионисийских идола. Он пишет: «...наряду с идолом в виде маски и покрывала, в храме имелось еще и другое культовое изображение: статуя Диониса на троне, Дионис представлял себя самого в целостности, а в качестве подвешенной маски и покрывала – только часть себя. Если в прежние времена в Икарионе была в ходу триетрида, то нетрудно догадаться, что маска и покрывало представляли Диониса в год

его отсутствия... Одна маска никогда не заменяла всего бога: только наполовину своего существа Дионис был богом – маской или возникшим из этого идола бордатым Дионисом в длинном одеянии» (Кереньи 2007, С. 180). Страдающий, расчленяемый, оскотленный, приносимый в жертву Дионис отдавал себя в дар народу, и длинное покрывало прятало его настоящее состояние, ведь теперь он был лишь частью самого себя. Таким образом, маска отделяется от бога и в своей замещающей функции не столько открывает, сколько скрывает Диониса. Возможность замещения в конечном итоге и привела к появлению театрального действия, в котором протагонист-герой несет в себе черты Диониса – страдающего бога. Как указывает тот же автор, «осознание частичной тождественности дионисийской и героической сфер – тождественности, основывающейся на мифе о подземном Дионисе, – служило предпосылкой трагедии» (там же, С. 207). Итак, новая роль маски в театральном действии состояла в том, что она могла показывать и прятать одновременно. Маска была обращена к взорам смотрящих и представляла собой видимость, не совпадающую с сущностью. За маской могла быть и пустота.

Наименование трагедийного жанра указывает на мрачный дионисийский ритуал: слово «трагедия» означало «песнь козла», жертвенного животного, который должен был умереть как заместитель бога и, одновременно, как его враг. Название комедии происходит от слова «комос». Комос – это древняя форма чествования бога вина Диониса свободно бродившими толпами мужчин, которые пели и танцевали. Так в комедии и трагедии отражалась двойственность культа.

Важным этапом в развитии театра и в формировании культуры персональности становится появление в театре масок, выражающих различные эмоциональные состояния человека и изображающих различные человеческие типы. Так, в комедии играли только мужчины, изображая, в том числе, и женщин. Комедия, так же как и трагедия, разыгрывалась в масках. Игровое начало выразилось особенно подчеркнуто в комедии, где условность действия не слишком скрывалось, чуть ли не само могло быть предметом смеха – смеха, делавшего мир

подвижным, лишенным фиксированных значений и границ. Безудержность перевоплощений, уход от собственного имени и облика создают зону свободы, игры, преодоления и снятия социальных ограничений и ролевых правил, тех предлагаемых обществом социальных идентичностей, которые в эпоху государственности формируют общественные и экономические отношения людей. До какой рискованной границы доходит игра, показывают комедии с двойными масками и костюмами. Например, в произведении Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» Еврипид и его спутник должны были переодеться в женскую одежду, смешиваясь с женщинами, которые также были лишь переодетыми мужчинами. А в комедии «Женщины в народном собрании» мужчины играют женщин, которые, в свою очередь, одеты как мужчины. Собственно, с появлением этого зазора между представляемой реальностью и условно миром духов или реальных существ, на которые она указывает, и появляется игра как таковая, в которой увлекает не столько результат, сколько сама возможность превращений и их условность, некоторая «ненастоящность», обратимость. Чем больше условности, тем больше игры.

Роль в определенной степени становится только ролью, то есть в нее можно войти и можно из нее выйти; за маской появляется та зона свободы, в которой правит непредсказуемый и стихийный Дионис, это зона личной свободы. Собственно в рамках театрального действия роль маски становится такой же двойной, как и в культе Диониса, но у нее появляются новые функции и отношения. Магические функции маски утрачиваются в силу ее обращенности к зрителю, без которого она теряет теперь свое значение, состоящее в том, чтобы производить впечатление на зрителя. Проступает сложно опосредованный и многопозиционный процесс общения, в котором роль и маска лишь средства, организующие общение. Ведь за ролью и пьесой стоит автор, пытающийся передать определенную идею, а также актер-протагонист, играющий в пьесе, хор, комментирующий события и ведущий диалог с протагонистом и т.п. Не менее интересным в данном кон-

тексте можно считать появление масок, имеющих определенное «выражение лица» – по существу, знаков конкретных эмоций. Выражение горя, печали, веселья ярко запечатлено в масках, что в свою очередь оказывает обратное влияние на культуру экспрессии, фиксируя способы выражения эмоций и создавая тем самым их язык.

Особенность социальной и психологической ситуации в древнегреческом обществе состояла в том, что возникает некоторая выделенность индивида из общества. Демократия – это собрание отдельных граждан, равных в своих правах и наделенных решающим правом голоса. Отдельность не предполагала жесткой противопоставленности и конфликта с обществом, так хорошо нам знакомого по нашему времени, тем не менее, она означала автономность субъекта и самостоятельность в принятии решений. Отдельность и выделенность обеспечивалась, таким образом, культурой роли и связанной с ней маски, презентующей индивидуума обществу, социуму, но одновременно формирующей и защищающей территорию личных намерений и чувств. Эта двойная сущность маски, позволяющей открыть, выразить чувства и одновременно их скрыть, лежит в основе культуры личности, зародившейся в античности и получившей свое развитие в европейской цивилизации. Отождествление с одновременным разотождествлением, наличие нескольких позиций в представлении и восприятии роли создают психологическую структуру или систему действий, лежащих в основе личности.

Еще М.А. Волошин обратил внимание на то, что тело в древнегреческой культуре имело выразительность лица и выполняло функцию лица как выражающего и презентующего образы человека в обществе. Индивидуальность отражалась не только в лице, в собственном смысле слова, и даже не столько в лице, сколько во всем теле. «Лицо» в известном смысле совпадало с естественным центром тяжести тела, т.е. наиболее выразительным, действенным в конкретный момент участком тела, инициирующим движение. Таким образом, особое значение приобрел торс человека.

Овладение движением собственного тела, в том числе и лица, означает возможность прятать свои чувства теперь уже под «маской» собственного поведения. Как пишет М.А. Волошин, лишь с того момента, как лицо приучается лгать, скрывая свои истинные чувства за маской, начинается настоящее развитие лица. Способность к лжи и правде развивается одновременно. «Лицо не может встать из глубины духа, пока оно не обладает средствами самозащиты, но оно по желанию не может себя закрыть в минуту сокровенного волнения, не проявить себя в минуту глубоко личного переживания... Только то лицо – действительно лицо, которое может одним внутренним движением воли себя закрыть и себя выявить» (Волошин 1988, С. 403).

Однако греческая культура была в целом направлена не на то, чтобы скрыть, а на то чтобы выявить, выразить. Этой цели служила всесторонняя система воспитания, включающая культуру тела, в том числе, культуру выражения чувств. Гимнастика и танец здесь играли ведущую роль, занимая центральное место в воспитании и образовании молодежи.

Искусство это было настолько развито у греков, что в одних Афинах насчитывалось несколько школ, где преподавались танцы. В Спарте Ликург издал закон, по которому все граждане с семилетнего возраста обязаны были заниматься физическими упражнениями, в том числе, танцами. Сошлемся на автора истории танца С.Н. Худекова: «И как было не научиться греку танцевать! Каждая духовная церемония служила ему благоприятным случаем для того, чтобы красоваться в самых разнообразных танцах – торжественных, веселых и разнузданных. В этой колыбели хореографии, впрочем, танцевали не только в храмах в честь богов, не только на улицах, во время торжественных процессий, но и дома, по случаю каждого радостного в обыденной жизни события. Затем танцы перешли и на сцену, где они стали необходимой принадлежностью театральных представлений. Уверяют даже, что лакедемоняне вступали в бой, танцуя; но это, конечно, следует понимать фигурально, потому что у греков почти каждое движение выражалось одним общим словом «танец». Таким образом, вся жизнь сынов Эллады сложилась

так, что им с детства приходилось беспрестанно танцевать вольно и невольно. Можно смело сказать, что грек в продолжении ряда веков «вытанцовывал» себе свою дивную культуру» (Худеков 2009, С. 109).

Исследователи древнегреческой культуры и пластики подчеркивают одухотворенность греческого танца, запечатленного в произведениях пластики и вазописи. В то же время, сравнивая древнегреческий танец с современной классической хореографией, необходимо признать, что он строился по совершенно другим законам. Поэтому вполне понятны суждения, подобные заявлению Ж.Ж. Новерра – одного из основателей классического балета, что танец в истинном смысле слова не знаком грекам. По его мнению, гречанки только маршировали, а не танцевали. Действительно, в этом танце отсутствовали заученные позы и движения и, в этом смысле, отсутствовал «правильный» танец классического балета, придающий основное значение точному и совершенному выполнению заданного движения. Тот же С.Н. Худеков пишет: «...условных жестов у греков быть не могло. благороднейшие движения и изгибы тела гречанки прельщали именно тем, что в них условного никогда не было, что они вытекали сами по себе, безыскусственно, благодаря моментальному импульсу, инстинктивно навеянному данным положением» (там же, С. 107). Вместо условности присутствовала символичность. «В танце грек усматривает не одно только естественное желание двигаться под известный ритм, принимая при этом красивые позы. Нет, он добивается, чтобы каждое гимнастическое движение соответствовало устной речи, каждому жесту, хотя бы и некрасивому, он придавал особенный символический смысл» (там же, С. 103).

По парадоксальному замечанию М.А. Волошина, танец, рожденный в Древней Греции, являлся не искусством для глаз, не зрелищем, а искусством глубинным, предполагающим живое участие, душевное очищение каждого: «Танец – это искусство всенародное. Пока мы лишь зрители танца – танец еще не приобрел своего культурного, очистительного значения. Это не то искусство, которым можно любоваться со сто-

роны: надо быть им захваченным, надо самим творить его. Римляне лишь смотрели на танцы; эллины танцевали сами – вот разница двух культур: солдатской и художественной. Первая создает балет, вторая – очистительное таинство» (Волошин 1988, С. 397).

Достигнутая высочайшая пластическая культура, нашедшая свое отражение в произведениях изобразительного искусства (скульптуре, вазописи, живописи), не была более ни превзойдена, ни в полной мере повторена. В ней нашел выражение образ свободной, самоопределяющейся личности, образ человека, осознавшего божественной свою телесную природу.

Классический стиль древнегреческого искусства особенно полно явил пластический образ, выступающий эквивалентом суверенной личности, владеющей своим поведением, своим телесным выражением чувств и социальным пространством. Л.И. Тарушвили – современный теоретик античного искусства, следующим образом характеризует классический период: «Если основной образ греческой архаики глубоко амбивалентен, то основа классического стиля это идеал недвусмысленно явленной полноты тождественного себе бытия, по своей природе гармонический, т.е. свободный от уничтожающих эту полноту взаимоисключающих определений; и в своем чувственном выражении – статуарный, т.е. удостоверяющий собственное бытие своей осязаемостью и всесторонней обозримостью» (Тарушвили 2004, С. 142). Идеал свободной и самодостаточной личности формируется в древнегреческом полисе с его демократической формой правления. «Свою теоретическую форму он нашел в нравственно-философском идеале свободного от страстей и житейских зависимостей мудреца (у Демокрита, Платона, Аристотеля), но самое полное, чувственно-наглядное воплощение было обречено им именно в статуарной пластике, видовые свойства которой – вычленение пластического образа из пространственной среды и особое значение проблемы равновесия – делали ее наиболее для этого подходящей. Тот же образ суверенно владеющей собой личности, образ уравновешенности и самодовлею-

щей красоты явился стилеобразующим фактором и для других пластических искусств» (там же, С. 142). Надо подчеркнуть, что речь идет о динамическом равновесии, а не о статическом; первое достигается противопоставлением различных частей тела, как в статике, так и в движении.

Способом установления равновесия в скульптуре и других пластических искусствах является не статичное, а динамическое равновесие, когда различные части тела и, соответственно, скульптурные формы противопоставлены друг другу (принцип контрапоста). Вертикальное положение тела с его сложной системой равновесия в скульптуре и пластике (тот же принцип изображения мы находим и на вазах в плоскостном рисунке) становится образом и знаком бодрствующего сознания и активного отношения индивида к окружающему миру. Пластические образы отражают начало движения, его инициацию, фигуры как будто вот-вот сделают движение, сделают шаг... Эта подчеркнутая роль активности субъекта в поддержании вертикали свидетельствует как о владении собой (владении собственной тяжестью), так и о владении окружающим пространством.

Динамическое равновесие фигуры и сложные взаимоотношения ее частей через контрапост также является знаком внутреннего диалога, в котором разнонаправленные тенденции находятся в гармоничном соединении и противоположении одновременно. Такую же диалогичность можно обнаружить и в многофигурных скульптурных композициях классического периода: в них взаимодействие фигур строится через разнонаправленное движение и противопоставления. «Композиция утратила монологический характер и приобрела вид драматической мизансцены ... тем самым вертикальная ось фигуры уравновесилась горизонтальной осью диалога ... Вертикализм в классический период был решительно преодолен и в главной для греческого творчества области, в изобразительной репрезентации человеческой фигуры: свойственная кurosам и корам симметрия корпуса была вытеснена контрапостом и заменена сложным равновесием двух сторон

тела, вступающих между собой в своеобразное диалогическое взаимодействие, которое пластически-наглядно символизирует дискурсивное движение мысли» (Таруашвили 2004, С. 94).

Это пластическое выражение тех новых способов построения целостности индивида, которые дала нам античная Греция. Маска в античный период приобрела новые семиотические и психологические функции. Она стала не только знаком отождествления, но и знаком разотождествления с обозначаемым ею образом. Другим характерным структурным элементом психологической организации является многопозиционность как представленность в сознании различных точек зрения при оценке события, при принятии решения. Вспомним структуру театрального действия, где одно и то же событие обсуждает и протагонист, и хор, где разворачивается дискурс и диалог между участниками. Соответственно, дискурсивность и установление внутреннего диалога, как способ соотношения позиций и оценок, становятся новыми психологическими принципами формирования целостности субъекта.

Приведем здесь идеи А.А. Тахо-Годи на тему об античном представлении жизни как театральной сцены в изложении А.Ф. Лосева: «Оказывается, основное представление о мире у греков какое? Это есть театральная сцена! А люди – актеры, которые появляются на этой сцене, играют свою роль и уходят. Откуда они приходят, неизвестно, куда они уходят, неизвестно, но они играют свою роль. Однако, как это неизвестно, откуда

они приходят и куда уходят? Приходят – с неба, они же есть эманация космоса и космического эфира и уходят туда же и там растворяются, как капля в море» (Лосев 1992, С. 322). Образ отождествления для грека – это роль, которую он играет. Пластическое выражение этого образа имеет первостепенное значение еще и потому, что личность телесна, она представляет собой прекрасное и совершенное тело человека. Эту мысль подтверждают и выводы А.А. Тахо-Годи: «Наше понятие личности достаточно часто выражается по-гречески термином «сома». А «сома» как раз не что иное, как «тело». Значит, сами же греки в своем языке раскрыли тайну понимания личности. Личность – это хорошо организованное и живое тело» (там же, С. 322).

К пониманию личности как особой субстанции, в которой психическое и телесное, идеальное и материальное составляют нерасторжимое тождество, к пониманию личности как неповторимой единичности, к формулированию доктрины об абсолютной личности культура придет позже и тогда изображение лица станет выражением и воплощением этой сущности. Настоящую статью, посвященную исследованию пластического образа как знака целостности индивида, как символического средства, позволяющего индивиду эту целостность обрести, закончим цитатой Максимилиана Волошина, в которой говорится о роли музыки и танца в преодолении хаоса психической жизни и овладении собственной природой: «Музыка и танец – это старое и испытанное религиозно-культурное средство для выявления душевного хаоса

в новый строй. Но дело здесь не в танце, а в ритме: душевный хаос, наступающий от нарушенного равновесия сил и их проявлений в человеке, может быть оформлен и осознан, когда человек вновь овладеет всеми ритмами и числовыми соотношениями, которыми образовано это тело. Для этого все свое сознание надо безвольно отдать духу музыки. Но осознание органических ритмов внутри себя и есть танец. Поэтому я и называю танец громадным фактором социальной культуры» (Волошин 1988, С. 399).

Возвращаясь к вопросам, поставленным в начале статьи, резюмируем сказанное. Мы постарались показать, какую эволюцию претерпел пластический знак и пластический образ в истории: от реального изменения тела человека (когда знак слит с телом) до маски, которую можно одеть и снять (знак как слепок несет на себе признаки телесного, но при этом уже не требует реальных телесных изменений). В дальнейшем возникающая театральная культура сформировала представления о человеке как об актере, который может исполнять ту или иную роль, не сливаясь с ней полностью, принимая решение с разных позиций.

Мы также рассмотрели психологическую функцию пластического знака, который позволяет преобразовать психическую жизнь человека и задать ее как некую целостность. В опоре на этот образ происходит собирание различных линий поведения и формируется способность человека управлять своим поведением, быть субъектом и автором своих действий.

Литература:

- Айламазян А.М. Новая культура танца XX века и проблема персональности / А.М. Айламазян // Танцевальные практики: семиотика, психология, культура. – Москва : Смысл, 2012. – С. 20-67.
- Баглай В.Е. Этническая хореография народов мира / В.Е. Баглай. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007.
- Бороздина Т.Н. Древнеегипетский танец / Т.Н. Бороздина. – Москва : Изд-во Д.Я. Маковский и сын, 1919.
- Волошин М.А. Лики творчества / М.А. Волошин. – Ленинград : Наука, 1988.
- Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – Москва : Смысл; Эксмо, 2005.
- Громыко А.А. Маски и скульптура Тропической Африки / А.А. Громыко. – Москва : Искусство, 1984.
- Иванов Вяч.Вс. Маски: от мифа к карнавалу. История маски от III тысячелетия до нашей эры до XX века / Вяч.Вс. Иванов. – Москва : ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2006.
- Каллистов Д.П. Античный театр / Д.П. Каллистов. – Ленинград : Искусство, 1970.
- Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / К. Кереньи. – Москва : Ладомир, 2007.
- Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 23-33.

- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль; пер. с фр. под ред. В.К. Никольского и А.В. Кисина. – Москва : Атеист, 1930.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. / К. Леви-Стросс; пер. с фр.; вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – Москва : Республика, 1994.
- Леви-Стросс К. Путь масок. / К. Леви-Стросс; пер. с фр.; вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – Москва : Республика, 2000.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн.1 / А.Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1992.
- Лурия А.Р. Психологическое наследие / А.Р. Лурия. – Москва : Смысл, 2009.
- Мельникова О.Т., Кутковая Е.С. Дискурсивный подход к исследованию идентичности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2014. - №1 – с.59-71.
- Назлойн Г.М. Зеркальный двойник. Утрата и обретение. Портретный метод психотерапии / Г.М. Назлойн. – Москва : Друза, 1994.
- Островский А.Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Стросса / А.Б. Островский. – Санкт-Петербург : Кронос, 2004.
- Стефаненко Т.Г. Улыбка и высоконтекстность традиционной русской культуры // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2(14). – С. 13-18.
- Тарабукин Н.М. Очерки по истории костюма / Н.М. Тарабукин. – Москва : ГИТИС, 1994.
- Таруашвили Л.И. Искусство Древней Греции : словарь / Таруашвили. – Москва : Языки славянской культуры, 2004.
- Федорова Л.Н. Африканский танец / Л.Н. Федорова. – Москва : Наука, 1986.
- Флоренский П.А. Иконостас / П.А. Флоренский. – Москва : Мир книги ; Литература, 2010.
- Харитонов Е.В. Пантомима в обучении киноактера : диссертация ... канд. искусствоведения. – Москва, 1972.
- Худеков С.Н. Всеобщая история танца / С.Н. Худеков. – Москва : Эксмо, 2009.

References:

- Ailamazyan, A.M. (2012) Novaya kul'tura tanca XX veka i problema personal'nosti [A new dance culture of the twentieth century and the problem of personality]. *Tantseval'nye praktiki: semiotika, psikhologiya, kul'tura [Dance practice: semiotics, psychology, culture]*. Moscow, Smysl, 20-67.
- Alves, P.F. (2014). Vygotsky and Piaget: Scientific concepts. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(3), 24-34. doi: 10.11621/pir.2014.0303
- Baglay, V.E. (2007) Etnicheskaya khoreografiya narodov mira [Ethnic choreography of the world]. Rostov-on-Don, Feniks.
- Borozdina, T.N. (1919) Drevneegipetskiy tanets [Ancient Egyptian dance]. Moscow, Izdatel'stvo D.Ya. Makovsky & Son.
- Fedorov, L.N. (1986) Afrikanskiy tanets [African dance]. Moscow, Nauka.
- Florensky, P.A. (2010) Ikonostas [Iconostasis]. Moscow, Mir knig, Literatura.
- Gromyko, A.A. (1984) Maski i skul'ptura Tropicheckoy Afriki [Masks and sculptures Tropical Africa]. Moscow, Iskusstvo.
- Ivanov, Vyach.Vs. (2006) Maski: ot mifa k karnavalu. Istoriya maski ot III tysyacheletiya do nashey ery do XX veka [Masks: From Myth to the carnival. The history of masks from the 3d millennium BC to the twentieth century]. Moscow, GMII im. A.S. Pushkina.
- Kallistov, D.P. (1970) Antichnyy teatr [Ancient Theatre]. Leningrad, Iskusstvo.
- Keren'i, K. (2007) Dionis: Proobraz neissyakaemoy zhizni [Dionysus: The prototype of inexhaustible life]. Moscow, Ladomir.
- Kharitonov, E.V. (1993) Pantomima v obuchenii kinoaktera. Avtoreferat [Pantomime actor in training. Thesis Abstract]. *Slezy na tsvetakh [Tears on the flowers]*. Book 2. Moscow, Zhurnal «Glagol», 60-78.
- Khudekov, S.N. (2009) Vseobshchaya istoriya tantsa [General history of dance]. Moscow, Eksmo.
- Kutkovaya Ecaterina S. (2014). Narrative in the study of identity. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 23-33.
- Levy-Bruhl, L. (1930) Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking]. Moscow, Ateist.
- Levi-Strauss, C. (1994) Pervobytnoe myshlenie [Prehistoric thinking]. Moscow, Respublika.
- Levi-Strauss, C. (2000) Put' masok [Way of masks]. Moscow, Respublika.
- Losev, A.F. (1992) Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya [History of ancient aesthetics. The results of the millennial development]. Book 1. Moscow, Iskusstvo.
- Luria, A.R. (2009) Psikhologicheskoe nasledie [Psychological heritage]. Moscow, Smysl.
- Melnikova, O. T., Kutkovaya, E. S. (2014) Discursive approach to identity research. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 1, 59-71
- Nazloyan, G.M. (1994) Zerkal'nyy dvoynik. Utrata i obretenie. Portretnyy metod psikhoterapii [Mirrored double. Loss and gain. Portrait method of psychotherapy]. Moscow, Drusa.
- Ostrovsky, A.B. (2004) Paradigma mifologicheskogo myshleniya: ocherk vклада K. Levi-Strossa [The paradigm of mythological thinking: essay contribution of Levi-Strauss]. St. Petersburg, Kronos.
- Stefanenko Tatiana G. (2014). The smile and the Russian high context traditional culture. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 13-18.19. Tarabukin, N.M. (1994) Ocherki po istorii kostyuma [Essays on the history of costume]. Moscow, GITIS.
- Taruashvili, L.I. (2004) Iskusstvo Drevney Gretsii. Slovar' [Art of Ancient Greece. Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyznskoy kul'tury.
- Voloshin M.A. (1988) Liki tvorchestva [Faces of creativity]. Leningrad, Nauka.
- Vygotsky, L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of Human Development]. Moscow, Smysl, Eksmo, 2005.

Условия исполненной жизни: описание и измерение экзистенциальных мотиваций

Ю.М. Корякина Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила 2 февраля 2015/ Принята к публикации: 17 апреля 2015

Conditions for fulfilled life: description and measurement of existential motivations

Julia M. Koryakina Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: September 27, 2015 / Accepted for publication: October 17, 2015

В статье представлен взгляд на проблему движущих сил личности с позиции экзистенциального анализа. Ученик В. Франкла А. Лэнгле развил концепцию воли к смыслу (мономотивационную теорию Франкла), выделив четыре аспекта экзистенциальных отношений личности – четыре фундаментальные мотивации. Экзистенциальные философы и вслед за ними психологи и психотерапевты определяют эти мотивации как основные темы человеческой жизни, а их воплощение – как условие проживания подлинной, глубокой жизни – экзистенции. Лэнгле выделяет четыре аспекта экзистенции: отношения с данностями существования (с миром), отношения с динамичной, витальной стороной бытия (с жизнью), отношения с самим собой и отношения с будущим. Эти аспекты названы первая, вторая, третья и четвертая экзистенциальные фундаментальные мотивации (ФМ).

В первой части статьи содержится описание содержания четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле, во второй – результаты собственного исследования автора, посвященного апробации на русскоязычной выборке Теста экзистенциальных мотиваций (ТЭМ) (А. Лэнгле, П. Экхардт), измеряющего субъективное переживание интегрального качества жизни как суммы составляющих его четырех вышеперечисленных аспектов. ТЭМ разработан в рамках экзистенциального анализа как психодиагностический инструмент для оказания психотерапевтической и консультативной помощи, он также может быть использован в исследовательских целях для изучения субъективной удовлетворенности жизнью через отношения к экзистенциально важным аспектам бытия. По мнению разработчиков, ТЭМ обращен к переживаниям человека и способен оценить полноту проживания им каждой из четырех фундаментальных мотиваций. Первая ФМ воплощает намерение активно быть в этом мире и стремится к принятию реальности. Вторая ФМ ищет возможности выстраивания отношений и проживания ценностей. Третья ФМ направлена на реализацию уважительного обращения к себе и другим, на встречу и проживание себя как имеющего ценность. Четвертая ФМ ищет смысл ситуации, способ внести себя со всеми своими возможностями в мир ради будущего. Изучение фундаментальных мотиваций позволяет не только приблизиться к жизненному миру человека, войти в пространство его переживаний, но и отвечает задачам психотерапевтической практики.

Ключевые слова: экзистенциальный анализ, экзистенция, исполненность, фундаментальные мотивации, «Тест экзистенциальных мотиваций».

The paper presents a view on the issue of studying the driving forces of personality from the perspective of existential analysis. The student of V. Frankl A. Lange developed the concept of the will to meaning (Frankl's monomotivational theory), highlighting four aspects existential relationship of personality, four fundamental motivations. Existential philosophers and followed by psychologists, while psychotherapists define these motivation as the main themes of human life, and their implementation is a condition for living true, deep life - existence. Langle allocates four aspects of existence: relationship with the realities of existence, i.e. the world, relations with dynamic, vital side of existence, i.e. life, relationship with ourselves and relations with the future. These aspects are defined as 1, 2, 3 and 4 existential fundamental motivations (FM). The article in the first part contains a description of the content of the four fundamental motivations A. Lange, and in the second - the results of own researches of the author that is dedicated to the approbation on the Russian sample test that measures the subjective experience of the integral quality of life as the sum of its constituent these four aspects.

Questionnaire «Test existential motivations» (TEM) (A. Lange, P. Eckhard) is developed in the framework of existential analysis as psycho-diagnostic instrument to provide psychological and consultative assistance, but it also can be used for research purposes for the study of subjective attitude to existential important aspects of being. According to the developers, «TEM» is addressed to space of human feelings and able to assess the completeness of his living each of the four fundamental motivations. The first FM embodies the intention to be in this world and (is committed) seeks to the acceptance of reality. Second FM is looking for opportunities to build relationships and living values.

Third FM is aimed at implementation of respectful treatment of ourselves and others, meeting and living ourselves as having value. Fourth FM is searching for the meaning of the situation, ways to make ourselves with all our capabilities in the world. The study of the fundamental motivations allows not only to closer to life-world of the person, to enter the space of his experience, but also meets the targets of psychotherapeutic practice.

Keywords: existential analysis, existence, fulfillment, fundamental motivations, «Test existential motivations»

Что лежит в основании мотивационной структуры человека? Не только А. Адлер, сформулировавший вынесенное в заголовок параграфа определение, но и целый ряд исследователей личности искали ответ на вопрос: что приводит человека в движение, запускает его силы и способности, является «мотором» его жизни. Вопрос о мотивации личности породил в XX веке ряд мономотивационных теорий. З. Фрейд, А. Адлер, В. Франкл искали одну главную движущую силу личности. Позднее сложность человеческих отношений с миром была описана через систему мотиваций, появились полимотивационные теории (Г. Салливан, К. Хорни, Э. Фромм, А. Маслоу, А.Н. Леонтьев и др.). Феноменологическая традиция открыла новое направление в изучении экзистенциальных мотиваций, а именно – как они представлены в субъективном пространстве переживаний человека, какое влияние оказывают на его представления о себе и мире. Тема жизненного мира человека (Lebens Welt) с появлением феноменологического метода привлекает все большее число исследователей (Бусыгина, 2009; Джендлин, 1996; Джорджи, 2003; Кривцова, 2006; Лэнгле, 2006; Спинелли, 2007; Улановский, 2009 и др.). Особая тема – субъективное переживание качества собственной жизни, не слишком точно описываемое термином «удовлетворенность жизнью». Вместо него в экзистенциальной традиции

используется понятие «исполненность» (fulfilment) – чувство согласия с важнейшими аспектами бытия¹.

В экзистенциальном направлении психологии личности (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Мэй, Дж. Бюджентал) и психотерапии (И. Ялом, А. Лэнгле, Э. Спинелли, Э. Ван-Дорцен, Р. Лэнг) «настоящая хорошая жизнь» анализируется с целью создания научных оснований для практики психологической помощи – чтобы заботится об условиях экзистенции, их нужно выделить и проанализировать. Результатом такого анализа стала тема фундаментальных экзистенциальных мотиваций – особых содержаний в мире, которые «затрагивают», вызывая интерес, потому что имеют отношение к этим самым условиям (положение, которое экзистенциальная философия принимает без доказательств, состоит в том, что человеку присуще стремление прожить хорошую жизнь). Психология и психотерапия занимаются пристальным изучением экзистенциально важных аспектов бытия, без которых «жизнь человека невозможно представить», если иметь в виду по-настоящему хорошую жизнь, экзистенцию².

Особенностью темы можно считать тот момент, что условиями экзистенции, как правило, занимались одни авторы, а страдание человека в связи с отсутствием данных условий описывали другие³. Психиатры и психотерапевты многое знают о человеческом страдании в связи

с неисполненной жизнью, для психологии – это тема переживания дефицитов экзистенциальных мотиваций.

Неудовлетворенность жизнью как следствие переживания дефицитов экзистенциальных мотиваций

Тема экзистенциальных мотиваций в аспекте их дефицита была поднята еще А. Адлером и К. Хорни (Адлер, 1997), позднее – Э. Берном (Берн, 2004), Ф. Перлзом (Перлз, 2004). Представители психоаналитической школы связывали переживания нехватки тех или иных важнейших условий хорошей жизни с исходно ошибочными установками: желанием получить любовь всех окружающих людей, требованием гарантий и надежных условий бытия, стремлением к власти и т.д. Фрейдовское стремление к удовольствиям тоже, в конце концов, было отнесено к «фикционному финализму»⁴ – изначальному заблуждению в том, что данные мотивации приведут к экзистенции. Многочисленные классификации типов характеров и паттернов «не экзистенциального» поведения обычно не содержали такого аспекта анализа как особенности субъективных переживаний личности, имеющей подобный дефицит (исключение составляют работы К. Ясперса и Н. Мак-Вильямс, но они относятся к области клинической психологии). Что чувствует человек, накопивший дефицит переживаний, без которых «жизнь невозможно представить»? Можно ли измерить этот дефицит и дать его качественную оценку?

В данной статье речь пойдет о таком измерительном инструменте. Тест экзистенциальных мотиваций (Лэнгле, Экхардт, 2001) (ТЭМ) измеряет, в какой степени человек переживает свою актуальную жизнь как исполненную или дефицитарную (см. Приложение). Тест был разработан на базе структурной мо-

Юлия Михайловна Корякина – аспирант кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, выпускница Института экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии.
E-mail: ficcus@inbox.ru

¹ *Исполненность может быть описана как степень приближения к экзистенции – подлинной, глубокой, наполненной смыслом и ценностями жизни. Экзистенция стала предметом философского осмысления с появлением онтологии М. Хайдеггера и аксиологии М. Шелера в 20-е годы XX века (Кривцова, 2006).*

² *Предпосылкам экзистенциальной жизни, как предмету научного анализа, уделялось большое внимание в работах психологов позитивного (Аргайл, 2003; Селигман, 2006), экзистенциально-гуманистического (Маслоу, 2007; Роджерс, 2001), экзистенциально-аналитического направлений (Лэнгле, 2005) и гештальт-терапии (Перлз, 2004).*

³ *Начинателем этой традиции был А. Адлер (Адлер, 1997).*

⁴ *Термин фикционный финализм изначально принадлежал немецкому философу Хансу Вайингеру, он был заимствован А. Адлером и положен им в основание классификации типов мотиваций личности (Хьелл, Зиглер, 2009).*

дели четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле и представляет собой интегральный показатель исполненности как сумму показателей по четырем фундаментальным мотивациям, описания которых приводятся ниже.

Будучи учеником В. Франкла, А. Лэнгле значительно расширил и дополнил его концепцию стремления человека к смыслу. Согласно его представлениям, блокировать это стремление могут четыре фактора:

- 1 страх и неуверенность;
- 2 отсутствие способности чувствовать ценности;
- 3 неясность в отношении собственного права на что-то или неясность картины себя;
- 4 недостаточное ориентирование во взаимосвязях конкретной ситуации и связи ее с будущим.

Структурная модель – это разработанные с помощью феноменологического метода представления о четырех фундаментальных мотивациях – базовых темах человеческой жизни, лежащих в основе всех других мотиваций и пронизывающих все направления человеческой жизнедеятельности. Проживание этих четырех мотиваций является главным условием экзистенциальной исполненности – глубокого чувства согласия в отношении наличных условий существования (1 фундаментальная ситуация), ценностей, проживаемых, когда имеются отношения (2 фундаментальная мотивация), себя самого и Другого, не похожего на тебя (3 фундаментальная мотивация), будущего и смысла (4 фундаментальная мотивация). Эти содержания выделены не искусственным путем, они обнаруживаются в ситуациях обыденной повседневности, где человек чувствует запрошенность в отношении своей личности (Person⁵) (Лэнгле, 2005, С. 156). Согласие в отношении каждого из условий экзистенции предполагает осуществление специфической активности по согласованию конкретных условий жизни с собственной внутренней реальностью, представленной психическим, телесным и духовным измерениями. В соответствии с четырьмя темами, исполненная жизнь предполагает такие виды персональной активности:

- принятие и выдерживание реальности (отношения с миром) – 1 ФМ;
- открытая обращенность к ценностям и отношениям (отношения с жизнью) – 2 ФМ;
- уважительное и справедливое обращении с собой и другими (включая отношения с собственным уникальным началом) – 3 ФМ;
- согласование со смыслом (отношения с будущим) – 4 ФМ (Лэнгле, 2006).

Если персональная активность оказывается заблокирована, исполненность жизни не наступает, в таких условиях человек фактически утрачивает себя, его жизнь начинает приносить много страданий, боли и, в конечном счете, ведет к отчаянию. Ниже мы остановимся подробнее на каждом из 4 аспектов исполненной экзистенции.

Первая фундаментальная мотивация – отношения с миром как предпосылка экзистенции

Философские основания для разработки проблематики 1 ФМ восходят к онтологии Хайдеггера. Описанный им феномен заброшенности человека в мир поставил под вопрос возможность личности активно быть, а не просто существовать в мире. Используя положения философии Хайдеггера, А. Лэнгле в качестве первой мотивации человеческой жизни выделил стремление «мочь-быть-в-мире» как активность, направленную на преодоление условий мира, в которых человек, по факту пребывания, всегда себя обна-

сбой три необходимые предпосылки пребывания человека в этом мире. Человек чувствует себя защищенным, если в своем субъективном опыте имеет чувство, что принят другими, собой, миром. Пространство (как духовное, так и материальное) оставляет место для выстраивания человеком собственной жизни. Наличие опоры является необходимым условием появления доверия (по Хайдеггеру доверие – «основа бытия») и делает возможным появление мужества для преодоления неуверенности и страха (Лэнгле, 2006, С. 44).

На этом фундаменте строится способность выдержать и/или принять условия и возможности своего существования. «Выдержать и/или принять» представляют собой основную духовную работу человека в рамках этой мотивации. На онтологическом уровне «выдержать» – значит нести то, что дано и нельзя изменить. «Принять» означает – «мочь оставить то, что есть», сказав: «пусть это (пока) будет в моей жизни». Такая работа предшествует любым проектам изменений неподходящих условий: прежде, чем что-то менять, нужно согласиться/принять тот факт, что оно есть. Когда мы говорим о выдерживании, то сосредотачиваемся на теме собственных сил как ресурса чему-то напряженно противостоять. Процесс принятия несет в себе иное содержание, он заключается в том, что человек делает то, что он принимает частью своей реальности, для него это что-то становится истиной, тем, что есть. Восприятие чего-то как

Пространство, защита и опора представляют собой три необходимые предпосылки пребывания человека в этом мире. Человек чувствует себя защищенным, если в своем субъективном опыте имеет чувство, что принят другими, собой, миром

руживает (Лэнгле, 2004, С. 41-48). На пути к реализации этого стремления первым шагом становится восприятие и распознавание конкретных условий, возможностей, в которых протекает его жизнь. Для того, чтобы свободно быть, человеку необходимо разобраться с «основанием своего бытия», понять достаточно ли в его жизни пространства, существует ли у него защита, есть ли опора. Пространство, защита и опора представляют

истины дает пространство фактам, приводит процесс принятия решений в соответствие с реальностью, лежит в основе выбора и совершения поступков. Если человек отрицает нечто как истину, он обрекает себя на утрату реальности своей жизни.

Таким образом, первая мотивация несет в себе возможность решиться «дать чему-то быть». Веление «дать чему-то быть» заключает в себе глубокий эк-

⁵ Под личностью (Person) Франкл и Лэнгле понимают «чистую динамику», активность, которая проявляется в переработке любой информации о ситуации, поступающей как извне, так и от самого человека, и выстраивание особого личностного отношения к ней (Лэнгле, 2005)

зистенциальный смысл: то чему я даю быть, позволяет с ним взаимодействовать, а то, чему не даю, отнимает силы. Доверие к миру, установка полагаться на то, что может быть опорой в мире, поиски структур, которые «тебя хорошо держат», вплоть до последней опоры – все это дает переживание покоя, прочности, хорошей устроенности в мире. Знание законов реальности, ориентация на них, ясное восприятие других людей и самого себя рождает доверие. На основании опыта доверия в отношениях с другими людьми возникает пра-доверие – переживание, что всегда будет кто-то, на кого можно положиться. Доверие к себе основано на знании своих привычек, установок, своего характера. Из суммы всего опыта доверия и осмысления собственной жизни, включающей в себя, помимо аспекта отношений между людьми, опору и устойчивость мира, возникает фундаментальное доверие – глубинная структура первого условия экзистенции – «сознательный или бессознательный акт доверия к последней опоре, которая представляется человеку в качестве основы бытия» (Лэнгле, 2004, С. 41-48). «Основа бытия» представляет собой трансцендентальное понятие, которое может воплощаться в образе некоего мирового порядка, глобального закона или Бога.

Если принятие каких-то вещей и их выдерживание оказываются невозможными, то возникают психодинамические защитные реакции: поведение избегания (основное движение), сопротивление, протест, борьба (активизм, парадоксальное движение), разрушительная

точно просто «быть». Человеческое бытие пронизано миром чувств, окрашено переживаниями. Быть живым означает быть открытым по отношению к чувствам, возникающим потому, что жизнь постоянно меняется и эти изменения не оставляют человека равнодушным. Постоянно меняющаяся жизнь ставит человека перед экзистенциальным вопросом: «Нравится ли мне моя жизнь сегодня, в этот период, на этом этапе?» и, наконец, «Хорошо ли мне быть в этом мире?». По своей природе человек мотивирован переживать свою жизнь как ценность и стремиться к тому, чтобы и другие также ощущали ее ценность.

Для того чтобы человек воспринял ценность своей жизни, ему необходимы три предпосылки: близость, время и отношения с другими людьми.

Отношение возникает из восприятия Другого, это восприятие несет в себе особый смысл, после него нельзя более поступать так, как если бы Другого не было. После восприятия уже нельзя не иметь отношений. Соотнесение с миром через отношения дает переживание времени. Оно питает отношения и создает пространство для возникновения эмоциональной затронутости.

Процесс возникновения переживаний происходит более интенсивно, благодаря наличию близости. В близости предмет получает возможность «врываться» в переживание человека и чувственно его окрашивать. Чувства – переживания «движения жизни», позволяют воспринимать ценности – субъективные значения, которые объекты приобретают в жизни человека (Лэнгле, 2004, С. 41-48).

Человеческое бытие пронизано миром чувств, окрашено переживаниями. Быть живым означает быть открытым по отношению к чувствам, возникающим потому, что жизнь постоянно меняется и эти изменения не оставляют человека равнодушным

ненависть (агрессия), паралич, оцепенение (рефлексы мнимой смерти).

Таким образом, 1 ФМ представлена такими темами как страх, тревога, неуверенность, пространство, защита, опоры, доверие, мужество.

Вторая фундаментальная мотивация

Даже при наличии защищенного пространства человеку в мире недоста-

От того, насколько хорошо реализуется каждая из этих предпосылок (отношения, время, близость), зависит характер отношений с жизнью. Если хороших, доброжелательных отношений в жизни человека было мало, то у него может отсутствовать важный опыт соотнесенности и взаимодействия с жизнью и его решимость вступать в отношения может быть подорвана. Жизнь в отсутст-

вии этих трех условий переживается как пустая и холодная. Недостаток решимости устанавливать отношения и дефицит теплого обращения извне приводят к тому, что переживание жизни оказывается труднодостижимым. Плохие отношения с другими могут также нагружать и подавлять жизнь. Все эти факторы при базовой установке любви к жизни в конечном итоге приводят к депрессии (Лэнгле, 2010).

Аналогичным образом, если человек не находит для отношений времени, его чувства не успевают развиваться, оформиться и он теряет глубину в проживании как себя, так и жизни. Отсутствие близости лишает нас возможности быть затронутыми событиями мира и, тем самым, вступать в отношения с самим собой и своими ценностями. Кроме того, сама близость может причинять страдание: ранить, вводить в состояние беспомощности, если, например, человек постоянно не отвечает чьим-то ожиданиям или не знает, как быть с переживанием.

Решимость вступать в отношения, уделять им время, выходить на уровень близости выступают условием для «обращения» – основной духовной работы Person на этой мотивации. Обращение к жизни воплощает в себе решение дать согласие всему, что ей сопутствует. В рамках экзистенциального анализа обращение рассматривается как открытость по отношению к глубине собственных чувств – и к радости и к страданию. (Кривцова, 2006, С. 22). Акт обращения направлен на переживание жизни, в котором уже содержится информация о ее ценности. Информация о ценности жизни является основной для формирования базовой позиции по отношению к жизни. На основании этой позиции возникает чувство фундаментальной ценности – субъективный ответ на вопрос человека о ценности жизни самой по себе, глубокое личное отношение к собственной жизни (Лэнгле, 2005, С. 139).

На этом уровне мотивации также закладывается фундамент способности к восприятию основных видов ценностей, выделенных еще Франклом: ценностей творчества (того, что было создано), ценностей переживания (хорошего, настоящего, прекрасного), ценностей

позиций (честного и истинного) (Лэнгле, 2006, С. 54).

Если блокируется способность обращения, в ход идут защитные механизмы: отступление или «эмоциональный» уход (основное движение), погоня за успехом, суетливое ухаживание (парадоксальное движение), ярость (агрессия), апатия и обесценивание (рефлекс мнимой смерти).

Согласно вышеописанному, основными темами второй мотивации являются: депрессия, апатия, горе, время, близость, отношения, ценности, чувства.

Третья фундаментальная мотивация

Персональное бытие человека представляет собой динамический процесс двойного соотношения с миром. В рамках этого соотношения еще одной целостной мотивационной силой для человека становится желание отстоять право быть собой. Затрагивая уровень ответственности, эта сила воплощается в стремление человека быть оправданным перед лицом себя и других.

Вопрос третьей фундаментальной мотивации звучит так: «Я – есть я, но имею ли я право быть собой?». Ответ, который дает человек, напрямую зависит от его представлений о нравственной основе собственного выбора. На его базе формируется идентичность, картина себя и личная этика.

В основе формирования нравственной системы, обретения идентичности и собственной самооценки лежат три внешних предпосылки: справедливое отношение и оценка поступков другого, оправдание другого; уважительное внимание к чувствам, границам, потребностям другого; признание ценности другого (Лэнгле, 2004, С. 41-48). Для того чтобы эти внешние предпосылки стали внутренним достоянием, должна быть совершена длительная духовная работа по их присвоению.

Человек обладает способностью ощущать справедливость и несправедливость собственных действий точно так же, как он ощущает справедливость или несправедливость отношения к нему со стороны других. Опираясь на это чувство, он получает возможность ощущать основания своего выбора и оставаться самим собой не только для себя, но и для

других. При встрече с миром у человека появляется возможность сопоставления собственных представлений о справедливости с представлениями других людей, что всегда дает основу для того, чтобы оставаться оправданным в собственных поступках перед самим собой.

Уважительное внимание других людей к индивидуальности человека способствует тому, что человек начинает интересоваться своей внутренней сущностью. Следуя за заинтересованным взглядом других, он получает возможность обнаружить ценное внутри себя, благодаря чему его личность становится видимой.

Человек обладает способностью ощущать справедливость и несправедливость собственных действий точно так же, как он ощущает справедливость или несправедливость отношения к нему со стороны других. Опираясь на это чувство, он получает возможность ощущать основания своего выбора и оставаться самим собой не только для себя, но и для других

Обнаружение сущности Person способствует тому, что в отношении ее значимости предпринимается оценка. Она заключается в признании неповторимости собственной личности, уникальности своего стиля жизни и способа действия. Это признание, в свою очередь, способствует уважительному вниманию и справедливому к ней отношению (Лэнгле, 2004, С. 41-48).

Следствием нахождения своего собственного «Я» является способность к встрече, к диалогу с миром или другим человеком, который превращает «Я» в «Ты для Другого». «Когда говорится Ты, говорится и Я, сочетания Я – Ты», сказал бы об этом М. Бубер (Бубер, 1995). При встрече происходит принятие себя и другого как уникальных и непохожих в своей основе сущностей. Процесс встречи можно описать как последовательность этапов рассмотрения, принятия другого всерьез и выявление различий (Лэнгле, 2006, С. 48).

Вершиной развития третьей фундаментальной мотивации становится совесть – одна из ипостасей Person – орган, который в форме интуитивного чутья дает представление о сущности конкретной ситуации и, опираясь на ценности, направляет к единственно правильному в рамках нее решению

(Кривцова, 2006). Голос совести является здесь голосом аутентичности, благодаря ему, человек познает то, каким он сейчас и всегда является, вступая в отношения соответствия со своей индивидуальностью. Согласованность со своей персональной изначальностью дает человеку представление о собственной идентичности или аутентичности.

Если это невозможно, у человека начинают действовать защитные механизмы: уход на дистанцию в качестве основного движения, такие активизмы как функционирование или оправдание, агрессия в виде гнева или раздражения, рефлекс мнимой смерти как отрицание

и расщепление.

Основные темы третьей мотивации: одиночество, пустота, стыд, вина, уважение, справедливость, самооценочность, аутентичность, совесть.

Четвертая фундаментальная мотивация

Исполнение первой (Мочь-быть-здесь), второй (Иметь ценности) и третьей (Мочь-быть-самим-собой) фундаментальных мотиваций, дают возможность открыться четвертому условию экзистенции – возможности расти и развиваться для будущего.

«Человеческий разум всегда пребывает в поиске общих духовных связей, в рамках которых изменчивая экзистенция смогла бы получить постоянное значение» – пишет о четвертом условии экзистенции А. Лэнгле (Лэнгле, 2004).

С этим поиском связан вопрос четвертой фундаментальной мотивации. Он ставится человеком в отношении смысла: «Я есть здесь, но для чего?».

Согласно логотерапии Франкла, жить со смыслом означает быть включенным во что-то, превосходящее тебя. Франкл определяет экзистенциальный смысл как «возможность на фоне действительности» (Франкл, 1990, С. 37). Лэнгле конкретизирует его понятие и пишет о смысле

как о «самой ценной возможности ситуации» (Лэнгле, 2005, С. 145). Эта реалистичная, соответствующая обстоятельствам ситуации возможность зависит от трех переменных. Этими переменными являются, с одной стороны, условия конкретной ситуации, с другой – особенности человека, находящегося в этой ситуации, с третьей – то важное и ценное, что содержится в ситуации для самого человека (Лэнгле, 2004). В качестве условия точного восприятия и различения этих переменных выступает формирование феноменологической установки – это «установка открытости по отношению к миру, которая позволит человеку слышать его запрос» (Лэнгле, 2005, С. 145).

Достижение четвертого условия исполненной экзистенции невозможно без включенности человека в структурные взаимосвязи его жизни (семья, работа и т.д.), активного участия в различных деятельности и наличия представлений о будущем.

Само по себе страдание нельзя отнести только к области неприятных чувств. Боль, которую чувствует человек, свидетельствует о том, что под угрозой оказываются защищающие, сохраняющие и поддерживающие жизнь базовые структуры экзистенции – четыре фундаментальные мотивации, каждая из которых имеет свой модус переживания, темы и ряд следствий

Структурные взаимосвязи позволяют человеку исследовать и расширять границы собственной личности. Выполнение различных ролей способствует более интегрированному, комплексному видению мира и дает ориентиры для успешного с ним взаимодействия.

В свою очередь, в поле деятельности объективно существующие возможности приобретают связанную со структурой деятельности значимость, становятся лично значимыми; происходит понимание человеком своих действий. Поле деятельности выполняет множество необходимых человеку функций: ставит перед ним задачи, требует занять позиции, создает условия для переживаний, делает возможными непрерывное становление и творчество. Благодаря наличию этих возможностей, человек становится тем, кем он есть, и подготавливает базу для собственного развития в будущем.

Когда все эти предпосылки оказываются выполненными, бытие человека приобретает смысл. Выполняя роль

компас в море человеческих поступков и желаний, смысл дает возможность пережить чувство экзистенциальной исполненности – глубокое удовлетворение от правильности течения собственной жизни.

Обретение экзистенциального смысла способствует обретению онтологического (философского или религиозного) смысла, который раскрывает глубокое понимание оснований бытия в мире.

Вершину мотивационной иерархии представляет развитие воли – свободного решения о внесении в жизнь некой ценности, которая субъективно ощущается как осуществимое решение (Кривцова, 2006, С. 24). В качестве предпосылок подлинное воление имеет «мочь», «желать», «иметь право», «долженствовать».

Если предпосылки для обретения смысла отсутствуют, в ход запускаются защитные механизмы: временная устойчивость бытия (основное движение), ак-

тивное создание смысла через идеализацию, фанатизм и постоянную фиксацию на цели (парадоксальное движение), агрессия в виде цинизма, духовные рефлексии мнимой смерти в виде нигилизма.

Обобщая темы 4 ФМ, еще раз их назовем: отчаяние, экзистенциальный вакуум, структурные взаимосвязи, поле деятельности, будущее, воля, смысл.

Страдание как субъективное переживание дефицита экзистенциальных фундаментальных мотиваций.

При всем многообразии причин и содержаний в страдании можно выделить сущностный компонент, который отличает его от любого другого переживания: в страдание мы переживаем разрушение для себя того, что представляло для нас первостепенную ценность в жизни. Лэнгле определяет страдание как «субъективное чувство разрушения чего-то жизненно важного, чувство разорванности, уничтожения, разъединения основ

экзистенции» (Лэнгле, 2012). Предметом духовного восприятия посредством чувств в страдании оказывается деструкция. Само по себе страдание нельзя отнести только к области неприятных чувств. Боль, которую чувствует человек, свидетельствует о том, что под угрозой оказываются защищающие, сохраняющие и поддерживающие жизнь базовые структуры экзистенции – четыре фундаментальные мотивации, каждая из которых имеет свой модус переживания, темы и ряд следствий. Деструкция первого фундаментального условия экзистенции подрывает способность свободно быть в этом мире и при отсутствии глубокого анализа этого состояния сопровождается развитием страхов и неуверенности. В случае долгого отсутствия участия персонального измерения в решении проблем происходит фиксация копинговых реакций – на фоне усиления страха развиваются более серьезные формы патологических переживаний: фобии (фиксация активизмов), генерализованные переживания страха (фиксация избегания), тревожные расстройства личности, может возникнуть психогенная шизофрения (Лэнгле, 2009). В качестве причин разрушения первого основания экзистенции можно назвать как тяжесть внешних обстоятельств, отсутствие необходимых предпосылок для возможности обходиться с данностями, так и отсутствие сил для выдерживания и принятия внешних условий.

Поставленное под угрозу второе условие экзистенции может проявляться в появлении стойкого «мне не нравится» в отношении действий или выражаться в неспособности получать удовольствие и переживать радость. Причинами разрушения могут стать отсутствие необходимых предпосылок для обращения к ситуации с возможностью увидеть ценное, обедненная ценностями среда, в которой человек живет, его конституциональные предрасположенности, а также постигшие его утраты и непрожитые лишения. Так, например, блокирование способности соотноситься с чувствами, вызванная их чрезвычайной болезненностью, обращаться к жизни и ценному выражается в появлении чувства тяжести, вины, тревоги и горя. Если проработка проблем, связанных с этой мотивацией,

оказывается невозможной, человек погружается в депрессивный мир собственных переживаний. В этом случае девиз его жизни может звучать так: если жизнь такова, то я не хочу жить. (Лэнгле, 2009). Любой депрессии предшествует «дефицит субъективно переживаемых ценностей» (Лэнгле, 2010, С. 35).

Разрушение третьего условия экзистенции приводит к тому, что человек переживает невозможность, отсутствие у себя права быть самим собой, аутентично проживать свою жизнь и вступать в отношения с другими людьми. Преобладающие в такой жизненной ситуации чувства потерянности, смятения, чуждости самому себе, одиночества, стыда при отсутствии персональной обработки приводят к внутренней пустоте, потере чувствительности и переживанию безутешности. Длительное нарушение способности встречать себя и других и вступать с собой и другими в диалог становится причиной истерических нарушений. К патологиям мотиваций этого уровня можно отнести четыре типа личностных расстройств или расстройств самости: истерическое расстройство, пограничные расстройства, нарциссическое расстройство и параноидальное расстройство (Лэнгле, 2009).

Причинами утраты бытия самим собой могут стать как отсутствие необходимых предпосылок для формирования способности к встречающему диалогу и внешние травматизации, так и собственное поведение человека.

При нарушениях четвертого условия человек перестает правильно распознавать запросы текущих ситуаций и обнаруживать в них смысл как ориентир для последующих действий. В качестве преобладающих отказываются чувство уныния, переживание того, что все происходящее, мысли и действие, не обладают никакой ценностью, лишены смысла. Утрачиваются видимые связи с будущим, оно становится чуждым и далеким. Следствием нарушения способности к согласованию требований ситуации с внутренними стремлениями оказываются переживания бессмысленности жизни, пустоты, отчаяние. Возникает так называемый «экзистенциальный вакуум», впервые описанный В. Франклом как комплекс переживаний, включающий скуку,

ощущение внутренней пустоты и апатию (Франкл, 1990). К патологии четвертой мотивации относится суицидальность – отчаяние при безысходном чувстве бессмысленности (Лэнгле, 2006, С. 121).

Причинами возникновения страдания в случае разрушения четвертого условия экзистенции могут стать как нарушения одного или нескольких предыдущих условий экзистенции, так и отсутствие реализации необходимых предпосылок для обнаружения смысла.

Очень часто страдание воспринимается нами как лишенное смысла состояние, не представляющее ценности: горе, потеря, боль, нужда. В. Франкл писал, что смысл, включая в себя ценностный компонент, противоположен страданию. Тем не менее, не смотря на свою очевидную бессмысленность, проживание страдания в ряде случаев становится осмысленным. «Дорогой к смыслу» в страдании Франкл назвал глубокое и внимательное обхождение с ним, заключающее в себе установку на поиск ценного. В экзистенциальном анализе, помимо названной установки и занятия позиции по отношению к страданию, его преодолению способствует высвобождение активности, соответствующей каждой из мотиваций, заблокированной страданием: выдерживания и принятия, обращения, готовности вступать в диалог, умения выявлять требования ситуации и согласовать их с внутренними стремлениями.

Тест экзистенциальных мотиваций ТЭМ – инструмент для измерения субъективного переживания качества жизни

В качестве методики, позволяющей оценивать уровень исполненности по каждой из четырех фундаментальных мотиваций, предлагается ТЭМ. Данная методика была разработана А. Лэнгле, П. Эдхард на основании учения о четырех фундаментальных мотивациях в 2001 году (Längle, Eckhardt, 2001). Тест изначально разрабатывался в качестве вспомогательного средства, способного расширить спектр возможностей оказания психотерапевтической и консультативной помощи. Он представляет собой инструмент для изучения предпосылок экзистенциально исполненной жизни и прояснения проблем, связанных со

сферой личности. В своем рабочем варианте методика направлена на то, чтобы выявить характер переживаний человека и понять, насколько полно он проживает свою жизнь. Тест Экзистенциальных Мотиваций может быть использован как диагностическое средство в научных целях в рамках дисциплин, в сферу интересов которых входит изучение отношения человека с собственной жизнью и вопрос субъективного качества жизни (социология, педагогика, менеджмент). Данный тест – это опросник, содержащий утверждения о себе и своих отношениях с четырьмя аспектами бытия. Он не защищен от социальной желательности, поэтому не может быть использован для аттестации, профессиональной оценки персонала или самочувствия. На сегодняшний день тест проходит апробацию на русскоязычной выборке. В данной статье приведен бланк четвертой редакции опросника (Корякина, 2010, 2011).

Пространство теста представлено 4 субшкалами, каждая из которых состоит из 14 вопросов с 6-ступенчатыми категориями ответов от «согласен» до «не согласен». Нейтральная категория отсутствует, поскольку она не обладает силой утверждения.

Человек, приступающий к заполнению теста, должен соотнести каждое из утверждений опросника с возникающим после его прочтения ответным переживанием и выразить свою степень согласия с ним, исходя из предложенной 6-ступенчатой градации в диапазоне от «соответствует» до «не соответствует». За каждый ответ на вопрос испытуемому присваивается соответствующий этому ответу «сырой» балл в интервале от 1 до 6. После завершения тестирования данные, полученные от клиента, подвергаются количественной, а затем и качественной оценке. Для прямых пунктов баллы присваиваются справа налево (максимальный балл присваивается крайнему значению справа). Для обратных – по восходящей: слева направо (максимальный балл присваивается крайнему значению слева). Итоговый «сырой» балл по каждой из шкал этого опросника дает подсчет суммы баллов входящих в нее вопросов. Сумма баллов по четырем субшкалам образует суммарное значение по тесту – общий показатель ТЭМ.

К субшкалам опросника относятся:

- Фундаментальное доверие – является мотивационной силой для физического выживания и духовного преодоления условий бытия, данной через переживание «мочь быть», «иметь силы»;
 - Фундаментальная ценность – представляет собой стремление к получению радости от жизни и переживанию ценностей, к достижению того, чтобы человеку «навилось жить» свою жизнь;
 - Самоценность – воплощает желание быть персонально аутентичным и справедливым, «иметь право быть таким, какой ты есть».
 - Смысл жизни – представлен мотивацией к экзистенциальному смыслу и созданию того, что имеет ценность, дабы «действовать должным образом».
- Сумма «сырых» значений по 4 субшкалам дает суммарное значение – общий показатель (Summenscore) ТЭМ, аналог экзистенциальной исполненности личности.

Предполагалось, что респондент способен оценить характер собственных переживаний, возникающих при прочтении утверждения, и привести их в соответствие с предложенной в тесте шкалой. Сопоставление утверждений с характером переживаний выступало для разработчиков основным критерием получения надежных и валидных данных при помощи этого теста

Проблемы измерения отношения к жизни

В качестве методологической базы при разработке данного теста был использован феноменологический подход с его ключевым тезисом о самоочевидности и беспредпосылочности непосредственно получаемого человеком опыта в пространстве его переживаний. В основу разработки теста легло представление о том, что ответы испытуемых, основанные на оценке характера их переживаний, обладают статусом субъективной правды, то есть тем, что отчетливо есть здесь и сейчас, тем, что нельзя отрицать, поэтому на них можно опираться как на надежный источник информации об их состоянии. Предполагалось, что респондент способен оценить характер собственных переживаний, возникающих при прочтении утверждения, и привести их в соответствие с предложенной в тесте шкалой. Сопоставление утверждений с характе-

ром переживаний выступало для разработчиков основным критерием получения надежных и валидных данных при помощи этого теста. Отстаивая справедливость такого подхода, можно вспомнить позицию психолога, автора многочисленных исследований, посвященных изучению духовных стремлений личности, Эммонса, который вслед за другими авторами под удовлетворенностью жизнью понимает «глобальную оценку личности своей жизни» (Эммонс, 2004).

Вместе с тем, вопросы о качестве собственной жизни уводят человека на такую глубину, которая не часто встречается в повседневной жизни (не случайно экзистенциалисты называют эти вопросы «не будничными»). Они могут вызывать чувства боли или страха, защитные реакции, воспринимаемые интервьюером как психологическое сопротивление.

Мы в нашем опыте адаптации ТЭМ столкнулись с тем, что степень искренности при ответе на вопросы и готовность обращения к собственному

переживанию может зависеть от множества факторов. Среди них: мотивация респондента к заполнению данного теста, доверие диагносту, способность замечать и как-то означивать собственные переживания, наличие достаточного времени для заполнения, самочувствие, внешние обстоятельства жизни испытуемого и др. Все эти факторы, так или иначе, надо учитывать при проведении диагностики.

Особенности интерпретации опросника ТЭМ

Описываемый нами тест прошел адаптацию к русской выборке (Корякина, 2010), но к настоящему моменту не имеет стандартных норм. Поэтому интерпретация данных теста может осуществляться только на уровне отдельно взятых вопросов (пунктов) путем сравнения субшкал между собой и сравнения данных по шкалам у разных испытуемых.

Интерпретация на уровне вопросов дает возможность составить общее представление о характере возможных проблем, выявить сферу, где они проявляются особенно ярко. Эти данные могут дать важную для работы информацию о человеке, начиная с первой встречи в рамках проведения консультирования или психотерапии.

Для выявления тенденций социальной желательности мы предлагаем сравнить ответы на вопросы, составляющие пары (5 и 25, 10 и 41, 18 и 23, 27 и 56, 31 и 51), которые являются разнонаправленными и близкими по смысловому содержанию. Если респондент на оба вопроса каждой пары дает одинаковые ответы, то к интерпретации его результатов следует отнестись, по крайней мере, с осторожностью. Если, например, респондент одновременно соглашается (или не соглашается) с утверждением под номером 10 («По-настоящему мне не на что опереться в жизни») и с утверждением под номером 41 («Я чувствую, что у меня в жизни есть опора»), то это свидетельствует о том, что он недостаточно внимательно читает вопросы либо он невосприимчив к их содержанию. Существует и третий вариант: можно предположить, что картина мира, жизненный опыт и знания респондента дают ему основания для тонкого различения смыслов этих двух вопросов и видения в каждом из них специфического содержания. Все вышперечисленное свидетельствует о том, что содержание ответов при их несовпадении нужно уточнять.

Следует также отнестись с осторожностью к очень высоким результатам по шкалам и проверять их надежность в ходе личной беседы или при помощи данных других методик. Такие результаты могут быть свидетельством того, что респондент успешно проживает каждую из четырех тем его экзистенции, так и о том, что он закрыт для тестирования, не критичен к собственным оценкам или мотивирован представлять свою жизнь в лучшем свете. Слишком низкие данные по шкалам также должны быть подвергнуты проверке, т.к., возможно, респондент недостаточно хорошо понял инструкцию к тесту и неправильно его заполнил.

История эмпирической апробации теста ТЭМ на русскоязычной выборке

Первое исследование, посвященное апробации опросника ТЭМ на русскоязычной выборке, было проведено нами в 2009 году. Его основными задачами была проверка его надежности и внутренней и внешней валидности. В ходе эмпирической проверки было установлено, что адаптируемый нами тест ТЭМ отвечает требованиям надежности и внешней валидности (Корякина, 2010). Но при этом некоторые пункты опросника показывали статистически низкую степень согласованности со шкалами и, тем самым, нуждались в изменении. Дальнейшая апробация опросника проводилась посредством редакции интересующих нас пунктов и их эмпирической проверки в составе шкал опросника. Следствием апробации стало возникновение второй, третьей, а затем и четвертой версии первичного русскоязычного варианта опросника. Последняя версия, согласно данным исследования 2013-2014 гг., является самым удачным вариантом редакции.

Общая выборка испытуемых к моменту окончания исследований составила 602 человека. В нее вошли испытуемые из разных возрастных и профессиональных групп. Выборка самого первого исследования (2009 г.), проводимого с целью проверки надежности, внутренней и внешней валидности русской оригинальной версии теста была представлена 200 испытуемыми (94 мужчины и 106 женщин) в возрасте от 18 до 69 лет (Корякина, 2010). В исследовании по апробации второй версии опросника (2011 г.) приняли участие 203 человека (84 мужчины и 119 женщин) в возрасте от 17 до 60 лет. Третья выборка (2013-2014) была сформирована из 199 испытуемых (100 мужчины и 99 женщин) в возрастном диапазоне от 20 до 76 лет.

В каждом из исследований мы проводили оценку одномоментной надежности как целого опросника (см. табл. 2), так и его отдельных шкал (см. табл. 1). Приведенные результаты демонстрируют высокие показатели одномоментной надежности и отдельных шкал, и целого опросника каждой из трех созданных версий.

Помимо одномоментной надежности теста, в наших исследованиях мы оце-

Таблица 1. Данные одномоментной надежности опросника ТЭМ в исследованиях разных лет.

	Исследование 2009 г α Кронбаха N = 200	Исследование 2011 г α Кронбаха N = 203	Исследование 2013-2014 г α Кронбаха N=199
Фундаментальное доверие	0,884	0,855	0,827
Фундаментальная ценность	0,891	0,884	0,780
Самоценность	0,832	0,800	0,796
Смысл жизни	0,813	0,873	0,829

Table 1 Simultaneous reliability of TEM in the research of different years

	Research 2009 α Cronbach N = 200	Research 2011 α Cronbach N = 203	Research 2013-2014 α Cronbach N=199
Fundamental Trust	0,884	0,855	0,827
Fundamental Value	0,891	0,884	0,780
Self-Worth	0,832	0,800	0,796
Meaning of Life	0,813	0,873	0,829

Таблица 2. Данные одномоментной надежности опросника ТЭМ полученных на русской и на австрийской выборках в исследованиях разных лет.

	Кол-во вопросов в шкале	α Кронбаха	Объем выборки
Данные одномоментной надежности общего показателя ТЭМ на австрийской выборке (Eckhart, 2001)	56	0,97	1050
Данные одномоментной надежности общего показателя ТЭМ на русской выборке, полученные в исследовании 2009 года (Корякина, 2010, С. 142)	56	0,954	200
Данные одномоментной надежности общего показателя на русской выборке, полученные в исследовании 2011 года	56	0,956	203
Данные одномоментной надежности общего показателя на русской выборке, полученные в исследовании 2013-2014 года	56	0,938	199

Table 2 Simultaneous reliability of TEM in Russian and Austrian samples in the research of different years

	Number of Questions	α Cronbach	Sample
Simultaneous reliability of TEM in Austrian sample (Eckhart, 2001)	56	0,97	1050
Simultaneous reliability of TEM in Russian sample, research of 2009 (Koryakina, 2010, p. 142)	56	0,954	200
Simultaneous reliability of TEM in Russian sample, research of 2011	56	0,956	203
Simultaneous reliability of TEM in Russian sample, research of 2013-2014	56	0,938	199

нивали согласованность шкал опросника между собой и согласованность шкал с общим показателем ТЭМ. В ходе исследования было выявлено, что каждая из трех версий Теста Экзистенциальных Мотиваций обладает средними и высо-

пригодности четвертой русскоязычной версии опросника ТЭМ. Темой дальнейшего исследования по адаптации опросника ТЭМ должна стать его стандартизация: выделение норм и построение стандартной шкалы.

Таблица 3. Корреляция шкал теста между собой и с суммарным показателем ТЭМ ($p < 0,01$).

	Фундаментальное доверие	Фундаментальная ценность	Самоценность	Смысл жизни
Фундаментальное доверие	1,00			
Фундаментальная ценность	0,673	1,00		
Самоценность	0,800	0,646	1,00	
Смысл жизни	0,726	0,648	0,749	1,00
Общий показатель ТЭМ	0,917	0,804	0,909	0,886

Table 3 Correlation test scales between themselves and with the total index of TEM ($p < 0,01$).

	Fundamental Trust	Fundamental Value	Self-Worth	Meaning of Life
Fundamental Trust	1,00			
Fundamental Value	0,673	1,00		
Self-Worth	0,800	0,646	1,00	
Meaning of Life	0,726	0,648	0,749	1,00
TEM Total Index	0,917	0,804	0,909	0,886

кими показателями общей согласованности шкал между собой и высокой степенью согласованности шкал с общим показателем ТЭМ (Корякина 2010, 2011). Ниже (см. табл. 3) в качестве примера мы приводим оценку согласованности шкал четвертой версии опросника ТЭМ.

Отдельно во всех трех исследованиях нами была изучена связь показателей теста ТЭМ с возрастом и полом респондентов. Значимых различий между показателями шкал опросника ТЭМ и полом респондентов ни в одном из исследований выявлено не было. В исследовании, проводимом на выборке респондентов, отвечающей требованиям нормального распределения, значимых связей с возрастом респондентов также выявлено не было (Корякина, 2010). Этот же результат был получен и в исследовании Лэнгле и Экхарда, проведенном ими в 2001 году на австрийской выборке (Längle, 2001).

Таким образом, главным результатом проведенных нами исследований стало создание и эмпирическое обоснование

Качественное описание шкал опросника ТЭМ

Проведенные нами исследования (Корякина, 2010, 2011), а также тщательный анализ литературы по теме четырех экзистенциальных мотиваций позволили нам дать качественное описание значениям, соответствующим высоким и низким показателям шкал.

Шкала «Фундаментальное доверие»

Шкала выявляет, как человек выдерживает свое бытие и принимает его условия. Она оценивает, насколько успешно человек может обходиться с самим фактом пребывания в этом мире и условиях, которые являются данностями. Показатели шкалы демонстрируют, как он справляется с ограниченностью этого мира, есть ли у него необходимые предпосылки для того, чтобы выдержать и принять условия своего существования, преодолеть неуверенность, страх и тревогу, насколько он активен в своей способности «мочь быть».

Интерпретация:

Низкий балл по этой шкале говорит о слабой или заблокированной способности активно и свободно быть в этом мире. Он может быть показателем общей личностной незрелости, либо следствием различных психических травматизаций, сопровождающихся фиксациями защитных механизмов (невротические состояния страха, фобии) (Лэнгле, 2009). Низкий балл также может свидетельствовать о серьезности внешней ситуации, в которой находится респондент. В каждом из этих случаев оказывается частично или полностью заблокированной способность выдержать или принять данности этого мира. Отсутствует персональная проработка проблем, связанных с пространством (физическим, психическим, духовным), с защитой и опорой. Такой человек часто переживает страх, чувствует себя слабым, неуверенным. Подорванной оказывается его способность доверять себе и другим.

По мере увеличения балла по шкале возрастает способность респондента быть в мире, постепенно тревога и растерянность сменяются спокойствием и уверенностью. Проблемы, связанные с проживанием этой мотивации, теряют свою остроту и приобретают частный характер, они касаются определенных ситуаций или вращаются вокруг какой-то из отдельных предпосылок принятия.

Высокие баллы по этой шкале говорят об активном участии человека в событиях собственной жизни. Развитая способность к принятию своей жизни свидетельствует о том, что человек многие годы активно работал над его предпосылками, расширял их и теперь переживает глубокую укорененность в своей жизни. Он многое может выдержать и принять, поскольку имеет установку на познание и мужество заниматься тем, что страшит. Это дает ему чувство уверенности, дарит внутренний покой и способность проживать глубокое доверие к миру (Лэнгле, 2001).

Слишком высокие результаты по данной шкале необходимо оценивать с осторожностью. Как было сказано выше, это может быть выражением перфекционистской установки, закрытости или являться фактором социальной желательности.

Шкала «Фундаментальная ценность»

Данная шкала описывает отношения человека с жизнью. Шкала показывает, насколько полно человек может проживать свои ценности и насколько значимой является для него процесс жизни. Данные по шкале указывают на то, способен ли респондент свободно обращаться к собственным чувствам, чувствует ли он себя живым, нравится ли ему его жизнь, достаточно ли у него ценностей, которые он стремится сохранить и защитить, и какая установка существует у него по отношению к самой жизни.

Интерпретация:

Низкий балл по этой шкале демонстрирует обедненные и ослабленные отношения человека с жизнью. Проявления полноты жизни сами по себе вызывают в нем негативный отклик. Человек не чувствует себя эмоционально включенным в жизнь, в его жизни мало радости и печали, мало «нравится» и «не нравится». Длительный дефицит такого рода ведет к утрате способности чувствовать себя живым и способствует началу депрессии (Лэнгле, 2010). Среди причин, приводящих к депрессии, можно выделить обедненное проживание ценностей. По тем или иным причинам ценности могут отсутствовать, быть утраченными или разрушенными. Может иметь место блокированный доступ к чувствам как следствие травматизации, а также отсутствие необходимого количества витальной силы, необходимой для проживания ценного. За фактом обедненного проживания ценностей могут стоять проблемы в установлении отношений с миром, другими людьми, самим собой, неумение уделять чувствам время, неспособность открыться жизни и приблизиться к ней. Следствием этого становится жизнь с установкой «не обращать внимания», то есть с установкой на эмоциональную закрытость по отношению к чему-либо (Лэнгле, 2009).

С повышением баллов по данной шкале наблюдается возрастание способности проживать свою жизнь, эмоционально откликаясь на ее события. По мере возрастания результатов дефицит проживания данной мотивации становится меньше выраженным, и влияние его проявляется менее остро в поступках и решениях человека, в его образе жизни.

Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют о том, что у человека хорошие отношения с жизнью, ему нравится вступать в жизнь, принимая происходящее в ней «близко к сердцу»: смеясь и плача, радуясь и печальясь. Такой человек постепенно развивает и сохраняет в себе способность поддерживать отношения с жизнью, эмоционально соотноситься с ней, полно проживать то, что он делает, а не отстраненно функционировать. Он умеет и готов ухаживать за ценностями своей жизни (уделять им время, проживать и наслаждаться ими). Проживание ценностей наполняет человека, благодаря этому он чувствует течение жизни в себе самом. Совокупность всех переживаний ценного, в каждом из которых есть доля информации о ценности жизни самой по себе, рождает у такого человека установку на любовь к жизни. Постигание глубокой тайны ценности жизни приводит к формированию персональной позиции: снова вступать в жизнь, несмотря на все потрясения и страдания, которые она с собой несет (Лэнгле, 2009).

Шкала «Самоценность»

Шкала направлена на выявление того, насколько хорошо человек соотносится со своей индивидуальностью. Она оценивает, в какой степени человек дает себе право быть собой, соотносит с собственной сущностью требования ситуации, решения и поступки, умеет ли он утверждать, защищать и отстаивать свое «Я». Шкала показывает, как часто и насколько хорошо при принятии решений человек всматривается в самого себя и прислушивается к «внутреннему голосу» при определении правильности своих поступков, имеет ли он доступ к своей совести, готов ли действовать в соответствии с нею (аутентичная установка).

Интерпретация:

Низкие баллы по данной шкале могут свидетельствовать о нарушении человеком активной способности к формированию своего «Я». На субъективном уровне человек чувствует потерянность, которая сопровождается чувством боли и стыда. Без персональной проработки этого переживания ее последствиями ставятся самоотчуждение и переживание

внутренней пустоты. Причинами этого может стать также отсутствие в биографическом опыте необходимых для становления «Я» отношений со взрослыми (существенными характеристиками этих отношений должны быть уважительное внимание, справедливое отношение со стороны взрослых, признание ими его ценности), либо невозможность усвоить этот опыт и перенести его в отношения с самим собой (Лэнгле, 2006). Человек имеет смутные представления о себе и ограничениях своих возможностей, он не может открыто смотреть на себя, не воспринимает себя всерьез, не готов прислушиваться к своему ощущению правильного, собственные ценности не важны для него. Все это приводит к потере персональной основы принятия решений, утрате способности переживать глубину и ценность собственной личности. Такой человек склонен не учитывать, не принимать себя в расчет, из-за этого у него в ряде ситуаций может иметь место взрывной тип реакции, излишне требовательное поведение, он может колебаться между двумя крайними позициями в отношении ситуации, каждая из которых не является для него аутентичной (Лэнгле, 2005).

Средние баллы по данной шкале показывают возрастающую способность быть самим собой, проблемы, связанные с этой мотивацией, приобретают более частный характер и могут касаться какой-то одной из предпосылок.

Высокие баллы по шкале свидетельствуют о том, что человек умеет вступать в диалог с самим собой, оценивать свои чувства и занимать в отношении их определенную позицию. Доверие собственной способности оценивать себя и самому выносить в отношении себя суждения обеспечивает хорошую защиту собственному «Я» и делает его сильным. В основе защиты своей индивидуальности перед самим собой (невзирая на имеющиеся ошибки и неудачи) и уважительного восприятия своих стремлений и поступков лежит переживание собственной уникальной сущности как неоспоримой ценности (Лэнгле, 2009). Знание себя делает возможным встречу с индивидуальностью другого, уважение собственной уникальности порождает уважительное всматривание в индиви-

дуальность другого. Такое развитие личности говорит о ее зрелости, способности оставаться самим собой рядом с другими. У такого человека присутствует ясность в отношениях с самим собой: он без страха может дать себе право быть собой, свободно воспринимать свои установки и ответственно принимать решения, привнося собственную уникальность в мир посредством своих действий и поступков.

Шкала «Смысл жизни»

Шкала выявляет наличие смыслов в жизни человека. Она показывает, насколько полно реализуется стремление человека поместить свою жизнь в систему более широких взаимосвязей и таким образом придать ей смысл. Данные по шкале выявляют способность человека видеть отношения между системой внутренних ценностей и требованиями ситуации и выносить проживание ценного в более широкий контекст, чувствовать себя нужным, запрошенным жизнью и отвечать на запросы. При помощи этой шкалы можно оценить, какую позицию (пассивную или активную) человек занимает в отношении поиска смысла.

Интерпретация:

Низкие баллы по данной шкале могут свидетельствовать о проблемах проживания предшествующих трех мотиваций: пассивности, отсутствии сил, утрате ценностей, обедненной эмоциональной сфере, расстройстве формирования «Я». Утрата ценностей может блокировать переживание человеком смысла. Невозможность найти смысл может переживаться человеком как растерянность, «экзистенциальный вакуум» или отчаяние. Для хорошо описанного Франклом состояния «экзистенциального вакуума» характерно ощущение скуки, внутренней пустоты, апатии (Лэнгле, 2004). Жизнь без подлинного смысла опустошает внутренне, лишает сил и становится источником стресса. Человек не испытывает радости от достижений, подлинные цели заменяет мнимыми, он ориентируется на социальное одобрение, подвержен зависимостям. В основе этих проблем лежит отсутствие открытости по отношению к требованиям ситуации.

Возрастание баллов по данной шкале говорит о смене позиции в отношении смысла с пассивной на более активную.

Высокие баллы по данной шкале свидетельствуют о том, что на протяжении ряда лет человек занимал активную позицию в отношении поиска смысла конкретных экзистенциальных ситуаций, решал жизненные задачи. Опыт развития чуткости к требованиям жизни и нахождения соответствующих им решений, суммируясь, подводят человека к возможности ответить для себя на вопрос о смысле жизни в целом (Лэнгле, 2009). Обретение экзистенциального смысла придает жизни направленность, фокусирует ее на определенных ориентирах. Четкие ориентиры в отношении жизни и ее включенность в некий мировой порядок дают ясную и стройную картину будущего. Решения, которые принимает человек, способный находить смысл, оказываются воплощением некоего превосходящего смысла, дающего ответы на вопрос «для чего» и «зачем», вследствие чего весь процесс их принятия становится осознанным и понятным. Деятельность переживается как добровольная и представляет собой ценность (Лэнгле, 2005).

Общий показатель ТЭМ

Общий показатель ТЭМ демонстрирует экзистенциальную исполненность личности. Общий балл выявляет степень исполненности жизни личности, ее согласия в отношении проживания четырех тем экзистенции. Он также показывает степень свободы и ответственности человека при принятии решений и в обращении с данностями мира.

Интерпретация:

Высокие баллы этого показателя говорят о том, что человек переживает глубокое внутреннее согласие в отношении своих установок, решений и поступков. Эти установки оказываются для него одновременно соответствующими и его сущности, и требованиям внешнего мира. Благодаря способности увидеть в требованиях мира возможность для проживания своих ценностей, услышать в них вызов, такой человек в наиболь-

шей степени является самим собой, а его жизнь становится исполненной (Лэнгле, 2009).

Низкий балл показателя указывает на неспособность слышать или понимать каждодневные запросы мира и выявляет отсутствие доступа к персональному измерению. Утратив вместе со способностью слышать голос аутентичности личную свободу, такой человек становится игрушкой в руках других людей и обстоятельств. Под угрозой оказывается личная ответственность, так как, лишившись доступа к самому себе, человек не может различать подлинные основания своего выбора (Лэнгле, 2006). Причинами отсутствия исполненности могут быть проблемы каждой из мотиваций или их совокупность, травматизации, а также общая личностная незрелость.

Заключение

Сегодня понятие субъективного качества жизни оказалось тесно связанным с такими понятиями как «ценность», «потребности», «смысл», «жизненная стратегия». Они выступают в качестве интегральных показателей качества жизни в различных подходах.

В концепции экзистенциального анализа А. Лэнгле в основу представления о качестве жизни легло понятие экзистенциальной исполненности – чувство глубокого удовлетворения и согласия в ситуации, затрагивающей его духовное измерение. Проживание человеком своего духовного измерения зависит от четырех содержательных категорий – фундаментальных мотиваций личности. Реализация условий проживания каждой из них избавляет человека от проблем, связанных с ограниченной, дефицитарной исполненностью этих мотиваций, таких как страхи, фобии, депрессии, истерии или зависимости.

В данной статье мы представили вашему вниманию опросник, который позволяет оценить степень проживания каждой из четырех мотиваций. Несмотря на то, что его адаптация к русскоязычной выборке еще не завершена, он уже сейчас представляет собой средство, которое позволяет производить качественное исследование степени исполненности каждой мотивации.

Литература:

- Адлер А. Понять природу человека. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1997.
- Аргайл М. Психология счастья / пер. с англ. А. Лисицына. – Санкт-Петербург : Питер, 2003.
- Берн Э. Трансактный анализ. – Москва : Академический проект, 2004.
- Братусь Б.С. Проблема возвращения категории «души» в научную психологию // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 5-15.
- Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. – Москва : Республика, 1995.
- Бусыгина Н.П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 2. – С. 52-76.
- Клочко В.Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О.К. Тихомирова) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2013. - №2 – с.106-120.
- Корякина Ю.М. Адаптация опросника экзистенциальных мотиваций «ТЭМ» (Тест экзистенциальных мотиваций) А. Лэнгле, П. Экхарт // Экзистенциальный анализ. Бюллетень № 2. – Москва, 2010.
- Корякина Ю.М. Опросник экзистенциальных мотиваций «ТЭМ» (Тест Экзистенциальных Мотиваций) А. Лэнгле, П. Эдхарт // Экзистенциальный анализ. Бюллетень № 3. – Москва, 2011.
- Кривцова С.В. Феноменологическая психология эмоций. Введение в теорию эмоций // Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. – Москва : Генезис, 2006. – С. 5-19.
- Лэнгле А. Дотянуться до жизни... Экзистенциальный анализ депрессии. – Москва : Генезис, 2010.
- Лэнгле А. Жизнь наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. – Москва : Генезис, 2004.
- Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Экзистенциальный анализ. Бюллетень № 4. – Москва, 2012.
- Лэнгле А. Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Экзистенциальный анализ. Бюллетень № 1. – Москва, 2009.
- Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. – Москва : Генезис, 2006.
- Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическое понимание эмоциональности: теория и практика. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 26-38.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – Москва : Генезис, 2005.
- Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 1.
- Маслоу А. Мотивация и личность. – Санкт-Петербург : Питер, 2007.
- Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Роджерс К. Становление личности. – Москва : Эксмо, 2001.
- Селигман М. Новая позитивная психология. – Москва : София, 2006.
- Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 2. – С. 27-51.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – Москва : Прогресс, 1990.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – Москва : Академический проект, 2009.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – Санкт-Петербург : Питер, 2009.
- Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / пер. с англ.; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2004.
- Gendlin E. Focusing-oriented Psychotherapy. – New York: Guilford Press, 1996.
- Giorgi A. The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design. Ed. by Camic P.M. et al. – Washington, DC., 2003. – P. 243-273.
- Spinelli E. Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World. – London, Sage, 2007.
- Längle A. Eckhardt P. Skalen zur Erfassung existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben // Existenanalyse. – 2001. – № 18. – 1. – P. 35-39.

References:

- Adler, A. (1997) Ponyat' prirodu cheloveka [Understanding Human Nature]. Saint Petersburg, Akademicheskii projekt.
- Argyle, M. (2003) Psikhologiya schist'ya [Psychology of Happiness]. Saint Petersburg, Piter.
- Berne, E. (2004) Transaktnyy analiz [Transactional Analysis in Psychotherapy]. Moscow, Akademicheskii projekt.
- Bratus B.S.(2014) The problem of restoring the category of "soul" in academic psychology. *National Psychological Journal*, 3(15), 5-15
- Buber, M (1995) Dva obraza very. Per. s nem./pod red. P.S.Gurevicha, S.Ja.Levit, S.V.Lezova. [Two Types of Fait]. Moscow, Respublika
- Busygina, N.P. (2009) Fenomenologicheskoe opisaniye i interpretatsiya: primery analiza dannykh v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [Phenomenological description and interpretation: examples of data analysis in qualitative psychological researches]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*. 2, 52-76.
- Emmons, R.A. (2004) Psikhologiya vysshikh ustremleniy: motivatsiya i dukhovnost' lichnosti [Psychology of Ultimate Concerns. Motivation and Spirituality in Personality]. Moscow, Smysl.
- Frankl, V. (1990) Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress.

- Hjelle, L., Ziegler D. (2009) Teorii lichnosti. [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg, Piter.
- Horney, K. (2009) Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni [The Neurotic Personality of our Time]. Moscow, Akademicheskii projekt.
- Gendlin, E. (1996) Focusing-oriented Psychotherapy. New York, Guilford Press.
- Giorgi, A. (2003) The Descriptive Phenomenological Psychological Method. Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design. Ed. by Camic P.M. et al. Washington, DC, 243-273.
- Eckhardt, P. Skalen zur Erfassung existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben [The measurement scale existential motivations, self-assessment and the meaning of life]. Existenzanalyse [Existential analysis]. 18, 1, 35-39.
- Klochko, V. E. (2013) Ontology of sense and sense-formation (Reflections on the anniversary of O.K. Tikhomirov). *Moscow University Psychology Bulletin*. Series 14. Psychology, 2, 106-120]
- Koryakina, I. M. (2010) Adaptatsiya oprosnika ekzistentsial'nykh motivatsiy «TeM» (Test ekzistentsial'nykh motivatsiy) A. Lenge, & P. Eckhardt, P. [Adaptation of the questionnaire existential motivations «TEM» (Test Existential Motivations)] *Ekzistentsial'nyy analiz [Existential analysis]*. Bulletin' [Bulletin]. 2.
- Koryakina, I. M. (2011) Oprosnik ekzistentsial'nykh motivatsiy «TeM» (Test ekzistentsial'nykh motivatsiy) A. Lenge, & P. Eckhardt, P. [The questionnaire of existential motivations «TEM» (Test Existential Motivations)]. *Ekzistentsial'nyy analiz [Existential analysis]*. B'yulleten' [Bulletin]. 3.
- Krivtsova, S. V. (2006) Fenomenologicheskaya psikhologiya emotsiy. Vvedenie v teoriyu emotsiy. Lenge A. Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya emotsiy [Phenomenological psychology of emotions. Introduction to the theory of emotion. Lenge A. What drives a man? Existential-analytical theory of emotions]. Moscow, Genезis.
- Lenge, A. (2006) Lenge A. Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya emotsiy [Phenomenological psychology of emotions. Introduction to the theory of emotion. Lenge A. What drives a man? Existential-analytical theory of emotions]. Moscow, Genезis.
- Lenge, A. (2010) Dotjanuťsya do zhizni... Ekzistentsial'nyy analiz depressii. [Reach for life... Existential analysis depression.]. Moscow, Genезis.
- Lenge, A. (2001) Ekzistentsial'nyy analiz – nayti soglasie s zhizn'yu [Existential analysis is to find the harmony with life]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*. 1.
- Lenge, A. (2004) Zhizn' napolnennaya smyslom. Prikladnaya logoterapiya [Life is filled with meaning. Applied Logotherapy.]. Moscow, Genезis.
- Lenge, A. (2005) Person. Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti. [Person. Existential-analytical theory of personality.]. Moscow, Genезis.
- Lenge, A. (2009) Fundamental'nye motivatsii ekzistentsii kak deystvennaya struktura ekzistentsial'no-analiticheskoy terapii [The fundamental motivation of existence as an effective structure existential-analytical therapy]. *Ekzistentsial'nyy analiz [Existential analysis]*. B'yulleten' [Bulletin]. 1.
- Lenge, A. (2012) Pochemu my stradaem? Ponimanie, obhozhdenie i obrabotka stradanija s toчки zreniya ekzistentsial'nogo analiza [Why do we suffer? The understanding, treatment and processing of suffering from the perspective of existential analysis]. *Ekzistentsial'nyy analiz [Existential analysis]*. B'yulleten' [Bulletin]. 4.
- Lenge, A. (2015). Existential analytic understanding of emotion: theory and practice. *National psychological journal*. 1 (17), 26-38.
- Maslow, A. (2007) Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. Saint Petersburg, Piter.
- Perls, F. (2004) Teoriya geshtal't-terapii. [Theory of gestalt therapy]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
- Rogers, C. (2001) Stanovlenie lichnosti [On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy]. Moscow, Eksmo.
- Seligman, M. (2006) Novaya pozitivnaya psikhologiya [Authentic Happiness]. Moscow, Sofiya.
- Spinelli, E. (2007) Practicing Existential Psychotherapy. The Relational World. London, Sage.
- Ulanovskiy, A. M. (2009) Fenomenologiya v psikhologii i psikhoterapii: proyasnienie neotchetylivnykh perezhivaniy [Phenomenology in psychology and psychotherapy: clearing of vague experiences]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*. 2, 27-51

Приложение

Бланк Теста экзистенциальных мотиваций (ТЭМ) (А. Лэнгле, П. Экхардт)

Ф И О (псевдоним) _____ Дата _____ Возраст _____ Пол _____

Образование _____ Семейное положение _____ Сфера деятельности _____

Займите позицию по отношению к следующим высказываниям. Отвечайте спонтанно, и не оставляйте ни одного высказывания неотвеченным. Оцените его по 6-ступенчатой шкале,

соответствует частично скорее не соответствует

соответствует о-----о-----о-----о-----о-----о не соответствует

в основном соответствует частично не соответствует

насколько соответствующее высказывание, независимо от кратковременных, сиюминутных колебаний, Вас касается.

Насколько это высказывание касается меня?

1) Я нашел (нашла) свое место в жизни.	соотв о---о---о---о---о---о не соотв
2) Я спокойно могу принимать те обстоятельства, в которых я живу.	соотв о---о---о---о---о---о не соотв
3) Я всегда могу создать необходимое для себя жизненное пространство	соотв о---о---о---о---о---о не соотв
4) Я редко ощущаю, что живу.	соотв о---о---о---о---о---о не соотв
5) В общем и целом я собой доволен.	соотв о---о---о---о---о---о не соотв

Appendix

Test of existential motivations (TEM) (Alfried Längle, Warren Eckhard)

Name Surname Patronimic (Nickname) _____ Date _____ Age _____ Sex _____
Education _____ Marital Status _____ Sphere of Work _____

Take a position with respect to the following statements. Answer spontaneously, and do not leave any statement unanswered. Rate on 6-step scale, corresponds partially corresponds does not correspond

corresponds o-----o-----o-----o-----o-----o does not correspond

basically corresponds does not partially correspond

Please indicate if you are concerned with the following statements, regardless of the short-term hesitations

How much am I concerned?

1) I found my place in this life.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
2) I easily admit those circumstances that are typical for me.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
3) I can always arrange my living space	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
4) I seldom feel I can live.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
5) On the average I am quite satisfied with myself.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
6) I feel enough power to cope with what life offers	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
7) I often feel ashamed.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
8) I cannot respect myself.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
9) In principle, I am satisfied with what I have.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
10) In reality I have got nothing to rely on.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
11) Whatever I do I try to keep true to myself.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
12) I feel good in my body.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
13) I often have a feeling as if I am losing firm ground.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
14) I often feel lonely.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
15) I often feel discontent.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
16) For me it would be better to disappear from the face of the earth.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
17) I can well withstand the critical eye of other.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
18) I feel sad that my life is so little cause for joy.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
19) In reality I am interested in nothing.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
20) I am a sad person.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
21) Most things I had to do I did unwillingly.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
22) I have got a feeling I do not have enough living space.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
23) In my life, I have got a lot of joyful experience.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
24) I feel unconfident more often.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
25) I can hardly admit my personality.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
26) I have got a good understanding of my feelings and myself.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
27) My life is meaningless and shallow.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
28) I often notice people like me.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
29) I appreciate myself for the fact that I can handle something and do it.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
30) Life is a heavy burden.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
31) Very deep in my heart I do not enjoy living.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
32) I am very well aware of the feeling of fear and disconfidence.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
33) Sometimes I have got a feeling life is dominating me.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
34) I do what I like.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
35) I respect myself.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
36) As a rule people respect my wishes and decisions.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
37) Because of fear of failure I generally abstain from doing what I have to.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
38) I have a feeling that others are more right than I.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
39) I am convinced that it is good that I live.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
40) Much of what I was doing was made vain.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
41) I feel support in my life.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
42) I like myself as I am.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
43) I often worry that I have not been trying enough to achieve the proper result.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
44) Thanks to my own activities, I feel more life.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond
45) I seldom know what I want.	corresponds o---o---o---o---o does not correspond

- 46) I love living.
- 47) I seldom realize my intentions and plans.
- 48) I often have a feeling I am good for something.
- 49) I feel it is good that I am.
- 50) I am a successful person.
- 51) I like living.
- 52) I do not often know the tasks of my life.
- 53) I feel that I do not get the attention and warmth from other people.
- 54) I am often indecisive.
- 55) More often I know why I am doing it.
- 56) My life is meaningful.

corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond
corresponds o---o---o---o---o does not correspond

Эффект Н.А. Бернштейна в оценке параметров тремора при различных акустических воздействиях

В.М. Еськов, М.А. Филатов, Т.Ю. Поскина Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
Ю.П. Зинченко МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 12 ноября 2015/ Принята к публикации: 3 декабря 2015

The effect of N.A. Bernstein in the evaluation of tremor parameters for different acoustic effects

Valery M. Eskov*, Mikhail A. Filatov, Tatiana Yu. Poskina Surgut State University, Surgut, Russia
Yuriy P. Zinchenko Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 12, 2015 / Accepted for publication: December 3, 2015

*Corresponding author. E-mail: valery.eskov@gmail.com

С использованием специальных методов (теории хаоса-самоорганизации) и методов традиционной статистики изучалась реакция регуляторных систем нервно-мышечной системы человека на различные акустические воздействия (белый шум, ритмическая музыка, классическая музыка, хард-рок). Исследовалось состояние слухового аппарата человека при акустическом воздействии на него и без воздействия, при этом использовался подход, основанный на анализе параметров квазиаттракторов параметров нервно-мышечной системы (постуральный тремор) при одновременной регистрации треморограмм левой и правой рук испытуемых (в условиях звукового воздействия). Акустическое воздействие играло роль возмущающего фактора для системы регуляции тремора (и мышечной активности), оно изменяло психофизиологическое состояние испытуемого (системы С и Д регуляции по Н.А. Бернштейну). Разработанный метод матричного анализа обеспечивает идентификацию систем с хаотической организацией, которая была продемонстрирована в настоящей работе на примере сравнения треморограмм левой и правой рук испытуемых при различных акустических воздействиях.

В работе акустические воздействия рассматриваются как возмущающие воздействия, влияющие на состояние психического гомеостаза. При этом главная задача – это количественная оценка психического состояния испытуемых посредством расчётов параметров треморограмм. Предлагается метод расчёта параметров квазиаттракторов, который демонстрирует различия в треморограммах левой и правой руки и в реакциях тремора на акустические воздействия. Этим, фактически, предлагается новый подход в оценке моторной асимметрии и метод регистрации параметров психического гомеостаза по хаотической динамике треморограмм. Задача регистрации психического статуса человека в когнитивной психологии решена с большой долей неопределённости (Н.А. Бернштейн).

В работе акустические воздействия рассматриваются как возмущающиеся воздействия, влияющие на состояние психического гомеостаза. При этом главная задача – это количественная оценка психического состояния испытуемого посредством расчётов параметров треморограмм. Предлагается метод расчёта параметров квазиаттракторов, который демонстрирует различия в треморограммах левой и правой руки и в реакциях тремора на акустические воздействия. Фактически предлагается новый подход в оценке и моторной асимметрии, и метод регистрации параметров психического гомеостаза по хаотической динамике треморограмм.

Ключевые слова: энтропия Шеннона, нервно-мышечная система человека, психофизиологическое состояние, акустическое воздействие.

The reaction of the regulatory systems of the neuromuscular system of the human to the various acoustic effects (white noise, rhythmic music, classical music, hard rock) using special methods (e.g. chaos theory, self-organization) and methods of conventional statistics was studied. The state of hearing with or without acoustic impact is studied. However, the approach used is based on the analysis of the quasi-attractors parameters of the neuromuscular system (postural tremor) with simultaneous registration of left and right hand tremorogram (in terms of sound effects). Acoustic effects played a role of a disturbing factor for tremor regulation (and muscle activity); it changes the psychophysiological state of the subject (N.A. Bernstein C and D regulation system). The designed matrix method of analysis enables the identification of systems with chaotic organization that was shown in this work by comparing left and right hand tremorogram of subjects at different acoustic effects.

The acoustic effects are regarded as disturbing influences affecting the mental state of homeostasis. In this case the main task is a quantitative assessment of mental status test calculations by tremorogram parameters. Quasi-attractor parameters calculation method demonstrates the differences in tremorogram of left and right hands and tremor responses to acoustic feedback. This employs a new approach in the evaluation of motor asymmetry and the method of recording the parameters of mental homeostasis by tremorogram of chaotic dynamics. The problem of registering human mental status in cognitive psychology is resolved with a high degree of uncertainty (Bernstein).

The acoustic effects are considered as disturbance affecting the mental state of homeostasis. In this case the main task is to hold a quantitative assessment of the mental state by means of calculating tremorogram parameters. A method for calculating quasi-attractor parameters, which shows differences in left and right hand tremorograms and tremor responses to acoustic feedback. In fact, a new approach in evaluating motor asymmetry and the method of recording the parameters of mental homeostasis by chaotic dynamics tremorogram are proposed.

Keywords: Shannon entropy, human neuromuscular system, psycho-physiological state, acoustic impact.

Около 70 лет назад Н.А. Бернштейн выявил эффект «повторения без повторений» (Бернштейн, 2004) при изучении различных движений человека. Однако до настоящего времени проблема количественного описания характера и роли субкортикальных уровней в организации движений остается открытой. Любые сложные психофизиологические динамические системы (ПФДС) в виде систем регуляции (организации) движений являются уникальными и не-

воспроизводимыми точно системами. Именно это пытался сказать Н.А. Бернштейн, характеризуя четыре уровня построения движения. Для исследования таких сложных систем уже недостаточны традиционные методы, применяемые в детерминистском и стохастическом подходах (ДСП), где мы имеем полную определенность начального состояния системы и необязательно полную (в частности, в стохастике) для конечного состояния (Адайкин, 2008; Ануфриев, 2008;

Аушева, 2008; Бернштейн, 2004; Брагинский, 2006, 2010). Определенность начального состояния $x(t_0)$ любого вектора психофизиологического состояния испытуемого в ДСП является обязательным условием. Обязательным условием ДСП является и неоднократное воспроизведение начального состояния системы в момент времени t_0 и наличие возможности стационарных режимов и точек покоя, которые в рамках ДСП представляются математически как $dx/dt=0$, где $x=x(t)=(x_1, \dots, x_m)^T$ – вектор состояния ПФДС, здесь t – текущее время, dx/dt – производная координаты x .

С точки зрения детерминистского подхода, многократное повторение процесса обеспечивает идентификацию модели ПФДС в фазовом пространстве состояний (ФПС), а в стохастике – статистической функции распределения $f(x)$. Именно такой подход мы сейчас и используем в анализе повторяемости треморограмм (ТМГ) испытуемых. Стохастика всегда требует повторения процесса, в котором его конечный результат будет флуктуировать около среднего значения $\langle x \rangle$. В этом случае мы всегда имеем неравномерное распределение случайной величины $x(t)$ в отличие от теории хаоса и самоорганизации (ТХС), где обычно имеются особые хаотические изменения распределения значительных параметров x_i всего вектора состояния системы (ВСС), как любой сложной системы в фазовом пространстве состояний (Брагинский, 2006; Буров, 2010; Ведясова, 2012; Вохмина, 2014; Гавриленко, 2013; Добрынина, 2015; Еськов, 2009). Наличие $dx/dt=0$ или сохранение статистических функций распределения $f(x)$ в ДСП является необходимым условием стационарности $x(t)$, т.е. любых ПФДС. В наших исследованиях обычно $x_i(t)$ представляет положение конечности (пальца) по отношению к датчику регистрации тремора, а $x_2 = dx_1/dt$ – скорость изменения этой координаты $x_1(t)$.

Одним из наиболее распространенных неблагоприятных физических факторов в условиях производства или в быту является шумовое воздействие. Любые звуковые воздействия способны существенно повлиять на параметры ПФДС человека. Поэтому можно рассмотреть изменения параметров нервно-

Валерий Матвеевич Еськов – доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией биокibernетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: valery.eskov@gmail.com

Юрий Петрович Зинченко — академик РАО, главный ученый секретарь президиума РАО, президент РПО, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии психологии, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: dek@psy.msu.ru

Михаил Александрович Филатов – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики и нейрокибернетики Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: filatovmik@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Поскина – аспирант кафедры биофизики и нейрокибернетики Института естественных и технических наук Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
E-mail: tatypos@mail.ru

Для цитирования: Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатов М.А., Поскина Т.Ю. Эффект Н.А. Бернштейна в оценке параметров тремора при различных акустических воздействиях // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 66-73.

For citation: Eshkov Valery M., Zinchenko Yuriy P., Filatov Mikhail A., Poskina Tatiana Yu. (2015). The effect of N.A. Bernstein in the evaluation of tremor parameters for different acoustic effects. *National Psychological Journal*, 4, 66-73.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

мышечной системы (НМС) человека в виде характеристик (тремограмм) левой и правой рук испытуемых при различных видах звукового воздействия (Вохмина, 2014; Гавриленко, 2013; Добрынина, 2015; Еськов, 2009, 2010; 2014а, 2014б, 2015) как реализацию НМС на звуковые воздействия. Использование традиционных статистических методов расчета $f(x)$, спектральных плотностей сигнала (СПС) – *тремограмм* (ТМГ) и их автокорреляционных функций $A(t)$, как мы сейчас доказываем, не является эффективным подходом в изучении ПФДС.

Для всех живых организмов акустическое воздействие является одним из важнейших факторов окружающей среды. Согласно современным представлениям, музыка разных направлений, благодаря ритму и звуку, способна оказывать неоднозначное влияние на все живые организмы, в том числе, и на человека. Очевидно, что в рамках представлений Н.А. Бернштейна о системах регуляции движений на субкортикальном уровне (системы С и Д) мы должны иметь возможность регистрации изменений и самих треморограмм (при внешних акустических воздействиях). Однако ДСП показывает полное отсутствие возможностей описания тремора из-за хаотической динамики выборок ТМГ. Этот факт и лег в основу настоящей работы (Еськов, 2014б, 2015; Козлова, 2010; Филатов, 2010, 2012, 2014).

Управление основными движениями тела человека и его сенсорными функциями равномерно распределено между двумя полушариями мозга. Однако физическая (морфологическая) симметрия мозга не означает, что правая и левая стороны равноценны во всех отношениях. В связи с этим, изучение функциональной асимметрии мозга – важная проблема физиологии человека и психофизиологии, т.к. участие высшей нервной деятельности человека обеспечивает хаос в ПФДС, который, однако, тоже функционально асимметричен.

Объект и методы исследования

Эксперимент включал в себя 5 этапов исследования. На первом этапе у испытуемых регистрировались параметры постурального тремора в виде координаты пальца по отношению к дат-

чику $x_1 = x_1(t)$ в спокойном состоянии (при отсутствии активного акустического воздействия). На втором этапе испытуемому было предложено прослушать запись «белого» шума с одновременной регистрацией параметров НМС. На третьем этапе к прослушиванию предлагалась ритмичная музыка, на четвертом – классическая музыка, на пятом – агрессивная музыка Hard Rock.

Объектом наблюдения стали 15 студентов старших курсов и аспирантов (девушек и юношей) в возрасте 21-24 лет, обучающихся в Сургутском государственном университете (СурГУ). Обследование студентов производилось неинвазивными методами и соответствовало этическим нормам Хельсинской декларации

Управление основными движениями тела человека и его сенсорными функциями равномерно распределено между двумя полушариями мозга. Однако физическая (морфологическая) симметрия мозга не означает, что правая и левая стороны равноценны во всех отношениях

(2000 г). Критерии включения: возраст студентов 20-25 лет, отсутствие жалоб на состояние здоровья в период проведения обследований, наличие информированного согласия на участие в исследовании. Критерии исключения: болезнь студента в период обследования.

Обследования производились повторно и одновременно для правой и левой рук испытуемых. Между каждым этапом испытуемому предоставлялось время T на восстановление, $T \geq 15$ мин. Также необходимо отметить, что акустическое воздействие осуществлялось на среднем уровне громкости, при котором испытуемые не испытывали дискомфорта, связанного с высокой интенсивностью звукового потока.

Использовались датчики токовихревого типа в биофизическом измерительном комплексе (БИК), разработанном в лаборатории биокибернетики и биофизики сложных систем (ЛББСС) при СурГУ. Они обеспечивали высокую точность измерений (погрешность по вертикальной координате x_1 менее 0,01 мм) и широкий линейный диапазон усиления для частот регистрируемого тремора (практически от нуля герц до 1000), а также обработку полученной информации. Принцип работы БИК заключается в использовании сигналов от двух токовихревых датчиков,

между которыми помещается исследуемый объект для измерения его микроперемещений (Буров, 2010; Еськов, 2014а, 2014б; Филатов, 2010, 2012).

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи следующих программных пакетов: «Excel MS Office-2003» и «Statistica 6.1». Исследования зависимостей производились методами непараметрической статистики. Выявление различий между конкретными группами (парное сравнение групп) выполнялись при помощи непараметрического критерия Вилкоксона с поправкой Бонферрони (для оценки справедливости нулевой гипотезы). Двумерные квазиаттракторы рассчитывались по площади $S = \Delta x_1 \times \Delta x_2$, где Δx_1 и Δx_2 – вари-

ационные размахи этих двух координат тремора (здесь x_1 – вертикальная координата пальца в пространстве, $x_2 = dx_1/dt$) (Адайкин, 2008; Ануфриев, 2008; Аушева, 2008; Бернштейн, 2004; Брагинский, 2006, 2010).

Результаты хаотического и энтропийного подхода в оценке параметров треморограмм

Отметим, что при квантовании треморограмм мы получали некоторые выборки $x_1 = x_1(t)$, которые представляли положение пальца в пространстве по отношению к датчику регистрации координаты x_1 (положение пальца в пространстве) в виде выборок треморограмм x_1 (2-6, 9-13). Далее $x_1(t)$ дифференцировался, т.е. находилась производная $x_2(t) = dx_1/dt$ и получался вектор $x(t) = (x_1, x_2)^T$. Вся установка включала в себя токовихревой датчик, усилители сигнала, аналого-цифровой преобразователь – АЦП и электронно-вычислительную машину – ЭВМ, которая кодировала и сохраняла информацию в виде файла, а полученные вариационные размахи по координатам x_1 и x_2 в виде Δx_1 и Δx_2 фиксировались с ее помощью по каждой выборке (в каждой серии по $N=15$ выборке измерений треморограмм (ТМГ)).

Таблица 1. Значения площадей S квазиаттракторов (КА) треморограмм левой и правой руки 15-ти испытуемых без воздействия и при различных видах звукового воздействия

	Значения площадей КА - Z * 10 ⁻⁶ (у.е.)									
	Левая рука – S (у.е.)					Правая рука – S (у.е.)				
	БВ	АМ	БШ	КМ	РМ	БВ	АМ	БШ	КМ	РМ
1	4,08	0,42	1,40	1,10	1,52	0,06	0,13	0,26	0,06	0,16
2	2,18	0,73	0,77	0,46	3,84	0,34	0,61	0,21	0,09	1,38
3	0,92	1,03	0,55	2,01	4,66	0,38	0,31	1,63	0,67	0,22
4	0,56	0,39	1,15	1,19	1,62	0,25	0,69	1,50	0,15	0,26
5	5,28	1,18	0,99	0,96	3,98	0,43	1,71	0,96	3,21	1,88
6	14,07	1,42	1,14	1,61	2,22	1,18	4,04	2,15	1,55	3,67
7	13,07	6,60	5,99	1,09	1,24	0,26	1,80	0,49	0,49	0,39
8	1,72	4,14	0,44	1,86	1,77	0,71	0,88	0,30	2,16	1,56
9	7,47	15,37	2,83	18,13	2,97	1,31	0,72	4,52	0,63	0,83
10	7,78	10,17	8,48	4,11	11,84	1,95	2,77	4,85	1,11	2,03
11	12,00	3,22	5,89	1,37	2,59	1,20	0,97	3,58	1,52	2,39
12	2,04	0,24	0,15	0,12	0,14	0,19	0,03	0,24	0,05	0,20
13	3,86	4,68	2,52	37,02	0,67	4,59	1,50	1,81	5,97	1,94
14	18,07	21,51	10,55	18,43	5,24	0,97	5,18	0,81	3,44	3,80
15	6,53	1,73	0,92	0,57	0,86	0,51	0,42	0,10	0,25	0,09
Среднее значение	6,64	4,86	2,92	6,00	3,01	0,95	1,45	1,56	1,42	1,39

Примечание: БВ – без воздействия, АМ – агрессивная музыка, БШ – белый шум, КМ – классическая музыка, РМ – ритмичная музыка, как внешние возмущения для ВНД испытуемых.

Table 1 Values of S quasi-attractors (CA) area of left and right hand tremorograms by 15 subjects without impact and using various types of sound effects

	The values of the SC area - Z * 10 ⁻⁶ (Standard Unit)									
	Left Hand – S (Standard Unit)					Right Hand – S (Standard Unit)				
	NI	AM	WN	KM	RM	NI	AM	WN	KM	RM
1	4.08	0.42	1.40	1.10	1.52	0.06	0.13	0.26	0.06	0.16
2	2.18	0.73	0.77	0.46	3.84	0.34	0.61	0.21	0.09	1.38
3	0.92	1.03	0.55	2.01	4.66	0.38	0.31	1.63	0.67	0.22
4	0.56	0.39	1.15	1.19	1.62	0.25	0.69	1.50	0.15	0.26
5	5.28	1.18	0.99	0.96	3.98	0.43	1.71	0.96	3.21	1.88
6	14.07	1.42	1.14	1.61	2.22	1.18	4.04	2.15	1.55	3.67
7	13.07	6.60	5.99	1.09	1.24	0.26	1.80	0.49	0.49	0.39
8	1.72	4.14	0.44	1.86	1.77	0.71	0.88	0.30	2.16	1.56
9	7.47	15.37	2.83	18.13	2.97	1.31	0.72	4.52	0.63	0.83
10	7.78	10.17	8.48	4.11	11.84	1.95	2.77	4.85	1.11	2.03
11	12.00	3.22	5.89	1.37	2.59	1.20	0.97	3.58	1.52	2.39
12	2.04	0.24	0.15	0.12	0.14	0.19	0.03	0.24	0.05	0.20
13	3.86	4.68	2.52	37.02	0.67	4.59	1.50	1.81	5.97	1.94
14	18.07	21.51	10.55	18.43	5.24	0.97	5.18	0.81	3.44	3.80
15	6.53	1.73	0.92	0.57	0.86	0.51	0.42	0.10	0.25	0.09
Mean Value	6.64	4.86	2.92	6.00	3.01	0.95	1.45	1.56	1.42	1.39

Note: NI – no impact, AM – aggressive music, WN – white noise, KM – classical music, RM – rhythmic music as external perturbations to the subjects of GNI.

Таблица расчета квазиаттракторов (КА) для левой и правой руки без звукового воздействия (БВ), с агрессивной музыкой (АМ), белым шумом (БШ), классической музыкой (КМ) и ритмической музыкой (РМ) представлена в табл. 1. Здесь показаны значения площади S

для КА всех 15-ти испытуемых (левая и правая рука, треморограммы). Очевидны различия КА как для левой и правой руки, так и для каждого испытуемого при различных видах звуковых воздействий. Таблица 1 демонстрирует возможности применения метода расчёта КА в пси-

хофизиологических исследованиях на фоне отсутствия эффектов в рамках статистических подходов (в статистике две соседние выборки ТМГ у одного испытуемого различаются).

Для иллюстрации последнего утверждения в табл. 2 показана матрица парного сравнения треморограмм только для одного испытуемого. Число совпаденных пар выборок ТМГ из разных 105 результатов всего $k=3$, как для 1-го испытуемого, так и для 15-ти других разных людей (табл. 2 испытуемый Горбунов Д.В. – ГДВ). Это означает, что все статистические функции $f(x)$ непрерывно изменяются и статистика не дает эффекта при сравнении (хаос ТМГ). Это иллюстрирует и эффект Бернштейна «повторение без повторов» (Бернштейн, 2004) количественно. Когда мы говорим об отсутствии повторений (хаос ПФДС), это означает отсутствие произвольного повторения подряд двух или трех выборок. Последнее полностью отвергает любые статистические методы при изучении биомеханических эффектов. Это означает, фактически, что любые биомеханические измерения имеют исторический характер (артефакты). Следующая выборка дает другие $f(x)$, СПС, автокорреляции $A(t)$ и т.д. Сейчас необходимо пересматривать всю концепцию измерений ПФДС в психофизиологии (Еськов, 2014а, 2014б; Филатов, 2010, 2012; Буров, 2010; Еськов, 2014б, 2015; Козлова, 2010; Филатов, 2010, 2012, 2014), если переходить к количественной характеристике в психофизиологии в рамках концепции эффекта Еськова-Зинченко.

Одновременно в исследовании нами использовался один из методов стохастики в виде расчета значения энтропии Шеннона. Энтропия Шеннона – мера неопределенности, которая связана со случайной величиной и позволяет получить оценку уровня детерминированности/неопределенности в сигнале. Энтропия Шеннона связана с распределением вероятностей амплитуд колебаний движения. Фактически, это мера упорядоченности выборок x_i – компонент ВСС $x(t)$ в фазовом пространстве состояний (ФПС). Такая трактовка энтропии в психофизиологии сейчас может быть пересмотрена из-за вновь открывшихся закономерностей, которые мы представляем ниже.

Формальное определение энтропии для независимых случайных событий x с n возможными состояниями (от 1 до n , p – функция вероятности) рассчитывалась по формуле:

$$H(x) = -\sum_{i=1}^n p(i) \log_2 p(i).$$

Эта процедура нами сейчас выполнялась только для одной координаты $x_1(t)$, а вторая координата (скорость) $x_2=dx_1/dt$ входила в вектор $x=(x_1, x_2)T$. Этот вектор состояния системы (ВСС) $x(t)$ совершал непрерывные хаотические движения в таком двумерном фазовом пространстве состояний (ФПС). Само это движение у нас оценивалось в рамках расчета энтропией E (для трех групп) и параметров квазиаттракторов (КА). Причем для E мы имеем нормальное распределение (см. табл. 3), при обычном непараметрическом распределении для тремора (табл. 1 и 2) (Аушева, 2008; Бернштейн, 2004; Брагинский, 2006, 2010; Буров, 2010; Ведясова, 2012; Вохмина, 2014; Гавриленко, 2013; Добрынина, 2015; Еськов, 2009).

Для выявления различий между показателями энтропии Шеннона треморограмм левой и правой рук (парное сравнение групп) использовался непараметрический критерий Вилкоксона с поправкой Бонферрони (для оценки справедливости нулевой гипотезы). Были изучены возможности статистически значимых различий при сравнении энтропии Шеннона треморограмм левой и правой руки в условиях различных акустических воздействий, которые соответствует таблице 3. Как мы установили, критерий Вилкоксона не показал различий между группами выборок энтропии Шеннона (при критическом уровне значимости $p<0,05$), как для левой, так и для правой рук при различных акустических воздействиях.

Таким образом, установлено, что различные акустические воздействия вызывают статистически незначимые изменения в параметрах энтропии Шеннона, хотя отмечается отдельное ее увеличение или уменьшение при этих условиях. Динамика средних значений энтропии Шеннона параметров нервно-мышечной системы (треморограмм) без аку-

Таблица 2. Матрица парного сравнения выборок треморограмм испытуемого ГДВ (число повторов $N=15$), использовался критерий Вилкоксона (уровень значимости $p<0,05$, число совпадений $k=3$)

Table 2. The matrix of pairwise comparison test samples of DTG subject tremorogramm (number of repetitions $N = 15$), Wilcoxon test used (significance level $p < 0.05$, number of matches $k = 3$)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1		0.00	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.96	0.00	0.00
2	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
3	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
4	0.02	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
5	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
6	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
7	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.15	0.00
8	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.42	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
9	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.42		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
10	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00	0.00
11	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00	0.00
12	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00	0.00
13	0.96	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00	0.00
14	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.15	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00		0.00
15	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	

стического воздействия и с различными видами акустических воздействий для левой и правой рук испытуемых в статистическом плане слабо различается (как и для всех систем третьего типа) (Еськов, 2014а, 2014б, 2015; Козлова, 2010; Филатов, 2010, 2012, 2014). Отсюда следует, что при применении статистики в изучении ПФДС мы будем иметь низкую эффективность, психофизиология требует новых подходов и методов. Мы предлагаем

рассчитывать параметры квазиаттракторов при оценке особенностей высшей нервной деятельности человека. Именно параметры квазиаттракторов не дают существенных изменений при условии сохранения гомеостаза психического состояния испытуемого.

Из таблицы 1 и 3 можно видеть результаты моторной асимметрии по значениям квазиаттракторов (КА) и очень малозначимые изменения энтропии

Таблица 3. Значения энтропии Шеннона E выборок треморограмм левой и правой руки без воздействия и при различных видах звукового воздействия (возмущениях)

	Левая рука					Правая рука				
	БВ	БШ	РМ	КМ	АМ	БВ	БШ	РМ	КМ	АМ
1	3,70	3,78	3,86	3,73	3,84	3,81	3,89	3,67	3,59	4,13
2	3,64	3,94	3,91	3,62	3,78	3,86	3,48	3,65	3,81	3,54
3	3,70	3,70	3,62	3,75	3,34	3,73	3,59	3,75	3,59	3,97
4	3,57	3,83	4,02	3,64	3,46	3,62	3,73	3,51	3,75	3,46
5	3,83	4,02	3,62	3,51	3,67	3,57	3,73	3,75	3,70	3,57
6	3,89	4,13	3,59	3,89	4,02	3,70	3,67	3,73	3,97	3,78
7	3,70	3,56	3,78	3,54	3,70	3,38	3,73	4,02	3,70	3,32
8	3,65	3,56	3,78	3,78	3,97	3,81	3,51	3,53	3,57	3,75
9	3,29	3,59	3,84	3,73	3,67	3,13	3,89	3,70	3,67	3,61
10	3,64	3,86	3,83	3,62	3,70	3,51	3,54	3,38	3,49	3,94
11	3,75	3,89	3,70	3,67	3,91	3,97	3,81	3,83	3,62	3,70
12	3,75	3,54	3,46	3,97	3,92	3,62	3,70	3,78	3,73	4,10
13	3,72	3,72	3,68	3,75	3,59	3,76	3,67	3,49	3,75	3,91
14	3,99	3,78	3,70	3,89	3,89	3,86	3,78	4,05	3,83	3,67
15	3,81	3,51	3,73	3,59	3,94	3,89	3,94	3,89	3,23	3,73
Ср. знач.	3,71	3,76	3,74	3,71	3,76	3,68	3,71	3,72	3,67	3,75

Примечание: БВ – без воздействия, БШ – белый шум, РМ – ритмичная музыка, КМ – классическая музыка, АМ – агрессивная музыка

Table 3. Shannon entropy values in E samples left and right hand tremorogram and without impact and using various types of sound effects (disturbances)

	Left Hand					Right hand				
	NI	WN	RM	KM	AM	NI	WN	RM	KM	AM
1	3.70	3.78	3.86	3.73	3.84	3.81	3.89	3.67	3.59	4.13
2	3.64	3.94	3.91	3.62	3.78	3.86	3.48	3.65	3.81	3.54
3	3.70	3.70	3.62	3.75	3.34	3.73	3.59	3.75	3.59	3.97
4	3.57	3.83	4.02	3.64	3.46	3.62	3.73	3.51	3.75	3.46
5	3.83	4.02	3.62	3.51	3.67	3.57	3.73	3.75	3.70	3.57
6	3.89	4.13	3.59	3.89	4.02	3.70	3.67	3.73	3.97	3.78
7	3.70	3.56	3.78	3.54	3.70	3.38	3.73	4.02	3.70	3.32
8	3.65	3.56	3.78	3.78	3.97	3.81	3.51	3.53	3.57	3.75
9	3.29	3.59	3.84	3.73	3.67	3.13	3.89	3.70	3.67	3.61
10	3.64	3.86	3.83	3.62	3.70	3.51	3.54	3.38	3.49	3.94
11	3.75	3.89	3.70	3.67	3.91	3.97	3.81	3.83	3.62	3.70
12	3.75	3.54	3.46	3.97	3.92	3.62	3.70	3.78	3.73	4.10
13	3.72	3.72	3.68	3.75	3.59	3.76	3.67	3.49	3.75	3.91
14	3.99	3.78	3.70	3.89	3.89	3.86	3.78	4.05	3.83	3.67
15	3.81	3.51	3.73	3.59	3.94	3.89	3.94	3.89	3.23	3.73
Mean Value	3.71	3.76	3.74	3.71	3.76	3.68	3.71	3.72	3.67	3.75

Note NI – no impact, WN – white noise, PM – ритмичная музыка, RM – rhythmic music, AM – aggressive music

Шеннона. Для левой руки при различных видах звукового воздействия происходит увеличение энтропии Шеннона ($E_{\text{без возд}}=3,71$; $E_{\text{азр}}=3,76$; $E_{\text{бел шум}}=3,76$; $E_{\text{ритм}}=3,74$). И только при прослушивании классической музыки энтропия Шеннона не изменилась ($E_{\text{клас}}=3,71$). Однако реакция правой руки на акустические воздействия несколько иная. Для правой руки происходит некоторое увеличение энтропии Шеннона ($E_{\text{без возд}}=3,68$; $E_{\text{азр}}=3,75$; $E_{\text{бел шум}}=3,71$; $E_{\text{ритм}}=3,72$), а при прислушивании классической му-

зыки произошло небольшое уменьшение энтропии ($E_{\text{клас}}=3,67$), которое статистически незначимо различается при сравнении с другими состояниями испытуемых (Буров, 2010; Ведясова, 2012; Вохмина, 2014; Гавриленко, 2013; Добрынина, 2015; Еськов, 2009, 2010; 2014а)

В целом, статистика всегда в биомеханике демонстрирует хаотический калейдоскоп статистических характеристик ($f(x)$, СПС, $A(t)$ и т.д.), а параметры квазиаттракторов и матрицы парных сравнений выборок дают устойчивые разли-

чия как по моторной асимметрии (левая и правая рука у нас), так и при индивидуальной характеристике испытуемых (квазиаттракторы у каждого человека специфичны), что представлены в табл. 1 (Вохмина, 2014; Гавриленко, 2013; Добрынина, 2015; Еськов, 2009, 2010; 2014а, 2014б, 2015)

Выводы:

- 1 Любое направленное акустическое воздействие вызывает изменение в состоянии параметров НМС, об этом свидетельствуют изменения параметров квазиаттракторов, но энтропии Шеннона при этом изменяются весьма незначительно (нет статистических различий).
- 2 При воздействии «белого» шума или агрессивной музыки реакция НМС у части испытуемых напоминает реакцию на физические нагрузки. Это говорит об определенных изменениях в спектральных реакциях треморограмм испытуемых.
- 3 Реакции левой руки испытуемых на звуковое воздействие несколько отличаются по энтропии от реакции их правой руки. Однако параметры квазиаттракторов, как реакции на звук (со стороны ВВД), различаются существенно, что отражается в параметрах моторной асимметрии. Это имеет диагностическую ценность для психофизиологии и может использоваться на практике для выявления индивидуальных особенностей такой моторной асимметрии.

Литература:

- Адайкин В.И. Стохастические и хаотические подходы в оценке влияния метеофакторов на заболеваемость населения на примере ХМАО-Югры / В.И. Адайкин, К.Н. Берестин, А.А. Глушук и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2008. – Т. 15. – № 2. – С. 7-9.
- Ануфриев А.С. Медико-биологическая трактовка понятия стационарных режимов биологических динамических систем / А.С. Ануфриев, В.М. Еськов, А.Г. Назин и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2008. – Т. 15. – № 1. – С. 29-32.
- Аушева Ф.И. Системный анализ суточной динамики показателей сердечно-сосудистой системы у больных при артериальной гипертензии / Ф.И. Аушева, И.Ю. Добрынина, Е.А. Мишина и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2008. – Т. 15. – № 4. – С. 208-210.
- Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений : избр. психол. труды / Н.А. Бернштейн ; под ред. В.П. Зинченко. – Москва : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2004. – 687 с. : ил., табл.
- Брагинский М.Я. Влияние хаотической динамики метеофакторов на показатели кардио-респираторной системы человека в условиях Севера / М.Я. Брагинский, В.М. Еськов, С.Н. Русак и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2006. – Т. 13. – № 1. – С. 168-170.
- Брагинский М.Я. Исследование функциональных систем организма студентов Югры в условиях мышечной нагрузки методом фазового пространства / М.Я. Брагинский, А.А. Балтикова, В.В. Козлова и др. // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 12. – С. 23-24.
- Буров И.В. Анализ параметров психофизиологических функций учащихся Югры с помощью методов многомерных фазовых пространств / И.В. Буров, М.А. Филатов, Д.Ю. Филатова и др. // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 12. – С. 12-13.
- Ведясова О.А. Биоинформационный анализ макро-хаоса и микродинамического хаоса в биологических системах / О.А. Ведясова, С.С. Беднаржевский, Д.В. Синенко и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2012. – Т. 19. – № 2. – С. 410-411.

- Вохмина Ю.В. Стационарные режимы поведения сложных биосистем в рамках теории хаоса-самоорганизации / Ю.В. Вохмина, Л.М. Полухин, Л.М. Бикмухаметова и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2014. – Т. 21. – № 1. – С. 141-144.
- Гавриленко Т.В. Метод многомерных фазовых пространств в оценке хаотической динамики тремора / Т.В. Гавриленко, А.Е. Баженова, А.А. Балтикова и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2013. – № 1. – С. 5.
- Добрынина И.Ю. Особенности кардиоинтервалов: хаос и стохастика в описании сложных биосистем / И.Ю. Добрынина, Д.В. Горбунов, В.В. Козлова и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2015. – Т. 22. – № 2. – С. 19-26.
- Еськов В.М. Математическое моделирование произвольных движений в норме и при патологии / В.М. Еськов, В.В. Полухин, В.Ю. Дерпак и др. // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015. – № 2. – С. 75-86.
- Еськов В.М. Метод системного синтеза на основе расчета межаттракторных расстояний в гипотезе равномерного и неравномерного распределения при изучении эффективности кинезитерапии / В.М. Еськов, В.В. Еськов, А.А. Хадарцев и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2010. – Т. 17. – № 3. – С. 106-110.
- Еськов В.М. Насколько экономически эффективно внедрение методов теории хаоса и синергетики в здравоохранение / В.М. Еськов, В.И. Адайкин, Ю.В. Добрынин и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2009. – Т. 16. – № 1. – С. 25-28.
- Еськов В.М. Новый метод использования нейроэмуляторов в психофизиологии / В.М. Еськов, В.В. Еськов, Д.Ю. Филатова и др. // Вестник новых медицинских технологий. – 2014а. – Т. 21. – № 3. – С. 7-12.
- Еськов В.М. Системный анализ, управление и обработка информации в биологии и медицине / В.М. Еськов, А.А. Хадарцев, В.В. Козлова и др. // Системный синтез параметров функций организма жителей Югры на базе нейрокомпьютинга и теории хаоса-самоорганизации в биофизике сложных систем. Том XI. – Самара : Офорт, 2014б. – 192 с.
- Козлова В.В. Измерение Расстояний между центрами квазиаттракторов вектора состояния организматренированных и нетренированных г.Самары и г.Сургута / В.В. Козлова, В.Н. Голушков, О.А. Ведясова и др. // Ученые заметки ТОГУ. – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 27-30.
- Филатов М.А. Идентификация параметров порядка в психофизиологии / М.А. Филатов, Д.Ю. Филатова, Д.А. Сидоркина и др. // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2014. – № 2. – С. 4-13.
- Филатов М.А. Метод матриц межаттракторных расстояний в идентификации психофизиологических функций человека / М.А. Филатов, Д.Ю. Филатова, О.А. Химикова и др. // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2012. – № 1. – С. 20-24.
- Филатов М.А. Метод фазовых пространств в моделировании психофизиологических функций учащихся Югры : монография. – Самара, 2010.

References:

- Adaykin, V.I. (2008) Stochastic and chaotic approach to the assessment of the impact of meteorological factors on the incidence of population on the example of Khanty-Ugra. *Adaykin, V.I., Berestin, K.N., & Glushchuk, A.A. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 15, 2, 7-9.
- Anoufrieu, A.S. (2008) Medical and biological interpretation of the concept of stationary regimes of biological dynamic systems. *Anoufrieu, A.S., Eskov, V.M., & Nazin, A.G. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 15, 1, 29-32.
- Aushev, F.I. (2008) System analysis of daily dynamics of indicators of the cardiovascular system in patients with hypertension. *Aushev, F.I., Dobrynin, I.Y., & Mishina, E.A. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 15, 4, 208-210.
- Bernstein, N.A. (2004) Biomechanics and Physiology of movements: fav. psychol. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh MODEK, 687.
- Braginskiy, M.Ya. (2006) Effect of chaotic dynamics of meteorological factors on the performance of cardiorespiratory system of the person in the North. *Braginskiy, M.Ya., Eskov, V.M., & Rusak, S.N. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 13, 1, 168-170.
- Braginskiy, M.Ya. (2010) Ugra Research students of functional systems in the muscle under load by phase space. *Braginskiy, M.Ya., Baltikova, A.A., & Kozlov, V.V. et al. Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern science-driven technologies]*. 12, 23-24.
- Burov, I.V. (2010) Analysis of parameters of psychophysiological functions Ugra students with the methods of multidimensional phase spaces. *Burov, I.V., Filatov, M.A., & Filatov, D.Yu. et al. Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern science-driven technologies]*. 12, 12-13.
- Chernorizov, A.M., Asmolov, A.G., Schechter, E.D. (2015). From physiological psychology to psychological physiology: Postnonclassical approach to ethnocultural phenomena. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4), 4-22.
- Dobrynya, I.Yu. (2015) Features of cardio chaos and stochastic in the description of complex biological systems. *Dobrynin, I.Yu., Gorbunov, D.V., & Kozlov, V.V. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 22, 2, 19-26.
- Eskov, V.M. (2015) Mathematical modeling of involuntary movements in health and disease. *Eskov, V.M., Polukhin, V.V., & Derpak, V.Yu. et al. Slozhnost'. Razum. Postneklassika [Complexity. Mind. Postnonclassics]*. 2, 75-86.
- Eskov, V.M. (2010) System synthesis method based on the calculation of quasi- attractor distances in the hypothesis of uniform and non-uniform distribution in the study of the effectiveness of kinesthetic therapy. *Eskov, V.M., Eskov, V.V., & Khadartsev, A.A. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 17, 3, 106-110.
- Eskov, V.M. (2009) How cost-effective is the introduction of methods of chaos theory and synergetics in health. *Eskov, V.M., Adaykin, V.I., & Dobrynin, Yu.V. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 16, 1, 25-28..
- Eskov, V.M. (2014a) A new method of using neural emulators in psychophysiology. *Eskov, V.M., Eskov, V.V., & Filatov, D.Yu. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies]*. Vol. 21, 3, 7-12.
- Eskov, V.M. (2014b) System analysis, management and processing of information in biology and medicine. *Eskov, V.M., Khadartsev, A.A., & Kozlov, V.V. et al. Sistemnyy sintez parametrov funktsij organizma zhiteley Yugry na baze neyrokompyutinga i teorii haosa-samoorganizatsii v biofizike slozhnykh sistem [System synthesis parameters in Ugra residents of body functions on the basis of neurocomputing theory and self-chaos in the*

biophysics of complex systems.] Vol. XI. Samara, Ofort, 192.

Filatov, M.A. (2014) Identification of the order parameters in psychophysiology. *Filatov, M.A., Filatov, D.Yu., & Sidorkina, D.A. et al. Slozhnost'. Razum. Postneklassika [Complexity. Mind. Postnonclassics].* 2, 4-13.

Filatov, M.A. (2012) Method of using matrices in quasi-attractors distances in identifying human psychophysiological functions. *Filatov, M.A., Filatov, D.Y., & Himikova, O.A. et al. Slozhnost'. Razum. Postneklassika [Complexity. Mind. Postnonclassics].* 1, 20-24.

Filatov, M.A. (2010) Phase space method in modeling psychophysiological functions in Ugra students: monograph. Samara.

Gavrilenko, T.V. (2013) The method of multidimensional phase spaces in assessing the dynamics of chaotic tremor. *Gavrilenko, T.V., Bazhenov, A.E., & Baltikova, A.A. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies].* 1, 5.

Kozlov, V.V. (2010) Measuring the distance between the centers of the state vector quasi-attractors organizmatrenirovannyh and untrained in Samara and Surgut. *Kozlov, V.V., Golushko, V.N., & Vedyasova, O.A. et al. Uchenye zametki TOGU [TOGU Scientific notes].* Vol. 1, 1, 27-30.

Vedyasova, O.A. (2012) Bioinformatic analysis of the macro-chaos and microdynamic chaos in biological systems. *Vedyasova, O.A., Bednarzhevskii, S.S., Sinenko, D.V. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies].* Vol. 19, 2, 410-411.

Vokhmina, Y.V. (2014) Stationary modes of behavior of complex biological systems in terms of the theory of chaos, self-organization. *Vokhmina, Y.V., Polukhin, L.M., & Bikmukhametova, L.M. et al. Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy [Bulletin of new medical technologies].* Vol. 21, 1, 141-144.

Н.А. Бернштейн — основатель современной биомеханики

В.М. Девишвили Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 8 декабря 2015 / Принята к публикации: 27 декабря 2015

N.A. Bernstein, the founder of modern biomechanics

Vazha M. Devishvili Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia

Received: December 8, 2015 / Accepted for publication: December 27, 2015

Статья освещает три основных периода научного творчества выдающегося отечественного ученого, основателя учения о двигательной деятельности человека и животных Николая Александровича Бернштейна. В 2016 году будет отмечаться 120-летие со дня его рождения.

Первый период его научной деятельности — от начала работы в Центральном институте охраны труда (1922 год) до середины тридцатых годов двадцатого столетия. К этому времени были сформулированы и опубликованы основные принципы и представления о кольцевом управлении и сенсорной коррекции движений различной сложности и различного смысла. Второй период завершается основополагающим научным трудом Н.А. Бернштейна «О построении движений», удостоенным государственной премии СССР в 1948 году. Монография подводит итог его более чем двадцатилетних исследований в области биомеханики и физиологии движений. В статье кратко описаны основные положения трех содержательных частей данной монографии. В части «Движения» раскрываются эволюционные представления о происхождении двигательной функции и сформулирован принцип уровенного построения движений. Во второй — описаны пять уровней, имеющих различное функциональное назначение и в разной степени участвующие в реализации моторных действий. В третьей части «Развитие и распад», рассматриваются общие закономерности возникновения уровней построения движений и приводятся признаки, подтверждающие уровневую структуру движений на материалах патологии и нормы.

В 1950–60-х годах Н.А. Бернштейн значительно расширил представления о функциональном содержании и нервном субстрате уровней построения движений, детализировал этапы и фазы формирования и совершенствования двигательных навыков.

В статье показано значение научных достижений Н.А. Бернштейна для современных исследований в области психофизиологии движений.

Ключевые слова: психофизиология активности; сенсорные коррекции; кольцевое управление движениями; уровни построения движений; схема тела; двигательные навыки

The paper deals with three major periods of scientific work of Nikolai Alexandrovich Bernstein, the outstanding Russian scientist, the founder the motor activity theory of human and animal. In 2016 is the 120th anniversary of Bernstein's birth.

The first period of his scientific activity, from 1922 when Bernstein started his research at the Central Institute of Labour Protection until the middle of the 30s of the 20th century. By this time, he formulated and published the basic principles and ideas of the annular motion control and sensor correction movements of varying complexity and various performance. The second period ends with the fundamental scientific work «On the Construction of Movements» awarded by the USSR State Prize in 1948. The book sums up Bernstein's more than twenty years of research in the field of biomechanics and physiology of movement. The paper briefly describes the main assumptions of the three chapters of the book. The first chapter «Movements» reveals the evolutionary ideas about the origin of motor function and shaped the principle of the equation of building movements. The second chapter describes five levels with different functionality in varying degrees involved in the implementation of motor actions. The third chapter of the «Development and Decay» deals with the general laws of occurrence and levels of building movements being signs of confirming the level structure of motion in pathology and standards.

In 1950–60-ies of the 20th century Bernstein greatly expanded representation of the functional content and neural substrate levels of building movements, detailed the stages and phases of shaping and improvement of motor skills.

The author shows the importance of scientific achievements of N.A. Bernstein for modern research in the psychophysiology of movements.

Keywords: psychophysiology of activity; sensory correction; annular motion control; levels of building movements; body image; motor skills

Выдающийся отечественный физиолог и психофизиолог Николай Александрович Бернштейн (1896-1966) родился в Москве в семье видного московского психиатра А.Н. Бернштейна. В 1919 году окончил медицинский факультет Московского университета, там же прослушал курс математического факультета. В 1919 году был мобилизован в качестве военного врача в Красную армию. В 1920 году демобилизован из армии, работал психиатром в клинике В.А. Гиляровского. В 1922 году Н.А. Бернштейн был приглашен А.К. Гастевым в Центральный институт охраны труда (ЦИТ). Там он основал и возглавил лабораторию биомеханики, где занимался изучением трудовых движений с целью их оптимизации и повышения производительности труда. Н.А. Бернштейн совершенствует существующие и разрабатывает новые методы регистрации параметров трудовых движений (кимоциклография, циклограмметрия) с использованием кинокамер с высокой частотой съемки, которые позволяли более подробно фиксировать фазы движения человека. Он создает новые способы анализа результатов эксперимента с последующей математической обработкой данных, исследует механизмы управления сокращением скелетной мускулатуры и закладывает основы биомеханики. Уже к 1924 году ученый подготовил к изданию обширный труд «Общая биомеханика», который был опубликован в 1926 году.

На основе экспериментальных данных, полученных на основе изучения биомеханики и физиологии мышечного сокращения в трудовых движениях, Н.А. Бернштейн обосновал необходимость постоянного контроля и коррекции процесса реализации целенаправленных двигательных действий. Этот механизм кольцевого управления в 1928 году

получил название принцип «сенсорных коррекций». Спустя два десятилетия Норберт Винер, разрабатывая основы кибернетики, назовет аналогичный механизм обратной связью.

К середине тридцатых годов XX столетия Н.А. Бернштейном были разработаны и наполнены содержанием такие теоретические положения концепции как «кольцевая схема управления движениями», «принцип сенсорных коррекций», «повторение без повторения», «модель потребного будущего», «преодоление избыточных степеней свободы», «принцип равной простоты» и другие, которые составили ядро его монографии «О построении движений».

В этом труде ученый сформулировал принцип активности субъекта при планировании и реализации моторного действия. Взяв за основу иерархическую систему построения движений, он блестяще описал огромное разнообразие движений человека различной сложности и смыслового содержания. Монография «О построении движений», опубликованная в 1947 году, была удостоена Государственной премии СССР.

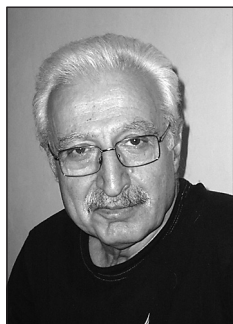
В первой ее части приводятся материалы об эволюции двигательной функции и обосновывается необходимость кольцевой схемы управления движениями. Согласно концепции кольцевого управления и сенсорной коррекции, при реализации программы какого-либо движения результаты действия оцениваются на основе анализа информации от сенсорных систем. При отклонении от заданной программы вносятся коррективы в программу движения. Этот факт приводит Н.А. Бернштейна к выводу, что даже при выполнении хорошо заученных и часто повторяемых движений способы и средства решения двигательной задачи будут различны из-за

непостоянства внешних и внутренних условий. Процесс планирования движения осуществляется на основе сенсорной информации, а процесс реализации двигательной задачи – на основе сенсорных коррекций от начала движения до его завершения.

Вторая часть монографии посвящена описанию пяти уровней (А, В, С, D, E) построения движений. В процессе реализации двигательной задачи могут участвовать практически все уровни движения. Исключение составляют лишь кратковременные рефлекторные реакции (защитные, избегания и др.) которые реализуются на уровне А раньше, чем информация о действии достигает высших аналитических отделов мозга.

Уровень А или субкортикальный уровень имеет важнейшее значение для жизнедеятельности человека в среде обитания. Практически ни одно требуемое моторное действие не может быть успешно выполнено без предварительной и соответствующей подготовительной реакции позы и тонуса и дальнейшего сопровождения моторного процесса на основе сенсорных коррекций. Большинство этих моторных реакций произвольны и отличаются высокими адаптивными свойствами и качеством исполнения. Наиболее древние из них Н.А. Бернштейн относил к палеокинетическим регуляциям. К самым очевидным самостоятельным движениям этого уровня относят следующие – произвольные: дрожательные движения от холода, испуга, страха и патологические моторные эффекты (паралич «Паркинсона» и др.), произвольные: быстрые вибрационные движения динамического типа и статические в виде определенных поз, отдельных фаз или фрагментов сложного целостного движения.

Уровень В. Субкортикальный уровень синергии и штампов или таламопаллидарный уровень. Если на уровне А, основанном на некинетическом нейромышечном субстрате (поперечнополосатая мускулатура и нервные волокна, покрытые миелиновой оболочкой), реализовывались в основном палеокинетические регуляции, то на уровне В на базе некинетического субстрата представлено большое число сложных некинетических механизмов регуляции,

Важа Михайлович Девишвили – кандидат биологических наук, доцент кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vmdev37@gmail.com

Для цитирования: Девишвили В.М. Н.А. Бернштейн – основатель современной биомеханики // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 74-78.

For citation: Devishvili Vaja M. (2015). N.A. Bernstein, the founder of modern biomechanics. *National Psychological Journal*, 4, 74-78.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

несущих, совместно с уровнем А, базовые фоновые функции для обеспечения успешной реализации моторных действий. Н.А. Бернштейн выделяет три координационных качества, характерных для этого уровня:

- способность к высоко сложенным движениям всего тела с участием многих десятков мышц и мышечных синергий;
- способность выстраивать различные фазы движений соответствующим образом во времени;
- свойство или склонность к штампам, к чеканной повторяемости движений, не важно, ритмических или однократных.

Несмотря на огромные координационные возможности и совершенную афферентацию уровня синергий, уровнем В управляется мало самостоятельных движений. По мнению Н.А. Бернштейна, это, прежде всего, выразительная мимика, пантомимика и пластика, проявляющаяся в результате сдвигов эмоциональных состояний, а не символических факторов. К этому уровню относят также бесснарядовые гимнастические упражнения, которые отличаются грациозностью, плавностью и высокой устойчивостью к внешним воздействиям.

Важнейшим свойством уровней А и В является то, что на основе различных видов сенсорной информации (от суставных, сухожильных и мышечных рецепторов, вестибулярной системы и др.), за исключением визуальной информации, формируется чувство схемы тела.

Кортикальный уровень построения С или уровень пространственного поля. Этот уровень оснащен визуальной системой, что позволяет субъекту в содружестве с уровнями А и В активно взаимодействовать с окружающим предметным миром. Н.А. Бернштейн рассматривает на уровне С два подуровня: С1 и С2. Для С1 характерны требования минимальной вариативности (пример типового задания – обведение фигуры). Для С2 характерны требования наивысшей точности (пример типового задания – срисовывание фигуры). Перечень самостоятельных движений, управляемых на уровне пространственного поля настолько обширен и разнообразен, что Н.А. Бернштейн исключал возможность

составления перечня или каталога. Он выделил семь основных видов и групп движений. Первые четыре ученый относит к регуляциям типа С1, пятую – к переходной, а оставшиеся две группы движений – к регуляциям типа С2.

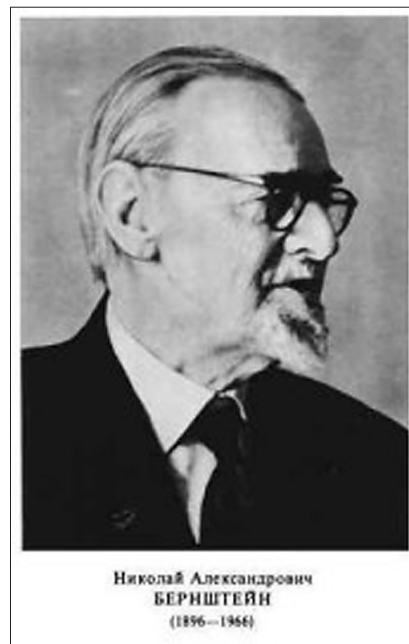
Кортикальный уровень построения D. Теменно-премоторный уровень действий или уровень предметных действий. Полностью кортикальный уровень D является принадлежностью человека, где ведущей афферентацией уровня действий является предмет, а ведущим мотивом – смысловая сторона действия с предметом. Таким образом, в отличие от ниже лежащих уровней (С, В и А), для которых характерна в основном метричность в моторных действиях, для смысловых цепей уровня D характерна топологичность.

Пространственные и временные компоненты моторного действия представлены на всех уровнях построения движений. Временная структура на уровне синергии (В) вплетена в ткань движения, а на уровне пространственного поля (С) определяет скорость, темп, время начала и завершения движения. На уровне предметного действия (D) время представлено в виде цепи интервалов активных моторных действий, объединенных в смысловую структуру и определяемых смыслом поставленной задачи.

Уровни выше уровня D (группа E) или высшие кортикальные уровни.

На уровне E представлены высшие интеллектуальные двигательные действия, символические или условные смысловые действия, относящиеся в основном к координации речи и письма, а также действия, имитирующие предмет или действия с предметом являющимся вспомогательным средством, например, различные виды и формы художественного исполнения. Для обоснования наличия уровней выше уровня D Н.А. Бернштейн приводит материалы, связанные с особенно сложными интеллектуальными актами речи и письма, например, перевод или «перешифровка» фонетического (звукового) образа слова на его правильное графическое начертание и обратно.

В качестве материалов, подтверждающих наличие уровней выше уровня D, Н.А. Бернштейн приводит патологические признаки персеверации и апраксии.

Третья часть монографии посвящена возникновению и развитию уровней построения движений. Н.А. Бернштейн описывает принципы формирования двигательных навыков и выделяет признаки уровневой структуры в патологии и норме.

Монография «О построении движений» – фундаментальный труд, итог более чем двадцатилетней научной работы. В последующих научных публикациях 1950-60 годов Н.А. Бернштейн значительно расширил представления о функциональном содержании и нервном субстрате уровней построения движений, детализировал этапы и фазы формирования и совершенствования двигательных навыков, дал оп-

ределения моторной памяти, моторному профилю и моторному стилю.

Принцип сенсорных коррекций, лежащий в основе кольцевого управления движениями, является основным

в рамках его учения концепции, о которых мы уже упоминали: «повторение без повторения», «модель потребного будущего», «преодоление избыточных степеней свободы», «принцип равной

области психофизиологии, развиваясь и наполняясь новым содержанием. Несомненным достоинством трудов Н.А. Бернштейна является демонстрируемая автором широта научных взглядов вместе с глубиной и детальностью рассмотрения изучаемого предмета, что является неиссякаемым источником идей для исследований в области физиологии активности. Научное наследие Н.А. Бернштейна более чем за полвека не только не потеряло привлекательности для исследователей, но и активно используется в области физиологии, психологии, трудовой деятельности и спорта.

Несомненным достоинством трудов Н.А. Бернштейна является демонстрируемая автором широта научных взглядов вместе с глубиной и детальностью рассмотрения изучаемого предмета, что является неиссякаемым источником идей для исследований в области физиологии активности

фундаментальным положением учения Н.А. Бернштейна о физиологии и психофизиологии активности. Сформулиро-

ванности» и другие, до сих пор не утратили своей значимости, активно используются в научных исследованиях в

Литература:

- Алкарас В., Аракелов Г.Г., Девишвили В.М., Соколов Е.Н. Нейронные механизмы организации движений // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* – 1982. – № 4.
- Бернштейн Н.А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. – Москва, 1962.
- Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – Москва, 1991.
- Бернштейн Н.А. О построении движений. – Москва, 1947.
- Бернштейн Н.А. Общая биомеханика. Основы учения о движениях человека. – Москва, 1926.
- Бернштейн Н.А. Очередные проблемы физиологии активности // *Проблемы кибернетики.* – 1961. – Вып. 6. – С. 101-160.
- Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М., 1966.
- Бернштейн Н.А. Проблема взаимоотношений координации и локализации // *Архив биологических наук.* – 1935. – Т. 38. – Вып. 1. – С. 1-34.
- Бернштейн Н.А. Пути и задачи физиологии активности // *Вопросы философии.* – 1961. – № 6. – С. 77-92.
- Бернштейн Н.А. Физиология человека : учебник для ин-тов физич. культуры / соавторы А.Н. Крестовников, М.Е. Маршак и др. – Москва, 1946.
- Беспалов Б.И. Сферическая нейросетевая модель познавательного действия // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* – 2014. – №4 – с.56-75.
- Грушко А.И., Леонов С.В. Использование систем регистрации движений глаз в психологической подготовке спортсменов // *Национальный психологический журнал.* – 2013. – № 2(10). – С. 106-116.
- Грушко А.И., Леонов С.В. Применение систем регистрации движений глаз в психологической подготовке футболистов // *Национальный психологический журнал.* – 2015. – № 2(18). – С. 13-24.
- Девишвили В.М. С.Г. Геллерштейн о Н.А. Бернштейне (о дружбе, сотрудничестве и научном творчестве) // *Спортивный психолог.* – 2009. – № 3 (18). – С. 15-18.
- Девишвили В.М. Моторный опыт профессионала // *Мир психологии.* – 1997. – № 3.
- Корнеев А.А., Курганский А.В. Преобразование порядка движений в серии, заданной зрительным образцом // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология.* – 2014. – №2 – с.61-74.
- Левин В. Человек, разгадавший тайну живого движения // *Наука и жизнь.* – 2005. – Вып. 5.
- Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. – Москва : АСТ, 2014. – 350, [1] с.
- Сеченов И.М. Физиология нервных центров / ред. и вступ. статья Х. С. Коштоянца. – Москва : Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1952. – 236 с. 13.
- Ярошевский М.Г. Сеченовские идеи о мышечной чувствительности в свете теории отражения и кибернетики // *Вопросы философии.* – 1963. – № 9.

References:

- Alkaras, V., Arakelov, G.G. Devishvili V.M., & Sokolov, E.N. (1982) Neural mechanisms of the organization of movements. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Series 14. Psychology*, 4.
- Bernstein, N.A. (1962) The new line of development in physiology and their relationship with cybernetics. Moscow.
- Bernstein, N.A. (1991) On dexterity and its development. Moscow.
- Bernstein, N.A. (1947) On the construction of movements. Moscow.
- Bernstein, N.A. (1926) General biomechanics. Fundamentals of human movements. Moscow.

- Bernstein, N.A. (1961) Regular activity physiology problem. *Problemy kibernetiki [Issues of Cybernetics]*. Vol. 6, 101-160.
- Bernstein, N.A. (1966) Essays on the physiology of movements and activity physiology. Moscow.
- Bernstein, N.A. (1935) The problem of relations of coordination and localization. *Arhiv biologicheskikh nauk [Archives of Biological Science]*. Vol. 1, 1-34.
- Bernstein, N.A. (1961) Ways and task activity physiology. *Problemy Filosofii [Issues of Philosophy]*. 6, 77-92.
- Bernstein, N.A. (1946) Human physiology: a textbook for institutes of physical culture. Moscow.
- Bespalov, B.I. (2014) Spherical neural network model of cognitive actions. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14. Psychology, 4, 56-75.
- Devishvili, V.M., & Gellerstein, S.G. (2009) About N.A. Bernstein (on friendship, cooperation and scientific work). *Sportivnyy psikholog [Sport Psychologist]*. 3 (18), 15-18.
- Devishvili, V.M. (1997) Motor professional experience. *Mir psikhologii [World of Psychology]*. 3.
- A. Grushko A.I., & Leonov S.V. (2013) Using systems of eye movements recording in the psychological preparation for the athletes. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 106-116
- Grushko A.I., & Leonov S.V. (2015) Using eye tracking system in psychological training of football players. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 2 (18), 13-24.
- Korneev, A. A., & Kurgansky, A. V. (2014) Change in order of movements constituting in series set by visual template. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14. Psychology, 2, 61-74.
- Levin, V. (2005) Man to unravel the mystery of living motion. *Nauka i zhizn' [Science and Life]*. Vol. 5.
- Pluzhnikov I.V., Kaleda V.G. (2015). Neuropsychological findings in personality disorders: A.R. Luria's Approach. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(2), 113-125.
- Sechenov, I.M. (2014) Reflexes of the Brain. Moscow, AST, 350, [1].
- Sechenov, I.M. (1952) The physiology of the nerve centers. Moscow, Izdatel'stvo Akademii meditsinskikh nauk SSSR, 236, 13.
- Yaroshevskii, M.G. (1963) Sechenov's ideas on muscle sensitivity in the light of the theory of reflection and cybernetics. *Problemy filosofii [Issues of Philosophy]*. 9.

Применение полиграфа в целях диагностики симуляции симптомов биографической амнезии

Р.С. Иванов Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила 9 марта 2015 / Принята к публикации: 24 апреля 2015

Application of a polygraph detector in diagnosing symptom simulation of the biographical amnesia

Roman S. Ivanov Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Received: March 9, 2015 / Accepted for publication: April 24, 2015

В статье рассматривается первый в истории России случай применения полиграфа («детектора лжи») в целях диагностики возможной симуляции симптомов аутоперсонамнезии (биографическая амнезия).

В последнее время число случаев биографической амнезии резко возросло, и они перестали быть редкостью. Сегодня существует несколько конкурирующих научных концепций, по-разному объясняющих феномен биографической амнезии. Однако некоторые психиатры считают, что проявления указанного расстройства является симуляцией. Обращение ученых к методу психофизиологических исследований с применением полиграфа в целях диагностики возможной симуляции аутоперсонамнезии обусловлено тем, что объектом такого исследования является память человека, то есть психический процесс, страдающий при различных видах амнезий.

В работе описаны основные положения технологии исследования в случаях диагностики возможной симуляции симптомов биографической амнезии. Подробно описан ход, условия и результаты проведенного эксперимента, которые показали, что функциональное состояние пациента сделало непригодным применение полиграфа. Поэтому выводов о симуляции симптомов заболевания сделано не было.

В качестве наиболее вероятной причины такого результата рассматривается предположение о приеме пациентом в терапевтических целях сильнодействующих лекарственных препаратов, обладающих выраженным противотревожным эффектом. Рекомендовано повторное исследование после окончания действия фармакологических препаратов.

Публикуемая статья представляет практический интерес для врачей-психиатров, специалистов в области медицинской и клинической психологии, полиграфологов-практиков.

Ключевые слова: психофизиологическое исследование с применением полиграфа, аутоперсонамнезия, биографическая амнезия, психотерапия, медицинская и клиническая психология, возможная симуляция симптомов заболевания.

The paper considers the first case of using polygraph («lie detector») in the history of Russia for diagnosing possible simulation of auto amnesia symptoms (biographical amnesia).

In recent years, the number of cases of biographical amnesia have increased greatly. Today there are several scientific concepts to explain the amnesia of biographical information using a number of approaches. Some psychiatrists believe that the existence of specified disorder is false. The appeal of scientists to the method of psychophysiological research using the polygraph to diagnose possible simulation of auto amnesia is due to the fact that the object of such research is human memory, i.e. mental process of influenced by different types of amnesia.

This paper describes basic provisions of carrying out technology research for diagnosing possible cases of simulating symptoms of biographical amnesia, highlighting the progress in detail, conditions and results of the performed experiment that showed that the functional status of the patient was unsuitable for using the polygraph. Therefore, to reach a conclusion about the simulation of the symptoms of the disease is not possible.

The most probable causes of this result deal with the assumption about patient taking therapeutically potent drugs that produce a pronounced anti-anxiety effect. Re-examination after the expiration of pharmacological drug term is recommended.

The paper is of practical interest to psychiatrists, experts in the field of medical and clinical psychology, polygraph practitioners.

Keywords: psychophysiological investigation using a polygraph, auto amnesia, biographical amnesia, psychotherapy, medical and clinical psychology, possible simulation of symptoms.

В настоящее время в России расширяется практика применения полиграфа, как в коммерческой сфере, так и в деятельности правоохранительных органов. Как правило, метод психофизиологических исследований с применением полиграфа (ПФИ) используют при работе с кадрами в целях профилактики правонарушений (скрининг) и при расследованиях или служебных разбирательствах. В таких случаях исследуемое лицо подвергается исследованию в целях выявления в памяти информации об обстоятельствах устанавливаемых событий прошлого.

В ноябре 2012 г. впервые в России, в качестве эксперимента, метод ПФИ был применен в целях решения нетрадици-

бытовыми проблемами таких «больных». При этом следует подчеркнуть, что своевременная диагностика симуляции весьма затруднительна, а в ряде случаев невозможна. Как правило, симуляция подобных расстройств памяти обнаруживается случайно или в ходе работы правоохранительных органов.

Обращение ученых к методу психофизиологических исследований с применением полиграфа в целях диагностики возможной симуляции аутоперсонамнезии обусловлено тем, что объектом такого исследования является память человека, то есть психический процесс, страдающий при различных видах амнезий. Согласно «Теоретической концепции целенаправленного тестирования памяти», разрабо-

эмоций и мотиваций, т.е. на структуры подбугорной области и лимбической системы, которые приводят к возникновению сильных реакций вегетативной нервной системы. В случае отсутствия информации в памяти возникают менее сильные физиологические реакции.

Память, как ведущий психический процесс в психофизиологических исследованиях с применением полиграфа, не осталась без внимания многих специалистов как в России, так и за рубежом (Холодный, 2008; Николаев, 2011; Nakayama, 2002; Lewandowski, 2010; Ben-Shakhar, 2012; Golaszewski, 2013; Varga, 2014; Verschuere, 2015 и др.).

Обращение ученых к методу психофизиологических исследований с применением полиграфа в целях диагностики возможной симуляции аутоперсонамнезии обусловлено тем, что объектом такого исследования является память человека, то есть психический процесс, страдающий при различных видах амнезий

онной для него задачи – диагностики возможной симуляции симптомов биографической амнезии (аутоперсонамнезии). Новаторская идея применения полиграфа в интересах медицинской диагностики принадлежит психиатрам В.Г. Остроглазову, автору термина «аутоперсонамнезия» (Остроглазов, 2004), и В.А. Солдаткину (Солдаткин, 2013). Позиция ученых обусловлена тем, что, кроме конкурирующих медицинских концепций, по-разному объясняющих феномен биографической амнезии, ряд психиатров считает, что проявления указанного расстройства не что иное, как симуляция. Такое мнение нельзя не учитывать, поскольку науке известны достоверно установленные случаи симуляции аутоперсонамнезии, связанные с юридическими обстоятельствами или семейно-

танной в 1987 году, образы событий (явлений), хранящиеся в памяти человека, могут быть намеренно актуализированы с помощью целевой установки и далее обнаружены по регистрируемым полиграфом физиологическим реакциям, возникающим в ответ на предъявляемые человеку стимулы (Холодный, 2008, С. 85).

В условиях корректно проводимого ПФИ при обращении к психике человека с помощью стимула (вопроса теста), несущего в себе ситуационно значимую информацию о событии прошлого, она (психика) воспринимает это воздействие и реагирует на него. При совпадении информационной характеристики стимула с информацией, хранящейся в памяти, происходит активация ее следов, и возбуждение по нисходящим путям переходит на соответствующие центры

Общие сведения

В настоящее время случаи биографической амнезии перестают быть редкостью. К концу 2012 г. в г. Ростове-на-Дону и других городах Южного федерального округа насчитывалось не менее 10 случаев этого расстройства, которое характеризуется общими, часто встречающимися признаками:

- утрата памяти о собственной личности и событиях прожитой жизни, чаще без других когнитивных нарушений, при сохранении формального интеллекта, общих знаний и профессиональных навыков;
- возникает у мужчин молодого и среднего возраста;
- в анамнезе часто встречается злоупотребление алкоголем, психоактивными веществами или зависимость от них;
- возникновению расстройства предшествует эпизод опьянения;
- часто в состоянии опьянения пациент вступает в конфликт;
- как правило, есть подозрения на отравление неким токсическим веществом (чаще всего упоминается клофелин);
- имеет место некий период отсутствия пациента, при этом о действиях пациента за это время либо ничего неизвестно, либо у него сохраняются отрывочные воспоминания;
- восстановление сознания часто происходит возле автодороги или железнодорожного полотна, которые становятся своеобразными «ориентирами движения»;

Роман Станиславович Иванов – руководитель Северо-Кавказского агентства детекции лжи, преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, полиграфолог.
E-mail: skadl@bk.ru

- гипотимия (растерянность, тревога, грусть);
- частое отсутствие фиксационной амнезии;
- отмечаемые у пациента после его опознания родными позитивные изменения характера;
- интракраниальные мучительные ощущения (сенестопатии);
- пациент опасается, что он совершил нечто плохое (или по отношению к нему совершили);
- сновидения с образами, которые кажутся знакомыми, и позже становятся базой фрагментарных воспоминаний («видел во сне, это мой сын»);
- слабый эффект традиционных мнемотропных средств;

У части пациентов, страдающих биографической амнезией, динамика благоприятна, с восстановлением памяти (у некоторых – после гипнотического транса, но в этом случае часто рецидивируют другие конверсионные симптомы), у других пациентов наблюдается изменение состояния вплоть до психоза параноидной структуры или появлении четких признаков вялотекущего процесса (Солдаткин, 2013, С. 34-35).

Случай аутоперсонамнезии

Очередной случай аутоперсонамнезии был зафиксирован на территории Южного федерального округа России. 20.08.2012 г. в медицинское учреждение Краснодарского края поступил пациент «П». При поступлении сознание его было клинически не помрачено, но продуктивному вербальному контакту не доступен. На все вопросы, касающиеся времени, места жительства, фамилии и другие отвечал: «Не помню». Понимал, что находится в больнице. В памяти сохранились события последних трех дней, но не полностью. Симптомов психотического уровня не выявлялось. Эмоциональный фон спокойный, однообразный. Память в выраженном амнестическом состоянии – не может расписываться, поскольку не помнит своей фамилии.

Вскоре при помощи сотрудников полиции была установлена личность этого пациента – жителя Ростовской области.

30.08.2012 г. состоялось его опознание женой и матерью. Пациент жену и мать не узнал. После показанных съемок видеокамерой телефона узнал лишь сына, «потому что он мне снился» – пояснил больной.

В отделение психотерапии и медицинской психологии факультета повышения квалификации и профессиональной подготовки специалистов (ФПК и ППО) Ростовского государственного медицинского университета пациент «П» поступил 12.11.2012 г. Сообщил что, помнит, как стоял на трассе и «голосовал, ждал автобус или какую-нибудь машину», т.к. собирался ехать домой. Затем стало жарко, почувствовал жажду и зашел в ближайшее кафе за водой. Далее, в ходе целенаправленных расспросов, далеко не в первый день пребывания в отделении, вспомнил, что кафе было одноэтажным, продавец – женщина, больше никаких воспоминаний по этому поводу нет. Затем наступил «провал в памяти». Очнулся около железнодорожных путей ночью. Не мог вспомнить, кто он и где находится. Почувствовал сильную головную боль, двоилось в глазах. Рядом обнаружил сумку и разбросанные вещи, собрал их, не размышляя над тем, принадлежат ли они ему, и отправился вдоль железной дороги, не отдавая себе отчета, куда именно он движется. «Решил ночью идти, а днем спать». Однажды выходил на автомобильную трассу, но затем вновь вернулся к железнодорожному полотну, боявшись быть сбитым автомобилем. По железнодорожным путям шел до Тихорецка, утверждает, что «шел 7 дней» (Солдаткин, 2013, С. 35).

При поступлении в психотерапевтическое отделение клиники РостГМУ сознание пациента ясное. В месте, времени и собственной личности ориентирован правильно. Сидит в напряженной позе, на предложение сесть поудобнее меняет позу, но продолжает держаться напряженно. Говорит тихим голосом, зрительный контакт поддерживает не постоянно. В беседе с врачом сдержан, соблюдает дистанцию в разговоре с ним, производит впечатление человека стеснительного. Мимика, пантомимика малоэкспрессивны, но соответствуют тематике высказываний. Внешне выглядит подавленным, несколько растерянным. Фон настрое-

ния снижен. Мышление по содержанию не нарушено, слегка замедлено по темпу. На вопросы отвечает по существу. О событиях примерно с 19.08.12 говорит достаточно уверенно, ссылаясь на собственные воспоминания, остальные события воспроизводит, постоянно упоминает о том, что знает о них со слов матери и жены, подтверждает, что сам все забыл и вспомнить пока ничего не удастся. В процессе беседы успокаивается, поза становится более расслабленной. Меняется интонация, голос становится немного громче. Активная психопатологическая симптоматика в виде бреда, обманов восприятия не выявляется. Критичен к своему состоянию. Говорит о желании вспомнить события жизни.

«П» жалуется на частичную потерю памяти в виде отсутствия воспоминаний о собственной личности и жизненных ситуациях, связанных с ней, на головные боли сдавливающего характера в затылочной, теменной и лобной областях, на двоение в глазах, слабость. При усилении головных болей у него отмечается частое мигание. При целенаправленном опросе удалось выявить, что, помимо перечисленных жалоб, отмечаются суточные колебания настроения (в первой половине дня – выраженная разбитость, слабость, к вечеру данная симптоматика в значительной степени уменьшается). Рассказал, что «устал от многочисленных расспросов», тем более, что они не помогают воспоминаниям, а попытки усилием воли припомнить какие-либо события утомляют и вызывают головную боль.

На фоне проводимой психотерапии дезактуализировалась идея обязательного воспоминания всех событий своей жизни, появилась возможность рассуждать о перспективах своей жизни без опоры на собственные воспоминания прошлого пережитого опыта, основываясь на доверии к словам родственников и сохранившихся бытовых и профессиональных навыках. Пациент стал более свободно общаться с окружающими, особенно с соседями по палате. Стараясь отвлечься от негативных мыслей и переживаний, рассказывает анекдоты, пытается шутить. Как отмечает мать, стал чаще звонить ей, в беседе по телефону не проявляет грусти и тревоги,

все больше надеется на положительное завершение произошедшей ситуации. Охотно соглашается помочь в простых бытовых делах (проводить соседа по палате на консультацию, принести воды). Фон настроения улучшился, однако в ответ на настоятельные просьбы и рекомендации со стороны окружающих вспомнить что-либо о своей жизни раздражается, ссылаясь на головные боли, выдает протестные реакции на громкие раздражители.

Отмечается положительная динамика в нормализации продолжительности и глубины ночного сна. При попытке снижения доз препаратов у больного возникают выраженные вегетативные реакции в виде повышения артериального давления и усиления тревоги, которые купируются однократным приемом 0,5 мг алпрозалама в течение 20-30 мин. В течение 2-3 дней адаптировался в отделении, стал проявлять инициативу в общении с врачом, интересуется назначенными препаратами. За время пребывания в отделении расширился спектр его эмоционального реагирования, стал более активным.

Работа в гипно-суггестивных техниках позволяет беседовать с пациентом более длительное время. Встречи продолжительностью более 1 часа не вызывают у пациента прежнего напряжения и головной боли, однако сохраняется утомляемость.

Получал психотерапевтическое и лекарственное лечение (велаксин до 300 мг/сут; тритико до 150 мг; Sol. relanii 2,0 мл (10 мг) + sol. NaCl 200 в/в кап. в 20:00, альпразолам до 3 мг/сут; витамины В1 и В6 2,0 через день) (Солдаткин, 2013, С. 39-40).

Согласно заключению психолога С.В. Ибрагимовой от 17.11.2012 г., у пациента обнаружены признаки органического патопсихологического симптомокомплекса умеренной степени выраженности, с признаками пограничной интеллектуальной недостаточности. Кроме того, выявляются признаки личностно-аномального патопсихологического симптомокомплекса, с преобладанием сенситивно-психастено-шизоидных черт по степени выраженности не менее, чем уровень акцентуации, с выраженными признаками декомпенсации по ипохондрическому типу на

момент исследования и умеренно выраженной склонностью к депрессивным реакциям конверсионного типа (психогенно-невротический симптомокомплекс). Следует отметить, что в силу выраженности выявленных нарушений познавательной сферы, эти данные нельзя считать достаточно валидными (Солдаткин, 2013, С. 40).

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа в отношении больного «П» проводилось 29 и 30 ноября 2012 г. в помещении кафедры психиатрии и наркологии (ФПК и ППО) Ростовского государственного медицинского университета, исследование провел специалист-полиграфолог Иванов Р.С.

Главной задачей ПФИ было выявление способности «П» к воспоминанию значимых событий своей жизни в период до потери памяти. Полученные данные должны были дать возможность сделать вывод о том, являются ли симуляцией проявляемые пациентом симптомы аутоперсонамнезии. Для достижения этой задачи психофизиологическое исследование «П» было решено провести в два этапа.

Целью первого этапа было установление пригодности функционального состояния (ФС) исследуемого лица для применения полиграфа (Иванов, 2011), другими словами: проверка работоспособности психофизиологического механизма, обеспечивающего физиологическое реагирование на значимый стимул.

В норме физиологическое реагирование проявляется в виде индивидуального симптомокомплекса – уникального набора параметров физиологических реакций, возникающего при предъявлении исследуемому лицу субъективно значимых стимулов, обусловленного его оптимальным функциональным состоянием в ходе всего процесса психофизиологического исследования с применением полиграфа (Иванов, 2014, С. 94). При этом необходимо выявить способность исследуемого лица физиологиче-

ски реагировать на значимые вопросы, несущие информацию о событиях, произошедших с ним в период его жизни после поступления на лечение в медицинское учреждение. В нашем случае – с 20.08.2012 г. до момента тестирования. Наличие реакций на значимые вопросы и отсутствие реакций на нейтральные вопросы будет указывать на то, что «П» способен физиологически реагировать при воспроизведении информации о значимых событиях своей жизни, которые произошли с ним в действительности в указанный период времени. Отсутствие реакций на значимые вопросы, позволяющие отделить их от реакций на нейтральные вопросы, будет означать, что исследуемый не в состоянии физиологически реагировать при воспоминании событий, произошедших с ним в изучаемый период.

Вопросники, направленные на исследование особенностей физиологического реагирования «П» в ответ на предъявляемые ему значимые стимулы о событиях в период с 20.08.2012 г. до момента тестирования на полиграфе, носят наименование – контрольная группа вопросников.

Таким образом, первый этап исследования «П» завершается одним из двух итогов:

- 1 Функциональное состояние исследуемого пригодно для применения полиграфа – состояние адекватности всей системы и каждого звена оптимальны и точно соответствуют требованиям деятельности. В этом случае можно сделать прогноз, что второй этап исследования завершится успешной диагностикой возможной симуляции симптомов аутоперсонамнезии.
- 2 Функциональное состояние (ФС) исследуемого не пригодно для применения полиграфа – состояние динамического рассогласования, при котором система или не полностью обеспечивает деятельность, или работает на излишне высоком уровне напряжения. В такой ситуации обоснованным будет прогноз о том, что диагностика возможной симуляции на втором этапе исследования не будет успешной.

Второй этап решает главную задачу исследования: проведение диагностики

возможной симуляции пациентом «П» симптомов биографической амнезии.

В этих целях исследуемому лицу будет предъявлена группа вопросников, содержащая значимые стимулы – вопросы о событиях его жизни до момента потери памяти. Эти вопросники носят название – проверочная группа вопросников.

Если ФС испытуемого пригодно для применения полиграфа, и на значимые вопросы проверочной группы вопросников получены его выраженные и устойчивые физиологические реакции, то можно сделать вывод, что «П» способен к воспроизведению информации о событиях прошлого до потери памяти, то есть, он помнит их, а, значит, он симулирует симптомы аутоперсонамнезии.

В противном случае, когда ФС испытуемого пригодно для применения полиграфа, но на значимые вопросы проверочной группы вопросников выраженные и устойчивые физиологические реакции не получены, это позволяет сделать вывод, что «П» не способен вспоминать события прошлого до потери памяти, а, значит, он не симулирует симптомы аутоперсонамнезии.

Если ФС пациента «П» не пригодно к применению полиграфа или, иными словами, психофизиологический механизм, обеспечивающий физиологическое реагирование в ходе воспроизведения информации о значимых событиях жизни не функционирует в достаточной степени, то предъявление ему проверочной группы вопросников даст неопределенный результат и сделает диагностику симуляции аутоперсонамнезии невозможной.

Применяемая методика

При психофизиологическом исследовании «П» с применением полиграфа была использована «Методика выявления скрываемой информации» (Concealed information technique, далее – МВСИ). Эта методика основывается на использовании частных признаков произошедшего в прошлом события, то есть, тех признаков, которые может знать только человек в той или иной мере непосредственно вовлеченный в это событие.

Методологический принцип МВСИ заключается в том, что в ходе ПФИ у

человека, которому известны признаки прошлого события, на предъявление стимулов, связанных с ним (вопросов, предметов), возникнут выраженные физиологические реакции, а для лиц, неосведомленных о таких признаках, все стимулы будут равноценно незначимыми, нейтральными и физиологический реакции не вызовут.

Методические требования к частным признакам событий прошлого, исследуемым с помощью МВСИ:

- 1 Каждый частный признак должен быть зафиксирован в памяти исследуемого лица без существенных для его опознавания искажений;
- 2 Частный признак должен быть известен исследуемому лицу только из личного опыта, если он непосредственно был вовлечен в событие прошлого;
- 3 К проверяемому признаку можно подобрать ряд однородных (не менее четырех) признаков-стимулов.

Что в ходе ПФИ у человека, которому известны признаки прошлого события, на предъявление стимулов, связанных с ним (вопросов, предметов), возникнут выраженные физиологические реакции, а для лиц, неосведомленных о таких признаках, все стимулы будут равноценно незначимыми, нейтральными и физиологический реакции не вызовут

Основное достоинство МВСИ заключается в том, что она обеспечивает наименьший уровень ошибок. Непричастный к устанавливаемому событию человек не знает, какой из стимулов является истинным признаком этого события, поэтому не может устойчиво реагировать в ответ на его предъявление, каким бы возбужденным, напуганным или тревожным он ни был. Основной недостаток МВСИ – сложность отбора частных признаков события прошлого, которые были бы достоверно известны только лицу, непосредственно вовлеченному в него, а также специалисту, проводящему ПФИ с применением полиграфа.

Условия исследования

Ситуация ПФИ была высоко значимой для «П», поскольку он был осведомлен о том, что главной задачей применения полиграфа является установление возможной симуляции им болезненного состояния.

Перед началом психофизиологического исследования с «П» была проведена предтестовая беседа, в ходе которой ему разъяснен порядок проведения ПФИ. Перед началом эксперимента исследуемый был ознакомлен с содержанием вопросов, при этом он мог участвовать в редактировании вопросов и корректировке их содержания. В процессе выполнения исследования он имел возможность отказаться от дальнейшего участия в данной процедуре.

В ходе предтестовой беседы «П» был опрошен по отдельным фактам биографии. Исследуемый русским языком владеет хорошо. Перед началом психофизиологического исследования все вопросы тестов предварительно обсуждались с ним до полного понимания смысла задаваемых вопросов. Формулировки вопросов подбирались с учетом имеющихся сведений об образовательном, общекультурном уровне и индивидуаль-

ном жизненном опыте исследуемого.

В целях недопущения появлений случайных реакций-помех, затрудняющих качественное выполнение ПФИ, полиграфолог и экран компьютерного полиграфа находились вне поля зрения исследуемого лица.

Физиологические реакции, регистрируемые в ходе тестирования на полиграфе в ответ на задаваемые исследуемому лицу вопросы, могут носить нестабильный характер. Однократное предъявление какого-либо вопроса может вызвать реакцию, не отражающую реальную субъективную значимость этого вопроса для исследуемого. При вынесении суждения, что тот или иной вопрос действительно обладает субъективной значимостью для него, необходимо убедиться в устойчивости вызываемых им реакций, то есть, в том, что реакции появляются не случайно. Поэтому каждый вопросник, использованный при производстве данного исследования, предъявлен «П» не менее 3-х раз.

29.11.2012 г. было начато психофизиологическое исследование «П». После

проведения предтестовой беседы ему было предложено взять со стола на выбор одну из заранее подготовленных карточек, на которых был изображен стимульный материал: буквенно-числовой код, геометрическая фигура и слово, требующее для его запоминания определенных усилий. Проверяемый взял карточку № 4, на которой было изображено: «L-621, круг, Орфус». Далее ему была дана инструкция: запомнить информацию, содержащуюся на карточке и перерисовать на чистый лист бумаги то, что он видел на ней. После того, как «П» справился с поставленной задачей, он убрал карточку и свой лист в заранее подготовленный ящик.

Примерно через 15 минут исследуемому вновь было предложено на чистом листе бумаги, теперь уже по памяти, воспроизвести то, что он видел на карточке. После того, как «П» это сделал, специалист попросил его извлечь из ящика карточку, сверить с ней его последний рисунок и убедиться, что он не допустил ошибку. Исследуемый выполнил данную инструкцию, в результате чего было обнаружено, что на своем втором рисунке он изобразил в точности то, что видел на карточке 15 минут назад.

Полученные результаты свидетельствовали о том, что в текущий момент «П» способен запоминать, сохранять и воспроизводить информацию. Теперь следовало выяснить, способен ли он физиологически реагировать при предъявлении ему стимулов, несущих информацию о событиях прошлого, произошедших с ним в период с 20.08.2012 г. до момента тестирования на полиграфе.

Информация, содержащаяся на карточках, была трансформирована в тесты, входящие в контрольную группу вопросников, для их дальнейшего предъявления «П».

Тестирование на полиграфе

В начале тестирования был зарегистрирован физиологический фон – относительно стабильное протекание физиологических процессов организма «П», прибывающего в состоянии покоя. Фон являет собою «физиологическую

норму», свойственную конкретному человеку, в отсутствие каких-либо воздействий или влияний.

После записи фона исследуемому был предъявлен стимуляционно-адаптационный тест. Целью этого теста является адаптация человека к самой процедуре исследования. С его помощью происходит введение испытуемого в текущую деятельность и обучение его выполнению определенных действий в качестве исследуемого лица, таких как: неподвижно сидеть в кресле, смотреть перед собой, воспринимать стимулы и программы ПФИ, понимать их смысл, вспоминать информацию, связанную со стимулом, отвечать на предъявление стимулов «да» или «нет», наделять значимостью одни стимулы и не наделять другие и пр. Этот тест способствует также проявлению более выраженных и устойчивых индивидуальных физиологических реакций исследуемого на значимые стимулы, нежели на незначимые.

Стимуляционно-адаптационный тест содержал в себе ряд мужских имен, среди которых было имя исследуемого лица: 0 Вас зовут Алексей?

- 1 Константин?
- 2 Станислав?
- 3 «П»?*
- 4 Владимир?

«П» была дана инструкция на все имена отвечать правду, а на собственное имя солгать (целевая установка). Таким образом, исследуемый одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет». В результате предъявления этого теста «П» адаптировался к процедуре тестирования на полиграфе, приобрел и закрепил навык деятельности лица, проходящего психофизиологическое исследование.

На следующем этапе «П» была предъявлена контрольная группа вопросников. Для активизации процесса воспоминания были отобраны стимулы, несущие значимую для него информацию о событиях прошлого, запечатленных в его памяти в период с 20.08.2012 г. до момента тестирования на полиграфе.

В результате сбора информации было установлено, что 20.08.2012 г. «П» поступил на лечение в ЦРБ г. Тихорецка, где ему впервые после потери памяти была оказана квалифицированная медицинская помощь. Там с ним работали со-

трудники полиции, там же произошло его опознание родственниками. Все эти события исследуемый хорошо помнил и уверенно воспроизводил информацию о них. В связи с этим был сформулирован значимый стимул «После потери памяти Вас лечили в Тихорецке?», к которому были подобраны однородные вопросы. На основе этого был составлен контрольный вопросник:

- 0 Впервые после потери памяти Вас лечили в Городовиковске?
- 1 После потери памяти Вас лечили в Сальске?
- 2 После потери памяти Вас лечили в Кропоткине?
- 3 После потери памяти Вас лечили в Тихорецке?*
- 4 После потери памяти Вас лечили в Пролетарске?
- 5 После потери памяти Вас лечили в Зернограде?

Предполагалось, что при предъявлении вопроса № 3 у «П» активизируется процесс воспоминания о значимых событиях, связанных с лечением в ЦРБ г. Тихорецка. При этом активизация воспоминаний при предъявлении других вопросов маловероятна, поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует. В целях усиления значимости вопроса № 3 проверяемому была дана целевая установка – солгать на него. Таким образом, «П» одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет».

Далее «П» были предъявлены контрольные вопросники, составленные на основе карточек, одну из которых он случайным образом выбрал среди остальных:

На карточке, которую Вы выбрали, было изображено:

	Вопросник 1	Вопросник 2	Вопросник 3
Карточка № 1	0. К-275?	0. Овал?	0. Роун?
Карточка № 2	1. Z-337?	1. Звезда?	1. Бреко?
Карточка № 3	2. А-564?	2. Ромб?	2. Карлет?
Карточка № 4*	3. L-621?*	3. Круг?*	3. Орфус?*
Карточка № 5	4. F-413?	4. Квадрат?	4. Фарсон?
Карточка № 6	5. D-702?	5. Треугольник?	5. Луитан?

Согласно замыслу эксперимента, при предъявлении вопроса № 4 у «П» должен активизироваться процесс воспоминания информации, изображенной на этой карточке. При этом активизация воспоминаний при предъявлении дру-

гих вопросов маловероятна, поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует. В целях усиления значимости вопроса № 4 проверяемому была дана целевая установка – скрывать информацию, отраженную на карточке № 4. Таким образом, «П» одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет».

При сборе информации было установлено, что «П» семь дней пешком добирался до г. Тихорецка по железнодорожным путям. Поэтому был сформулирован значимый стимул «В Тихорецк Вы добирались пешком по железнодорожным путям?», к которому были подобраны однородные вопросы. На основе этого был составлен очередной вопросник контрольной группы:

- 0 В Тихорецк Вы добирались на лодке по реке?
- 1 В Тихорецк Вы добирались на автомобиле по дороге?
- 2 В Тихорецк Вы добирались пешком по автомобильной дороге?
- 3 В Тихорецк Вы добирались пешком по железнодорожным путям?*
- 4 В Тихорецк Вы добирались на электричке?
- 5 В Тихорецк Вы добирались пешком по полям?

Предполагалось, что при предъявлении вопроса № 3 у «П» активизируется

процесс воспоминания о значимых событиях, связанных с его семидневной дорогой в г. Тихорецк. При этом активизация воспоминаний при предъявлении других вопросов маловероятна, поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует.

В целях усиления значимости вопроса № 3, проверяемому была дана целевая установка – солгать на него. Таким образом, «П» одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет».

При предъявлении всех вопросников контрольной группы были реализованы дополнительные мероприятия, позволяющие повысить значимость для исследуемого специально отобранных стимулов.

Результаты предъявления вопросников контрольной группы 29.11.2012 г. показали, что исследуемый не способен физиологически реагировать на значимые вопросы, несущие информацию о событиях, произошедших с ним в период его жизни после поступления на лечение в медицинское учреждение до момента тестирования – то есть, его функциональное состояние непригодно для применения полиграфа.

Ниже в качестве иллюстрации приводится фрагмент графика записи физиологических реакций «П», на котором отсутствуют выраженные физиологические реакции на значимый стимул «В

Тихорецк Вы добирались пешком по железнодорожным путям?» (рис. 1).

На основании полученных результатов было принято решение продолжить психофизиологическое исследование на следующий день.

30.11.2012 г. перед началом ПФИ специалист убедился, что «П» помнит информацию, содержащуюся на карточке, которую он запомнил в первый день исследования – проверяемому было предложено на чистом листе бумаги по памяти изобразить данные, которые он видел на карточке, он успешно справился с этой задачей.

Тестирование на полиграфе вновь началось с регистрации физиологического фона исследуемого, после чего специалист предъявил ему стимуляционно-адаптационный тест, с целью адаптации к процедуре тестирования. Стимуляционно-адаптационный тест содержал в себе ряд женских имен, среди которых было имя матери исследуемого лица – «Ирина»:

- 0 Вашу мать зовут Анна?
- 1 Лидия?
- 2 Екатерина?
- 3 Ирина?*
- 4 Марина?

«П» была дана инструкция на все вопросы отвечать правду, а на № 3 – солгать (целевая установка). Таким обра-

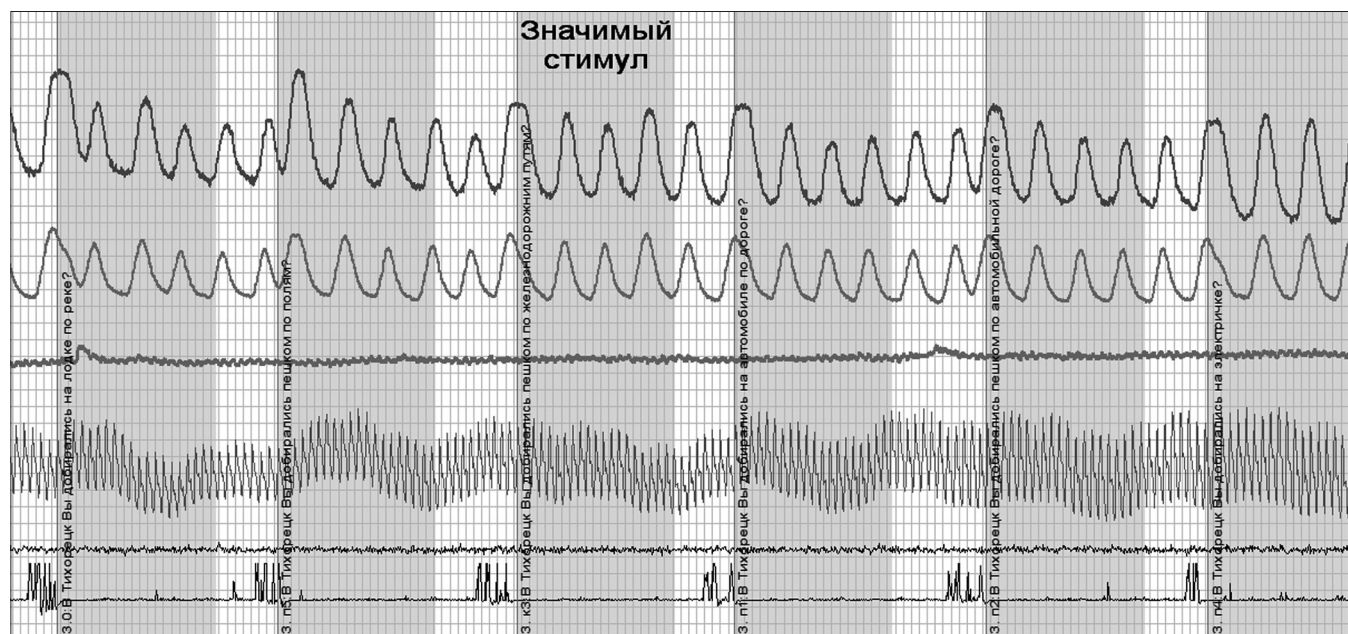

Рис. 1. Отсутствие физиологических реакций на значимый стимул вопросника контрольной группы.

Fig. 1. No significant physiological responses to stimulus of the control group questionnaire.

Для цитирования: Иванов Р.С. Применение полиграфа в целях диагностики симуляции симптомов биографической амнезии // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 79-90.

Citation: Ivanov Roman S. (2015). Application of a polygraph detector in diagnosing symptom simulation of the biographical amnesia. *National Psychological Journal*, 4, 79-90.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

зом, исследуемый одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет». В результате прохождения этого теста «П» успешно адаптировался к процедуре тестирования, вспомнил и закрепил навыки деятельности лица, проходящего исследование на полиграфе.

Далее пациенту была предъявлена контрольная группа вопросников. Как и в предыдущий день в целях активизации процесса воспоминания были отобраны стимулы, несущие значимую для исследуемого информацию о событиях прошлого, запечатленных в его памяти в период с 20.08.2012 г. до момента тестирования на полиграфе.

По аналогии с первым днем исследования «П» были предъявлены контрольные вопросники, составленные на основе карточек, одну из которых он случайным образом выбрал 29.11.2013 г. среди остальных:

На карточке было изображено:

	Вопросник 1	Вопросник 3
Карточка № 1	0. К-275?	0. Роун?
Карточка № 2	1. Z-337?	1. Брек?
Карточка № 3	2. А-564?	2. Карлет?
Карточка № 4*	3. L-621?*	3. Орфус?*
Карточка № 5	4. F-413?	4. Фарсон?
Карточка № 6	5. D-702?	5. Луитан?

При предъявлении вопроса № 4 у «П» должен активизироваться процесс воспоминания информации, изображен-

ной на карточке № 4. При этом активизация воспоминаний при предъявлении других вопросов маловероятна, поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует. Для усиления значимости вопроса № 4 проверяемому была дана целевая установка – скрывать информацию, изображенную на карточке № 4. Таким образом, «П» одинаково отвечал на все вопросы ответом: «Нет».

30.11.2012 г. в ходе предъявления всех тестов контрольной группы специалистом также были реализованы дополнительные мероприятия, позволяющие повысить значимость отдельных стимулов для исследуемого.

Результаты предъявления вопросников контрольной группы повторило результаты исследования, выполненного накануне – функциональное состояние «П» оказалось непригодным для применения полиграфа. Психофизиологический механизм, обеспечивающий физиологическое реагирование в ходе воспроизведения информации (процесс воспоминания) о значимых событиях жизни пациента «П» не функционирует на уровне, необходимом для успешной его регистрации современными полиграфами.

В качестве иллюстрации ниже приведен фрагмент полиграммы, на котором отсутствуют более выраженные физио-

логические реакции на значимый стимул «На карточке было изображено ... L-621?», чем на другие незначимые стимулы (рис. 2).

Опираясь на полученные результаты, мы предположили, что с помощью метода ПФИ у «П» не могут быть обнаружены физиологические реакции на вопросы о событиях его жизни на этапе до момента потери памяти, независимо от того, симулирует ли он симптомы аутоперсонамнезии или нет.

С целью проверки этого предположения исследуемому была предъявлена проверочная группа вопросников. Эти вопросники направлены на выявление физиологического реагирования на значимые стимулы, несущие информацию о событиях, произошедших с «П» в период его жизни до потери памяти, и на решение главной задачи исследования – установление способности «П» вспоминать события своей жизни в указанный период. Полученные сведения позволили бы сделать обоснованный вывод о том, являются ли симуляцией проявляемые пациентом симптомы биографической амнезии.

Для этого посредством опроса «П», его родственников и медицинского персонала были выявлены значимые события жизни исследуемого, которые ранее точно были зафиксированы в его памяти. Следует особо подчеркнуть, что инфор-

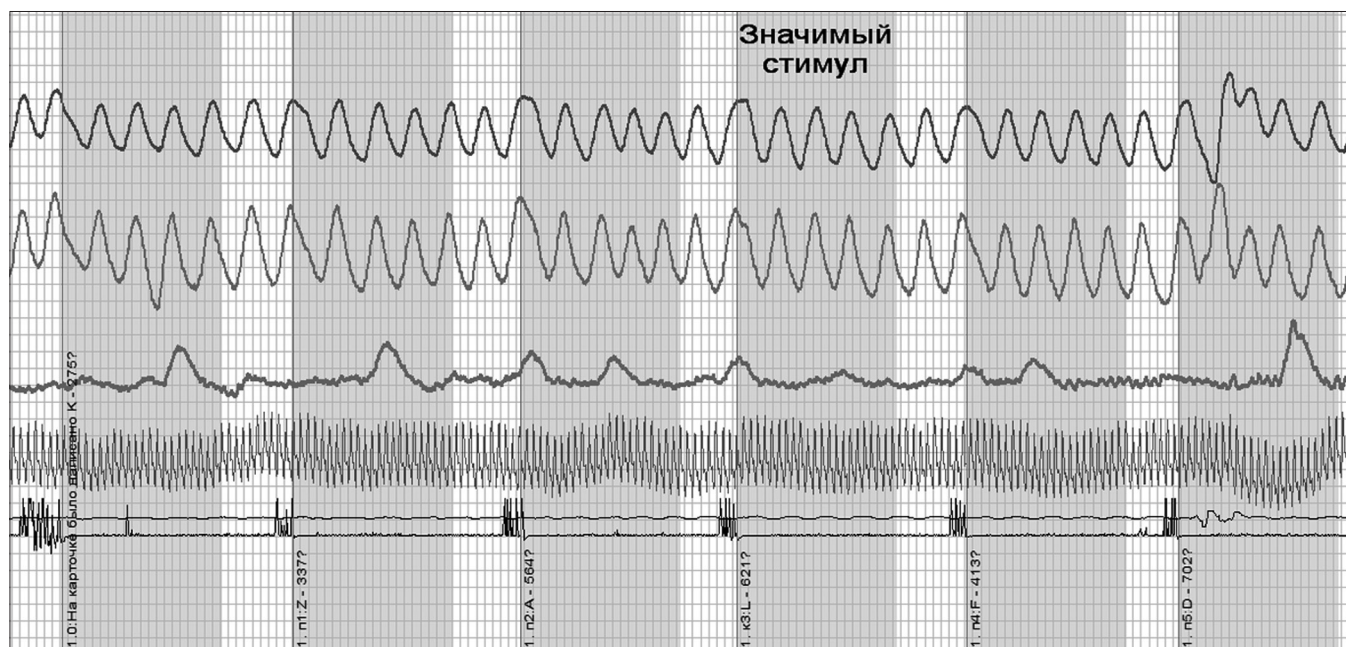

Рис. 2. Отсутствие физиологических реакций на значимый стимул вопросника контрольной группы.

Fig. 2. No significant physiological responses to stimulus of the control group questionnaire.

мация об этих событиях стала ему известна не в результате проведения с ним психотерапевтического лечения или общения с родственниками и знакомыми.

Так, было выяснено, что исследуемый рос без отца, его воспитывала одна мать. Когда повзрослел, он предпринял активные попытки найти своего отца, которые после серьезных усилий увенчались успехом. «П» выяснил, что фамилия его родного отца – Лесогоров, встречался с ним, в течение некоторого времени эпизодически поддерживал с ним отношения.

Очевидно, что при таких обстоятельствах фамилия отца проверяемого является высоко значимой для него. К этой фамилии специалист подобрал однородные стимулы. На основе этого был составлен и предъявлен вопросник проверочной группы:

- 0 Вам известно, что фамилия Вашего отца Петренко?
1 Фамилия Вашего отца Зотов?
2 Фамилия Вашего отца Сиволобов?
3 Фамилия Вашего отца Лесогоров?
4 Фамилия Вашего отца Корнеев?
5 Фамилия Вашего отца Рыжков?

Предполагалось, что при оптимальном функциональном состоянии в результате предъявлении значимого вопроса № 3 у «П» активизируется процесс воспоминания фамилии своего отца и полиграф регистрирует выраженные физиологические реакции. При этом активизация воспоминаний при предъявлении других вопросов маловероятна,

поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует. В результате сбора информации специалист установил, что у «П» в селе Песчанокское проживает крестник по имени Женя, к которому проверяемый хорошо относился, проявлял заботу о нем. Тот факт, что родители Жени попросили именно его быть крестным их сына, был очень значим для исследуемого, был предметом его гордости. К этому имени были подобраны однородные стимулы. На основе чего был составлен и предъявлен вопросник проверочной группы:

- 0 Вы точно знаете, что имя Вашего крестника в Песчанокском – Сережа?
1 Имя Вашего крестника в Песчанокском – Ваня?
2 Имя Вашего крестника в Песчанокском – Толик?
3 Имя Вашего крестника в Песчанокском – Женя?
4 Имя Вашего крестника в Песчанокском – Саша?
5 Имя Вашего крестника в Песчанокском – Андрюша?

Ожидалось, что при восприятии значимого стимула № 3 у исследуемого будут зарегистрированы выраженные и устойчивые реакции. При этом на другие вопросы, не несущие ситуационной значимости, физиологические реакции будут отсутствовать.

Далее было установлено, что мать «П» страдала пороком сердца. Проверяемому был хорошо известен ее диагноз. Ранее

он сопереживал ей, помогал в различных областях жизнедеятельности, например, подниматься по лестнице в подъезде и т.п. К названию указанного заболевания специалист подобрал однородные стимулы. На основе чего был составлен и предъявлен вопросник проверочной группы:

- 0 Вы точно знаете, что у Вашей матери хронический бронхит?
1 У Вашей матери язва желудка?
2 У Вашей матери гайморит?
3 У Вашей матери порок сердца?
4 У Вашей матери цирроз печени?
5 У Вашей матери хронический гастрит?

По замыслу при предъявлении вопроса № 3 у «П» должен активизироваться процесс воспоминания информации, связанной с этим субъективно значимым стимулом, а при этом активизация воспоминаний при предъявлении других вопросов маловероятна, поскольку информация о них в памяти исследуемого лица точно отсутствует.

При предъявлении всех тестов проверочной группы были реализованы дополнительные мероприятия, позволяющие повысить субъективную значимость выбранных стимулов для исследуемого.

В качестве иллюстрации приводится фрагмент графика записи физиологических реакций «П», на котором отсутствуют выраженные физиологические реакции на субъективно значимый стимул «У Вашей матери порок сердца?» (рис. 3).

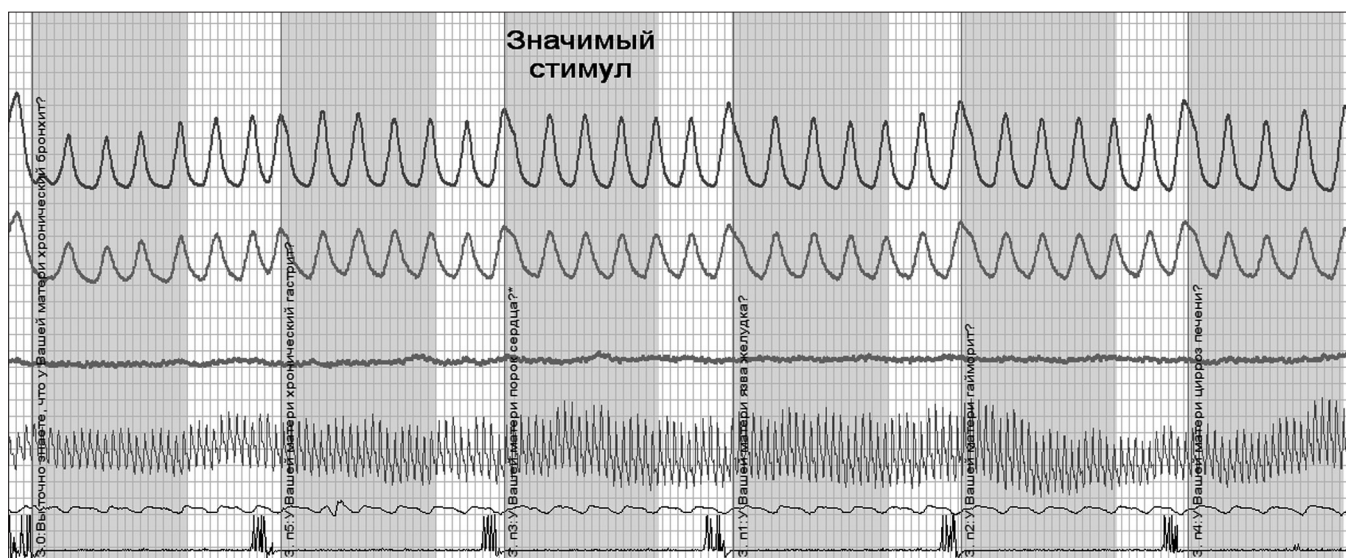

Рис. 3. Отсутствие физиологических реакций на значимый стимул вопросника контрольной группы.

Fig. 3. No significant physiological responses to stimulus of the control group questionnaire

Для цитирования: Иванов Р.С. Применение полиграфа в целях диагностики симуляции симптомов биографической амнезии // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 79-90.

Citation: Ivanov Roman S. (2015). Application of a polygraph detector in diagnosing symptom simulation of the biographical amnesia. National Psychological Journal, 4, 79-90.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

Результаты исследования

Результаты предъявления вопросов проверочной группы свидетельствуют, что предположение о непригодности функционального состояния «П» подтвердилось – исследуемый не способен физиологически реагировать на значимые вопросы, несущие информацию о событиях, произошедших с ним в период его жизни до потери памяти.

В процессе ПФИ функциональное состояние человека определяют внешние и внутренние факторы (Иванов, 2011). Технология проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа позволяет практически исключить влияние внешних дестабилизирующих факторов, при этом внутренние факторы поддаются контролю в значительно меньшей степени.

В ходе исследования «П» таким неконтролируемым внутренним фактором, вероятно, могло выступить его текущее медикаментозное лечение, то есть, прием исследуемым лицом сильнодействующих лекарственных препаратов: велаксина, тритико, реланиума, альпразолама. Все эти антидепрессанты и транквилизаторы обладают выраженным противотревожным эффектом, который проявляется в устранении страха, тревоги, беспокойства, уменьшении внутреннего напряжения (Белова, 2006, С. 110, 116). При этом психофизиологическими признаками состояний тревоги являются такие показатели активности вегетативной нервной системы, как кожно-гальваническая реакция (КГР), частота сердечных сокращений (ЧСС), уровень артериального давления, параметры дыхания (Костина, 2006, С. 11), то есть те же показатели, которые входят в состав регистрируемых полиграфом. Аналогичную картину проявлений тревоги описывает А.Н. Нехорошкова с соавторами, чья статья посвящена анализу проблемы тревожности с психофизиологической точки зрения (Нехорошкова, 2014). Схожие данные сообщают и

другие авторы (Мэй, 2001; Спилбергер, 2008; Соловьева, 2012.; Сидоров, 2013).

При тревоге изменяется соотношение активности симпатической и парасимпатической нервной системы, выражающееся в значительном усилении симпатического компонента, а многие транквилизаторы, в частности, альпразолам, снижают активность симпатoadrenalовой системы, поэтому они ослабляют вегетативные компоненты эмоциональных реакций и вызывают у больных безразличие к значимым раздражителям (Белова, 2006, С. 110).

Кроме того, проведенные в последнее время исследования в области прикладной психофизиологии показали влияние состояния тревоги на специфику проявления физиологических реакций в ходе ПФИ с применением полиграфа. Так, исследуемые лица с низким уровнем выраженности ситуативной тревожности и средним уровнем личностной тревожности демонстрируют слабо выраженные устойчивые изменения амплитудно-частотных характеристик трудно дифференцируемых реакций на нейтральные и на значимые стимулы (Целиковский, 2015).

Таким образом, противотревожные препараты, которые принимал «П» могли оказать влияние на механизм, обеспечивающий физиологическое реагирование на значимый стимул, связанный с имеющейся в памяти информацией о событиях прошлого. Вероятно поэтому, результаты эксперимента не были достигнуты. После окончания действий лекарственных препаратов психофизиологическое исследование «П» может быть проведено повторно.

Следует отметить еще одну сторону обсуждаемой проблемы. В ряде методических пособий и ведомственных инструкций прямо запрещается применение полиграфа в случае регулярного употребления исследуемым лицом сильнодействующих лекарственных препаратов или психоактивных веществ (Иванов, 2011, С. 15). В свете проведенного

эксперимента, это условие, ограничивающее применения полиграфа, является вполне обоснованным.

Заключение

В результате проведения ПФИ установлено, что функциональное состояние «П» делает непригодным применение полиграфа, поскольку психофизиологический механизм, обеспечивающий физиологическое реагирование на значимые стимулы, несущие информацию о событиях прошлого, следы которых точно хранятся в его памяти, функционирует не на должном уровне. В связи с этим проведение диагностики вероятной симуляции пациентом «П» симптомов биографической амнезии не представляется возможным. Рекомендуются повторное исследование после окончания действия фармакологических препаратов.

Результаты ПФИ с применением полиграфа были рассмотрены 5 декабря 2012 г. на клинической конференции кафедры психиатрии и наркологии ФПК и ППО Ростовского государственного медицинского университета «Аутоперсонамнезия (биографическая амнезия): Деперсонализация? Конверсия? Симуляция? Органическая амнезия?». В конференции приняли участие коллективы вышеупомянутой кафедры, а также кафедры психиатрии РостГМУ, психотерапии и медицинской психологии ФПК и ППО РостГМУ, 145 врачей психиатров, наркологов, психотерапевтов Ростовской области, психологи.

Эксперимент, проведенный в ноябре 2012 г., в котором полиграф был применен в целях выявления возможной симуляции симптомов аутоперсонамнезии, не дал ожидаемых результатов, однако он показал, что в других случаях возможно использование метода психофизиологического исследования с применением полиграфа в несвойственных ему сферах приложения, в частности, в целях содействия медицинской диагностике.

Литература

Белова Е.И. Основы нейрофармакологии: учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2006. – 176 с.

Иванов Р.С. Общая оценка пригодности исследуемого лица к применению полиграфа // Юридическая психология. – 2011. – № 2. – С. 14-21.

Иванов Р.С. Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3 (15). – С. 90-97.

Костина Л.М. Методы диагностики тревожности. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 198 с.

Мэй Р. Смысл тревоги. – Москва : Класс, 2001. – 384 с.

Нехорошкова А.Н., Грибанов А.В., Джос Ю.С. Проблема тревожности как сложного психофизиологического явления / А.Н. Нехорошкова, // Экология человека. – 2014. – № 6. – С. 47-54.

Николаев А.Ю. Прикладное психофизиологическое исследование памяти как метод криминалистической диагностики // Сборник материалов международной научно-практической конференции специалистов-полиграфологов органов внутренних дел. – Сочи, 2011. – С. 165-171.

Остроглазов В.Г. «AUTOPERSONAMNESIA. Новый психопатологический феномен?» / В.Г. Остроглазов // Независимый психиатрический журнал. – 2004. – № 4. ; 2005. – №№ 1, 2, 3.

Сидоров К.Р. Тревожность как психологический феномен / К.Р. Сидоров // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып. 2. – С. 42-52.

Солдаткин В.А. Аутоперсонамнезия (биографическая амнезия): Деперсонализация? Конверсия? Симуляция? Органическая амнезия? / В.А. Солдаткин, В.Г. Остроглазов, Д.С. Агафонова // Независимый психиатрический журнал. – 2013. – № 1. – С. 34-57.

Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика / С.Л. Соловьева // Медицинская психология в России. – 2012. – № 6 (17). – Электронный ресурс – Режим доступа : <http://medpsy.ru> (дата обращения: 24.07.2015).

Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги / Ч. Спилбергер // Тревога и тревожность : хрестоматия / сост. В.М. Астапов. – Санкт-Петербург : Пер Сэ, 2008. – С. 85-99.

Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественно-научные основы / Ю.И. Холодный // Полиграф в России 1993-2008 : ретроспективный сборник научных статей, посвященный 15-летию применения полиграфа в Российской Федерации. – Москва : изд. МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – 177 с. : ил.

Целиковский С.Б., Иванов Р.С. Тревожность как предиктор психофизиологического реагирования субъекта при исследовании на полиграфе / С.Б. Целиковский, Р.С. Иванов // «Современные тенденции развития науки и технологий»: сборник научных трудов по материалам IV Международной научно-практической конференции; г. Белгород, 31 июля 2015 г. Часть VI. – Белгород, 2015. – С. 127-139.

Ben-Shakhar G. Current research and potential applications of the concealed information test: an overview. *Frontiers in Psychology // Cognitive Science*. – 2012. – Vol. 3. – Article 342. – Pp. 1-11.

Galatenko, V.V., Livshitz, E.D., Chernorizov, A.M., Zinchenko, Yu.P., Galatenko, A.V., Staroverov, V.M., Isaychev, S.A., Lebedev, V.V., Menshikova, G.Ya., Sadovnichy, V.A., Gusev, A.N., Gabidullina, R.F., & Podolskii, V.E. (2013). Automated real-time classification of functional states: The significance of individual tuning stage. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 41-48. doi: 10.11621/pir.2013.0304

Golaszewski M., Herbowski P. Badania poligraficzne jako metoda weryfikacji wersji śledczych (Polygraph examinations as a method for verifying investigative scenarios) // *European Polygraph*. – 2013. – Vol. 7. – Number 1 (23). – Pp. 39-43.

Lewandowski E., Lewandowski L. Forensic Examination of Memory Traces Part 2 // *European Polygraph*. – 2010. – Vol. 4. – Number 1 (11). – Pp. 27-39.

Nakayama M. Practical use of the concealed information test for criminal investigation in Japan. *Handbook of Polygraph Testing*. – San Diego: Academic Press, 2002. – P. 65.

Silnitskaya, A.S., & Gusev, A.N. (2013). Character and temperamental determinants of prosodic parameters of natural speech. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 95-106. doi: 10.11621/pir.2013.0309

Varga M., Visu-Petra G., Miclea M., Bus I. The RT-based Concealed Information Test: An Overview of Current Research and Future Perspectives // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 127. – Pp. 681-685.

Verschuere B., Crombez G., Koster H.W., De Clercq A. Antisociality, underarousal and the validity of the Concealed Information Polygraph Test // *Biological Psychology*. – 2007. – 74. – Pp. 309-318.

References:

Belov, E.I. (2006) *Fundamentals of neuropharmacology: manual for university students*. Moscow, Aspekt Press, 176.

Ben-Shakhar, G. (2012) Current research and potential applications of the concealed information test: an overview. *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*. Vol. 3, Article 342, 1-11.

Ermakov, P.N., & Saakyan, O.S. (2013). Peculiarities of brain electric activity in young males and females of different creativity levels. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 31-40. doi: 10.11621/pir.2013.0303

Galatenko, V.V., Livshitz, E.D., Chernorizov, A.M., Zinchenko, Yu.P., Galatenko, A.V., Staroverov, V.M., Isaychev, S.A., Lebedev, V.V., Menshikova, G.Ya., Sadovnichy, V.A., Gusev, A.N., Gabidullina, R.F., & Podolskii, V.E. (2013). Automated real-time classification of functional states: The significance of individual tuning stage. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 41-48. doi: 10.11621/pir.2013.0304

Golaszewski, M., & Herbowski, P. (2013) Badania poligraficzne jako metoda weryfikacji wersji śledczych (Polygraph examinations as a method for verifying investigative scenarios). *European Polygraph*. Vol. 7, Number 1 (23), 39-43.

Holodnyy, Yu.I. (2008) Poll using a polygraph and his natural-scientific foundations. *Polygraph in Russia 1993-2008: a retrospective collection of scientific articles devoted to the 15th anniversary of the use of polygraph in the Russian Federation [Poligraf v Rossii 1993-2008: retrospektivnyy sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 15-letiyu primeneniya poligrafa v Rossiyskoy Federatsii]*. Moscow, Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Bauman, 177.

Ivanov, R.S. (2011) Overall suitability assessment of tested persons for using polygraph. *Legal psychology [Yuridicheskaya psikhologiya]*. 2, 14-21.

Ivanov, R.S. (2014) Individual symptom as a tool of interpretation of psychophysiological research results with the use of polygraph. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal]*. 3 (15), 90-97.

Kostina, L.M. (2006) *Methods of diagnosing of anxiety*. St. Petersburg, Rech', 198.

- Mae, R. (2001) The sense of anxiety. Moscow, Klass, 384.
- Lewandowski, E., & Lewandowski, L. (2010) Forensic Examination of Memory Traces Part 2. *European Polygraph*. Vol. 4, Number 1 (11), 27-39.
- Nakayama, M. (2002) Practical use of the concealed information test for criminal investigation in Japan. *Handbook of Polygraph Testing*. San Diego, Academic Press, 65.
- Nehoroshkova, A.N., Griбанov, A.V., & Dzoz, Y.S. (2014) The problem of anxiety as a complex psycho-physiological phenomenon. *Human Ecology [Ekologiya cheloveka]*. 6, 47-54.
- Nikolaev, A.Y. (2011) Application psychophysiological study memory as a method of forensic diagnostics. *Proceedings of the international scientific-practical conference of polygraph specialists of internal affairs bodies [Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii spetsialistov-poligrafologov organov vnutrennikh del]*. Sochi, 165-171.
- Ostroglov, V.G. (2004) "AUTOPERSONAMNESIA. New psychopathological phenomenon?" *Independent Journal of Psychiatry [Nezavisimyy psikiatricheskoy zhurnal]*. 4, 1, 2, 3.
- Sidorov, K.R. (2013) Anxiety as a psychological phenomenon. *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]*. Vol. 2, 42-52.
- Silnitskaya, A.S., & Gusev, A.N. (2013). Character and temperamental determinants of prosodic parameters of natural speech. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 95-106. doi: 10.11621/pir.2013.0309
- Soldatkin, V.A., Ostroglov, V.G., & Agafonov, D.S. (2013) Autopersonamneziya (biographic amnesia): depersonalization? Conversion? Simulation? Organic amnesia? *Independent Journal of Psychiatry [Nezavisimyy psikiatricheskoy zhurnal]*. 1, 34-57.
- Soloviev, S.L. (2012) Anxiety and Anxiety: Theory and Practice. *Medical psychology in Russia [Meditsinskaya psikhologiya v Rossii]*. 6 (17). - Electronic Resource – Mode of Access: <http://medpsy.ru> (reference date: 07.24.2015).
- Spielberger, C. (2008) Conceptual and methodological problems of anxiety studies. *Alarm and anxiety: reader [Trevoga i trevozhnost': khrestomatiya]*. St. Petersburg, Per Se, 85-99.
- Tselikovskiy, S.B., & Ivanov, R.S. (2015) Anxiety as a predictor of the psycho-physiological response of the subject in the study of polygraph. «Modern trends in the development of science and technology»: a collection of scientific papers based on the IV International scientific-practical conference; Belgorod, 31 July 2015 Part VI [«Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii»: sbornik nauchnykh trudov po materialam IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; g. Belgorod, 31 iyulya 2015 g. Chast' VI]. Belgorod, 127-139.
- Varga, M., Visu-Petra, G., Miclea, M., & Bus, I. (2014) The RT-based Concealed Information Test: An Overview of Current Research and Future Perspectives. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. Vol. 127, 681-685.
- Verschuere, B., Crombez, G., Koster, H.W., & De Clercq, A. (2007) Antisociality, underarousal and the validity of the Concealed Information Polygraph Test. *Biological Psychology*. 74, 309-318.

Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования

А.И. Ковалев, Г.Я. Меньшикова МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 27 сентября 2015/ Принята к публикации: 10 октября 2015

Vection in virtual environments: psychological and psychophysiological mechanisms

Galina Ya. Menshikova*, Artem I. Kovalev Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: September 27, 2015 / Accepted for publication: October 10, 2015

*Corresponding author. E-mail: gmenshikova@gmail.com

Иллюзия движения собственного тела или векция представляет собой ощущение перемещения тела человека в пространстве во время наблюдения за движущейся стимуляцией, занимающей большую часть поля зрения неподвижного наблюдателя. Возникающая совместно с комплексом негативных симптомов, таких как головокружение, тошнота, потеря ориентации в пространстве векция относится к классу нарушений вестибулярной функции человека. В психологических исследованиях иллюзия движения собственного тела привлекла внимание ученых, в первую очередь, в связи с использованием систем виртуальной реальности, в которых испытуемые наблюдают глобальные перемещения виртуальной среды, оставаясь сами неподвижными. Несмотря на широкий спектр подходов и методов изучения и оценки выраженности векции, до сих пор не существует общепринятого представления о психологических и психофизиологических механизмах ее возникновения. В данной работе представлен обзор теоретических подходов, объясняющих причины возникновения иллюзии движения собственного тела, а также описаны основные результаты изучения мозговых механизмов ее формирования, полученные методами нейровизуализации.

Анализируются факторы, которые оказывают влияние на выраженность переживания иллюзии, такие как технические особенности устройств предъявления стимуляции, личностные характеристики, гендерная и расовая принадлежность. Обсуждаются проблемы объективной оценки выраженности иллюзии с использованием психологических и психофизиологических инструментов. На сегодняшний день изучение векции представляет собой актуальную задачу, как для теоретической, так и для практической областей психологии. Результаты исследований векции позволяют выявлять особенности интеграции различных сенсорных сигналов в мозге человека. Изучение феномена векции важно для тестирования устойчивости вестибулярной функции, что может быть использовано при подготовке космонавтов, пилотов и спортсменов, а также для решения проблем укачивания человека в транспортных средствах.

Ключевые слова: векция, иллюзия движения собственного тела, виртуальная реальность, симуляторное расстройство.

The self-motion illusion ('vection') refers to a subjective phenomenon where a stationary observer experiences a compelling sense of illusory self-motion when she/he is exposed to large moving patterns of optic flow. As a part of vestibular dysfunction the self-motion illusion is accompanied by the complex of negative symptoms: vertigo, nausea, vomiting and headache. In recent years the phenomenon of vection has attracted the attention of researchers due to the development of virtual reality systems. In such systems stationary subjects are exposed to the large moving optic flow which leads to the appearance of vection. Despite the wide range of approaches and methods of its assessing there is no generally accepted view about the psychological and psychophysiological mechanisms of its appearance. This review considers various approaches to the study of the vection illusion, methods of its evaluation and various factors affecting its severity. Special attention is paid to the mechanisms of the brain activity underlying the vection perception, which was registered using the neuroimaging technique. This work contains also the analysis of the main factors influencing the vection perception such as technical features of virtual reality systems, individual characteristics of observers, cognitive rules of sensory information processing. A detailed description of psychological and psychophysiological methods allowing evaluating the vection strength is given. At the present understanding the process of the vection perception is an actual problem of theoretical and practical psychology. The experimental results may allow psychologists to solve the binding problem concerning the processes of sensory integration. As to practical application the results would help to develop new methods of counteracting the self-motion sickness for astronauts, pilots and sportsmen.

Keywords: self-motion illusion, vection, virtual reality systems, simulator sickness

Расстройства движения и проблемы с ориентацией и положением тела в пространстве могут возникать у человека по целому ряду причин. К ним можно отнести перегрузки в космических и авиационных полетах, потерю равновесия при выполнении спортсменами сложных движений, прием психоактивных веществ, укачивание в средствах передвижения, повышенную температуру тела при остром воспалительном процессе и т.д. Во всех отмеченных ситуациях наблюдаются нарушения двигательных актов и сопровождающие их дискомфортные симптомы: голово-

мые киберрасстройства, возникающие при использовании широкоформатных дисплеев. В дальнейшем мы будем использовать термин «симуляторное расстройство» для описания всех вышеописанных двигательных расстройств.

В различного типа системах ВР (широкоформатные экраны, шлемы, CAVE-системы) человек наблюдает глобальные перемещения зрительной информации в пространстве, оставаясь при этом, как правило, в неподвижном состоянии. Возникающие в это время симуляторные расстройства сопровождаются появлением стойкого ощущения собственного пе-

Эффектной демонстрацией феномена векции можно считать исследования с «летающей комнатой», проведенные в рамках экологического подхода к зрительному восприятию в которых наблюдатель испытывал иллюзию движения собственного тела после посещения комнаты, которая вращалась вокруг него

кружение, тошнота, повышенное потоотделение, боли в животе. В последнее время в связи с бурным развитием технологий виртуальной реальности (ВР) подобные расстройства все чаще отмечаются у людей, использующих установки ВР в практических или развлекательных целях. К ним относят расстройства движения после посещения 3D-кинотеатров, симуляторные расстройства, связанные с обучением на авиа-, авто- или мотосимуляторах, а также так называе-

ремещения – иллюзии движения собственного тела, или векции (от англ. *vection* – перенос) (Hettinger, 1990). Впервые это явление описал Э. Мах на основании переживаний иллюзорного движения собственного тела, возникающих в купе неподвижного поезда при наблюдении за движением вагонов на соседних путях (Mach, 1875). Эффектной демонстрацией феномена векции можно считать исследования с «летающей комнатой», проведенные в рамках экологического подхо-

Галина Яковлевна Меньшикова – доктор психологических наук, зав. лабораторией «Восприятие» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: gmenshikova@gmail.com

Артём Иванович Ковалёв – младший научный сотрудник лаборатории «Восприятие» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: artem.kovalev.msu@mail.ru

да к зрительному восприятию (Гибсон, 1988), в которых наблюдатель испытывал иллюзию движения собственного тела после посещения комнаты, которая вращалась вокруг него.

В научной литературе, несмотря на наличие большого числа исследований симуляторного расстройства и векции в системах ВР, нет единого мнения относительно факторов, являющихся необходимыми и достаточными для возникновения этих феноменов. Сравнение полученных данных затрудняется тем, что в разных экспериментах использовались разные типы устройств ВР (шлемы, CAVE-системы, широкоформатные 3D дисплеи), а также выполнялись разные типы задач. Проведенные исследования выявили противоречивые данные относительно такой важной характеристики, как выраженность векции. Неоднородны и описания негативных симптомов, сопровождающих ее переживание, и оценки воздействия стимуляции, приводящего к отказу от участия в тестировании. Так, в работе Н. Муллена и коллег (Mullen, 2010) было показано, что из 25 участников эксперимента 13 человек (52% всей выборки) не сумели закончить задание из-за высокой степени дискомфорта. Напротив, в исследовании Дж. Парка (Park, 2008) только 7 участников из 20 (35% выборки) отказались от продолжения, несмотря на значительное время воздействия симуляции (60 мин.). Аналогичные данные были получены и в работе К. Штани (Stanney, 2003), в которой из 1102 участников только 142 человека (12,9% выборки) отказались от участия. Следует отметить, что оставшиеся 960 человек в самоотчете отметили высокую степень дискомфорта во время выполнения задачи. В современной литературе векция рассматривается как субъективная составляющая, в то время как головокружение, двигательные нарушения и тошнота – как объективные физиологические составляющие структуры симуляторного расстройства.

Методы исследования векции

В современных исследованиях для изучения иллюзии движения собственного тела активно используются как психологические, так и психофизиологические

методы тестирования. В качестве наиболее используемых психологических методов можно отметить опросники для оценки выраженности векции, а также прямые и косвенные методы шкалирования, которые позволяют выявить степень дискомфорта, ощущение потери ориентации в пространстве и т.п. сразу после окончания воздействия стимуляции. Один из первых опросников «Расстройства движения» (Pensacola motion sickness questionnaire, или MSQ) был разработан в Национальном Аэрокосмическом Агенстве США (Kellog, 1965). Его создание было обусловлено необходимостью оценки состояния будущих космонавтов после тренировок, которые проводились в центрифугах и бассейнах, имитирующих состояние невесомости.

Позже на основе MSQ Робертом Кеннеди с коллегами (Kennedy, 1993) был разработан опросник «Симуляторные расстройства» (Simulator sickness questionnaire, или SSQ), который на сегодняшний день рассматривается, как наиболее валидный для оценки симуляторного расстройства и выраженности векции. Для разработки SSQ был проведен факторный анализ данных MSQ на большой выборке участников (более 1000 человек), проходивших тестирование на обычных симуляторах для пилотов гражданских авиалиний. По каждому из 16 пунктов опросника участник отмечал одну из 4 степеней выраженности обозначенного ощущения: «не ощущаю» (none), «незначительно ощущаю» (slight), «умеренно ощущаю» (moderate) и «ощущаю сильно» (severe).

В результате было выделено три фактора: тошнота, глазодвигательные реакции и потеря ориентации в пространстве, которые в основном и определяли выраженность симуляторного расстройства. На основе выделенных факторов была разработана процедура расчета общего балла (Total score): чем выше его значение, тем сильнее негативное воздействие симулятора и тем отчетливее ощущение иллюзии движения собственного тела. В таблице 1 представлен опросник «Симуляторные расстройства», заполненный одним из участников эксперимента по оценке выраженности иллюзии векции с использованием SAVE-системы виртуальной реальности (Menshikova, 2014).

Перевод опросника SSQ на русский язык был осуществлен Г. Меньшиковой и А. Ковалевым. В таблице 1 также приведен пример подсчета общего балла на основе данных опросника.

Психофизиологические методы являются достоверными и наиболее эффективными для тестирования иллюзии векции, поскольку позволяют, как во время, так и после воздействия симулятора оценивать физиологические и поведенческие показатели, сопровождающие переживание векции и симуляторного расстройства в целом. Наиболее часто для оценки векции используются такие показатели как электромиограмма, показывающая проблемы двигательной сферы, частота пульса и дыхания, кож-

но-гальваническая реакция (КГР), а также глазодвигательные характеристики.

В ряде работ были выявлены проблемы применения психофизиологических методов при изучении векции. Так, Л. Варвик-Эванс с коллегами (Warwick-Evans, 1987) продемонстрировали устойчивую связь между повышением показателей кожно-гальванической реакции (КГР) и увеличением субъективного ощущения перемещения в пространстве во время действия стимула. Однако, авторы отмечают, что показатели КГР могут отражать не столько выраженность векции, сколько общий уровень психоэмоционального возбуждения (страх, повышение температуры, произвольные движения тела). В работе Д. Харм

Таблица 1. Оценки опросника «Симуляторные расстройства» при сильно выраженном переживании иллюзии векции (по Kennedy, 1993).

	Не ощущаю	Незначительно	Умеренно	Сильно
Чувство дискомфорта	X			
Утомление		X		
Головная боль		X		
Напряжение глаз			X	
Сложность фокусировки				X
Повышение слюноотделения	X			
Сухость во рту		X		
Потливость		X		
Тошнота			X	
Сложность концентрации		X		
«Тяжелая голова»	X			
Зрение расплывается	X			
Головокружение при открытых глазах		X		
Головокружение при закрытых глазах			X	
Ощущение вращения окружающего мира			X	
Боль в животе	X			
Отрыжка	X			
Др. ощущения				
Расчет общего балла (Total score)				
«Не ощущаю» – 0				
«Незначительно ощущаю» – 1				
«Умеренно ощущаю» – 2				
«Сильно ощущаю» – 3				
Значение фактора «тошнота» (N): $N=(0+0+1+1+2+1+0+0) \times 9,54=47,7$				
Значение глазодвигательного фактора (O): $O=(0+1+1+2+3+1+0) \times 7,58=60,64$				
Значение фактора «потеря ориентации» (D): $D=(3+2+0+0+1+2+2) \times 13,92=139,92$				
Значение общего балла (TS): $TS=(N+O+D) \times 3,74=928,5$				

Table 1. Assessment of Simulator Sickness Questionnaire in the strongest experience of illusion ofvection (Kennedy et al., 1993)

	Do not feel	Significantly feel	Moderately feel	I feel strongly
Discomfort	X			
Fatigue		X		
Headache		X		
Eye strain			X	
Difficulty in eye focusing				X
Increased salivation	X			
Dry mouth		X		
Sweating		X		
Nausea			X	
Difficulty in concentration		X		
"Heavy head"	X			
Blurred vision	X			
Dizziness with eyes open		X		
Dizziness with eyes closed			X	
The sense of rotation of the world			X	
Abdominal pain	X			
Belching	X			
Other feelings				
Total score				
«Do not Feel» - 0				
«Significantly Feel» - 1				
«Moderately Feel» - 2				
«I Feel Strongly» - 3				
Value of "nausea" factor (N): $N=(0+0+1+1+2+1+0+0) \times 9,54=47,7$				
Oculomotor factor value (O): $O=(0+1+1+2+3+1+0) \times 7,58=60,64$				
Value of "disorientation" factor (D): $D=(3+2+0+0+1+2+2) \times 13,92=139,92$				
Total score value (TS): $TS=(N+O+D) \times 3,74=928,5$				

В виртуальном пространстве глобальные перемещения относительно неподвижного наблюдателя могут приводить к сенсорному конфликту – зрительная система получает сигналы о перемещении тела, тогда как вестибулярная и проприоцептивная системы сигнализируют о его статичном положении

и Т. Шлегель (Harm & Schlegel, 2002) были выявлены побочные факторы, влияющие на показатели сердечно-сосудистой системы при оценке выраженности вежции. Было показано, что частота сердечных сокращений (ЧСС), артериальное давление (АД) и вариабельность сердечного ритма различаются в зависимости от индивидуальных особенностей участников эксперимента, а также параметров стимулов (их длительности, интенсивности,

модальности). Описанные выше данные продемонстрировали, что классические вегетативные показатели не позволяют однозначно классифицировать выраженность иллюзии, и изменение их значения чаще всего свидетельствует лишь о наличии переживания дискомфорта после воздействия симулятора. Однако в ряде работ было показано, что эффективными показателями для оценки иллюзии вежции являются глазодвигательные

характеристики. Так, в наших работах, проведенных на выборке спортсменов-фигуристов, было показано, что такие глазодвигательные параметры как амплитуда саккад, а также число морганий и фиксаций являются достоверными индикаторами выраженности переживания вежции (Menshikova, 2015). Анализ методов тестирования вежции указывает на то, что для оценки этого сложного переживания необходимо разработать комплексный метод, включающий регистрацию как субъективных оценок, так и психофизиологических параметров, одним из которых должен быть метод регистрации движения глаз.

Теоретические представления о возникновении вежции

За более чем 40-летнюю историю изучения иллюзии движения собственного тела были предложены четыре теории, объясняющие причины ее возникновения. Первая из них носит название теории сенсорного конфликта (The sensory conflict theory) (Reason, 1978). Согласно ей, симуляторное расстройство и вежция возникают в результате несогласования между сигналами сенсорных систем различных модальностей, принимающих участие в формировании представления об ориентации и положении тела в пространстве. К ним относят в первую очередь вестибулярную, проприоцептивную и зрительную сенсорные системы. Предполагается, что каждая из систем вносит свой вклад в интегральное представление об ориентации, а нарушения или неадекватные сигналы одного из каналов могут привести к возникновению симуляторного расстройства. Например, в виртуальном пространстве глобальные перемещения относительно неподвижного наблюдателя могут приводить к сенсорному конфликту – зрительная система получает сигналы о перемещении тела, тогда как вестибулярная и проприоцептивная системы сигнализируют о его статичном положении.

Вторая теория была названа эволюционной (или токсиновой) теорией (The evolutionary hypothesis) (Treisman, 1977). Согласно ей, при попадании в орга-

низм человека какого-либо сильнодействующего токсина возникают проблемы с ориентацией тела в пространстве, что сопровождается головокружением, иллюзорным вращением окружающего мира, а также тошнотой, поскольку в организме для выведения яда запускаются рвотные механизмы. Симптоматика отравления токсинами очень похожа на ощущения, возникающие при симуляторном расстройстве, что позволяет предположить, что в основе симуляторных нарушений лежат те же механизмы формирования, что и в основе отравления токсинами. Эта теория косвенно подтверждается наблюдениями, выявившими, что люди, испытывающие расстройства движения в симуляторах, более подвержены также действию токсинов, химиотерапии и пост-операционным рвотным позывам (Golding, 2006), (Money, 1996).

Другой подход к пониманию симуляторного расстройства реализуется в теории постуральной нестабильности (Postural instability theory) (Ricci & Stoffregen, 1991). В противовес теории сенсорного конфликта, основанной на идеях избыточности и согласованности сенсорной информации, в теории постуральной нестабильности утверждается обратное. Авторы предполагают, что векция возникает в условиях недостаточности адекватных сенсорных сигналов, необходимых для нахождения правильного положения тела в пространстве. Предложенная теория была подтверждена в собственных исследованиях авторов, использующих реальное вращение комнаты вокруг наблюдателя, а также в экспериментах других авторов, применивших технологии VR для предъявления вращающейся виртуальной комнаты (Villard, 2008). Основным результатом проведенных исследований состоял в том, что нарушения в поддержании позы всегда возникают раньше, чем иллюзия движения собственного тела. Сначала человек пытается адаптироваться к вращающейся среде и найти оптимальное положение тела, а затем, потерпев в этом неудачу, испытывает негативные последствия – симуляторное расстройство и векцию.

В последние годы широкое обсуждение получила четвертая теория возникновения векции – глазодвигательная. В ее

основе лежит идея о том, что во время наблюдения движущейся стимуляции, глаза наблюдателя совершают характерные циклические прослеживающие движения, получившие название «опто-кинестический нистагм» (ОКН). Нистагм состоит из медленной фазы, в течение которой осуществляется прослеживание движущейся стимуляции, и быстрой – возвратного скачка глаз в исходную позицию (Гиппенрейтер, 1978). Представление о нистагме, как о причине возникновения иллюзии векции, впервые было высказано К. Эбенгольцем (Ebenholtz, 1994). Предполагалось, что во время ОКН увеличивается интенсивность проприоцептивных сигналов от глазных мышц, что приводит к негативным последствиям (тошноте, головокружению и т.д.). Это предположение подтверждалось в экспериментах, в которых предъявление классической стимуляции, вызывающей ОКН, приводило к переживанию иллюзии векции у 60% обследуемых. Косвенным подтверждением этой теории являлись и экспериментальные данные, показавшие, что прием препаратов скополамина и дименгидрилата, уменьшающих выраженность ОКН, приводил к снижению выраженности иллюзии векции (Рукко, 1984). Однако были получены данные, противоречащие положениям глазодвигательной теории. Например, в одном из экспериментов испытуемые проезжали виртуальную трассу за рулем гоночного автомобиля по оптимальной траектории.

Регистрация движений глаз обнаружила нистагматические движения, связанные с отслеживанием траектории, однако дискомфортных ощущений, связанных с иллюзией векции, обнаружено не было (Authie & Mestre, 2011). Кроме того, неоднократно отмечалось, что глазодвигательная активность носит индивидуальный характер. Так, в исследовании выраженности иллюзии векции у профессиональных спортсменов было показано, что глазодвигательные характеристики профессионалов-фигуристов (частота фиксации и морганий, амплитуда саккад) отличаются от характеристик обычных людей (Menshikova, 2014). При этом у фигуристов наличие более выраженных показателей движений глаз не сопровождалось возникновением переживания векции. Авторы предположили, что профессиональ-

ная деятельность спортсменов формирует компенсаторные механизмы, в частности, специализированные глазодвигательные механизмы, которые позволяют компенсировать нарушения работы вестибулярной функции.

Мозговые механизмы формирования иллюзии векции

Для исследования зон мозга, активирующихся при переживании иллюзии векции, были использованы различные методы нейровизуализации: функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ), магнитоэнцефалография (МЭГ) и др. Проведенные исследования показали отчетливую активацию зон коры головного мозга V5/MT и STS, чувствительных к восприятию глобального движения, связанного с изменением положения тела в пространстве (Goodale, 1991). М. Гудейл с коллегами высказали предположение о том, что одной из функций данных зон коры является выделение биологически значимых изменений окружающей среды, для диагностики которых необходимы перемещения точки наблюдения в пространстве.

Исследования мозговых механизмов иллюзии векции были проведены с применением ПЭТ технологии (Brandt, 1998). Было показано, что во время переживания иллюзии наблюдалась дезактивация вестибулярной парието-инсулярной коры (PVC) на фоне высокой активации зоны MST. Т. Брандт предположил, что наблюдаемое реципрокное торможение MST и PVC зон коры отражает процесс зрительно-вестибулярных взаимодействий, необходимых для восприятия положения тела в пространстве. Одной из функций такого взаимодействия может являться защита зрительных сигналов от незначительных вестибулярных сигналов, возникающих вследствие небольших отклонений головы человека.

Комплексные исследования зон мозга, включенных в процессы формирования иллюзии векции, были проведены А. Кляйншмидтом и его коллегами (Kleinschmidt, 2002). Участникам, находящимся в установке фМРТ, предъявляли

вращающийся движущийся черно-белый диск, при восприятии которого возникало либо переживание иллюзорного движения собственного тела, либо восприятие движения самого диска. Нажимая на кнопку, участники должны были сигнализировать о начале переживания иллюзии векции, а затем – о ее окончании. Особенностью восприятия векции в указанных условиях являлось так называемое бистабильное восприятие – участники переживали иллюзорное движение собственного тела, осознавая при этом, что они неподвижны. Результаты показали, что чередование восприятия (либо иллюзии векции, либо движения

матном экране. Была выявлена активация пост-центральной извилины (GP) и нижне-задней височной доли (PTL), то есть тех зон мозга, которые отвечают за движение тела в пространстве. Более значимым результатом явилось выявление активации многих других областей во время переживания иллюзии векции: покрывки (PO), теменной доли (PL), прецентральной извилины (GPC), а также верхней височной извилины (STG). Учитывая большую площадь зоны активации, авторы предположили, что в этих областях интегрируются сигналы от разных видов модальностей для общей оценки положения тела в пространстве.

ферическую части. Стимулы предъявлялись при 4-х условиях. При первом условии обе части двигались в одном направлении, при втором – в разных, при третьем – предъявлялись движущийся центр и статичная периферия, при четвертом – наоборот, статичный центр и движущаяся периферия. Выяснилось, что при четвертом условии наблюдатели отмечали наибольшую выраженность векции, а наиболее выраженным по амплитуде был затылочный N2 потенциал. Авторы сделали вывод о важной роли периферической части поля зрения в возникновении иллюзии движения собственного тела.

Анализ работ по изучению электрофизиологических коррелятов переживания векции показывает, что мозговые механизмы ее формирования до сих пор остаются мало понятными, несмотря на достаточно большое число исследований в этом направлении. На современном этапе основной проблемой остается вопрос о выявлении зон мозговой активности при переживании векции, поскольку исследования, проведенные с применением различных методов регистрации, показали противоречивые результаты

Анализ работ по изучению электрофизиологических коррелятов переживания векции показывает, что мозговые механизмы ее формирования до сих пор остаются мало понятными, несмотря на достаточно большое число исследований в этом направлении. На современном этапе основной проблемой остается вопрос о выявлении зон мозговой активности при переживании векции, поскольку исследования, проведенные с применением различных методов регистрации, показали противоречивые результаты. Кроме того, остается открытым вопрос о механизмах взаимодействия зон, выполняющих обработку сенсорных сигналов различной модальности и, предположительно, участвующих в формировании переживания векции.

диска) происходило, в среднем, через 10-18 с. Данные активности мозга показали, что в периоды восприятия движения диска избирательно активировались зоны зрительной коры (V1-V5) при одновременной дезактивации вестибулярной парието-инсулярной коры (PIVC). При этом переживание иллюзии векции сопровождалось активацией только области узелка мозжечка (NC), что противоречило данным, полученным ранее другими авторами (Brandt, 1998). Полученные данные позволили также выявить целый ряд зон, которые оказались активными для обоих видов восприятия, например, зону дорзомедиальной коры (DM), верхнюю височную область (ST), а также медиальную верхнюю височную кору (MST).

Данные об активизации ряда других зон мозга при воздействии глобального движения зрительной стимуляции были получены С. Накагавой с коллегами (Nakagawa, 2002) при использовании технологии МЭГ. В качестве стимула использовался квадрат с движущимися рамками, имитирующими движение по тоннелю. Для усиления выраженности иллюзии собственного движения видеозапись предъявлялась на широкоформатном

Исследование биоэлектрической активности мозга при переживании векции было проведено С. Слобоуновым с коллегами (Slobounov, 2013) с помощью метода ЭЭГ. В эксперименте наблюдателей просили совершать движения телом в такт движениям виртуальной комнаты, которые могли неожиданно менять направление. Результаты показали, что при неожиданной смене направления качания комнаты регистрировался всплеск тета-активности в парието-темпоральных областях, при этом испытуемые субъективно отмечали возникновение выраженности иллюзии. Авторами была выдвинута гипотеза о том, что движения тела в противоположную стимуляции сторону увеличивают рассогласование между зрительными, проприоцептивными и вестибулярными сенсорными сигналами, тем самым усиливая сенсорный конфликт, что и приводит к возникновению векции.

Еще одной попыткой найти электрофизиологические корреляты векции стало исследование Б. Кешаварца и С. Берти (Keshavarz & Berti, 2014). Ими были разработаны стимулы, состоящие из вертикальных черно-белых полос, и разделенных на центральную и пери-

Факторы, влияющие на выраженность переживания иллюзии векции

На основе анализа современной литературы можно выделить три основные категории факторов, влияющие на выраженность переживания иллюзии векции: технологические, индивидуальные различия и психологические.

К технологическим факторам относят технические характеристики установок, при помощи которых инициируют иллюзию векции. Наиболее эффективными устройствами для формирования иллюзии векции считаются системы VR. На начальном этапе развития технологий VR Ф. Биокка (Biocca, 1992) предположил, что симуляторное устройство

и векция, возникающие при использовании систем ВР, являются побочными техническими проблемами, которые исчезнут с развитием более совершенных характеристик установок ВР. Однако это предположение оказалось несостоятельным, поскольку были получены данные, показавшие увеличение выраженности векции при улучшении временных характеристик формирования изображения. Например, было показано, что при уменьшении временной задержки подстройки зрительной среды при изменении положения наблюдателя иллюзия векции возникала быстрее (Bailey, 1994). В системах ВР технологическими факторами, влияющим на формирование векции, считаются пространственные и временные характеристики формирования 3D сцен, взаимодействие пользователя с виртуальной средой и условия предъявления стимуляции. Одним из наиболее значимых считается активный или пассивный способ взаимодействия пользователя с виртуальной средой (ВС). В работе Х. Штани и П. Хаша (Stanney & Nash, 1998) было показано, что пассивное перемещение пользователя в ВС вызывает более выраженное переживание векции. Аналогичные результаты были получены Дж. Ким и С. Пальмизано (Kim & Palmisano, 2008). Они обнаружили, что пассивные, по отношению к наблюдателю, движения-вибрации стимуляции приводили к большей выраженности переживания иллюзии. Следует отметить, что в качестве индикатора выраженности иллюзии они использовали наличие микродвижений головы, как показатель компенсаторного приема противодействия ее возникновению.

Другими технологическими показателями являются: ширина угла обзора предъявляемых стимулов – увеличение угла обзора приводит к усилению выраженности иллюзии (Dizio & Lackner, 2000), пространственная частота дисплеев – низкочастотные дисплеи (менее 2 Гц) более действенны, чем высокочастотные, и направление вращения ВС вокруг наблюдателя. Так, было показано, что вращение барабана в вертикальной плоскости вокруг неподвижного наблюдателя со скоростью 60 угл. град/с сразу же приводит к ощущению векции (Ну, 1997), а как вращение аналогичного ба-

рабана в горизонтальной плоскости со скоростями от 10 до 200 угл. град/с вызывает векцию лишь через 3-8 с.

На основании многочисленных исследований было продемонстрировано, что большую роль в формировании иллюзии векции играет включенность периферии зрительного поля. Было выявлено, что движущийся зрительный стимул, подаваемый на периферическую часть зрительного поля, индуцирует более выраженную иллюзию, чем такой же стимул, предъявляемый в центральной части зрительного поля (Brandt, 1973). А. Говард и А. Хекман (Howard & Heckman, 1989) объясняют этот результат следующим образом: центрально расположенный стимул воспринимается как фигура на фоне, то есть ближе, чем периферически расположенная стимуляция. Ранее было показано, что удаленный в глубину стимул индуцирует большую выраженность иллюзии (Delmore, 1986; Ohmi & Howard, 1988). Следовательно, именно периферия зрительного поля играет существенную роль в формировании иллюзии. Идея о большей индуцирующей силе периферической стимуляции отмечалась и в сравнительном обзоре А. МакКоли и А. Шарки (McCauley & Sharkey, 1992), отметивших эти эффекты на примере использования медицинских тренажеров. В них объекты манипуляций были расположены близко друг к другу в центральной части зрительного поля, что приводило к небольшим перемещениям и вращениям головы пользователя. При этих условиях наблюдалось нивелирование переживания иллюзии векции. Напротив, в авиатренажерах виртуальная среда более насыщена, разные объекты располагались далеко друг от друга, что усиливало амплитуду вращения головы пользователя, а это, в свою очередь, приводило к усилению векции.

Важная роль технологических факторов была выявлена при изучении особенностей движения стимуляции, вызывающей переживание векции. В исследовании К. Дилза и П. Говарда (Diels & Howarth, 2011) изучалось влияние мелких вибраций зрительного стимула на выраженность иллюзии. Стимуляция представляла собой 500 движущихся белых круглых точек на черном фоне, предъявляемых с помощью панорамного

дисплея. В трех условиях эксперимента точки предъявлялись в движении по различным направлениям – вибрирующее линейное перемещение по кругу по часовой стрелке, вибрирующее перемещение вперед-назад с удалением и приближением от наблюдателя, спиралевидное вибрирующее перемещение. Вибрация использовалась для создания эффекта смазывания сетчаточного изображения, которое, как правило, присутствует в сетчаточном образе при наблюдении естественных сцен. Выяснилось, что спиралевидное движение стимуляции не вызвало большей выраженности иллюзии по сравнению с остальными типами перемещения зрительной среды, вопреки ожиданиям авторов. Данный феномен они объясняли следующим образом: такого рода движения зрительного окружения редко встречаются в обычной жизни, поэтому при анализе такой стимуляции включаются когнитивные механизмы, интерпретирующие ее как «ошибочную».

Влияние этих механизмов и приводит к нивелированию степени сенсорного конфликта. В работе Т. Сено (Seno, 2011) исследовалось влияние введенных в динамическую оптическую объемную стимуляцию статичных ортогональных и параллельных движению среды компонентов. Стимуляция представляла собой выполненные в ахроматическом цветовом диапазоне полосатые и клетчатые сцены, с наибольшей выраженностью либо ортогональных, либо параллельных полос. Все сцены были подвержены небольшой – около 20% степени размытия и предъявлялись при помощи шлема виртуальной реальности. Было установлено, что ортогональные компоненты оказывают усиливающее действие на проявление иллюзии собственного движения тела наблюдателя, тогда как параллельные, напротив, – ослабляющее.

К фактору «индивидуальные различия» традиционно относят влияние возраста, личного опыта и пола наблюдателей на выраженность иллюзии векции. А. Брукс с коллегами (Brooks, 2010), используя статичный симулятор вождения автомобиля, показал, что участники пожилого возраста более подвержены дискомфорту расстройством. В серии работ изучалась роль личного опыта взаимодействия наблюдателя с вир-

туальными средами на выраженность переживания векции. В эксперименте (Stanney, 2003) было показано, что опыт использования симуляторов (игровые автоматы, компьютерные игры на проекционных дисплеях) уменьшает вероятность возникновения векции. Была обнаружена связь между навыком вождения автомобиля и возникновением иллюзии (Mullen, 2010). Сравнивались 2 группы участников: умеющие водить автомобиль и те, кто никогда не сидел за рулем автомобиля. Результаты показали, что последние раньше начинали ощущать дискомфорт, чем опытные водители. Авторы объясняли это тем, что в установке виртуальной реальности водители ожидали испытать такие же переживания, как и за рулем реального автомобиля. Эти ожидания вносят свой вклад в сенсорный конфликт, ослабляя его. Влияние опыта было продемонстрировано в работах П. Говарда и С. Ходдера (Howarth & Hodder, 2008). Было показано, что опыт взаимодействия с виртуальными средами является немаловажным фактором, влияющим на выраженность векции и общий уровень дискомфорта. В его эксперименте 10 участников в течение 7 недель играли в компьютерный симулятор автомобильных гонок, по 20 мин в день. Видео гонок предъявлялось с помощью шлема виртуальной реальности. В результате к концу 3 недели симптомы дискомфорта исчезли. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что число проб является более важным фактором успешного привыкания к виртуальным средам, чем фактор времени взаимодействия.

Новым направлением исследований является изучение гендерных и расовых особенностей формирования иллюзии векции (Klosterhalfen, 2006). В эксперименте с участием 24 представителей КНР и 24 американцев европеоидной расы наблюдатели были окружены круглым экраном, на который подавали вращающуюся зрительную стимуляцию, вызывающую иллюзию векции. Было показано, что появление и выраженность чувства дискомфорта при возникновении иллюзии у представителей КНР значительно ниже, чем у американцев. Что касается половых различий, то они обнаружены не были. В противовес этим

данным более ранние работы по изучению гендерных особенностей формирования иллюзии показали, что женщины более восприимчивы к векции, чем мужчины (Dobie, 2001).

По нашему мнению, важными факторами, влияющими на выраженность переживания иллюзии векции, являются психологические факторы. К сожалению, в современной литературе крайне мало данных об их влиянии на процессы формирования иллюзии. Одна из проблем изучения психологических факторов связана с методическими трудностями их оценки. Тем не менее, можно выделить три группы экспериментальных исследований, в которых предпринимались попытки изучения влияния психологических факторов:

- изучение потребления когнитивных ресурсов для взаимодействия с виртуальной средой;
- изучение аффективных факторов воздействия виртуальной среды (стресс, чувство власти над ситуацией);
- изучение эффекта присутствия (субъективное ощущение реальности виртуальной среды) (Slater, 2009).

Первая группа факторов исследовалась в эксперименте А. Ламбрея и его коллег (Lambreya, 2002). Авторы задались вопросом о влиянии рассогласования между зрительной и не зрительной информацией на решение когнитивных задач, в частности, на процессы запоминания. С помощью шлема виртуальной реальности участникам предъявлялся виртуальный коридор, который смещался линейно в различных направлениях с постоянной скоростью, а также поворачивался в горизонтальной плоскости. Задача участников заключалась в запоминании и последующем воспроизведении траектории его движения. Тот же коридор без смещений предъявлялся контрольной группе. В отличие от контрольной группы, участники экспериментальной группы испытывали трудности воспроизведения траектории, добавляя элементы поворотов и смещений коридора вместо собственного виртуального движения. Авторы предположили, что при решении когнитивной задачи используются две стратегии запоминания, одна из которых использует только зрительную информацию, а дру-

гая учитывает в большей степени сигналы других модальностей – проприоцептивной и вестибулярной систем.

Исследование влияния когнитивных механизмов на процессы возникновения векции проводилось с применением виртуальных сред, отображающих объекты реального окружения (Riecke, 2009). Было подготовлено 2 типа изображений: первые отображали реальные пейзажи, а вторые – те же самые изображения, но разрезанные по принципу мозаики и перемешанные. Эти изображения проецировались на дугообразный экран и вращались, иницируя иллюзию векции. Было показано, что вращение изображения, отображающего реальный пейзаж, оказывает меньший эффект на испытуемого, чем бессмысленное изображение, составленное из разрезанных кусочков. Авторы предположили, что в памяти человека сформировано представление о внешнем окружении как о стационарной среде, поэтому он склонен интерпретировать видимые перемещения как движение своего тела.

В исследовании П. Феенстра с коллегами (Feenstra, 2010) было показано влияние предвосхищения на выраженность иллюзии векции. В экспериментах с авиасимулятором «Дездемона» испытуемому на приборной доске подавалась информация о грядущих изменениях полета: о попадании лайнера в зону турбулентности, туманности и т.п. Предвосхищение будущих событий приводило к практически полному снижению выраженности симуляторного расстройства и векции.

Было выявлено влияние эмоциональных факторов на выраженность иллюзии векции. Их выделение в отдельный кластер является условным (не означает четкого разграничения эмоциональной и когнитивной сфер) и используется лишь для удобства классификации. Упомянутый выше японский исследователь Т. Сено (Seno, 2013) изучал влияние векции на эмоциональную валентность образов автобиографической эпизодической памяти. Он обнаружил, что под действием векции, вызванной движущейся вниз стимуляцией, наблюдатели чаще вспоминают позитивные эпизоды из жизни. При возникновении этого типа векции человеку кажется

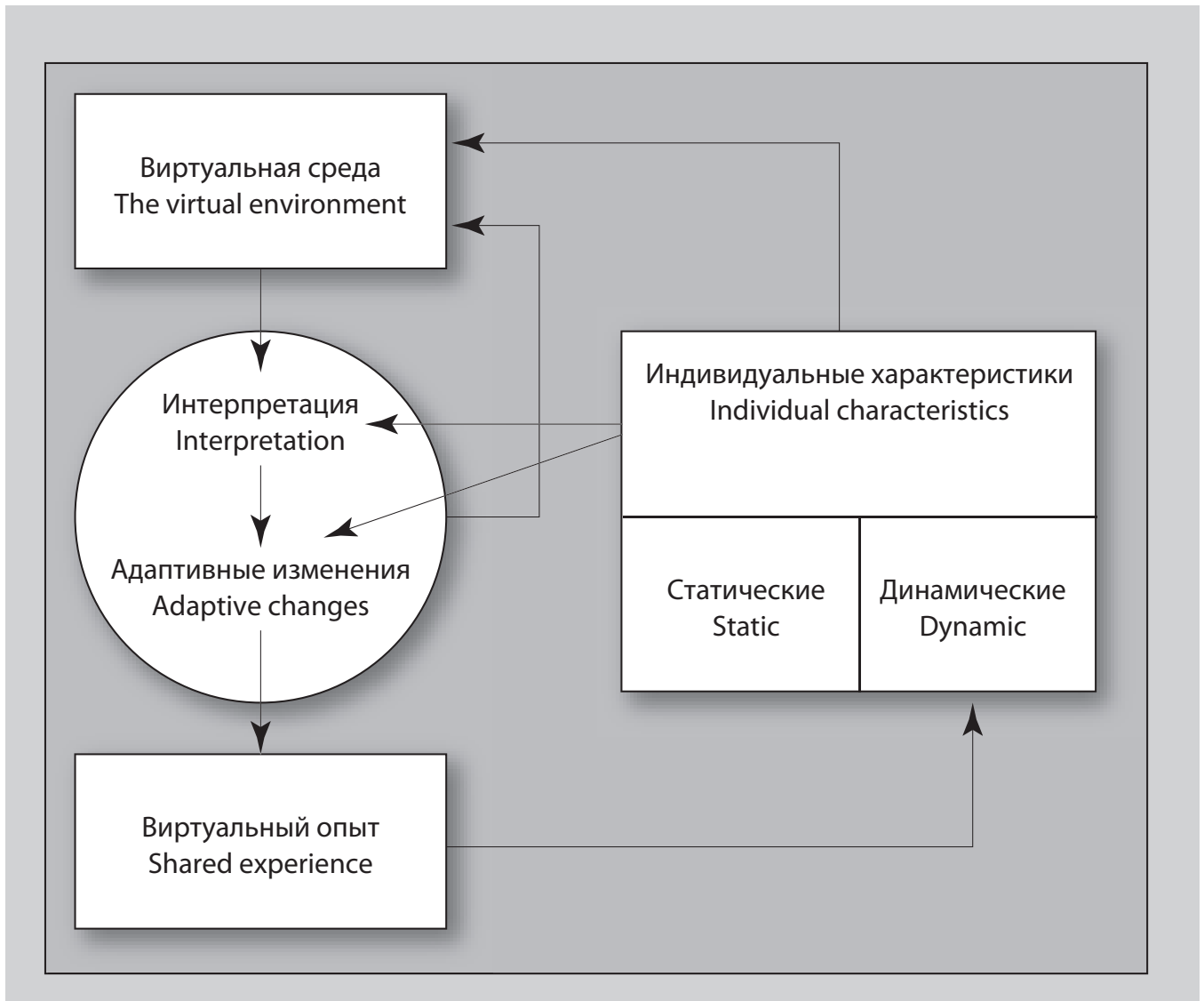

Рис. 1. Модель воздействия виртуальной среды на человека (по Nichols, 2002).

Fig. 1. Model of influencing of the virtual environment on man (Nichols et al, 2002).

ся, что он приподнимается вверх. Была выдвинута гипотеза, что эмоциональное окрашивание связано с настроением испытуемого, которое в свою очередь модулируется направлением векции. В дополнительной серии экспериментов автор показал, что направленная вверх векция оказывает стойкий положительный эффект на настроение человека. В исследовании С. Бухарда и коллег (Bouchard, 2011) была обнаружена устойчивая корреляция между высокими баллами опросника «Симуляторные расстройства» и степенью тревожности участника. В исследовании 43 военнослужащих прошли Тrierский тест социального стресса – Trier Stress Social Test (TSST, Kirschbaum, 1993), решая в вирту-

альной среде социальную задачу, обладающую высокой стрессогенностью. Затем участники заполняли опросник и Тест ситуативной личностной тревожности (Spielberger, 1983). Только 4 симптома из опросника «Симуляторные расстройства» (тошнота, головокружение при закрытых глазах, головная боль и отрывка) не были отмечены участниками после выполнения теста. Авторы предполагают, что оставшиеся 12 симптомов тесно связаны со стрессовой ситуацией, а не появляются автоматически в результате погружения в виртуальную среду. В другом эксперименте А. Кешаварца и Х. Хейко (Keshavarz & Heiko, 2014) громкое, стрессогенное, музыкальное сопровождение виртуальной

велосипедной прогулки значительно увеличило выраженность иллюзии по сравнению с ситуацией приятного музыкального сопровождения.

В рамках парадигмы реалистичного поведения человека в ВР был предложен психологический конструкт «эффект присутствия» (Presence Effect), который определяли как переживание человеком реалистичности виртуальных объектов и взаимодействия с ними во время нахождения в виртуальных средах, созданных методами компьютерной графики. Были предприняты попытки объективно измерить эффект присутствия через выраженность иллюзии векции. Так, А. Протеро и А. Оми (Prothero, 1998; Ohmi, 1998) предположили связанность этих явлений,

Технологии виртуальной реальности находят все большее применение в психологических экспериментах, позволяя исследованиям перейти на качественно новый уровень, обеспечивающий большую экологическую валидность, возможность применять мультисенсорные стимулы, реализовывать двигательную активность наблюдателя

основываясь на следующем рассуждении: если человек испытывает в ВР ощущение собственного перемещения, то это и есть проявление выраженности эффекта присутствия. В эксперименте наблюдателю на широкоформатном дисплее предъявляли его виртуальное перемещение на автомобиле по гоночной трассе. Амплитуды отклонений его тела и баллы по опроснику «Симуляторные расстройства» положительно коррелировали с субъективным шкалированием эффекта присутствия. В других экспериментах на основе баллов опросника было установлено (Tanaka, 2004), что чем больше увеличивается угловая скорость вращения стимула и его размер, тем более выражено симуляторное расстройство. При этом субъективные оценки эффекта присутствия так же были выше. Увеличение степени контроля за виртуальной ситуацией снижало как эффект присутствия, так и ощущение вежции.

Вариативность проявления симуляторного расстройства у разных испытуемых, сложность описания возникающей иллюзии вежции могут являться результатом неоднозначности воздействия виртуальной среды, для взаимодействия с

которой необходима адаптация. Один из механизмов адаптации заключается в выработке компенсаторных поведенческих актов, уменьшающих выраженность негативных симптомов. Например, если наблюдатель замечает, что при уменьшении движения головы уменьшается головокружение, то он, вероятно, и дальше будет использовать этот компенсаторный прием. На основе данных об эффекте привыкания была предложена модель воздействия виртуальной среды на человека (Nichols, 2002), которая включала как психологические, так и физиологические адаптивные изменения конкретного организма. Согласно ей, пребывание в условиях ВР и выработка определенных адаптивных механизмов в конечном итоге приводят к «виртуальному опыту» – конструкту, оказывающему воздействие на динамические индивидуальные характеристики человека (рис. 1). Согласно предложенной модели, при воздействии ВС происходят адаптационные изменения организма, которые откладываются в памяти как виртуальный опыт, изменяющий динамические индивидуальные характеристики взаимодействия наблюдателя с ВС. Эти данные следует учитывать

при планировании любого эксперимента с применением систем ВР, особенно, если участники несколько раз проходят тестирование в ходе исследования.

Технологии виртуальной реальности находят все большее применение в психологических экспериментах, позволяя исследованиям перейти на качественно новый уровень, обеспечивающий большую экологическую валидность, возможность применять мультисенсорные стимулы, реализовывать двигательную активность наблюдателя (Зинченко, 2010). Дальнейшее совершенствование таких технологий позволит уменьшить размеры установок ВР, добиться лучшей детализации виртуальных сред и повысить их интерактивность. Для усовершенствования взаимодействия человека с системами ВР необходимо решить ряд важных вопросов, одним из которых является возникновение симуляторных расстройств и иллюзии вежции. Дальнейшие исследования должны выявить, является ли иллюзия движения собственного тела побочным эффектом технологических несовершенств систем ВР или она связана в большей степени с психологическими факторами, например, с неполным погружением человека в виртуальную среду.

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 15-18-00109.

Литература:

- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – Москва: КоЛибри, 1988.
- Гиппенрейтер Ю.Б. Движения человеческого глаза / Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Зинченко Ю. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы / Ю. Зинченко, Г. Меньшикова, Ю. Баяковский и др. // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 2 (4). – С. 64-72.
- Authié C., Mestre D. Optokinetic nystagmus is elicited by curvilinear optic flow during high speed curve driving // Vision Research. – 2011. – Volume 51. – Issue 16. – P. 1791-1800.
- Bailey L., Denis J.H., Goldsmith G., Hall P.L., Sherwood J.D. A wellbore simulator formud-shale interaction studies // Journal of Petroleum Science and Engineering. – 1994. – Volume 11. – Issue 3. – P. 195-211.
- Bouchard S., Robillard G., Renaud P., Bernier F. Exploring new dimensions in the assessment of virtual reality induced side effects // Journal Comput. Inf. Technol. – 2011. – Vol. 1 (3). – P. 20-32.
- Brandt T., Bartenstein P., Janek A. & Dieterich M. Reciprocal inhibitory visual-vestibular interaction. Visual motion stimulation deactivates the parieto-insular vestibular cortex // Brain. – 1998. – Vol. 121(9). – P. 1749-1758.
- Brandt T., Dichgans J. & Koenig E. Differential effects of central versus peripheral vision on egocentric and exocentric motion perception // Experimental Brain Research. – 1973. – Vol. 16. – P. 476-491.
- Biocca F. Will simulation sickness slow down the diffusion of Virtual Environment technology // Presence: Teleoperators Virtual Environ. – 1992. – Vol. (3). – P. 334-343.
- Brooks J.O., Goodenough R.R., Crisler M.C., Klein N.D., Alley R.L., Koon B.L., Logan Jr.W.C., Ogle J.H., Tyrrell R.A., Wills R.F. Simulator sickness during

- driving simulation studies // *Accid. Anal. Prev.* – 2010. – Vol. 42. – P. 788-796.
- Delmore A., Martin C. Roles of retinal periphery and depth periphery in linear vection and visual control of standing in humans // *Canadian Journal of Psychology.* – 1986. – Vol. 40. – P.176-187.
- Diels C., Howarth P. Visually induced motion sickness: Single-versus dual-axis motion // *Displays.* –2011. – Vol. 32 (4). – P. 175-180.
- DiZio P., Lackner J.R. Motion sickness side effects and aftereffects of immersive virtual environments created with helmet-mounted visual displays. // NATO RTO-MP-54, The Capability of Virtual Reality to Meet Military Requirements, 2000. – P. 11-14.
- Dobie T., McBride D., Dobie Jr.T., May J. The effects of age and sex on susceptibility to motion sickness // *Aviation Space Environment Medicine.* – 2001. – Vol. 72. – P. 13-20.
- Ebenholtz S., Cohen M., Linder B. The possible role of nystagmus in motion sickness: a hypothesis // *Aviation Space and Environmental Medicine.* – 1994. – 65. – P. 1032-1035.
- Feenstra P.J., Bos J.E. & Van Gent R.N.H.W. A visual display enhancing comfort by counteracting airsickness // *Displays.* – 2011. – Vol. 32(4). – P. 194-200.
- Golding J.F. Motion sickness susceptibility // *Auton. Neurosci. Basic Clin.* – 2006. – 129. – 67-76.
- Goodale M., Milner A., Jacobson L., Carey S. A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them // *Nature.* – 1991. – Vol. 349. – P. 154-156.
- Harm D., Schlegel T., Predicting motion sickness during parabolic flight // *Autonomic Neuroscience.* –2002 – Volume 97. – Issue 2. – P. 116-121.
- Hettinger L., Berbaum K., Kennedy R., Dunlap W., Nolan M. Vection and simulator sickness // *Military Psychology.* – 1990. – Vol. 2 (3). – P. 171-181.
- Howarth P., Hodder S. (2008) Characteristics of habituation to motion in a virtual environment // *Displays.* – 2008. – Vol. 29. – P. 117-123.
- Hu S., Davis M.S., Klose A.H., Zabinsky E.M., Meux S.P., Jacobsen H.A., Westfall J.M., Gruber M.B. Effects of spatial frequency of a vertically striped rotating drum on vection-induced motion sickness // *Aviation Space Environment Medicine.* – 1997. – Vol. 68. – P. 306-311.
- Kellogg R., Kennedy R., Graybiel A., (1965). Motion sickness symptomatology of labyrinthine defective and normal subjects during zero gravity maneuvers // *Aerospace Medicine.* – 1965. – Vol. 36. – P. 315-318.
- Kennedy R., Lane N., Kevin S., Berbaum M., Lilienthal M. Simulator Sickness Questionnaire: An Enhanced Method for Quantifying Simulator Sickness // *The International Journal of Aviation Psychology.* – 1993. – 3(3) July. – P. 203-220.
- Keshavarz B., Berti S. Integration of sensory information precedes the sensation of vection: A combined behavioral and event-related brain potential (ERP) study // *Behavioural Brain Research.* – 2014. – Volume 259. – P.131-136.
- Keshavarz B., Heiko H. Pleasant music as a countermeasure against visually induced motion sickness // *Applied Ergonomics.* – 2014. – Volume 45. – Issue 3. – P. 521-527.
- Kim J., Palmisano S. Effects of active and passive viewpoint jitter on vection in depth // *Brain Research Bulletin.* – 2008. – 77. – P. 335-342.
- Kirschbaum C., Pirke K.M., Hellhammer D.H. The trier social stress test – a tool for investigating psychobiological stress responses in a laboratory setting // *Neuropsychobiology.* – 1993. – Vol. 28. – P. 76-81.
- Kleinschmidt A., Thilo K., Buchel C., Gresty M., Bronstein A., Richard S., Frackowiak R. Neural Correlates of Visual-Motion Perceptions Object-or Self-motion // *NeuroImage.* – 2002. – Vol. 16. – P.873-882.
- Klosterhalfen S., Pan F., Kellermann S., Enck P. Gender and Race as Determinants of Nausea Induced by Circular Vection // *Gender Medicine.* – 2006. –Vol. 3 (3). – P.171-177.
- Lambrea S., Viaud-Delmon I., Berthoz A. Influence of a sensorimotor conflict on the memorization of a path traveled in virtual reality // *Cognitive Brain Research.* – 2002. – Vol. 14. – P. 177-186.
- Mach E. Grundlinien der Lehre von den Bewegungsempfindungen. // Verlag von Wilhelm Engelmann. – Leipzig, 1875.
- Menshikova G., Kovalev A., Klimova O., Chernorizov A., Leonov S. Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique // *Procedia, social and behavioral sciences.* – 2014. – Vol. 146. – P. 252-258.
- Menshikova G., Kovalev A., Klimova O., Chernorizov A. Eye movements as indicators of vestibular dysfunction // *Perception.* – 2015. – Vol. 44 (8-9). – P. 1103-1110.
- McCauley M.E., Sharkey T.J. Cybersickness: perception of motion in virtual environments // *Presence: Teleoperators Virtual Environ.* – 1992. – Vol. 1 (3). – P. 311-318.
- Money K.E., Lackner J.R., Cheung R.S.K. The autonomic nervous system and motion sickness. // Yates, B.J., Miller, A.D. (Eds.) *Vestibular Autonomic Regulation.* – CRC Press, Boca Raton, FL, 1996. – P. 147-173.
- Mullen N.W., Weaver B., Riendeau J.A., Morrison L.E., Bedard M., Driving performance and susceptibility to simulator sickness: are they related? // *American Journal of Occupational Therapy.* – 2010. – Vol. 64(2). – P. 288-295.
- Nakagawa S., Nishiike S., Tonoike M., Takeda N., Kubo T. Measurements of brain magnetic fields associated with apparent self-motion // *International Congress Series.* – 2002. – 1232. – P. 367-371.
- Nichols S., Patel H. Health and safety implications of virtual reality: A review of empirical evidence // *Applied Ergonomics.* – 2002. – Vol. 33 (3). – P. 251-271.
- Ohmi M., Howard I.P. Effect of stationary objects on illusory forward self-motion induced by a looming display // *Perception.* – 1988. – Vol. 17. – P. 5-12.
- Ohmi M. Sensation of self-motion induced by real-world stimuli. Selection and Integration of Visual Information: Proceedings of the International Workshop on Advances in Research on Visual Cognition, Tsukuba, Japan, December 8-11, 1997. – 175-181.
- Park J.R., Lim D.W., Lee S.Y., Lee H.W., Choi H.H., Chung S.C. Long-term study of simulator sickness: differences in EEG response due to individual sensitivity // *International Journal of Neuroscience.* – 2008. – Vol. 118. – P. 857-865.
- Prothero J.D. The role of rest frames in vection, presence and motion sickness. – PhD thesis: University of Washington, USA, 1998.

- Pyykko I., Schalen L., Jantti V., Magnusson M. A reduction of vestibulo-visual integration during transdermally administered scopolamine and dimenhydrinate. A presentation of gain control theory in motion sickness. // *Acta Otolaryngologica Supplement P.* – 1984. – 406. – 167-73.
- Riccio G.E., Stoffregen T.A. An ecological theory of motion sickness and postural instability // *Ecological Psychology.* – 1991. – Vol. 3 (3). – P. 195-240.
- Riecke L., Esposito F., Bonte M. & Formisano E. Hearing Illusory Sounds in Noise: The Timing of Sensory-Perceptual Transformations in Auditory Cortex // *Neuron.* – 2009. – Vol. 64(4). – P. 550-561.
- Reason, J.T. Motion sickness adaptation: a neural mis-match model // *Journal of the Royal Society of Medicine.* – 1978. – Vol. 71(11). – P. 819-829.
- Seno T., Kawabe T., Ito H., Sunaga S. Vection modulates emotional valence of autobiographical episodic memories // *Cognition.* – 2013. – Volume 126. – Issue 1. – P. 115-120.
- Seno T., Palmisano S., Hiroyuki I. Independent modulation of motion and vection aftereffects revealed by using coherent oscillation and random jitter in optic flow // *Vision Research.* – 2011. – Volume 51. – Issues 23-24. – P. 2499-2508.
- Slater M. Place illusion and plausibility illusion can lead to realistic behavior in immersive virtual environments // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences.* – 2009. – Vol. 364(1535). – P. 3549-3557.
- Slobounov S., Teel E., Newell K. Modulation of cortical activity in response to visually induced postural perturbation: Combined VR and EEG study // *Neuroscience Letters.* – 2013. – Volume 547. – P. 6-9.
- Spielberger C.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory, (Form Y) (Self- Evaluation Questionnaire) // Consulting Psychologist Press, Palo Alto, 1983.
- Stanney K.M., Hale K.S., Nahmens I., Kennedy R.S. What to expect from immersive virtual environment exposure: influence of gender, body mass index, and past experience // *Human Factors.* – 2003. – Vol. 45 (3). – P. 504-520.
- Stanney K.M., Hash P. Locus of user-initiated control in virtual environments: influences on cybersickness // *Presence: Teleoperators in Virtual Environments.* – 1998. – Vol. 7. – P. 447-459.
- Tanaka N., Takagi H. Virtual reality environment design of managing both presence and virtual reality sickness // *Journal of physiological anthropology and applied human science.* – 2004. – Vol. 23(6). – P. 313-317.
- Treisman M. Motion sickness: an evolutionary hypothesis // *Science.* – 1977. – Vol. 197. – P. 493-495.
- Villard S.J., Flanagan M.B., Albanese G.M., Stoffregen T.A. Postural instability and motion sickness in a virtual moving room // *Human Factors.* – 2008. – Vol. 50 (2). – P. 332-345.
- Warwick-Evans L.A., Church R.E., Hancock C., Jochim D., Morris P.H., Ward F. Electrodermal activity as an index of motion sickness // *Aviation Space Environment Medicine.* – 1987. – Vol. 58. – P. 417-423.

References:

- Authié, C., & Mestre, D. (2011) Optokinetic nystagmus is elicited by curvilinear optic flow during high speed curve driving. *Vision Research.* Volume 51, Issue 16, 1791-1800.
- Bailey, L., Denis, J.H., Goldsmith, G., Hall, P.L., & Sherwood, J.D. (1994) A wellbore simulator formed-shale interaction studies. *Journal of Petroleum Science and Engineering.* Volume 11, Issue 3, 195-211,
- Bouchard, S., Robillard, G., Renaud, P., & Bernier, F., (2011). Exploring new dimensions in the assessment of virtual reality induced side effects. *Journal Comput. Inf. Technol.* Vol. 1 (3), 20-32.
- Brandt, T., Bartenstein, P., Janek, A., & Dieterich, M. (1998). Reciprocal inhibitory visual-vestibular interaction. *Visual motion stimulation deactivates the parieto-insular vestibular cortex.* *Brain*, Vol. 121(9), 1749-1758.
- Brandt, T., Dichgans, J., & Koenig, E. (1973). Differential effects of central versus peripheral vision on egocentric and exocentric motion perception. *Experimental Brain Research.* Vol. 16, 476-491.
- Biocca, F. (1992) Will simulation sickness slow down the diffusion of Virtual Environment technology. *Presence: Teleoperators Virtual Environ.* Vol. (3), 334-343.
- Brooks, J.O., Goodenough, R.R., Crisler, M.C., Klein, N.D., Alley, R.L., Koon, B.L., Logan Jr, W.C., Ogle, J.H., Tyrrell, R.A., 7 Wills, R.F. (2010). *Simulator sickness during driving simulation studies.* *Accid. Anal. Prev.* Vol. 42, 788-796.
- Delmore, A., & Martin, C. (1986). Roles of retinal periphery and depth periphery in linear vection and visual control of standing in humans. *Canadian Journal of Psychology.* Vol. 40, 176-187.
- Diels, C., & Howarth, P. (2011) Visually induced motion sickness: Single- versus dual-axis motion. *Displays.* Vol. 32 (4), 175-180.
- DiZio, P., & Lackner, J.R. (2000). Motion sickness side effects and aftereffects of immersive virtual environments created with helmet-mounted visual displays. In *NATO RTO-MP-54. The Capability of Virtual Reality to Meet Military Requirements.* 11-14.
- Dobie, T., McBride, D., Dobie Jr, T., & May, J. (2001) The effects of age and sex on susceptibility to motion sickness. *Aviation Space Environment Medicine.* Vol. 72, 13-20.
- Ebenholtz, S., Cohen M., & Linder B., (1994) The possible role of nystagmus in motion sickness: a hypothesis. *Aviation Space and Environmental Medicine* 65. 1032-1035.
- Feenstra, P. J., Bos, J. E., & Van Gent, R. N. H. W. (2011). A visual display enhancing comfort by counteracting airsickness. *Displays.* Vol. 32(4), 194-200.
- Gibson, J. (1988) The ecological approach to visual perception. Moscow, KoLibri.
- Gippenreiter, Yu.B. (1978) Human eye Movement. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.
- Golding, J.F. (2006). Motion sickness susceptibility. *Auton. Neurosci. Basic Clin.* 129, 67-76.
- Goodale M., Milner, A., Jacobson, L., & Carey, S., (1991). A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them. *Nature* Vol. 349, 154-156.

- Harm, D., & Schlegel, T. Predicting motion sickness during parabolic flight. *Autonomic Neuroscience*. Volume 97, Issue 2, 116-121.
- Hettinger, L., Berbaum, K., Kennedy, R., Dunlap, W., & Nolan, M., (1990). Vection and simulator sickness. *Military Psychology*. Vol.2 (3), 171-181.
- Howarth, P., & Hodder, S., (2008) Characteristics of habituation to motion in a virtual environment. *Displays*. Vol. 29, 117-123.
- Hu, S., Davis, M.S., Klose, A.H., Zabinsky, E.M., Meux, S.P., Jacobsen, H.A., Westfall, J.M., & Gruber, M.B., (1997). Effects of spatial frequency of a vertically striped rotating drum on vection-induced motion sickness. *Aviation Space Environment Medicine*. Vol.68, 306-311.
- Kellogg, R., Kennedy, R., & Graybiel, A., (1965). Motion sickness symptomatology of labyrinthine defective and normal subjects during zero gravity maneuvers. *Aerospace Medicine*. Vol.36, 315-318.
- Kennedy, R., Lane, N., Kevin, S., Berbaum, M., & Lilienthal, M. (1993) Simulator Sickness Questionnaire: An Enhanced Method for Quantifying Simulator Sickness. *The International Journal of Aviation Psychology*, 203-220.
- Keshavarz, B., & Berti, S. (2014) Integration of sensory information precedes the sensation of vection: A combined behavioral and event-related brain potential (ERP) study. *Behavioural Brain Research*. Volume 259, 131-136
- Keshavarz, B., & Heiko, H. (2014) Pleasant music as a countermeasure against visually induced motion sickness *Applied Ergonomics*. Volume 45, Issue 3, 521-527
- Kim, J., & Palmisano, S. (2008) Effects of active and passive viewpoint jitter on vection in depth. *Brain Research Bulletin* 77, 335-342.
- Kirschbaum, C., Pirke, K.M., & Hellhammer, D.H. (1993). The trier social stress test – a tool for investigating psychobiological stress responses in a laboratory setting. *Neuropsychobiology*. Vol.28, 76-81.
- Kleinschmidt, A., Thilo, K., Buchel, C., Gresty, M., Bronstein, A., Richard, S., & Frackowiak, R. (2002) Neural Correlates of Visual-Motion Perception as Object- or Self-motion. *Neuroimage*. Vol.16, 873-882.
- Klosterhalfen, S., Pan, F., Kellerman, S., & Enck, P. (2006) Gender and Race as Determinants of Nausea Induced by Circular Vection. *Gender Medicine*. Vol.3 (3), 171 - 177.
- Lambrey, S., Viaud-Delmon, I., & Berthoz, A. (2002) Influence of a sensorimotor conflict on the memorization of a path traveled in virtual reality. *Cognitive Brain Research*. Vol. 14, 177-186
- Mach, E. (1875) Grundlinien der Lehre von den Bewegungsempfindungen. *Verlag von Wilhelm Engelmann, Leipzig*.
- Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., Chernorizov, A., & Leonov, S. (2014) Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique. *Procedia, social and behavioral sciences*, Vol. 146, 252-258.
- Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., & Chernorizov, A. (2015) Eye movements as indicators of vestibular dysfunction. *Perception*. Vol. 44 (8-9). 1103-1110
- Menshikova, G.Ya. (2013). An investigation of 3D images of the simultaneous-lightness-contrast illusion using a virtual-reality technique. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(3), 49-59. doi: 10.11621/psr.2013.0305
- McCauley, M.E., & Sharkey, T.J. (1992). Cybersickness: perception of motion in virtual environments. *Presence: Teleoperators Virtual Environ*. Vol. 1 (3), 311-318.
- Money, K.E., Lackner, J.R., & Cheung, R.S.K., (1996). The autonomic nervous system and motion sickness. In: *Yates, B.J., Miller, A.D. (Eds.), Vestibular Autonomic Regulation*. CRC Press, Boca Raton, FL, 147-173.
- Mullen, N.W., Weaver, B., Riendeau, J.A., Morrison, L.E., & Bedard, M., (2010). Driving performance and susceptibility to simulator sickness: are they related? *American Journal of Occupational Therapy*. Vol. 64 (2), 288-295.
- Nakagawa, S., Nishiike, S., Tonoike, M., Takeda, N., & Kubo, T. (2002) Measurements of brain magnetic fields associated with apparent self-motion. *International Congress Series* 1232, 367-371.
- Nichols, S., & Patel, H. (2002). Health and safety implications of virtual reality: A review of empirical evidence. *Applied Ergonomics*. Vol. 33 (3), 251-271.
- Ohmi, M., & Howard, I. P. (1988). Effect of stationary objects on illusory forward self-motion induced by a looming display. *Perception*. Vol.17, 5-12.
- Ohmi, M. (1998). Sensation of self-motion induced by real-world stimuli. *Selection and Integration of Visual Information: Proceedings of the International Workshop on Advances in Research on Visual Cognition*. Tsukuba, Japan, December 8-11, 1997, 175-181.
- Park, J.R., Lim, D.W., Lee, S.Y., Lee, H.W., Choi, H.H., & Chung, S.C. (2008). Long-term study of simulator sickness: differences in EEG response due to individual sensitivity. *International Journal of Neuroscience*. Vol. 118, 857-865.
- Prothero, J.D. (1998). The role of rest frames in vection, presence and motion sickness. PhD thesis, University of Washington, USA.
- Pyykko, I., Schalen, L., Jantti, V., & Magnusson, M. (1984) A reduction of vestibulo-visual integration during transdermally administered scopolamine and dimenhydrinate. A presentation of gain control theory in motion sickness. *Acta Otolaryngologica Supplement*. 406:167-73.
- Riccio, G.E., & Stoffregen, T.A., (1991). An ecological theory of motion sickness and postural instability. *Ecological Psychology*. Vol. 3 (3), 195-240.
- Riecke, L., Esposito, F., Bonte, M., & Formisano, E. (2009). Hearing Illusory Sounds in Noise: The Timing of Sensory-Perceptual Transformations in Auditory Cortex. *Neuron*. Vol. 64(4), 550-561.
- Reason, J.T. (1978). Motion sickness adaptation: a neural mis-match model. *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 71(11), 819 - 829.
- Seno, T., Kawabe, T., Ito, H., & Sunaga, S. (2013) Vection modulates emotional valence of autobiographical episodic memories. *Cognition*. Volume 126, Issue 1, 115-120
- Seno, T., Palmisano, S., & Hiroyuki, I. (2011) Independent modulation of motion and vection aftereffects revealed by using coherent oscillation and random jitter in optic flow. *Vision Research*. Volume 51, Issues 23-24, 2499-2508.
- Slater, M. (2009). Place illusion and plausibility illusion can lead to realistic behavior in immersive virtual environments. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 364(1535), 3549-3557.
- Slobounov, S., Tee, E., & Newell, K., (2013) Modulation of cortical activity in response to visually induced postural perturbation: Combined VR and EEG study. *Neuroscience Letters*. Volume 547, 6-9.

- Spielberger, C.D., (1983). Manual for the State-Trait Anxiety Inventory, (Form Y) (Self- Evaluation Questionnaire). *Consulting Psychologist Press*. Palo Alto.
- Stanney, K.M., Hale, K.S., Nahmens, I., & Kennedy, R.S. (2003). What to expect from immersive virtual environment exposure: influence of gender, body mass index, and past experience. *Human Factors*. Vol.45 (3), 504–520.
- Stanney, K.M., & Hash, P. (1998). Locus of user-initiated control in virtual environments: influences on cybersickness. *Presence: Teleoperators in Virtual Environments*. Vol. 7, 447–459.
- Tanaka, N., & Takagi, H. (2004). Virtual reality environment design of managing both presence and virtual reality sickness. *Journal of physiological anthropology and applied human science*. Vol. 23(6), 313-317.
- Treisman, M., (1977). Motion sickness: an evolutionary hypothesis. *Science*. Vol. 197, 493–495.
- Villard, S.J., Flanagan, M.B., Albanese, G.M., & Stoffregen, T.A. (2008). Postural instability and motion sickness in a virtual moving room. *Human Factors*. Vol.50 (2), 332–345.
- Warwick-Evans, L.A., Church, R.E., Hancock, C., Jochim, D., Morris, P.H., & Ward, F. (1987). Electrodermal activity as an index of motion sickness. *Aviation Space Environment Medicine*. Vol. 58, 417–423.
- Zinchenko, Y., Menshikova, G., Bayakovskiy, Yu., Chernorizov, A., & Voiskunsky, A. (2010) Technology of virtual reality: methodological aspects, achievements and prospects. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 2 (4), 64-72.

Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст

А.А. Реан Московский университет МВД России, Москва, Россия

Поступила 27 ноября 2015/ Принята к публикации: 10 декабря 2015

Risk factors of deviant behaviour in the family context

Artur A. Rean University of Moscow Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Received: November 27, 2015 / Accepted for publication: December 10, 2015

В статье с позиций теории отношений анализируются проблемы девиантного и делинквентного поведения. Социализация рассматривается как процесс становления и целенаправленного формирования системы отношений личности. Деформации в системе социальных отношений личности могут быть обусловлены разными факторами. Важнейшими из них являются факторы, связанные с такими социальными институтами, как семья и школа. Подчеркивается, что в плане детерминации асоциального поведения несовершеннолетних приоритет принадлежит психосоциальной деформации семьи. Важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности является эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Так называемый безучастный или игнорирующий тип воспитания, наиболее сильно связан с последующей делинквентностью. Отмечается, что недостаточный надзор за ребенком является более важным фактором делинквентности, чем неблагоприятное социально-экономическое положение. Важнейшим механизмом негативного влияния семьи на развитие личности является социализация в семье по отклоняющемуся типу. Асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться посредством механизма научения и подражания, если такие ценности и нормы являются доминирующими в семье. Представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, побуждаемому негативными установками, снижает вероятность его осуществления. Если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки в оценках родителей, то вероятность противоправного поведения существенно возрастает.

Показано, что центральное место в системе отношений детей и подростков принадлежит матери. Установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности.

Ключевые слова: агрессия, асоциальное поведение, девиантность, делинквентность, деформации семьи, отношения личности, ошибка атрибуции, семья, социализация, социальные установки.

The paper analyzes the problems of deviant and delinquent behaviour from the standpoint of relations theory. The process of socialization is considered as a process of development and purposeful formation of the personality relations system. Deformations in the individual system of social relations can be caused by a number of factors, which include those associated with social institutions such as family and school. The paper emphasizes the determination of anti-social behaviour of juveniles is prioritized by the family of psychosocial strain. An important mechanism of family influence on the development of social deviancy and antisocial behaviour is the emotional neglect of a child, «non-value» attitude. The so-called apathetic or ignoring type of upbringing is most strongly associated with subsequent delinquency. The lack of parental supervision is considered to be more important in delinquency than the adverse socio-economic status. The most important mechanism of negative family influence on the personality development is family socialization on the deviant type. Antisocial values, norms and patterns of behaviour might be acquired through learning and imitation mechanism, if the values and norms are dominant in the family. Adolescent's representations of the reprimand of the family, parents, involved in adolescent's behaviour, encourage negative attitudes, reduces the likelihood of further manifestations. If a child has built a negative relationship with one or both parents, if the development of positive self-esteem and I-concept are not supported in the parental estimates, the probability of illegal behaviour increases significantly. The central place in the system of child and adolescent relations belongs to the mother. The research shows that the decrease in positive attitudes towards the mother, increasing the negative descriptors in depicting the mother correlates with overall negativism toward all social relations of the individual.

Keywords: aggression, antisocial behaviour, deviance, delinquency, family strain, the personality relationship, attribution error, family, socialization, social attitudes.

Проблемы нормативного поведения личности или, если ставить вопрос шире, проблемы взаимодействия личности и социума всегда являлись и являются актуальными для социальных наук и наук о человеке. Основными науками, в которых эти проблемы рассматриваются в своем специфическом ракурсе, являются общая и юридическая социология, психология, криминология и педагогика.

Грандиозные социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия, привели к еще не понятым и не исследованным изменениям общественного и индивидуального сознания. Изменения индивидуального сознания связаны, несомненно, с изменением шкалы социальных ценностей, позиций и установок личности, ее системы отношений. То есть со всем тем, что прямо связано с детерминацией нормативного и контрнормативного поведения

Данная проблема становится особенно актуальной, можно даже сказать чрезвычайно актуальной, именно в настоящее время. Статистика подростковой и молодежной преступности и правонарушений настолько красноречива, что не требует дополнительных эмпирических обоснований. Грандиозные социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия, привели к еще не понятым и не исследованным изменениям общественного и индивидуального сознания. Изменения индивидуального сознания связаны, несомненно, с изменением шкалы социальных ценностей, позиций и установок личности, ее системы отношений. То есть со всем тем, что прямо связано с детерминацией нормативного и контрнормативного поведения.

Б.Г. Ананьев рассматривает отношение следующим образом: «позиция личности как субъекта общественного поведения и многообразных социальных

деятельностей представляет сложную систему отношений личности (к обществу в целом, к труду, людям, самой себе), установок и мотивов ..., целей и ценностей, на которые направлена эта деятельность» (Ананьев, 1980, Т. 1, С. 136).

Концепция отношений личности наиболее полно представлена и наиболее последовательно разрабатывалась в трудах В.Н. Мясищева. По его мнению, «многообразие отношений личности ...

требует выделения в структуре личности доминирующих отношений, характеризующих ее направленность» (Мясищев, 1982, С. 35). При этом, он подчеркивает, что, говоря о направленности или доминирующем отношении, надо учесть:

а отношение человека к людям;
б отношение его к себе;
в отношение к предметам внешнего мира.

Категория отношения к людям является решающей и определяющей и носит характер взаимоотношений (Мясищев, 1982). Таким образом, психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной деятельности. Эта система, подчеркивает в другой своей работе В.Н. Мясищев, «вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его

действия, его переживания» (Мясищев, 1960, С. 210).

Применительно к проблеме воспитания подход В.Н. Мясищева выражается, в частности, в том, что одной из важнейших задач воспитания признается выработка правильного, т.е. соответствующего общественным требованиям отношения к разным сторонам действительности.

Воспитание должно сформировать положительное отношение к тому, что нравственность оценивает как хорошее, и отрицательное – к тому, что оценивается как дурное. Сама положительная оценка отношений конкретно выражается многообразием понятий. Так же разнообразно выражается и отрицательная характеристика отношений (Мясищев, 1960, С. 117).

Достоинством концепции В.Н. Мясищева является то, что она позволяет осуществить переход в анализе личности от статичной теории черт к динамичной теории отношений. Процесс социализации в этом случае может быть рассмотрен как процесс становления и целенаправленного формирования системы отношений личности. Система отношений личности может и должна рассматриваться как результат процесса социализации. Таким образом, рассмотрение проблем правового воспитания может быть эффективно осуществлено с позиций теории отношений, традиции развития которой связаны с именами В.Н. Мясищева и Б.Г. Ананьева.

В процессе развития личности возможны различные отклонения в формировании системы ее социальных отношений. Эти деформации могут быть обусловлены разными факторами. Важнейшими среди них являются факторы, связанные с такими социальными институтами, как семья и школа. Не меньшее значение принадлежит и фактору межличностных взаимодействий за пределами официальных социальных институтов. В последнем случае деформации личности обусловлены попытками социальной адаптации индивида в группе с асоциальной направленностью. Такая адаптация предполагает усвоение и принятие определенных социально деформированных норм и ценностных ориентаций. Деформация ядра личности в той или иной мере, но всегда будет

Артур Александрович Реан – Академик Российской академии образования (РАО), Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор психологических наук, научный руководитель и директор федерального проекта «Крепкая семья», председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД РФ. Автор более 330 опубликованных работ по проблемам психологии личности, социальной, юридической и педагогической психологии.
E-mail: ks-er@mail.ru

проявляться и на поведенческом уровне. Необходимо отметить, что деформация системы отношений личности – это, в конечном счете, и деформация характера. Ибо характерологические особенности представляют собой те же отношения личности, только ставшие особо устойчивыми.

В большинстве случаев за любым асоциальным поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира, искаженные асоциальные установки. Конечно, современной психологии известно, что между установками личности и ее поведением нет абсолютной зависимости. Однако радикальные выводы об отсутствии связи установки с поведением и, соответственно, о невозможности прогнозировать поведение на основе установок личности, которые появились после известного эксперимента Р. Ла Пьера (La Pier, 1934), к настоящему времени претерпели существенные изменения. Они уже не являются столь радикальными и однозначными (Хьюстон, 2004; Майерс, 1997; Андреева, 1998; Свенцицкий, 2003). В настоящее время считается доказанным, что важным условием соответствия установки и поведения является характер первой – установка личности должна быть достаточно сильной и четкой. Несоответствие же чаще всего наблюдается в случаях, когда установка является слабой или амбивалентной, или и той, и другой одновременно. Важную роль играет и фактор ситуации. В тех случаях, когда ситуация оказывает сильное давление на личность, имеющаяся установка может не сработать. Одним из основных положений современной психологии установки является определение принципа агрегации: воздействие установки на поведение становится более четким и очевидным, когда мы рассматриваем личность и поведение в целом, а не какой-либо ее отдельный поступок (Майерс, 1997; Хьюстон, 2004).

В этом контексте результаты некоторых исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи не могут не настораживать. Так, в одном из таких исследований старшекласников попросили отметить те поговорки, которые наиболее точно отражают их жизненную позицию. Предлагался список 40 пословиц и поговорок, из которых ребята должны были

отметить лишь 10 наиболее близких им. Выборку составили более 1700 человек в возрасте 14-17 лет из разных районов одной из областей центральной России. Выборка была репрезентативной по половому, возрастному и социальному составу старшекласников.

Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, точнее всего характеризующие жизненную позицию старшекласников. «В отношениях с другими людьми я

Представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, побуждаемому вышеуказанными негативными установками, снижает вероятность его осуществления. С другой стороны, дело осложняется тем, что сами эти установки возникают не сами по себе, а формируются, в частности, в самой семье, в процессе семейной социализации

придерживаюсь поговорки...»: «Что наша честь, если нечего есть?» (93%), «Работа – не волк, в лес не убежит» (93%), «От трудов праведных не нажить палат каменных» (93%), «С волками жить – по-волчьи выть» (83%), «Стыд – не дым, глаза не выест» (81%), «Своя рубашка ближе к телу» (79%), «Скупость – не глупость» (76%), «Не делай добра – не получишь зла» (73%), «Говоришь правду – теряешь дружбу» (67%), «Две собаки грызутся – третья не лезь» (48%). Обращает на себя внимание и то, что значительная часть достаточно известных пословиц и поговорок русского народа, в которых выражается традиционная социальность, не получили массовой поддержки у старшекласников и оказались по количеству их отметивших на последних позициях: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (9%); «Правда в огне не горит и в воде не тонет» (3%); «Где родился, там и пригодился» (3%); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи» (2%); «Родина – мать, умей за нее постоять» (2%); «Чужое добро впрок не пойдет» (2%); и всего по одному человеку «Бедность – не порок» и «Не в деньгах счастье» (Коротких, 2009).

Практически такие же результаты были получены и на выборке студентов. Различия, причем совсем небольшие, были лишь в числовых показателях процентов, но никак не касались самой иерархии ценностей, предпочтений, жизненных позиций.

Это, несомненно, не только тревожные, но и шокирующие результаты. Не-

сколько позволяет сгладить шок, пожалуй, то обстоятельство, что, по теории, установки наиболее сильно и прямо определяют только спонтанное поведение личности. С так называемым продуманным или спланированным поведением, к счастью, дело обстоит несколько сложнее. Теория спланированного поведения (Ajzen, 1985, 1996; Ajzen & Fishbein, 1980) утверждает, что спланированное, преднамеренное поведение точнее

и лучше всего определяют не один, а три фактора (или составляющие) – установки личности по отношению к конкретному поведению, к субъективным нормам, к возможностям контроля своих действий. Первый фактор связан с утверждением, что для прогноза поведения личности важна не общая установка, а конкретная, то есть конкретное отношение человека к поступку, о котором он думает. Второй фактор позиционирует, что для успешного предсказания конкретного поведения человека необходимо знать субъективные нормы – то есть, его представления о том, как близкие ему люди отнесутся к планируемому поступку. И, наконец, третий фактор, связан с представлением человека о легкости, с которой он может совершить тот или иной поступок. Если человеку кажется, что поступок совершить трудно, то намерение совершить такой поступок серьезно ослабевает; если же человек считает, что определенный поступок совершить легко, тогда возникает сильное желание именно так и поступить (Аронсон, 2002).

Таким образом, представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, побуждаемому вышеуказанными негативными установками, снижает вероятность его осуществления. С другой стороны, дело осложняется тем, что сами эти установки возникают не сами по себе, а формируются, в частности, в самой семье, в процессе семейной социализации. А, следовательно, они могут отражать

установки, господствующие в семье, у родителей и близких. Но в этом случае, в соответствии с теорией спланированного поведения, реализация поступков, которые соответствуют вышеуказанным

Недостаточный надзор за ребенком, характерный для так называемого безучастного стиля воспитания, присущ семьям и с высоким, и с низким социальным статусом, как полным, так и не

Недостаточный надзор за ребенком, характерный для так называемого безучастного стиля воспитания, присущ семьям и с высоким, и с низким социальным статусом, как полным, так и не полным семьям. А вместе с тем, именно недостаточный надзор, согласно результатам многих исследований, значимо коррелирует с делинквентностью и агрессией

негативным установкам, облегчается, становится более вероятной.

Долгое время считалось, что социально отклоняющееся развитие личности связано со структурной деформацией семьи, под которой подразумевалась просто не полная семья – отсутствие одного из родителей (чаще отца). Статистические данные по преступности несовершеннолетних, полученные в разных странах мира, подтверждали этот вывод. Однако в 1960-70-е годы обнаружилась другая тенденция. Сначала разница между полными и неполными семьями по количеству «выдаваемых» ими подростков-правонарушителей стала неуклонно сокращаться, а затем и практически полностью исчезла. В настоящее время считается, что основным фактором негативного влияния семьи на развитие личности является не структурная, а психосоциальная деформация семьи. И это общемировая тенденция.

Связь между воспитанием ребенка в неполной семье и делинквентностью в значительной мере усложняется наличием многих других факторов. Например, вполне очевидно, что существует зависимость между разводом и социально-экономическим статусом семьи. Обобщение данных многочисленных исследований четко показывает, что бедность является одним из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность, как среди юношей, так и среди девушек (Бартол, 2004; Sampson & Wilson, 1993). Бедность влияет на семью по разным направлениям, одним из которых является возможное изменение поведения родителей. Так, стресс, обусловленный бедностью, как полагают, уменьшает способность родителей осуществлять благоприятное и непротиворечивое воспитание (Бартол, 2004; Hammond & Yung, 1984).

полным семьям. А вместе с тем, именно недостаточный надзор, согласно результатам многих исследований, значимо коррелирует с делинквентностью и агрессией (Блэкборн, 2004; Cerncovich & Giorgano, 1987). Более того, было показано, что плохой контроль со стороны матерей является более важным фактором развития делинквентов, чем неблагоприятное социально-экономическое положение или, даже, чем криминальность родителей (Блэкборн, 2004; Wilson, 1987). Важнейшим механизмом негативного влияния семьи на развитие личности является социализация в семье по отклоняющемуся типу. Асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться посредством механизма научения и подражания, если именно такие ценности и нормы являются доминирующими в данной семье. При этом закрепление социально отклоняющегося развития может идти тремя путями, когда имеют место:

- 1 прямое декларирование асоциальных ценностей и норм и подчеркивания тезиса «только так и можно достичь успеха»;
- 2 проявления асоциального поведения при непосредственном взаимодействии родителей с ребенком;
- 3 наблюдения ребенком в реальном поведении родителей социально отклоняющейся направленности, даже, если на речевом уровне ими декларируется приверженность просоциальному поведению и просоциальной шкале ценностей (Бандура, 2000а, 2000б; Бэрон, 1997).

В последнее время в психологии интенсивно обсуждается вопрос об устойчивости (трансситуативности) поведения человека. Высказываются полярные точки зрения о детерминации поведе-

ния человека устойчивыми характерологическими особенностями, с одной стороны, и ситуативными факторами, – с другой. В основе этих дискуссий лежат не только различные теоретические платформы авторов, но и результаты экспериментальных исследований. Установлено, например, что существует так называемая фундаментальная ошибка атрибуции, которая состоит в завышении оценок трансситуативности поведения и недооценке влияющих на него ситуативных факторов (Росс, 1999). На основе этого делаются радикальные выводы об отсутствии личностной обусловленности поведения человека. Однако такой вывод является слишком радикальным и мало обоснованным. Конечно, совсем не учитывать влияния ситуативных факторов на поведение не корректно. Но разве более корректно не учитывать обусловленность поведения личностными особенностями? То, что трансситуативность, устойчивость поведения существует в объективной реальности (а не является лишь одним из теоретических подходов), подтверждено сотнями эмпирических исследований, как в классической, так и в современной психологии личности. И собственно сама фундаментальная ошибка атрибуции состоит лишь в констатации завышения значения трансситуативности поведения и недооценке ситуативных факторов. Речь, таким образом, не идет об отказе от рассмотрения устойчивых особенностей личности.

Мы полагаем, что продуктивным является подход, основанный на использовании принципа дополнительности, предполагающий взаимодействие трансситуативных и ситуативных факторов. Причем, в большинстве случаев детерминирующими факторами являются личностные, тогда как ситуативные играют роль модулятора (определяя вариативность проявления личностных факторов). В некоторых, гораздо более редких на наш взгляд случаях, иерархия факторов может меняться.

В соответствии с концепцией социальной обусловленности противоправного поведения понятию «личность» принадлежит здесь особое место. Личность занимает центральное место в причинной цепочке: социальные причины преступлений – личность преступника – преступное по-

ведение (Ратинов, 1988). Многочисленные экспериментальные исследования подтверждают наличие психологической реальности, соответствующей понятию «криминальная (делинквентная) личность» (Коченов, 1977, Кудрявцев, 1986, Ратинов, 1988, Реан, 1991). При этом, конечно, не следует отрицать и значение ситуативных факторов. Поэтому не случайно в профессиональный язык специалистов вошло и такое понятие, как «криминогенная ситуация», т.е. такая ситуация, которая в силу своего фактического содержания способствует совершению преступления. Однако в любом случае личностный фактор остается одним из важнейших, поскольку противоправному поведению предшествует отражение данной объективной ситуации субъектом правонарушения. Объективно одна и та же ситуация одну личность приводит к совершению правонарушения, а другую – нет.

Таким образом, и в случае с криминальным поведением справедлив общий подход, который мы сформулировали ранее, учитывающий взаимодействие транситуативных и ситуативных факторов (принцип дополнительности). При этом детерминирующими факторами поведения личности остаются личностные, а ситуативным принадлежит роль модуляторов.

Заметим, что общая теоретическая позиция, связанная с ошибочным преувеличением роли ситуативных факторов и недооценкой личностных особенностей в их влиянии на поведение, может приводить к особо негативным последствиям именно в случае с делинквентным и криминальным поведением. Рассмотрение ситуативных факторов в качестве основных причин, детерминант (а не модуляторов) делинквентного поведения логически приводит к снятию ответственности с личности за такое поведение. Практические негативные последствия такого подхода легко предсказать. Но трудно даже представить, что это будет за реальность. Очевидно, что предвидение правовых последствий, санкций (или их отсутствия) не может не воздействовать на личность.

Юридический контекст требует от человека более внимательно относиться к последствиям своих поступков и, наоборот, его отсутствие ослабляет внимание (Карбонье, 1986). Психологические экспери-

Общая теоретическая позиция, связанная с ошибочным преувеличением роли ситуативных факторов и недооценкой личностных особенностей в их влиянии на поведение, может приводить к особо негативным последствиям именно в случае с делинквентным и криминальным поведением. Рассмотрение ситуативных факторов в качестве основных причин, детерминант (а не модуляторов) делинквентного поведения логически приводит к снятию ответственности с личности за такое поведение

менты в области детерминации агрессивного поведения подтверждают это. По крайней мере, установлено, что снятие анонимности поведения и необходимость отчета за свои агрессивные действия в значительной мере, снижают проявление агрессивности личности (Rabbie, 1989).

Важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности является эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Так называемый безучастный или игнорирующий тип воспитания, при котором дети становятся «ловцами, искалеченными вниманием», наиболее сильно связан с последующей делинквентностью. В некоторых исследованиях было установлено, что 84% детей, бывших «ловцами внимания» в восьмилетнем возрасте, в 14 лет имели дело с полицией (Блэкборн, 2004). Существует огромное число исследований, которые убедительно показывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители – ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся развитием личности. Установлено, например, что, если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки в оценках родителей или, если ребенок не ощущает родительской поддержки и опеки, то вероятность противоправного поведения существенно возрастает, ухудшаются от-

ношения ребенка со сверстниками, проявляется агрессивность по отношению к собственным родителям.

Особое место в системе отношений детей и подростков, конечно, принад-

лежит матери. Так, в нашем исследовании – А.А. Реан, М.Ю. Санникова – (Реан, 2013) было показано, что в системе отношений подростка к социальному окружению (определялось также отношение к отцу, и к сверстникам) именно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности. Была даже выявлена обратная корреляционная связь между отрицательным отношением подростков к матери и просоциальностью отношения к нормам права. В терминах прямой интерпретации это означает: чем отрицательнее отношение к матери, тем менее просоциально отношение к нормам права. Конечно, мы не думаем, что здесь стоит говорить о каких-то вульгарных, прямолинейных причинно-следственных связях. Можно полагать скорее, что за этим фактом стоит более значимый, фундаментальный феномен проявления тотального негативизма – то есть, негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и нормам у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в исследовании, негативное отношение к собственной матери является важным показателем общего неблагоприятного развития личности.

Литература:

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды в 2 тт. / Б.Г. Ананьев. – Москва : Педагогика, 1980.

Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – Москва, 1998.

Аронсон Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме / Э. Аронсон, Т. Уилсон, П. Эйкерт. – Москва, 2002.

Для цитирования: Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 105-110.

For citation: Rean Artur A. (2015). Risk factors of deviant behaviour in the family context. *National Psychological Journal*, 4, 105-110.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

- Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. – Санкт-Петербург, 2000а.
- Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс. – Москва, 2000б.
- Бартол К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – Санкт-Петербург ; Москва, 2004.
- Блэкборн Р. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – Санкт-Петербург, 2004.
- Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричрдсон. – Санкт-Петербург, 1997.
- Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – Москва, 1980.
- Коротких М.Н. Развитие гражданского самосознания юношества в совместной деятельности семьи и школы: векторы перемен / М.Н. Коротких // Прозвещающая Россия – будущее твоей семьи. Материалы проекта по гранту Президента РФ. – Курск, 2009. – С. 135-147.
- Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность / В.Н. Кудрявцев. – Москва, 1986.
- Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – Санкт-Петербург, 1997.
- Мясищев В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Ленинград, 1960.
- Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности / В.Н. Мясищев // Психология личности : тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – С. 35-39.
- Ратинов А.Р. Личность преступника как криминально-психологическая проблема // Вопросы борьбы с преступностью : сб. Вып. 47. – Москва : Юридическая литература, 1988. – С. 11-12.
- Реан А.А. Психология личности / А.А. Реан. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А. Характерологические особенности подростков-делинквентов / А.А. Реан // Вопросы психологии. – 1991. – № 4. – С.139-144.
- Росс Л. Человек и ситуация / Л. Росс, Р. Нисбетт. – Москва, 1999.
- Свенцицкий А.Л. Социальная психология / А.Л. Свенцицкий. – Москва, 2003.
- Хьюстон М. Введение в социальную психологию. Европейский подход / М. Хьюстон, В. Штребе. – Москва, 2004.
- Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planed behavior. // Action-control: from cognition to behavior. – Heidelberg, Germany. 1985. – pp. 11-39.
- Ajzen I. & Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. – NJ, 1980.

References:

- Ajzen, I. (1985) From intentions to actions: A theory of planed behavior. *Action-control: from cognition to behavior*. Heidelberg, Germany, 11-39.
- Ajzen, I. & Fishbein M. (1980) Understanding attitudes and predicting social behavior. NJ.
- Ananiev, B.G. (1980) Selected psychological works. Moscow, Pedagogika.
- Andreeva, G.M. (1998) *Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]*. Moscow.
- Aronson, E. (2002) *Social Psychology. Psychological laws of human behaviour in society*. Moscow.
- Bandura, A. (2000a) *Social learning theory*. St. Petersburg.
- Bandura, A. (2000b) *Teenage aggression. The influence of education and family relations*. Moscow.
- Bartol, K. (2004) *Psychology of criminal behaviour*. St. Petersburg, Moscow.
- Blackburn, R. (2004) *Psychology of criminal behaviour*. St. Petersburg.
- Baron, R. (1997) *Aggression*. St. Petersburg.
- Carbonnier, J. (1980) *Legal Sociology*. Moscow.
- Houston, M. (2004) *Introduction to Social Psychology. The European approach*. Moscow.
- Katasonova, A.V., Perkovsky, S.V., & Kravtsova, N.A. (2014). Higher mental functions and time perception in internet-addicted teenagers. *Psychology in Russia: State of the Art*, 7(1), 135-145. doi: 10.11621/pir.2014.0113
- Korotkikh, M.N. (2009) The development of civil consciousness of young people in joint activities between home and school: the vectors of change. *Prosvetvayushhaya Rossiya – budushchee tvoey sem'i. Materialy proekta po grantu Prezidenta RF [Prosperous Russia - the future of your family. Proceedings of the grant project from the Russian President]*. Voronezh, 135-147.
- Kudryavtsev, V.N. (1986) *Law, act, responsibility*. Moscow.
- Myers, D. (1997) *Social Psychology*. St. Petersburg.
- Myasishev, V.N. (1960) *Personality and neurosis*. Leningrad.
- Myasishev, V.N. (1982) The structure of personality and human relation to reality. *Psikhologiya lichnosti: teksty [Personality Psychology: texts]*. (ed.) Yu.B. Gippenreiter, & A.A. Puzyrya. Moscow, Moscow University Press, 35-39.
- Ratinov, A.R. (1988) Personality of the offender as a criminal-psychological issue. *Voprosy bor'by s prestupnost'ju [Problems of the fight against crime]*. Vol. 47. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 11-12.
- Rean, A.A. (2013) *Personality Psychology*. St. Petersburg.
- Rean, A.A. (1991) Personality traits of adolescent delinquents. *Voprosy psikhologii [Issues of psychology]*. 4,139-144.
- Ross, L. (1999) *Person and the situation*. Moscow.
- Sventsitsky, A.L. (2003) *Social psychology*. Moscow.

Потенциал системы межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии подростков

О.А. Доронцова Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия

Поступила 28 сентября 2015/ Принята к публикации: 17 ноября 2015

The potential of the system of interpersonal interaction in the formation of adolescent autonomy

Olga A. Dorontsova Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia

Received: September 28, 2015 / Accepted for publication: November 17, 2015

В статье рассматривается значимая и актуальная на сегодняшний день проблема – проблема становления автономии индивида. Особое внимание уделено подростковому возрасту. Это период особенно благоприятен для формирования автономии из-за определенных изменений в психологической и социальной сфере ребенка. Показано значение межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии в этом возрасте. В работе анализируются подходы к понятию «взаимодействие». Выделяются четыре основных направления объяснения сущности этого понятия: символический интеракционизм (Дж. Мид), социальный обмен (Дж. Хоманс, Г. Блумер), социодраматический подход (Э. Гофман) транзактный анализ (Э. Берна). Освещены виды взаимодействия, показатели его эффективности.

Анализ проблемы межличностного взаимодействия продемонстрировал его связь с категориями «отношение», «общение» и «совместная деятельность» (Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, С.В. Духновский, Я.Л. Коломинский, В.Н. Куницына, В.Н. Мясичев, Б.Д. Парыгин и др.). Раскрывается понятие системы межличностного взаимодействия, обуславливающей формирование автономии в подростковом возрасте. Она рассматривается как совокупность взаимодействий психолога с педагогами, детьми подросткового возраста и их родителями. Обосновано преимущество психолого-педагогической поддержки в рамках системы данного взаимодействия.

Показано значение сотрудничества как формы межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии у подростков. Описаны механизмы этого взаимодействия, характер контактов в нем, компоненты складывающейся при этом социальной ситуации.

Ключевые слова: система межличностного взаимодействия, автономия, подростковый возраст, отношения, общение, деятельность, психолого-педагогическая поддержка.

The paper discusses a significant and actual issue of developing autonomy of the individual. Special attention is paid to adolescent age having high potential for developing autonomy in view of certain changes in the psychological and social sphere of the adolescents. The value of interpersonal interaction in the course of developing adolescent autonomy is shown.

The approaches to the concept of interaction are analyzed, four main directions of explaining the essence of interaction are allocated: symbolical interactionism (J. Mid), social exchange (J. Homans, G. Blumer), sociodramatic touch (E. Goffman) transaction analysis (E. Berne). Types of interaction, efficiency of interaction development are considered.

The analysis of interpersonal interaction issues shows its communication with the categories of «relation», «communication» and «joint activity» (B.G. Ananyev, G.M. Andreyeva, S.V. Dukhnovsky, Ya.L. Kolominsky V.N. Kunitsyna, V.N. Myasishchev, B.D. Parygin, etc.). The concept of interpersonal interaction system of the autonomy causing development of adolescence in the paradigm of psychologist-teacher interaction, and also child-parent interaction is described. The advantage of psychological assistance and pedagogical support within the system of interpersonal interaction for further development of adolescent autonomy is proved.

The value of cooperation as one of the types of interpersonal interaction in the course of adolescent autonomy development is shown. Mechanisms of interpersonal interaction, nature of contact in interpersonal interaction, components of a social situation are described.

Keywords: system of interpersonal interaction, autonomy, adolescence, relations, communication, activity, psychological assistance and pedagogical support.

В последнее время существенно меняются социальные ценности и требования, предъявляемые обществом к своим гражданам. Происходит постепенное осознание ценности самого человека, внимание общества концентрируется на его индивидуальности, инициативности, самостоятельности. Способность к самостоятельной постановке жизненных целей, умение принимать собственные решения, управлять и регулировать свою деятельность и поведение – такие требования общество предъявляет к современной, автономной личности.

Успешное разрешение подросткового кризиса связано с развитием у подростков способности самостоятельно выбирать направления жизненного пути и отвечать за свой выбор, с обеспечением возможностей самоуправления, саморегуляции, с овладением умениями, необходимыми для достижения определенной интеллектуально-нравственной свободы и независимости от внешнего давления, то есть – с развитием автономии

Проблема автономии впервые встает в философских трудах Конфуция, Сократа, Аристотеля, Б. Спинозы, И. Канта. И. Кант рассматривает понятие автономии в связи с понятиями воли и нравственности. Если принципы воли согласуются с законами автономии, то это, согласно И. Канту, – добрая, святая воля. Принцип автономии сводится к такому выбору, когда принципы, его определяющие, содержатся в «нашем волеии» как всеобщий закон. Важно также подчеркнуть высказывание И. Канта о том, что автономия есть основание достоинства человека и всякого разумного естества (Кант, 1965).

Вопросы автономии находят свое отражение и в современных трудах отечественных и западных исследователей таких, как О.Е. Дергачева, Д.А. Леонтьев, Е.Р. Калитеевская, Н.Н. Поскребышева, Г.С. Прыгин, Л. Дэси, Р. Райн, Д. Шапи-ро и др.

Автономия человека – это признак его здорового состояния, ее ослабление является причиной психопатологии – утверждает американский психолог Д. Шапи-ро. Он рассматривает проблему автономии с точки зрения психиатрии, отождествляя понятие автономии и самоуправления и отмечает, что автономии присуще собственное развитие, в процессе которого она сама может стать источником и причиной конфликта и подвергнуться определенным искажениям в своем развитии (Шапи-ро, 2009).

Д.А. Леонтьев утверждает, что автономия – это «ориентация на собственный

закон развития» (Леонтьев, 2002, С. 33). Автономная личность определяется как система, основанная на логике свободного выбора, она не только руководствуется своими жизненными ценностями, но может выступать в качестве творческой, активной составляющей, создавать и перестраивать свой мир, вносить в него новые значения (Леонтьев, 2007). По мнению Д.А. Леонтьева, сущность подросткового кризиса заключается в конфликте между стремлением к автономии и недостаточным развитием психологических механизмов автономной регуляции поведения. Во время подросткового кризиса может родиться зрелая, автономная, самодетерминируемая личность, однако это происходит не со всеми (Леонтьев, 2007).

Успешное разрешение подросткового кризиса связано с развитием у подростков способности самостоятельно выбирать

направления жизненного пути и отвечать за свой выбор, с обеспечением возможностей самоуправления, саморегуляции, с овладением умениями, необходимыми для достижения определенной интеллектуально-нравственной свободы и независимости от внешнего давления, то есть – с развитием автономии.

Для подросткового возраста характерно стремление общаться и взаимодействовать с другими людьми. Именно в процессе межличностного взаимодействия подросток может обрести себя, собственные взгляды, научиться управлять собой, признавать собственный авторитет в глазах других людей и, тем самым, стать автономным.

Понятие «взаимодействие» первоначально рассматривалось в рамках философских концепций. В философии это понятие используется для обозначения воздействия вещей друг на друга, для отображения взаимосвязей между различными объектами, а также для характеристики форм человеческого бытия, человеческой деятельности и познания.

В педагогике в конце 1960-х годов взаимодействие рассматривалось, главным образом, в области теории обучения. К 1970-м годам изучение взаимодействия смещается в область воспитательной работы. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. понятие «взаимодействие» уже используется в рамках учебно-воспитательной деятельности.

В словаре по психологии взаимодействие определяется как процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь (Дьяченко, 2007). Это определение отражает механизм взаимодействия. Каждая из взаимодействующих сторон представляется как причина другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны, что обуславливает развитие объектов и их структур (Дьяченко, 2007).

Взаимодействие – двунаправлено, одной из его сторон является воздействие, отмечает Е.Л. Доценко. При рассмотрении воздействия имеется в виду одностороннее влияние, включенное в состав целостного взаимодействия. В процессе психологического воздействия один че-

Ольга Александровна Доронцова – аспирант кафедры общей и профессиональной психологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
E-mail : olimpiada1502@yandex.ru

ловек решает, что он намерен сделать с другим человеком (как с объектом), а в процессе их взаимодействия решается, как это нечто сделать (Доценко, 1997). Е.В. Коротаева характеризует воздействие, как «целенаправленный перенос информации и опыта от одного человека к другому, частный случай направленного влияния, связанный с убеждением, внушением» (Коротаева, 2007, С. 27).

В основе взаимодействия лежит личностный подход, реализуемый в субъект-субъектных отношениях, отмечает А.В. Мудрик. Он определяет взаимодействие как организацию совместных действий индивидов, групп, обществ, которая позволяет им осуществить общую для них работу (Мудрик, 1997).

Каждое социальное действие представляет собой систему, включающую в себя ряд элементов:

- а действующий индивид;
- б объект действия или индивид, на которого действуют;
- в средства или орудия действия;
- г метод действия или способ использования средств;
- д реакция индивида, на которого действуют, или результат действия (Щепанский, 1969).

В социальной психологии выделяют четыре основных направления объяснения сущности взаимодействия:

- 1 Символический интеракционизм Дж. Мида (J. Mid). В основе его лежат следующие положения. Личности взаимодействуя друг с другом, руководствуются значениями символов. Символы – продукт социального взаимодействия. Значения символов имеют свойство возникать и изменяться с помощью переопределения символов, интерпретации.
- 2 Теория социального обмена Дж. Хоманса, Г. Блумера (J. Homans, G. Blumer). Эта теория отмечает, что личности, взаимодействуя между собой, анализируют свой прежний опыт и потенциальные наказания и вознаграждения.
- 3 Социодраматический подход Э. Гоффмана (E. Goffman) (управление впечатлениями) (Андреева, 2002). Этот подход определяет личность как художника, творца образов, умеющего распоряжаться чувствами и использовать это умение при командовании

другими, посредством вербализации и жестовых средств общения.

- 4 Трансактный анализ Э. Берна (E. Berne). Здесь взаимодействие – регулировка позиции, действий, учета характера обстановки, стиля и сторон взаимодействия. Э. Берн выделяет формальность контактов дома и на работе, деловые общественные мероприятия, асимметричность ситуаций, независимые встречи (Берн, 1995).

Таким образом, в социальной психологии взаимодействие – это создание коллективных действий личности, групп, объединение общих действий, позволяющее осуществлять совместную деятельность (Андреева, 2002), взаимно влияя на людей.

Е.В. Коротаева выделила следующие виды взаимодействия: деструктивное (искажение формы и содержания образования), реструктивное ограничивающее (осуществление строгого контроля), реструктивное поддерживающее (обеспечение решения задач), конструктивное (целостностные связи) (Коротаева, 2007).

Семантика понятия «межличностное взаимодействие» предполагает взаимодействие между личностями. Б.Д. Парыгин в качестве основных компонентов процесса взаимодействия между людьми выделяет самих людей, их взаимную связь и вытекающее отсюда взаимное воздействие друг на друга, а также, как результат взаимовлияния друг на друга, – взаимные изменения людей. Причем, в процессе взаимодействия проявляется характерологическая личностная сущность индивидов (Парыгин, 1971, С. 251).

В.А. Горянина определяет межличностное взаимодействие как «реально функционирующую связь субъектов, обладающих сознанием и целенаправленной активностью, которая характеризуется их взаимной зависимостью» (Горянина, 2002, С. 21).

Межличностное взаимодействие в словаре практического психолога (под редакцией С.Ю. Головина) определяется в узком и широком смысле. В узком смысле, межличностное взаимодействие представляет собой систему взаимно обусловленных индивидуальных действий, связанных циклической причинной зависимостью, при которой поведение каждого из участни-

ков выступает одновременно и стимулом, и реакцией на поведение остальных. Данная трактовка используется для обозначения способа реализации совместной деятельности, цель которой подразумевает разделение и кооперацию функций с учетом взаимного согласования и координации индивидуальных действий. В широком смысле, межличностное взаимодействие рассматривается как случайный либо преднамеренный, частный либо публичный, длительный либо кратковременный, вербальный либо невербальный личный контакт двух и более человек, приводящий к взаимным изменениям их поведения, деятельности, отношений и установок. Данная трактовка чаще всего используется для указания на естественную взаимосвязь, как-либо взаимодействующих индивидов (Словарь практического психолога, 2007). Производимые человеком изменения всегда ориентированы на себя и на другого и предполагают порождение нового качества в обоих субъектах взаимодействия. Изменения происходят не только на разных уровнях взаимодействующих субъектов, но и с разной для каждого степенью глубины (Абульханова-Славская, 2009).

В понятие «межличностное взаимодействие» включены категории «отношение», «общение» и «совместная деятельность», они являются содержанием и результатом процесса взаимодействия.

Отношение – есть единство познавательных, эмоциональных и поведенческих компонентов. С.В. Духновский определяет межличностные отношения как «любые отношения между людьми (или субъектом и группой людей), проявляющиеся во взаимодействиях друг с другом и разворачивающиеся в определенных социальных ситуациях межличностного взаимодействия; они могут носить как интимно-личностный, так и формально-деловой характер» (Духновский, 2014, С. 75). Межличностные отношения являются своеобразным «мостиком» между внутренним миром человека и внешним социальным окружением (там же).

Шкала межличностных отношений, предложенная Е.Л. Доценко, содержит пять установок на взаимодействие. Они расположены вдоль ценностной оси «отношение к другому как к ценности – отношение к другому как к средству».

К ним относятся: доминирование → манипуляция → соперничество → партнерство → содружество. От доминирования к содружеству происходит переход от крайне неравнозначных отношений, когда один субъект властвует над другим, к равноправным, предполагающим уважение личности другого и позволяющим совместно объединяться для решения возникающих проблем (Доценко, 1997). Линия равноправных отношений важна и в процессе формирования автономии.

Сложившиеся в ходе межличностного взаимодействия взаимоотношения могут способствовать или затруднять процесс этого взаимодействия. В.Н. Мясичев

Развитие или повышения уровня автономии подростка происходит в процессе определенной деятельности прямо или косвенно направленной на ее формирование. Это может быть деятельность, организованная педагогами (в рамках образовательного и воспитательного процесса), психологом, родителями подростков и самими подростками, направленная на развитие личных характеристик последних

считает, что процесс взаимодействия определяют отношение человека к задаче взаимодействия и его взаимоотношения с участниками этого взаимодействия. (Мясичев, 1997). При создании положительных межличностных отношений (взаимоотношений) в процессе формирования автономии подростка нужно учитывать особенности личности ребенка. Важность ориентации на личность в межличностных отношениях подчеркивает С.В. Духновский. Он отмечает, что в полной мере межличностные отношения реализуются, когда их субъекты начинают воспринимать и видеть друг в друге собственно личность и индивидуальность (Духновский, 2014). Ориентация на личность подростка в процессе формирования автономии предполагает использование внутренних резервов личности: потребностей, эмоций, склонностей, способностей.

Многие исследователи рассматривают межличностное взаимодействие в связи с категорией «общение», причем отождествляя эти понятия (А.А. Бодалев, П.С. Гуревич, Н.С. Дежникова, А.В. Мудрик), или представляя взаимодействие как интерактивную сторону общения (Г.М. Андреева, В.Н. Куницына и др.). Некоторые учение разделяют эти понятия, считая общение специфической фор-

мой взаимодействия и его важнейшим компонентом (Б.Г. Ананьев, Я.Л. Коломинский, Е.В. Коротаева, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Н.Н. Обозов и др.).

По мнению Б.Д. Парыгина, «общение представляет собой одновременно и процесс взаимодействия индивидов, и информационный процесс, и отношение людей друг к другу, и процесс сопереживания и взаимного понимания друг друга» (Парыгин, 1971, С. 249).

По мнению ряда исследователей подросткового возраста, общение является ведущей деятельностью в этом возрасте. В.С. Мухина пишет: «Если в младших классах ребенок был поглощен учебной

деятельностью, то теперь его в большей мере занимают собственно отношения со сверстниками. Именно взаимоотношения становятся основой внутреннего интереса, а общение – ведущей деятельностью в подростковом возрасте» (Мухина, 2006, С. 354). Однако не только общение со сверстниками определяет позицию ребенка, но и общение со значимыми для них взрослыми. По мнению Д. Шапиро, авторитет взрослого для ребенка растет от начала формирования у него самоутверждения и до полного внутреннего развития автономии. И, наоборот, на развитие автономии ребенка влияет авторитет взрослого, с которым он общается (Шапиро, 2009).

В исследованиях Г.М. Андреевой, Е.Л. Головахи, М.С. Кагана, Б.Д. Парыгина и других проблема межличностного взаимодействия рассматривается в неразрывной связи с категорией деятельности. Личность формируется через становление и развитие деятельности, отмечает К.С. Альбуханова-Славская (Абульханова-Славская, 1980), поддерживая взгляды С. Л. Рубинштейна, который, в свою очередь, добавляет, что человек не только развивается через деятельность, но и, осуществляя ее творчески или «исполнительски», по-разному относится к ней, а потому здесь имеет

место творчество, созидание нового (Рубинштейн, 1973). Наряду с творчеством, С.Л. Рубинштейн выделил и другие стороны деятельности: самостоятельность, субъектность (осуществление совместного исследования объекта познания), предметность, содержательность, реальность (деятельность символична) (Рубинштейн, 2010).

Процесс деятельности представлен двумя видами взаимодействия. Первый – это взаимодействие между личностью и объектом деятельности, второй – между личностями, осуществляющими деятельность. Межличностное взаимодействие характеризует второй аспект. Развитие или повышения уровня автономии подростка происходит в процессе определенной деятельности прямо или косвенно направленной на ее формирование. Это может быть деятельность, организованная педагогами (в рамках образовательного и воспитательного процесса), психологом, родителями подростков и самими подростками, направленная на развитие личных характеристик последних. При организации коллективной деятельности важно осознание включенности во взаимодействие каждого его участника.

В качестве механизмов межличностного взаимодействия В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша выделяют взаимопонимание, координацию, согласование. Взаимопонимание обеспечивает формирование общего смыслового поля участников взаимодействия, позволяет объединить интересы сторон, способствует выработке сходного видения задач в данной конкретной ситуации. Координация характеризуется поиском средств общения, которые в наилучшей степени соответствуют намерениям и возможностям партнеров. Результат координации – совместимость в действиях, согласованность в операциях. Согласование касается в основном мотивационно-потребностной стороны общения. Его результат показывает относительное согласие в целях, смыслах, намерениях, что задает главный тон межличностным отношениям, определяет их эмоциональную окраску (Куницына, 2001).

Межличностные взаимодействия, имеющие самостоятельную значимость, в совокупности оказываются способны-

ми к формированию полной автономии в подростковом возрасте.

Взаимодействие является основой любой системы, оно всегда предполагает связь ее элементов, компонентов. Взаимодействие характеризуется активностью, осознанностью, целенаправленностью взаимных действий сторон, выступающих в позиции субъектов (Зимняя, 2004). В системе межличностного взаимодействия само межличностное взаимодействие является основным связующим звеном, поскольку оно подчеркивает взаимообусловленную связь между всеми компонентами этой системы.

В словаре Д.Н. Ушакова имеется такая трактовка понятия «система»: это структура, «представляющая собой единство закономерно расположенных и функционирующих частей» (Ушаков, 2013, С. 624). Система, как целое, не сводится к «сумме своих частей», но проявляет системные свойства, которыми не обладает ни одна из составных частей системы, она подчиняется особым законам, не сводимым и не выводимым из законов функционирования отдельных элементов или частных связей (Головин, 2007).

В.А. Беликов определяет систему как целостную совокупность элементов, которые находятся во взаимодействии и взаимосвязях друг с другом, выполняют определенные функции (в случае социальных систем – целесообразные), тесно связаны со средой, благодаря чему возможно управление ею (Беликов, 2010).

Признаки системы:

- 1 множество взаимосвязанные элементов;
- 2 наличие связи со средой;
- 3 целостность;
- 4 функциональность.

Согласно определению понятия «система межличностного взаимодействия» предполагает, все ее компоненты должны находиться в прямом или опосредованном взаимодействии. В связи с этим уточним компоненты системы межличностного взаимодействия, влияющие на формирование автономии подростков.

В работах Д.А. Леонтьева, Е.Р. Калитевской, О.А. Карабановой, Н.Н. Поскребышевой и других показано, что уровень развития личностной автономии подростка связан с характером детско-

родительских отношений (Поскребышева, 2014). Д. Шапиро отмечает, что становлению автономии способствует демократическая позиция взрослых, предоставляющая ребенку возможность самостоятельного выбора, обучающая его способам анализа собственных успехов и неудач без возложения за них вины на другого человека (Шапиро, 2009). Межличностное взаимодействие родителей и подростков, построенное на демократической позиции взрослых, будет способствовать формированию автономии ребенка. Однако в настоящее время увеличивается занятость родителей, они все чаще стремятся переложить

Обеднение и формализация контактов в сочетании с повышенной требовательностью к исполнению ребенка способствуют формированию у детей неуверенности в своих силах, стойкого эмоционального неблагополучия, эмоциональной и поведенческой нестабильности, негативных форм самоутверждения, что отрицательно сказывается на развитии автономии

обязанность взаимодействия с детьми на учреждения системы дополнительного образования. Происходит перенос исконно родительских функций на образовательные учреждения, уменьшается продолжительность и обедняется содержание общения в семье, возникает дефицит теплоты и внимательного отношения друг к другу и т.п. Обеднение и формализация контактов в сочетании с повышенной требовательностью к исполнению ребенка способствуют формированию у детей неуверенности в своих силах, стойкого эмоционального неблагополучия, эмоциональной и поведенческой нестабильности, негативных форм самоутверждения, что отрицательно сказывается на развитии автономии. Поэтому возрастает потребность в психологической помощи родителям в связи с проблемами, возникающими в детско-родительских отношениях.

Формированию автономии в подростковом возрасте способствует такое межличностное взаимодействие с учителями, которое ориентировано на личность ребенка, которое предполагает внимание к его внутреннему миру, его переживаниям, интересам, его отношению к себе, значимым другим, окружающему миру. Это отмечено О.Е. Дергаче-

вой и Д.А. Леонтьевым. Они утверждают, что для того, чтобы у человека сформировалась личностная автономия, необходимы соответствующие способы воспитания и образования, применяемые с раннего детского возраста. Ребенок должен расти в условиях, содействующих формированию его инициативности и самостоятельности, в противном случае возникают различные деструктивные проявления, которые приводят к дисгармоничному развитию личности. Нарушения, возникающие в сфере личностной автономии, могут быть устранены посредством психотерапевтической работы (Дергачева, 2011).

Система межличностного взаимодействия, обуславливающая формирование автономии в подростковом возрасте, характеризуется совокупностью взаимодействий психолога с педагогами, с подростками и их родителями. Причем, для эффективного формирования автономии у подростков важно полноценное функционирование всех компонентов системы, которые охватывают все сферы их жизнедеятельности.

Позиция психолога, способствующая межличностному взаимодействию всех участников образовательной среды, детерминирует процесс формирования автономии подростков. Формирование наиболее оптимальной позиции родителей будет эффективным при совместных усилиях педагога и психолога, которые выступают посредниками при наличии противоречия между интересами подростка и позицией родителей относительно самостоятельности и автономии детей.

Психолог работает со всеми участниками межличностного взаимодействия, способствуя согласованию их позиций. Личностно-развивающее пространство создается посредством совместной деятельности подростка (группы подростков) и психолога, в процессе которой выстраивается линия формирования автономии подростка. Развиваясь, подро-

сток обретает новые психологические способности, навыки и умения, возможно, переходя на качественно новый этап понимания мира и самого себя, совершая действия, которые определяют его мировоззрение и определяются самим мировоззрением. В этом уму помогает психолого-педагогическая поддержка, являющаяся основополагающим условием создания системы межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии. Главной целью

чество обучающегося «с самим собой», требующее обучения способам обнаружения изменений собственной точки зрения и наличия навыков критического мышления (Цукерман, 1997). Эта линия особенно важна при формировании автономии.

Любое межличностное взаимодействие происходит в определенной социальной ситуации. С.В. Духновский выделяет следующие компоненты социальной ситуации:

Содержание межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии в подростковом возрасте заключается в создании таких окружающих условий, в которых подросток имел бы возможность выявить и/или повысить свой уровень автономии, обозначить ее как привычную и осознаваемую потребность, необходимую для саморазвития, для оптимальной адаптации в обществе, самоактуализации

этой поддержки является развитие способностей личности к самостоятельной постановке и реализации целей, к принятию решений на основе свободного осознанного выбора, к волевой и эмоциональной регуляции и адекватному оцениванию своей деятельности и формированию ответственности за нее.

В процессе развития автономии у подростков существенную роль играет такая форма межличностного взаимодействия, как сотрудничество. Используются следующие типы сотрудничества: различные игры (ролевые и деловые), совместная деятельность, работа в группах (диадах и триадах), тренинги и прочее, предполагающее взаимодействие не только между взрослым и подростком, но и подростком между собой.

Значимой для нашего исследования является линия взаимодействия, добавленная Г.А. Цукерман – это сотрудни-

1 Роли участников взаимодействия (совокупность предписаний относительно того, как человек должен вести себя). Это форма поведения (действия), ожидаемая от субъекта в различных ситуациях, зависящая от его принадлежности к тем или иным группам, от его социальных позиций;

2 Набор, порядок действий;

3 Правила и нормы, регулирующие взаимодействие и характер отношений участников социальной ситуации (Духновский, 2014).

Межличностное взаимодействие в процессе формирования автономии подростка может рассматриваться и как непосредственное, происходящее в «живом» общении, и как опосредованное, с использованием не прямых установок и воздействий: метода параллельного действия, метода «упреждения», метода снятия сопротивления и т.д. Содержа-

жание межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии в подростковом возрасте заключается в создании таких окружающих условий, в которых подросток имел бы возможность выявить и/или повысить свой уровень автономии, обозначить ее как привычную и осознаваемую потребность, необходимую для саморазвития, для оптимальной адаптации в обществе, самоактуализации.

Участники межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии изначально находятся в неравных условиях. Психолог имеет возможность управлять межличностной ситуацией, так как он «видит» обобщенный образ процесса своей деятельности, работает на перспективу, ведет к прогнозируемому результату. Подросток включается в процесс деятельности дискретно. Осознанность (и результативность) включения его в процесс межличностного взаимодействия зависит от индивидуальных особенностей ребенка.

Формирование автономии невозможно без взаимодействия и, особенно, без наличия системы межличностного взаимодействия. Все исследователи отмечают положительное влияние межличностного взаимодействия на развитии личности, ее способностей и качеств.

Система межличностного взаимодействия в процессе формирования автономии в подростковом возрасте – это процесс взаимодействия психологов, педагогов, подростков и их родителей, направленный на достижение практического результата, т.е. на формирование определенных личностных качеств подростка, на развитие или повышение уровня его автономии.

Литература:

Абульханова-Славская К.А. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна / К.А. Абульханова-Славская // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 5. – С. 26-45.

Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – Москва : Аспект-пресс, 2002. – 364 с.

Беликов В.А. Образование. Деятельность. Личность : монография : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Беликов. – Москва : Академия Естествознания, 2010. – 339 с. : ил., табл.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1995. – 397 с.

Горянина В.А. Психология общения : учеб. пособие В.А. Горянина. – Москва : Академия, 2002. – 416 с.

Дергачева О.Е. Личностная автономия как составляющая личностного потенциала / О.Е. Дергачева, Д.А. Леонтьев // Личностный потенциал: структура и диагностика / А.Ж. Аверина, Л.А. Александрова, И.А. Васильев, Т.О. Гордеева и др. ; под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва : Смысл, 2011. – С. 210-240.

- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – Москва : ЧеРо ; Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
- Духновский С.В. Психология отношений личности: монография / С.В. Духновский. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 380 с.
- Дьяченко М.И. Психологический словарь-справочник / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск : Харвест 2007. – 576 с.
- Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – Москва : Логос, 2004. – 384с.
- Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант Сочинения В 4 т. Т.4. – Москва : Мысль, 1965.
- Коротаева Е.В. Педагогические взаимодействия и технологии: монография / Е.В. Коротаева. – Москва : Academia, 2007. – 256 с.
- Куницына В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 544 с.
- Леонтьев Д.А. От симбиоза и адаптации к автономии и трансценденции / Д.А. Леонтьев // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества / под ред. Е.И. Яцуты. – Кемерово : Графика, 2002. – С. 3-34.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2007. – 511 с.
- Ломов Б.Ф. Проблема общения в психологии // Б.Ф. Ломов Методологические и теоретические проблемы в психологии. – Москва : Наука, 1984. – С. 242 -288.
- Митина О.В., Сорокина В.В. Ценности старшеклассников: разработка компьютерного диагностического инструментария // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2015. - №1 – с. 42-59.
- Молчанов С.В. Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 42-51.
- Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику / А.В. Мудрик. – Москва : Ин-т практической психологии, 1997.
- Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студентов вузов / В.С. Мухина. – Москва : Академия, 2006. – 680 с.
- Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории / Б.Д. Парыгин. – Москва : Мысль, 1971. – 351 с.
- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 74-85.
- Поскребышева Н.Н., Карабанова О.А. Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития. // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4(16). – С. 34-41.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 713с.
- Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск : Харвест, 2007. – 976 с.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – Москва : Аделант, 2013 – 800 с.
- Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов / Г.А. Цукерман. – Рига : Эксперимент, 1997. – 276 с.
- Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский. – Москва : Прогресс, 1969. – 240 с.

References:

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (2009) Philosophical and psychological concept of S.L. Rubinstein. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological magazine]*. Vol. 30, 5, 26-45.
- Andreeva, G.M. (2002) Social psychology. Moscow, Aspekt Press, 364.
- Asmolov, A.G. (2013). Strategy and methodology for the sociocultural reform of education *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 3-20. doi: 10.11621/psr.2013.0101
- Belikov, V.A. (2010) Education. Activities. Personality: monograph: manual for students in higher education. Moscow, Akademiya Estestvoznaniya, 339.
- Berne, E. (1995) Games People Play. *Psychology of human relations*. St. Petersburg, Spetsial'naya literatura, 397.
- Dergacheva, O.E. (2011) Personal autonomy as a component of personal potential. *Dergacheva, O.E., & Leontiev, D.A. Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: Structure and diagnostics]*. Moscow, Smysl. 210-240.
- Dotsenko, E.L. (1997) Psychology of manipulation: phenomena and mechanisms of protection. Moscow, CheRo; Izdatel'stvo MGU, 344.
- Dukhnovsky, S.V. (2014) Personality Psychology relations: Monograph. Kurgan, Izdatel'stvo Kurganskogo gos. universisteta, 380.
- Dyachenko, M.I. (2007) Psychological Dictionary Directory. *Dyachenko, M.I., Kandybovich, L.A.* Minsk, Harvest, 576.
- (comp.) Golovin, S.Y. (2007) Dictionary of Practical Psychology. Minsk, Harvest, 976.
- Goryanina, V.A. (2002) Psychology of communication: Textbook. Moscow, Akademiya, 416.
- Kant, I. (1965) Fundamentals of the Metaphysics of Morals Kant. *Sochineniya v 4 tomakh [Works In 4 volumes] Volume 4*. Moscow, Mysl'.
- Korotaeva, E.V. (2007) Pedagogical communication and technology: Monograph. Moscow, Akademiya, 256.
- Kunitsyn, V. (2001) Interpersonal communication: the textbook for high schools. *Kunitsyn, V.N., Kazarinova, N.V., & Pogolsha, V.M.* St. Petersburg, Piter, 544.
- Leontiev, D.A. (2002) From adaptation to symbiosis and autonomy and transcendence. (Ed.) E.I. Yatsuta. *Lichnost' v sovremennoy mire: ot strategii vyzhivaniya k strategii zhiznetvorchestva [Personality in the modern world: from survival strategy to creative life]*. Kemerovo, Graphics, 3-34.
- Leontiev, D.A. (2007) Psychology of Meaning: nature, structure and dynamics of the sense of reality. Moscow, Smysl, 511.
- Lomov, B.F. (1984) The problem of communication in psychology. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy v psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]*. Moscow, Nauka, 242 -288.

- Mitina, O.V., & Sorokina, V.V. (2015) The values of senior pupils: the development of computer diagnostic tools. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 14. Psychology, 1, 42-59.
- Molchanov S. V. (2014). Conditions and factors of solving moral dilemmas in adolescence. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 42-51.
- Mudrik, A.V. (1997) Introduction to social pedagogy. Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii.
- Mukhina, V.S. (2006) Psychology: phenomenology development, childhood, adolescence: textbook for universities. Moscow, Akademiya, 680 p.
- Parygin, B.D. (1971) Fundamentals of socio-psychological. Moscow Mysl', 351.
- Poskrebysheva N.N., Karabanova O.A. (2014). Developmental approach to the study of adolescent personal autonomy. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1, 74-85.
- Poskrebysheva N. N., Karabanova O. A. (2014). The research of individual adolescent autonomy in the context of social situation of development. *National psychological journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 4, 34-41.
- Rubinstein, S.L. (2010) Basics of general psychology. St. Petersburg, Piter, 713.
- Szczepanski, J. (1969) Elementary concepts of sociology. Moscow, Progress, 240.
- Ushakov, D.N. (2013) Explanatory Dictionary of Modern Russian. Moscow, Adelant, 800.
- Zimnyaya, I.A. (2004) Educational Psychology. Moscow, Logos, 384.
- Zuckerman, G.A. (1997) Psychology of self-development: a challenge for teenagers and their teachers. Riga, Experiment, 276.

Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей

С.А. Капустин МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 22 июня 2015/ Принята к публикации: 7 сентября 2015

Balanced parenting style and its impact on the development of child personality

Sergey A. Kapustin Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: June 22, 2015 / Accepted for publication September 7, 2015

В статье изложены результаты исследования семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию. Для оценки нормальности и аномальности личности родителей и детей использовался экзистенциальный критерий. В этих семьях выявлен так называемый сбалансированный стиль родительского воспитания, свидетельствующий о компромиссной позиции родителей, занимаемой ими при воспитании своих детей по отношению к экзистенциальным дихотомиям помощи и самостоятельности, природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Результаты исследования позволяют предположить, что эта позиция вырабатывается ими в большей степени самостоятельно и на рациональной основе. В соответствии с экзистенциальным критерием указанные особенности воспитательной позиции родителей свидетельствует о нормальности их личности. Показано, что сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей типа личности с двойственной, противоречивой ориентацией при решении жизненных задач – и на себя, и на родителей. Детям, обладающим этим типом личности, так же, как и их родителям, свойственна компромиссная позиция по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям помощи и самостоятельности, природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Благодаря сбалансированному стилю воспитания, у детей возникают благоприятные личностные предпосылки для формирования нормальной личности. Поскольку сбалансированный стиль воспитания способствует нормальному развитию личности детей, у них отсутствуют личностные предпосылки для возникновения затруднений при социальной адаптации, и поэтому в семьях с данным стилем воспитания полностью отсутствуют детско-родительские проблемы, обусловленные этими трудностями.

Ключевые слова: нормальная личность, аномальная личность, экзистенциальные дихотомии, стили родительского воспитания, детско-родительские проблемы.

The paper includes research results of families, who have never applied to psychological counselling. To assess the normality and abnormality of parent and child personality existential criterion was used. In these families a so-called balanced style of parenting was revealed. This style indicates the compromising parental position in the education of their children concerning the existential dichotomies help and autonomy, nature and culture, self-actualization and conditional values, determinism and self-determination. The study results suggest that this position is developed by parents independently and on a rational basis. In accordance with the existential criterion mentioned above, characteristics of the educational position of parents indicate normality of their personality. It is shown that a balanced style of parenting contributes to developing child personality type with a dual, contradictory orientation for both children and their parents when solving life problems. Children with this type of personality, as well as their parents, manifest inherent willingness to compromise position towards the same existential dichotomies help and autonomy, nature and culture, self-actualization and conditional values, determinism and self-determination. Thanks to a balanced style of parenting favourable personal prerequisites for the development of normal personality are shown. As balanced style of parenting contributes to the normal development of child personality, these children have lack personal prerequisites for emerging difficulties in social adaptation, and therefore in families with such style of solving parent-child problems, due to these difficulties are completely absent.

Keywords: normal personality, abnormal personality, existential dichotomy, parenting styles, parent-child problems

В одной из наших публикаций (Капустин, 2014) на основе исследования 176 семей клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам было показано, что основными стилями родительского воспитания, практикуемыми в этих семьях, были гиперопека и сверхтребовательность. При гиперопеке жизнь ребенка можно в целом охарактеризовать как проходящую в «тепличных» условиях – он окружен повышенной любовью, заботой и вниманием, родители стремятся максимально оградить его от трудностей и опасностей, всегда с готовностью оказывают ему своими действиями и советами помощь, которая охотно им принимается. Условия жизни ребенка в семьях со сверхтребовательными родителями иные. Здесь ребенок растет в условиях постоянного предъявления к нему со стороны родителей повышенных требований, направленных на то, чтобы сформировать у него определенные личностные качества важные, по их мнению, для его успешной жизни в обществе и желанные, прежде всего, для них, а не для самого ребенка.

В другой нашей работе (Капустин, 2013) было предложено описание нового, так называемого экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности, содержащегося в неявном виде в трудах Э. Фромма. Согласно этому критерию, нормальность и аномальность личности определяются, во-первых, особенностями ее содержания, во-вторых, особенностями формирования ее позиции по отношению к собственным природе человека, так называемым экзистенциальным дихотомиям – объективно существующим в его жизни неустранимым двухальтернативным противоречиям между разными ее сторонами. Позиция нормальной личности

по содержанию ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий и необходимость поиска компромисса для их разрешения. Она формируется при активном участии самого человека на рациональной основе. Позиция аномальной личности по содержанию субъективно отрицает противоречивую заданность человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, ориентируя человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни, который не предполагает его самоопределения. Она навязывается человеку другими людьми на иррациональной основе. В этой же работе на основе анализа теорий личности З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла было показано, что данный критерий также неявно присутствует в них при описании личности, предрасположенной и не предрасположенной к возникновению жизненных проблем или психических расстройств. Но здесь он присутствует в более частных его вариантах – по отношению к таким конкретным дихотомиям как природа и культура (З. Фрейд), превосходство и общность (А. Адлер), противоположности (К. Юнг), самоактуализация и условные ценности (К. Роджерс), детерминизм и самоопределение (В. Франкл).

Дихотомия природы и культуры по З. Фрейду состоит в том, что человек, с одной стороны, будучи природным существом, должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь естественным требованиям сексуальных влечений, с другой стороны, являясь членом общества, он должен жить в соответствии со своей социальной природой и подчиняться морально-эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектам этих

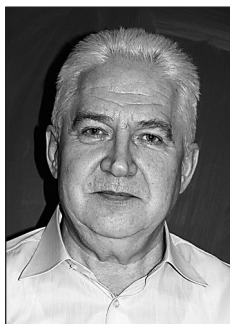
влечений и способам их удовлетворения (Фрейд, 1989).

Дихотомия превосходства и общности, согласно работам А. Адлера, состоит в том, что, с одной стороны, у человека в соответствии с мотивом достижения превосходства над другими людьми, возникающим в качестве компенсации чувства неполноценности, жизнь направлена на достижение этого превосходства, конфронтацию с другими людьми и получение различного рода преимуществ для себя лично, а с другой стороны, в соответствии с врожденным чувством общности, он должен жить в единении с другими людьми, во их благо, подчиняя свои личные интересы интересам общества (Адлер, 1993).

Дихотомии противоположностей, содержащиеся в работах К. Юнга, характеризуют, с его точки зрения, природу человеческой жизни. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и любыми другими несовместимыми сторонами действительности, то дихотомии противоположностей можно рассматривать как более узкий класс экзистенциальных дихотомий. Примером такого рода противоречия между противоположностями может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными, компенсирующими эти установки, требованиями со стороны его бессознательного (Юнг, 1994).

Дихотомия самоактуализации и условных ценностей, прослеживаемая в работах К. Роджерса, состоит в том, что человек, с одной стороны, должен реализовывать в своем личностном развитии врожденную ему тенденцию к самоактуализации, а с другой стороны, – обязан соответствовать условным ценностям, навязываемым ему другими людьми, что является условием удовлетворения его потребности в положительном к нему отношении с их стороны (Rogers, 1959).

Дихотомия детерминизма и самоопределения, содержащаяся в работах В. Франкла, состоит в том, что человек должен жить, с одной стороны, в соответствии со своей биологической и социальной природой, подчиняясь различного рода природным, психологическим и общественным влияниям, а с другой стороны, – в соответствии со своей духовной

Сергей Александрович Капустин – кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: skapustin@mail.ru

природой как существо свободное и ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни (Франкл, 1990).

Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей из тех семей, о которых говорилось выше, позволило сделать вывод о том, что их личности можно квалифицировать как аномальные (Капустин, 2015б).

В исследовании влияния гиперопеки и сверхтребовательности на развитие личности детей из этих семей с использованием экзистенциального критерия (Капустин, 2015а) были получены следующие результаты. Стиль воспитания «гиперопека» способствует формированию у детей аномального типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, которому свойственна односторонность позиции по отношению к экзистенциальной дихотомии помощи и самостоятельности. Она заключается в преимущественной жизненной ориентации детей на внешнюю помощь, а не на проявление самостоятельности. Суть данной дихотомии в следующем: с одной стороны, ребенок рождается крайне беспомощным существом, поэтому для своего полноценного развития он нуждается во всесторонней помощи взрослых членов общества, прежде всего, своих родителей. С другой же стороны, как считают, например, Э. Фромм и В. Франкл, природе человеческой жизни свойственно самоопределение, которое, напротив, предполагает самостоятельный образ жизни человека без помощи других людей, с опорой исключительно на собственные способности, жизненный опыт и разум (Фромм, 1993; Франкл, 1990).

Стиль воспитания «сверхтребовательность» способствует формированию у детей аномальных типов личности трех видов:

- 1 ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей;
- 2 ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей;
- 3 смешанного, представляющего собой сочетание первых двух.

Всем этим типам детей присуща односторонность позиции по отноше-

нию, по меньшей мере, к трем классическим экзистенциальным дихотомиям: природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма

В семьях, не обращающихся в психологическую консультацию, должны в большей степени присутствовать родители с нормальной личностью по экзистенциальному критерию, которые используют стили воспитания, способствующие нормальному личностному развитию их детей, и поэтому в данных семьях у детей отсутствуют личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации

и самоопределения. Односторонность личности ребенка, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей, заключается в жизненной ориентации на соответствие собственного поведения социальным требованиям других людей в ущерб реализации своих природных влечений, самоактуализации и самоопределения. А для ребенка противоположной личности – ориентированной на протест против такого соответствия, односторонность проявляется в асоциальном поведении, отрицающем ценности, которыми руководствуются его родители и другие взрослые, в стремлении жить так, как он сам считает нужным, в согласии со своими природными влечениями.

Результаты этих исследований позволили сделать вывод о том, что важнейшим психологическим фактором, влияющим на возникновение детско-родительских проблем в семьях клиентов психологической консультации, является аномальность личности родителей, которая, проявляясь в используемых ими стилях воспитания, способствует формированию аномальных типов личности у детей. Детско-родительские проблемы непосредственно связаны тем, что дети с данными типами личности, сталкиваясь с требованиями со стороны своего ближайшего социального окружения, рассчитанными на детей с нормальным уровнем личностного развития и поэтому не соответствующими их личностным возможностям, начинают испытывать трудности в их выполнении. Такие проблемы детей, связанные с трудностями приспособления к требованиям социального окружения, мы отнесли их к категории проблем социальной адаптации.

На основе полученных нами результатов мы выдвинули следующую гипотезу. В семьях, не обращающихся в психологическую консультацию, должны в большей степени присутствовать родители с нормальной личностью по экзистенциальному критерию, которые используют стили воспитания, способствующие нормальному личностному развитию их детей, и поэтому в данных семьях у детей отсутствуют личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации.

В семьях, не обращающихся в психологическую консультацию, должны в большей степени присутствовать родители с нормальной личностью по эк-

зистенциальному критерию, которые используют стили воспитания, способствующие нормальному личностному развитию их детей, и поэтому в данных семьях у детей отсутствуют личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования заключалась в проверке этой гипотезы.

Для достижения этой цели были поставлены три задачи:

- 1 Изучить стили родительского воспитания и их влияние на развитие личности детей в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.
- 2 Провести сравнительный анализ результатов тестирования детей и родителей из семей, обратившихся и, напротив, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.
- 3 Оценить с помощью экзистенциального критерия нормальность и аномальность личности родителей и детей из семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.

Методика

В исследовании участвовало 38 семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию. Большинство этих семей, как и обследованные нами ранее 176 семей клиентов психологической консультации (Капустин, 2014, 2015а, 2015б), были полными с одним или двумя детьми. Возраст родителей также варьировал в сходном диапазоне от 27 до 52 лет и также в каждой семье был хотя бы один ребенок в возрасте от 3 до 17 лет. Но, поскольку в ряде случаев у детей были братья или сестры старшего или младшего возраста, кото-

рых мы также решили включить в исследование, то возрастные границы выборки детей из этих семей, по сравнению с ранее обследованными, оказались более широкими – от 6 месяцев до 25 лет.

Родителям для выявления их личностных особенностей предлагались опросник Р. Кеттелла (16 ЛФ) и восьмицветовой тест М. Люшера.

Детям, в зависимости от их возраста, предлагались разные методики:

адаптированный модифицированный вариант детского личностного опросника Р. Кеттелла (от 8 до 12 лет) или опросник Р. Кеттелла 16 ЛФ (от 13 лет) для выявления их личностных особенностей, а также тест «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири (ДМО) (от 12 лет) для выявления особенностей их взаимоотношений со своими родителями.

Тест ДМО состоит из восьми шкал, номера которых соответствуют определенным стилям межличностных отношений, имеющим следующие названия:

- 1 Властный – лидирующий
- 2 Независимый – доминирующий
- 3 Прямолинейный – агрессивный
- 4 Недоверчивый – скептический
- 5 Покорный – застенчивый
- 6 Зависимый – послушный
- 7 Сотрудничающий – конвенциальный
- 8 Ответственный – великодушный

Пары видов межличностных отношений: 1 и 5, 2 и 6, 3 и 7, 4 и 8 по содержанию противоположны друг другу.

Эти же методики применялись и в исследовании 176 семей клиентов психологической консультации.

После тестирования с родителями и детьми проводилась беседа, продолжительностью 1,5-2 часа, в ходе которой целенаправленно выявлялись следующие аспекты:

- 1 устойчивые особенности взаимоотношений детей со всеми взрослыми членами семьи, которые принимали основное участие в их воспитании, начиная с раннего детства и до настоящего времени;
- 2 черты личности родителей и детей;
- 3 проблемы, беспокоящие родителей и детей.

Данные бесед являлись основным эмпирическим материалом для последующего анализа и выдвижения гипотез,

которые затем соотносились с результатами тестов.

Результаты и их обсуждение

На основе анализа данных бесед было выявлено 4 группы семей, различающихся по используемым родителями по отношению к своим детям стилям воспитания, которые были обозначены следующим образом:

- 1 Семьи, в которых используется сбалансированный стиль воспитания;
- 2 Семьи, в которых используется гиперопека или сверхтребовательность;
- 3 Семьи, в которых используется недостаточно сбалансированный стиль воспитания;
- 4 Семьи, в которых в настоящее время используется сбалансированный стиль воспитания, но ранее имели место гиперопека или сверхтребовательность.

В настоящей работе мы проанализируем только первую группу семей, как имеющую наиболее непосредственное отношение к проверяемой гипотезе.

Эта группа оказалась самой многочисленной, в нее вошли 20 семей (53% от общего числа), в которых был 31 ребенок (17 мальчиков и 14 девочек). В данных семьях сбалансированный стиль воспитания встречался у всех без исключения матерей и у 8 отцов. В 3 семьях дети воспитывались без отца, в остальных 9 семьях влияние отцов на детей, по словам матерей, было незначительным, поскольку они были очень заняты на работе.

Характеристика сбалансированного стиля родительского воспитания

Описание этого стиля мы делаем, основываясь на данных бесед с членами семей и сравнивая его со стилями гиперопеки и сверхтребовательности, указывая на самые существенные черты их сходства и различия.

Сбалансированный стиль родительского воспитания сходен с гиперопекой в том, что в нем также присутствует определенная степень опеки, но, в отличие от гиперопеки, она предполагает развитие у детей самостоятельности. Родители целенаправленно приучают своих детей к выполнению без их помощи самых разных видов деятельности, на-

пример, складывать игрушки, одеваться, выполнять гигиенические процедуры, готовить еду, убираться в квартире, делать уроки, собираться в школу, ходить в магазин и др.

Сходство сбалансированного стиля со сверхтребовательностью проявляется наличием в нем определенной степени требовательности родителей. Она направлена на соблюдение детьми определенных (принимаемых родителями) социальных норм и правил. Однако, в отличие от сверхтребовательности, детям при этом предоставляется возможность вести себя так, как они сами хотят или считают нужным. Предъявляемые родителями требования, как правило, не навязываются догматично, напротив, родители стремятся объяснить детям целесообразность своих требований, апеллируя к их собственному опыту и разуму. В качестве иллюстрации сбалансированного стиля воспитания мы приводим описание одного конкретного случая.

Семья состоит из трех человек: матери, отца и сына Богдана (8 лет). Воспитанием сына занимаются оба родителя.

Богдан родился слабым, поэтому с детства родители старались развивать его физически и закалять. Отец считает, что «если к ребенку относиться, как к неполноценному, то он таким и останется», поэтому «вместо того, чтобы нюни распускать, надо работать над собой». Ему удалось привить сыну любовь к спорту. Зимой с 5 лет они вместе ходят на лыжах, летом обливаются холодной водой. Каждое лето отправляются на неделю в поход, «а там уже не спрячешься за мамину юбку – надо быть мужчиной». Как отмечает отец, с тех пор, как они стали ходить в походы, Богдан очень повзрослел, стал более самостоятельным и ответственным. На него и раньше можно было положиться, но сейчас он стал более серьезным, «способным отвечать за свои поступки, понимающим, к чему это может привести; стал сильнее духом; на него можно положиться в любой ситуации; он не обманет, а если пообещал, то выполнит».

Учится Богдан с удовольствием на 4 и 5, домашние задания выполняет сам. Если что-то совсем не получается, то мать старается не подсказывать, а объяснить принцип выполнения задания. С середины первого класса родители

практически не проверяют уроки. Сразу после поступления сына в школу отец сказал ему, что «школа – это твоя работа; как ты учишься и общаешься с классом, говорит о том, какой ты человек», «в принципе, мне все равно, на какие отметки ты учишься, потому что ты учишься не для родителей, а для себя». По словам родителей, это помогло определенным образом – Богдан не боится им сообщать о плохих отметках, но, с другой стороны, «понимает, что в плохой отметке виноват только он сам», поэтому тут же старается исправить ее. В конце каждой четверти родители поощряют успехи сына – на каникулах водят в кино, цирк, а в зависимости от количества итоговых пятерок, поощряют деньгами.

Отец считает, что сыну нельзя что-то навязывать. «Если на чем-то настаивать, то Богдан, в конце концов, сделает, но это будет из-под палки, а родительская тонкость заключается в том, чтобы заинтересовать ребенка». Мать придерживается такого же мнения: «Что толку настаивать на чем-то, ведь если надо, ребенок и обманом своего добьется; пусть хотя бы понимает, что родителям доверять можно, плохого не посоветуют, а так, кто из нас не ошибался». Отец предпочитает воспитывать сына на его собственном опыте: «Если Богдан с чем-то не согласен, я ему говорю: “Поступай, как знаешь, но с тобой может случиться то-то и то-то”; он головой кивнет, но сделает по-своему, ну и получится так, как я предупреждал. Жалко его, конечно, ведь мог бы избежать, но пусть сам идет по жизни, я могу только посоветовать, а так, это его дело». Например, когда Богдан разводит костер в походе, отец ему объяснил, как это делается, «а он все равно больших веток навалил и пытается поджечь; час мучился, но упрямый, на своем стоит, а я сижу в стороне и наблюдаю; потом Богдан не выдержал, за помощью подошел, я ему еще раз объяснил, как разводить, и сказал, что он сам должен попробовать».

Мать поражается терпению отца, она говорит, что «иногда у нее сил не хватает уговаривать Богдана и прощай самой что-то сделать». В этом смысле, по словам матери, как родители они друг друга очень хорошо дополняют, что позволяет им «находить золотую середину», потому что папа «иногда заигрывается в самостоя-

тельность и ставит перед Богданом такие требования, которые он с трудом может выполнить». В таких случаях мать вмешивается и «открывает папе глаза». Иногда мама «слишком потакает Богдану, и тот начинает на ней ездить, вить веревки». Такие конфликтные ситуации родители обсуждают без сына, и это позволяет им «держаться одной линии в воспитании и стараться делать то, что идет на пользу ребенку, не перегибая палку».

На рисунке 1 представлены результаты относительных показателей теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями. При оценке результатов этого теста его разработчики рекомендуют ориентироваться не столько на абсолютные показатели, но в большей степени на преобладание одних показателей над другими – противоположными им. Поскольку данный тест диагностирует 4 пары противоположных видов межличностных отношений, то очевидно, что степень выраженности у человека каждого из них будет зависеть от того, насколько тот компенсируется противоположным ему видом. Поэтому, в соответствии с рекомендациями Л.Н. Собчик, мы вычислили относительные показатели этого теста как разности абсолютных по всем парам противоположных шкал: А = 1–5, В = 2–6, С = 3–7, Д = 4–8 (Собчик, 1998).

Как видно из рисунка 1, максимальные различия показателей теста ДМО

наблюдаются у гиперопекающих родителей между шкалами 4 и 8, а у сверхтребовательных родителей – между шкалами 1 и 5, что свидетельствует о преобладании у них, соответственно, ответственно-великодушного и властно-лидирующего стиля межличностных отношений. Следовательно, эти относительные показатели могут рассматриваться как отражающие степень выраженности опеки и требовательности в стилях родительского воспитания. Нетрудно заметить, что в сбалансированном стиле воспитания также присутствует и опека, и требовательность, но они выражены в гораздо меньшей степени, чем, соответственно, в стилях гиперопеки и сверхтребовательности, что согласуется с данными бесед.

На рисунке 2 показаны значения двух интегральных факторов этого теста (доминантности – V и доброжелательности – G), вычисленные по стандартным формулам по результатам тестирования этой же группы детей. На обоих рисунках результаты детей, родители которых применяют сбалансированный стиль воспитания, представлены в сравнении с результатами тестирования детей, у родителей которых по данным бесед выявились стили гиперопеки или сверхтребовательности (Капустин, 2014).

На рисунке 2 видно, что сбалансированный стиль родительского воспитания, по сравнению с гиперопекой, является

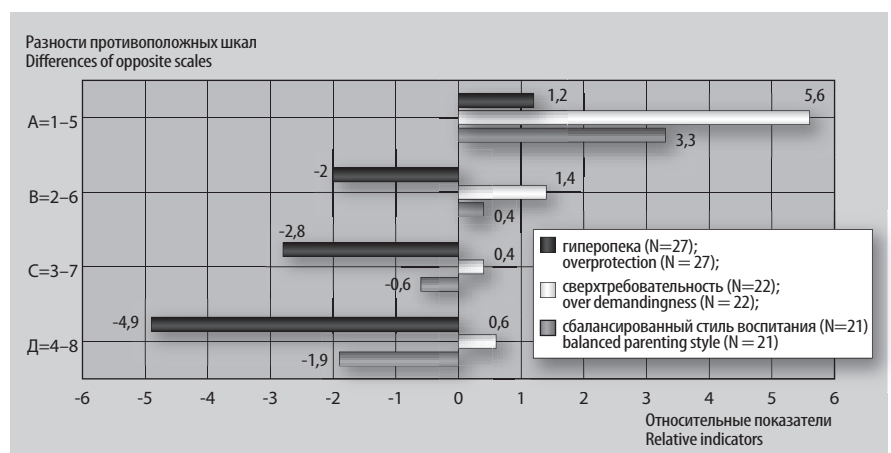

Рис. 1. Относительные показатели теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых по данным бесед выявились: гиперопека (N=27); сверхтребовательность (N=22); сбалансированный стиль воспитания (N=21)

Fig. 1. The relative performance of DHS test for children to assess the characteristics of their relationships with their parents, who according to the interviews revealed: overprotection (N = 27); over demandingness (N = 22); balanced parenting style (N = 21)

Рисунок 2. Значения интегральных факторов V – доминантности и G – доброжелательности теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых по данным бесед выявились: гиперопека (N=27); сверхтребовательность (N=22); сбалансированный стиль воспитания (N=21).
Fig. 2. The values of the integral factors of V - dominance and G - test of DMO goodwill for children to evaluate the characteristics of their relationships with their parents who according to the interviews revealed: overprotection (N = 27); over demandingness (N = 22); balanced parenting style (N = 21)

более доминантным и менее доброжелательным, а по сравнению со сверхтребовательностью, наоборот, – более доброжелательным и менее доминантным. На этом основании можно сделать вывод, что родителям, использующим данный стиль воспитания, свойственно избегание крайностей и чувство меры при проявлении этих факторов во взаимоотношениях со своими детьми, что также согласуется с данными бесед.

Использование экзистенциального критерия для оценки личности родителей в семьях со сбалансированным стилем воспитания

детерминизма и самоопределения (Капустин, 2015б), позиция родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, является по содержанию компромиссной по отношению ко всем этим дихотомиям, что в соответствии с экзистенциальным критерием является одним из признаков нормальности их личности.

Для выявления особенностей формирования у родителей этой компромиссной позиции рассмотрим результаты теста М. Люшера. Они приведены на рис. 3 в сравнении с результатами гиперопекающих и сверхтребовательных родителей.

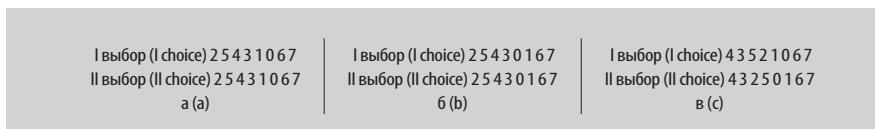

Рисунок 3. Результаты теста М. Люшера для родителей, у которых по данным бесед выявились: а) гиперопека (N=56), б) сверхтребовательность (N=48), в) сбалансированный стиль воспитания (N=22)

Fig. 3. Results of M. Lüscher test for parents who according to the interviews revealed: a) overprotection (N = 56), b) over demandingness (N = 48), c) a balanced parenting style (N = 22)

Так же, как в гиперопеке и сверхтребовательности, в сбалансированном стиле воспитания проявляется особенность позиции, занимаемой родителями. Основываясь на описании этого стиля и результатах тестирования, можно сделать следующий вывод. В отличие от односторонней позиции гиперопекающих родителей по отношению к экзистенциальной дихотомии помощи и самостоятельности и односторонней позиции сверхтребовательных родителей по отношению к экзистенциальным дихотомиям природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей,

На этом рисунке цифры соответствуют следующим цветам: 1 – синему, 2 – зеленому, 3 – красному, 4 – желтому, 5 – фиолетовому, 6 – коричневому, 7 – черному, 0 – серому. Порядок предпочтения цветов в каждой группе установлен на основании подсчета их средних рангов, как это принято для метода ранжирования.

Не вдаваясь в подробный анализ этих результатов, укажем главное – гиперопекающие и сверхтребовательные родители поставили фиолетовый цвет на второе место, что, по мнению М. Люшера и Л.Н. Собчик, является значимым для

диагностики событием, на которое обязательно следует обращать внимание (Люшер, 1997; Собчик, 1998). На первые две позиции этот цвет часто помещают люди, обладающие личностной чертой, которую можно обозначить как иррациональность, такие люди руководствуются в своей жизни скорее желаниями, эмоциями и чувствами, чем разумом. Им свойственны «иррациональность притязаний, нереальные требования к жизни, субъективизм» (Собчик, 1998, С. 221), что нередко является причиной их социальной дезадаптации.

Родители, у которых выявился сбалансированный стиль воспитания, поместили фиолетовый цвет (5) на третье место. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что для данной категории родителей, в отличие от гиперопекающих и сверхтребовательных, иррациональность не является характерной личностной чертой.

На рис. 4 представлены два профиля результатов теста Р. Кеттела для сводной группы, в которую вошли родители, склонные к гиперопеке или сверхтребовательности, и для группы родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания. Основанием для объединения гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в одну группу послужило то, что нам не удалось выявить статистически значимых различий между ними ни по одной шкале этого теста по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$.

Между группой родителей со сбалансированным стилем воспитания и сводной группой обнаружили статистически значимые различия по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$ по четырем шкалам: B, G, Q2 и Q4.

Как видно на рис. 4, у родителей со сбалансированным стилем воспитания выявился более высокий уровень интеллекта (шкала B). Это, безусловно, проявляется в используемом ими стиле воспитания. Эти пытаются найти компромисс в разрешении многих известных экзистенциальных дихотомий, что соответствует природе человеческой жизни, а также они избегают иррационального навязывания детям своих требований, предпочитая апеллировать к их собственному опыту и разуму. Как известно, высокий уровень интеллекта и иррациональность – противоречивые личностные характеристики. Поэтому, неудивительно, что обна-

руженная с помощью теста М. Люшера у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей иррациональность сочетается с выявленной по шкале В низкой степенью их интеллекта. И, наоборот, высокая степень интеллекта родителей со сбалансированным стилем воспитания хорошо согласуется с тем фактом, что иррациональность не является их характерной личностной чертой.

Также у этой категории родителей отмечается более высокий показатель по шкале Q2. Это свидетельствует о том, что они при решении жизненных задач больше склонны полагаться на самих себя, использовать собственные способности и возможности. В.М. Мельников и Л.Т. Ямпольский отмечают: «Лица с высокими оценками (по шкале Q2 – С.К.) независимы, самостоятельны, ... предпочитают делать все сами: сами принимают решения, сами добиваются его исполнения, сами несут ответственность.... Они не нуждаются в “чувстве локтя”, в одобрении и поддержке со стороны. Низкие оценки свидетельствуют о несамостоятельности, зависимости, привязанности к группе. Эти люди в своем поведении ориентируются на групповое мнение, нуждаются в постоянной опоре, поддержке окружающих, в совете и одобрении. Они предпочитают жить и работать вместе с другими людьми ... потому, что у них отсутствует инициатива и смелость в выборе собственной линии поведения» (Мельников, 1985, С. 54).

По шкале G «сила Сверх-Я» более высокий показатель обнаруживается у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Это характеризует их как людей, имеющих стойкие моральные принципы и склонных неукоснительно следовать им. Как уже указывалось ранее со ссылкой на работы З. Фрейда, повышенная ориентация человека на соблюдение моральных норм зачастую приводит к повышенной фрустрации его природных влечений. Это, на наш взгляд, может объяснить высокий показатель у этих групп родителей по шкале «фрустрированности» Q4.

В целом, результаты тестирования позволяют сделать вывод о том, что компромиссная позиция в воспитании детей свойственна родителям, обладающим высоким уровнем интеллекта и склонным полагаться при решении

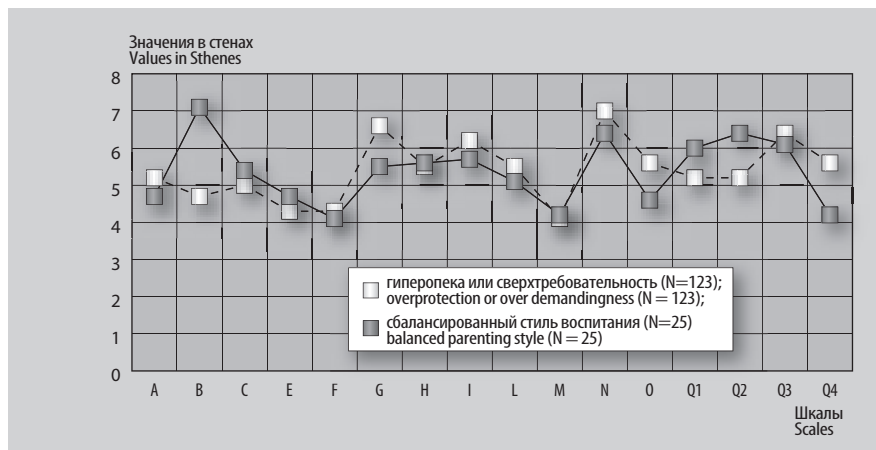

Рисунок 4. Профили результатов теста Р. Кеттелла для родителей, у которых по данным бесед выявились: гиперопека или сверхтребовательность (N=123); сбалансированный стиль воспитания (N=25)

Fig. 4. Profiles of R. Cattell test results for the parents who according to the interviews revealed: overprotection or over demandingness (N = 123); balanced parenting style (N = 25)

жизненных задач на себя. На этом основании можно предположить, что и сама эта позиция вырабатывается ими в большей степени самостоятельно и на рациональной основе, как это свойственно нормальной личности.

Напротив, односторонние позиции гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, занимаемые ими в воспитании своих детей, как было показано в предшествующей работе (Капустин, 2015), формируются в большей степени под влиянием акцентированных стилей воспитания, которым они сами подвергались в детстве (особенно, гипер-

опеки и сверхтребовательности) и на иррациональной основе, что свидетельствует об аномальности их личности.

Влияние сбалансированного стиля воспитания на развитие личности детей

Основываясь на результатах бесед с членами семей, можно утверждать, что сбалансированный стиль родительского воспитания способствует формированию у детей типа личности с двойственной, противоречивой ориентацией. Одну из них можно обозначить как ориентация человека при решении жизнен-

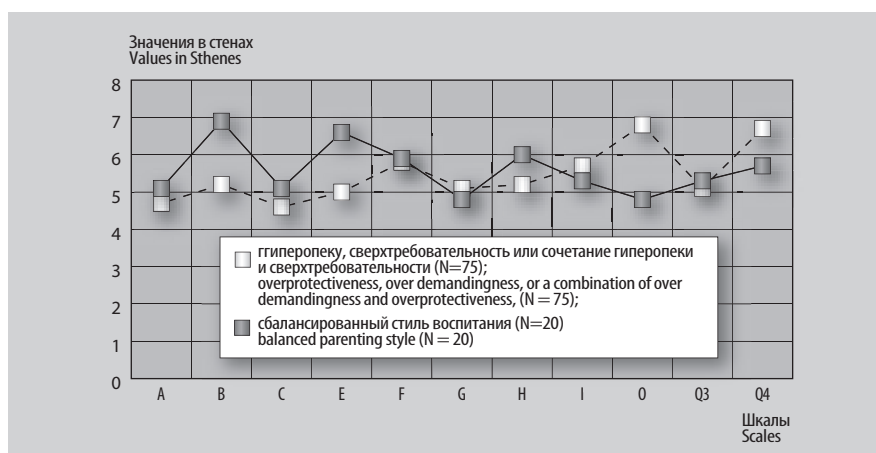

Рисунок 5. Профили результатов теста Р. Кеттелла: для детей, родители которых по данным бесед проявляли: гиперопеку, сверхтребовательность или сочетание гиперопеки и сверхтребовательности (N=75); сбалансированный стиль воспитания (N=20)

Fig. 5. Profiles of R. Cattell test results for children whose parents according to the interviews revealed: overprotectiveness, over demandingness, or a combination of over demandingness and overprotectiveness, (N = 75); balanced parenting style (N = 20)

ных задач на себя. В повседневной жизни такого человека обычно называют самостоятельным. Другая – это ориентация человека при решении жизненных задач на родителей. Она проявляется в том, что дети слушаются своих родителей, привязаны к ним и сами родители характеризуют их как достаточно послушных, выполняющих их просьбы и требования и прислушивающихся к их советам.

На рис. 5 представлены два профиля результатов теста Кеттелла: для детей, родители которых вошли в сводную группу (склонных к гиперопеке либо сверхтребовательности), и для детей, воспитывавшихся в условиях сбалансированного стиля. Основанием для объединения указанных трех групп детей в одну сводную послужило то, что при сравнении их по всем шкалам этого теста по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$ не удалось выявить статистически значимых различий среди них ни по одной шкале. Результаты приводятся только по тем шкалам, которые являются общими для двух вариантов использованных нами опросников.

Между группой детей, в семьях которых использовался сбалансированный стиль воспитания, и каждой из групп детей, воспитывавшихся в условиях либо гиперопеки, либо сверхтребовательности, либо их сочетания, обнаружилось статистически значимые различия по четырем шкалам: В, Е, О и Q4.

У детей из семей со сбалансированным стилем воспитания так же, как и у их родителей, наблюдается более высокое значение по шкале В, что свидетельствует о более высоком уровне интеллекта у них по сравнению с детьми, относящимися ко всем другим категориям. Высокий показатель по шкале Е указывает на наличие у них ярко выраженного стремления к независимости и самостоятельности. Как пишут В.М. Мельников и Л.Т. Ямпольский, лица с высокими показателями по этой шкале: «Живут по своим собственным законам и соображениям, ... отстаивают свои права на самостоятельность. ... Человек, имеющий низкую оценку, послушен, конформен, покорно следует за более сильными, ... не верит в себя и свои способности, ... часто оказывается зависимым» (Мельников, 1985, С. 36). Относительно низкие оценки у детей из семей со сбалансированным стилем воспи-

тания по шкалам О и Q4 свидетельствуют об их жизнерадостности и меньшей фрустрированности побуждений.

В этом исследовании выяснилось также, что у детей с типом личности, ориентированным при решении жизненных задач на себя и на родителей, отсутствуют какие-либо трудности при социальной адаптации и, следовательно, связанные с этим детско-родительские проблемы. Из этого вовсе не следует, что в семьях со сбалансированным стилем воспитания полностью отсутствуют детско-родительские проблемы. Они есть и зачастую возникают из-за того, что дети не всегда ведут себя так, как хотелось бы родителям, а родители – так, как хотелось бы детям. Во всех этих случаях между ними могут возникать стычки, ссоры, скандалы, во время которых родители могут накричать на детей, наказать их и даже отшлепать, а дети также выразить различными способами свое недовольство родителями. Но здесь важно подчеркнуть, что эти проблемы имеют совсем другое происхождение. Они возникают не вследствие трудностей детей в социальной адаптации, обусловленных аномальным развитием их личности, а вследствие трудностей, объективно присущих самому процессу воспитания человека. Наверное, родители интуитивно понимают, что совсем без проблем процесса воспитания не бывает, и поэтому они не считают нужным обращаться к психологу за помощью в преодолении такого рода трудностей.

Использование экзистенциального критерия для оценки личности детей

Результаты исследования показывают, что сбалансированный стиль воспитания, в котором проявляется компромиссная позиция родителей по отношению к экзистенциальным дихотомиям помощи и самостоятельности, природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения, способствуют формированию у детей типа личности с двойственной, противоречивой ориентацией при решении жизненных задач (на себя и на родителей).

Детям из семей со сбалансированным стилем воспитания, как и их родителям, присуща компромиссная позиция по

отношению к тем же дихотомиям, что является одним из признаков нормальности их личности.

Позиция этих детей является компромиссной по отношению к дихотомиям помощи и самостоятельности, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Потому что, свойственная их личностному типу ориентация на родителей включает в себя расчет на их помощь, стремление соответствовать своим поведением их требованиям и подчинение их влияниям, а ориентация на себя подразумевает одновременно проявление самостоятельности, самоактуализацию и самоопределение. А поскольку стремление детей соответствовать своим поведением социальным требованиям родителей совмещается с тем, что родители предоставляют им в определенной мере возможность жить так, как они сами хотят или считают нужным, не препятствуя проявлениям их природных влечений, эта позиция является компромиссной также и по отношению к экзистенциальной дихотомии природы и культуры.

В связи с тем, что в формировании личности этих детей главная роль принадлежит родителям, то в соответствии с экзистенциальным критерием такую личность следовало бы рассматривать как аномальную. Однако против такого утверждения свидетельствуют два факта. Во-первых, как неоднократно указывалось, родители, использующие сбалансированный стиль воспитания, приучают своих детей к ориентации на себя при решении жизненных задач. Во-вторых, как свидетельствуют данные бесед, одной из особенностей сбалансированного стиля воспитания является то, что родители стараются не навязывать детям свои требования на иррациональной основе, предпочитая объяснять им, почему и для чего их следует выполнять. Тем самым, на наш взгляд, они показывают детям, что их поступки должны быть осмысленными, иметь рациональное объяснение. Можно предположить, что, приучая детей к ориентации при решении жизненных задач на себя и к рациональному подходу в объяснении совершаемых поступков, родители закладывают необходимую основу для выработки у них собственной, рациональной позиции по отношению

к тем же самым или каким-то другим экзистенциальным дихотомиям. Поэтому, при сбалансированном стиле воспитания, в отличие от гиперопеки и сверхтребовательности, у детей возникают более благоприятные личностные предпосылки для формирования нормальной личности. Сформируется ли у них впоследствии нормальная личность, будет зависеть только от них самих, от того, смогут ли они воспользоваться этими благоприятными предпосылками.

Такое понимание нормального развития личности детей согласуется с классическими представлениями о нормальной личности, содержащимися в работах Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. В соответствии с ними, нормальная личность должна не только занимать компромиссную позицию по отношению к экзистенциальным дихотомиям, но и формироваться при активном участии самого человека на рациональной основе (Капустин, 2013).

Поскольку сбалансированный стиль воспитания способствует нормальному развитию личности детей, то у них отсутствуют личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации.

Сравнение сбалансированного стиля родительского воспитания с другими позволило выявить его сходство с отдельными стилями воспитания, оказывающими благоприятное влияние на развитие личности детей. Интересно, что этим стилям также свойственна сбалансированность их отдельных противоречивых сторон. Так, А. Baldwin отмечает, что наиболее благоприятным для развития личности детей является такой стиль воспитания, который характеризуется принятием ребенка и соблюдением баланса, с одной стороны, между доминированием и потворствованием, а с другой, – между демократичностью и авторитарностью (Baldwin, 1948). В ряде работ (Райс, 2000; Baumrind, 1991; Cobb, 1995) указывается на так называемый авторитетный стиль воспитания, в котором родители сочетают опеку и контроль детей с постепенной их подготовкой к самостоятельной жизни. Этот стиль способствует развитию у детей высокой когнитивной и соци-

альной компетентности (Шэффер, 2003; Baumrind, 1991), а также автономии и индивидуации (Райс, 2000; Шэффер, 2003; Cobb, 1995), что является важнейшей задачей их личностного развития (Карабанова, 2010; Поскребышева, 2014). Автономия и индивидуация – это два тесно связанных друг с другом понятия, которые означают способность детей решать жизненные задачи, полага-

Можно предположить, что, приучая детей к ориентации при решении жизненных задач на себя и к рациональному подходу в объяснении совершаемых поступков, родители закладывают необходимую основу для выработки у них собственной, рациональной позиции по отношению к тем же самым или каким-то другим экзистенциальным дихотомиям

ясь не на родителей (автономия), а на собственный опыт, интеллект и возможности (индивидуация). При этом наиболее оптимальным для развития личности детей считается достижение ими автономии и индивидуации при сохранении их связи с родителями.

Выводы этих авторов хорошо согласуются с нашими. Но, в отличие от них, основываясь на результатах оценки личности детей, полученных с помощью экзистенциального критерия, можем утверждать, что сбалансированный стиль воспитания, который по описанию очень сходен с авторитетным, способствует нормальному развитию личности детей, соответствующему природе человека.

Выводы

Результаты проведенного исследования стилей воспитания в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, и их влияния на развитие личности детей позволяют сделать следующие выводы:

1 На основе данных бесед с членами семей описан так называемый сбалансированный стиль родительского воспитания. Это описание согласуется с результатами, полученными с помощью теста ДМО. На основе этого описания можно сделать вывод о компромиссной позиции родителей, занимаемой ими в воспитании своих детей по отношению к экзистенциальным дихотомиям помощи и самостоятельности, природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения.

2 Результаты, полученные с помощью теста М. Люшера и Р. Кеттела, свидетельствуют о том, что родителям, использующим сбалансированный стиль воспитания, в отличие от гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, в большей степени свойственны высокий интеллект и ориентация при решении жизненных задач на себя. На основе этих результатов можно предположить,

что компромиссная позиция, занимаемая родителями в воспитании своих детей по отношению к экзистенциальным дихотомиям, вырабатывается ими самостоятельно и на рациональной основе, что в соответствии с экзистенциальным критерием свидетельствует о нормальности их личности.

3. На основе данных бесед с членами семей было обнаружено, что сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей типа личности с двойственной, противоречивой ориентацией при решении жизненных задач на себя и на родителей. Описание этого типа личности согласуется с результатами теста Р. Кеттела. Показано, что детям, обладающим этим типом личности, так же, как и их родителям, присуща компромиссная позиция по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям помощи и самостоятельности, природы и культуры, самоактуализации и условных ценностей, детерминизма и самоопределения. Согласно экзистенциальному критерию компромиссная позиция детей по отношению ко всем этим дихотомиям является одним из признаков нормальности их личности.

4. Исходя из того, что сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей ориентации при решении жизненных задач на себя и приучает их к поиску рациональных объяснений человеческих поступков, можно предположить, что родители тем самым закладывают основу для выработки их детьми собственной, ра-

Исходя из того, что сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей ориентации при решении жизненных задач на себя и приучает их к поиску рациональных объяснений человеческих поступков, можно предположить, что родители тем самым закладывают основу для выработки их детьми собственной, рациональной позиции по отношению к экзистенциальным дихотомиям различного рода

циональной позиции по отношению к экзистенциальным дихотомиям различного рода. Поэтому у детей, к которым применялся сбалансированный

стиль воспитания, возникают более благоприятные личностные предпосылки для формирования нормальной личности, чем у детей родителей, ко-

торым свойственны гиперопека или сверхтребовательность
5. Поскольку сбалансированный стиль воспитания способствует нормальному развитию личности детей, у них отсутствуют личностные предпосылки затруднений в социальной адаптации, поэтому в семьях с данным стилем воспитания нет детско-родительских проблем, обусловленных этими трудностями.

Литература:

- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – Москва : Прага, 1993. – 175 с.
- Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии / С.А. Капустин. – Москва : Когито-Центр, 2013. – 101 с.
- Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76-90.
- Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2015а. – № 1(17). – С. 79-87.
- Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015б. – № 2. – С. 51-62.
- Карабанова О.А. Семейное психологическое консультирование – теория, практика, образование / О.А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 104-107.
- Люшер М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК; Вече, 1997. – 240 с.
- Мельников В.М. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – Москва : Просвещение, 1985. – 319 с.
- Поскребышева Н.Н. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка / Н.Н. Поскребышева, О.А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1(13). – С. 74-85.
- Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 624 с.
- Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности / Л.Н. Собчик. – Москва : Институт прикладной психологии, 1998. – 512 с.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – Москва : Наука, 1989. – 456 с.
- Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1993. – 415 с.
- Шэффер Д. Дети и подростки: психология развития / Д. Шэффер. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 976 с.
- Юнг К. Психология бессознательного / К. Юнг. – Москва : Канон, 1994. – 320 с.
- Baldwin A.L. Socialization and the parent-child relationship // *Child Development*. – 1948. – Vol. 19. – P. 127-136.
- Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // *Journal of Early Adolescence*. – 1991. – Vol. 11. – P. 56-95.
- Cobb N.J. Adolescence: Continuity, Change, and Diversity. – California: Mayfield Publishing Company, 1995. – P. 218-239.
- Rogers C.R. A Theory of Therapy, Personality and Interpersonal Relationships as Developed in the Client-Centered Framework // S. Koch (ed.). *Psychology: a Study of a Science*. – New York: McGraw Hill, 1959. – Vol. 3. – P. 184-256.

References:

- Adler, A. (1993) Practice and theory of individual psychology. Moscow, Pragma, 175.
- Baldwin, A.L. (1948) Socialization and the parent-child relationship. *Child Development*. Vol. 19. 127-136.
- Baumrind, D. (1991) The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *Journal of Early Adolescence*. Vol. 11. 56-95.
- Cobb, N.J. (1995) Adolescence: Continuity, Change, and Diversity. California, Mayfield Publishing Company. 218-239.
- Frankl, V. (1990) Man's search for meaning. Moscow, Progress, 368.
- Freud, S. (1989) Introduction to psychoanalysis: Lectures. Moscow, Nauka, 456.
- Fromm, E. (1993) Psychoanalysis and ethics. Moscow, Respublika, 415.
- Kapustin, S.A. (2013) Existential criterion of normality and abnormality of personality in the classical areas of psychology and psychotherapy. Moscow, Kogito-Tsentr, 239.

- Kapustin, S.A. (2014) Styles of parenting in families of psychological consultation clients for parent-child problems. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 4, 76-90.
- Kapustin, S.A. (2015a). Personal features of children in client families who receive psychological advice. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 1(17), 79-87.
- Kapustin, S.A. (2015b) The use of existential criterion for assessing personality of hyperprotecting and overexacting parents in families of psychological consultation clients for parent-child problems. *Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology. 2, 51-62.
- Karabanova, O.A. (2010) Family consulting — theory, practice-education. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*. 1(3), 104-107.
- Lyusher, M. (1997) *The colour of your character*. Moscow, RIPOL KLASSIK, Veche, 240.
- Mel'nikov, V.M., & Yampol'skiy, L.T. (1985) *Introduction to experimental psychology personality*. Moscow, Prosveshchenie, 319.
- Poskrebysheva, N.N., & Karabanova, O.A. (2014). Developmental approach to the study of adolescent personal autonomy. *National psychological journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*. 1(13), 74-85.
- Shvedovskaya A.A., Archakova T.O. (2015). Styles of parent-child interactions in families with preschool-age children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(2), 36-51.
- Rays, F. (2000) *The psychology of adolescence and youth*. Sankt- Peterburg: Piter, 624.
- Rogers, C.R. (1959) *A Theory of Therapy, Personality and Interpersonal Relationships as Developed in the Client-Centered Framework*. S. Koch (ed.) *Psychology: a Study of a Science*. New York, McGraw Hill. Vol. 3, 184-256.
- Sheffer, D. (2003) *Children and adolescents: developmental psychology*. Sankt-Peterburg, Piter, 976.
- Sobchik, L.N. (1998) *Introduction to psychology personality*. Moscow, Institut prikladnoy psikhologii, 512.
- Yung, K. (1994) *Psychology of the unconscious*. Moscow, Kanon, 320.

Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности

В.В. Барabanщикова, Г.И. Марусанова МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 2 ноября 2015/ Принята к публикации: 27 ноября 2015

Perspectives for research of the procrastination phenomenon in professional work

Valentina V. Barabanshchikova*, Galina I. Marusanova Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 2, 2015 / Accepted for publication: November 27, 2015

*Corresponding author. E-mail: vvb-msu@bk.ru

В статье освещается современное состояние проблемы феномена прокрастинации в профессиональной деятельности, рассматриваются основные неисследованные аспекты данной области, выделяются перспективные направления научного анализа. Обзор периодизации существующих публикаций показывает, что число разработок темы прокрастинации с каждым годом возрастает в геометрической прогрессии. Несмотря на выраженный исследовательский интерес к настоящему конструкту, в отечественной и зарубежной психологической науке феномен прокрастинации в труде профессионалов описан недостаточно. Во-первых, отсутствует единое и общепринятое определение понятия прокрастинации (Corkin, Yu, Lindt, 2011; Steel, 2010; Krause, Freund, 2014), что свидетельствует о наличии глубокого терминологического кризиса в данной сфере. Во-вторых, характеристика отсрочки реализации элементов деловой нагрузки представлена лишь на примере достаточно узкого спектра специальностей, что делает актуальным изучение специфики дифференцированного функционирования феномена на материале широкого круга профессий. В-третьих, в психологии отсутствуют данные об особенностях проявления в профессиональной деятельности так называемой «активной» прокрастинации – тенденции к сознательному откладыванию выполнения заданий с целью достижения оптимального итогового результата работы (Chu, Choi, 2005; Choi, Moran, 2009). В-четвертых, наблюдается острый дефицит стандартизированных психодиагностических инструментов для распознавания настоящего феномена в труде (большинство существующих методик прошли апробацию на выборках студентов и направлены на выявление академической прокрастинации). В-пятых, не существует научно обоснованного выделения методов совладания с деструктивными проявлениями психологической стратегии откладывания «на потом» исполнения должностных обязанностей в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: прокрастинация, «активная» прокрастинация, «пассивная» прокрастинация, академическая прокрастинация

The paper describes the current state of the procrastination phenomenon in professional work, reviews the basic unexplored aspects in this area, and highlights the promising areas of scientific analysis. The survey of the existing literature periodization shows that the quantity of researches devoted to procrastination is growing exponentially every year. In spite of a pronounced research interest in this construct, in native and foreign psychological science procrastination phenomenon in the professional work is represented insufficiently. Firstly, there is no common and generally accepted definition of procrastination (Corkin, Yu, Lindt, 2011; Steel, 2010; Krause, Freund, 2014), that suggests that there is a deep terminological crisis in this area. Secondly, the characteristic of delaying the implementation of the elements of workload is represented only by the example of a fairly narrow range of professional activities, which makes it relevant to study the specificity of the differentiated functioning of the phenomenon on the material of a wide range of professions. Thirdly, in psychology there are no information about the peculiarities of the so-called "active" procrastination manifestations in professional activity, which is the tendency of conscious assignments delaying to achieve the optimum final result (Chu, Choi, 2005; Choi, Moran, 2009). Fourthly, there is an acute shortage of standardized psychodiagnostic tools to evaluate this phenomenon in work (most of the existing methods have been tested on samples of students and are aimed at identifying academic procrastination). In the fifth place, there are no science-based allocation of methods of coping with destructive manifestations of the psychological strategy of the job functions postponement in a professional work.

Keywords: procrastination, "active" procrastination, "passive" procrastination, academic procrastination

Современное постиндустриальное общество характеризуется переходом экономики на инновационный путь развития. Одной из задач форсированного внедрения нововведений в область производства является формирование мощного плацдарма для глобального, стремительно разворачивающегося финансового прогресса. Как следствие, усиливается динамика народно-хозяйственных процессов, возрастает изменчивость внешних и внутренних средовых факторов социально-трудовой сферы (Львов, Клейнер, 2007).

В постиндустриальном обществе происходит преобразование существующего рынка труда. Имеет место тенденция к снижению числа работников, занятых на материальном производстве, и увеличения количества специалистов, задействованных в сфере нематериальных услуг. Претерпевает изменения сама функция человеческих ресурсов в рабочем процессе, в качестве одной из основных особенностей которого начинает фигурировать направленность на интенсификацию умственной деятельности профессионалов

В настоящее время претерпевает изменения сама парадигма управления человеческими ресурсами. Согласно концептуальному подходу к HR-менеджменту, в качестве одной из наиболее перспективных движущих сил экономического развития предприятия выступает его кадровый потенциал (Ульрих, 2007). Компании нуждается в высококвалифицированных работниках, обла-

дающих не только устойчивой внешней мотивацией к обеспечению эффективного решения производственных задач, но и выраженной внутренней мотивационно-ценностной ориентацией на профессиональное совершенствование во благо организации.

В постиндустриальном обществе происходит преобразование существующего рынка труда. Имеет место тенденция к снижению числа работников, занятых на материальном производстве, и увеличения количества специалистов, задействованных в сфере нематериальных

услуг. Претерпевает изменения сама функция человеческих ресурсов в рабочем процессе, в качестве одной из основных особенностей которого начинает фигурировать направленность на интенсификацию умственной деятельности профессионалов.

В результате становятся нерентабельными многие рабочие места, активно комплектовавшиеся персоналом

еще 25 лет назад. Трудовые отношения между сотрудниками и нанимателями выходят за рамки устоявшейся схемы «работник – работодатель». Появляются и набирают повсеместную популярность такие приемы кадровой политики, как аутсорсинг (outsourcing) – передача сторонней организации определенного объема бизнес-функций; ауттаскинг (outtasking) – заказ исполнителю выполнения отдельных заданий; аутстаффинг (outstaffing) – привлечение к работе специалистов, состоящих в штате другого учреждения (Юрьев, 2012).

Для продуктивного существования в условиях жесткой конкуренции и успешной реализации производственных принципов, максимизации прибыли и минимизации затрат предприятию необходимо предельно рациональное использование имеющихся материальных ресурсов и промышленных мощностей. При этом одним из залогов повышения эффективности функционирования организации выступает оптимизация индивидуального и коллективного труда штатных и внештатных сотрудников.

В качестве аспекта достижения высокого качества реализации специалистами поставленных рабочих задач актуальным становится изучение особенностей феномена прокрастинации в профессиональной деятельности – раскрытие специфики психологической стратегии откладывания специалистами выполнения предписанных должностных обязанностей (Барабанщикова, Каминская, 2013).

Прокрастинация получила широкое распространение среди населения, находящегося в трудоспособном возрасте. Согласно ряду зарубежных исследований, привычка откладывать различные действия на «потом» характерна примерно для 20% совершеннолетних граждан англоязычных стран (Harriott, Ferrari, 1996; Hammer, Ferrari, 2002; Ferrari, O'Callaghan, Newbegin, 2005). По другим данным, предрасположенность к отсрочиванию выполнения запланированных дел признают за собой около 95% взрослых жителей Запада, при этом четверть из них считают подобную склонность хронической (Steel, 2010). Отмечается, что в течение 30 лет (с 1978 года по 2007 год) количество людей за

Валентина Владимировна Барабанщикова – доцент, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vvb-msu@bk.ru

Галина Игоревна Марусанова – аспирант кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: toxic11@mail.ru

Для цитирования: Барабанщикова В.В., Марусанова Г.И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4(20). – С. 130-140.

For citation: Barabanshchikova Valentina V., Marusanova Galina I. (2015). Perspectives for research of the procrastination phenomenon in professional work. *National Psychological Journal*, 4, 30-140.

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2015
© Russian Psychological Society, 2015

рубежом, идентифицирующих себя как неизменных прокрастинаторов, увеличилось практически на 20% – возросло с 5% до 26% (Steel, 2012).

Имеются данные о глобальных неблагоприятных экономических и социальных последствиях прокрастинации населения. Так, около 40% взрослых американцев признаются, что им доводилось нести различные финансовые потери из-за промедления со своевременным выполнением необходимых дел (Gura, 2008). Причем, подобная подверженность проявлениям психологической стратегии откладывания осуществления задуманного одинаково свойственна как американским мужчинам, так и женщинам (Ferrari, Pychyl, 2000; Schowenborg, Lay, Pychyl, Ferrari, 2004).

Согласно статистике, жители Соединенных Штатов Америки ежегодно получают штрафы на сотни миллионов долларов, потому что не выплачивают налоги в срок. Ведущие финансовые аналитики крупного банка «Clear Mountain Bank» отмечают, что только в 2013 году с клиентов было удержано в сумме около 12 миллиардов долларов по задолженностям за непогашенные вовремя кредиты. По прогнозам с каждым годом эта цифра будет увеличиваться на 1-2 миллиарда.

Однако масштабы урона, связанного с тотальной склонностью социума к откладыванию дел, гораздо шире, чем категория индивидуальных потерь каждого конкретного человека. Люди, предрасположенные к отсрочиванию реализации планов в повседневных жизненных вопросах, скорее всего, будут демонстрировать эту же тенденцию на профессиональном поприще, что может стать причиной колоссальных финансовых потерь для работодателя. Например, по результатам исследования, проведенного на базе консалтинговой компании «N&R Block», в 2002 году организация понесла убытки в размере 473 миллионов долларов по причинам, так или иначе связанным с промедлением сотрудников на рабочих местах (Барабанщикова, Каминская, 2013).

Отмечается, что для «белых воротничков» – специалистов умственного труда, склонность к прокрастинации характерна в гораздо большей степени, чем для

«синих воротничков» – работников, занимающихся физической деятельностью (Harriott, Ferrari, 1996; Hammer, Ferrari, 2002), что в эпоху постиндустриализма значительно увеличивает необходимость разработки аспектов отсрочивания профессионалами выполнения элементов деловой нагрузки.

Прокрастинация в профессиональной деятельности

История активной научной разработки специфики проявлений поведенческой склонности откладывания «на

ресурсов международной реферативно-библиографической наукометрической базы публикаций «Web of Science», свидетельствуют о наличии тенденции ежегодного усиления исследовательского интереса к феномену прокрастинации (см. табл. 1 и 2). Более того, с 1980 г. число публикаций, касающихся различных аспектов психологической стратегии отсрочивания выполнения дел, растет буквально в геометрической прогрессии.

Так, например, в десятилетний период с 1980 г. по 1990 г. было опубликовано всего 3,4% от общего числа работ, присутствующих в данной области на сегодняшний день (см. табл. 1).

Таблица 1. Статистическая сводка научных публикаций, посвященных феномену прокрастинации, за период 1985-2015 гг. с разбивкой на десятилетия.

	Период времени, гг.			
	До 1985	1985-1995	1995-2005	2005-2015
Количество публикаций, %	1,1	6,8	26,1	66

Table 1. Statistical summary of scientific publications on the phenomenon of procrastination, as of 1985-2015 by decade

	Time period			
	before 1985	1985 – 1995	1995 – 2005	2005 – 2015
Number of Publications, %	1.1	6.8	26.1	66

потом» реализации тех или иных намерений насчитывает менее полувека. При этом около 80% исследований, существующих в настоящий момент, были опубликованы в течение последних 15 лет.

Результаты систематизации данных, аккумулированных с использованием

Напротив, в течение последних десяти лет (2005-2015 гг.) издано подавляющее большинство (66%) статей на тему прокрастинации, при этом за последние пять лет (2010-2015 гг.) вышло немногим менее половины (42,1%) существующих научных работ (см. табл. 2).

Таблица 2. Статистическая сводка научных публикаций, посвященных феномену прокрастинации, за период 1980-2015 гг. с разбивкой на пятилетия.

	Период времени, гг.						
	1980-1985	1985-1990	1990-1995	1995-2000	2000-2005	2005-2010	2010-2015
Количество публикаций, %	1,1	2,3	4,5	10,2	15,9	23,9	42,1

Table 2. Statistical summary of scientific publications on the phenomenon of procrastination, as of 1985-2015 by lustrium

	Период времени, гг.						
	1980-1985	1985-1990	1990-1995	1995-2000	2000-2005	2005-2010	2010-2015
Number of Publications, %	1.1	2.3	4.5	10.2	15.9	23.9	42.1

Таблица 3. Исследования особенностей феномена прокрастинации в трудовой деятельности.

Уровень должности	Род деятельности	Направление исследования, библиографическая ссылка
Сфера образования		
Специалисты	Учителя старших классов средней школы	Особенности и причины возникновения прокрастинации в педагогической деятельности (Seo, 2012)
		Взаимосвязь прокрастинации с профессиональным стрессом (Van Wyk, 2004)
		Взаимосвязь прокрастинации, профессионального стресса (как промежуточной переменной) и удовлетворенности трудом (Mohsin, Ayub, 2014)
Руководящий состав	Руководители и заместители руководителей школ	Взаимосвязь между прокрастинацией и стилями принятия решений (Ugurly, 2013)
	Администрация (руководство) колледжей	Взаимосвязь поведенческой тенденции к прокрастинации с уровнем самооценки и склонностью к перфекционизму (Ying, 2012)
Прочие сферы профессиональной деятельности		
Специалисты	IT-специалисты, члены виртуальных проектных групп	Взаимосвязь между склонностью к прокрастинации и уровнем выраженности профессионального стресса (Барабанщикова, Каминская, 2013)
Руководящий состав	Менеджеры и руководители IT-компаний и финансовых организаций	Степень выраженности прокрастинации в зависимости от типов временной перспективы личности (Parsons, Soucie, 1988)
	Администрация руководящих органов физической культуры и спорта	Особенности функционирования феномена прокрастинации в связи со спецификой управленческой деятельности (Gupta, Hershey, Gaur, 2012)

Table 3. Research features of procrastination phenomenon in the labour force

Job Position	Occupation	Research Drection, Bibliographic Reference
Sphere of Education		
Experts	Teachers of High School	Features and causes of procrastination in pedagogical activity (Seo, 2012)
		Procrastination relationship with occupational stress (Van Wyk, 2004)
		The relationship of procrastination, occupational stress (as an intermediate variable) and job satisfaction (Mohsin, Ayub, 2014)
Managerial Personnel	School Principal and School Deputy Principal	The relationship between procrastination and decision-making styles (Ugurly, 2013)
	College Administration (Management)	The relationship of behavioural tendencies to procrastination with self-esteem and a tendency to perfectionism (Ying, 2012)
Other Professional Spheres		
Experts	IT-specialists, members of virtual project teams	The relationship between the propensity for procrastination and the level of severity of occupational stress (Barabanshnikova, Kaminskaja, 2013)
Management	Managers and heads of IT-companies and financial institutions	The degree of procrastination in reference with the time perspective of personality types (Parsons, Soucie, 1988)
	Administration of the governing bodies of the physical culture and sport	Features of functioning of procrastination phenomenon in connection with the specific management activities (Gupta, Hershey, Gaur, 2012)

Первые публикации, посвященные анализу прокрастинации, описывают ее клинические проявления (Andreasen, 1982). В большинстве научных работ функционирование настоящего конструкта рассматривается на примере академической среды (Барабанщикова, Каминская, 2013). При этом наблюдается острый дефицит исследований, направленных на оценку стратегии откладывания профессиональных задач в трудовой деятельности.

Актуальные проблемы и перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности

Несмотря на растущий интерес психологов к разработке аспектов феномена прокрастинации в различных областях человеческой деятельности, специфика проявления настоящего конструкта в труде остается слабо изученной. В нынешнее

время в данной сфере присутствует ряд проблем, представляющих собой перспективные направления научного анализа.

1. Недостаточная степень концептуализации и операционализации феномена прокрастинации.

На сегодняшний день в области определения понятия прокрастинации присутствует глубокое терминологическое противоречие. В современной психоло-

гической науке не существует единой, общепризнанной трактовки термина «прокрастинация». Отмечается, что авторы достигли консенсуса лишь в отношении двух ключевых характеристик феномена – наличия промедления в реализации того или иного намерения и присутствия сопутствующего чувства психологического дискомфорта (Corkin, Yu, Lindt, 2011; Steel, 2010; Krause, Freund, 2014).

Прокрастинация соотносится с множеством психологических факторов (Steel, 2007). Часто данный феномен рассматривают во взаимосвязи с особенностями когнитивной, эмоциональной и мотивационной сфер личности (Pychyl, Flett, 2012; Rebetz, Rochat, Van der Linden, 2015). Однако целостная картина взаимодействия данных конструктов до сих пор недостаточно ясна (Wilson, Nguyen, 2012). Число релевантных структурных моделей прокрастинации крайне невелико (Procsee, Kamphorst, Wissen van, Meyer, 2013), не сформировано в полной мере представление об особенностях связей психологических детерминант настоящего феномена.

Более того, прокрастинация в профессиональной деятельности практически не классифицировалась авторами как отдельный конструкт. До обобщения всего многообразия проявлений данной психологической стратегии в два больших класса: отсрочивание выполнения заданий и откладывание принятия решений (Milgram, Tenne, 2000), наиболее распространенная классификация насчитывала пять видов прокрастинации:

- бытовая прокрастинация – откладывание выполнения необходимых повседневных дел, таких как оплата счетов, наведение порядка в жилом и рабочем помещениях, осуществление покупок;
- прокрастинация в принятии решений (в том числе, относительно незначительных);
- невротическая прокрастинация – отсрочивание осуществления глобальных жизненных решений, например, выбора будущей профессии, момента вступления в брак;
- компульсивная прокрастинация – хроническое проявление в поведении склонности к откладыванию дел в сочетании с тенденцией отсрочивания принятия решений;

- академическая прокрастинация – промедление в выполнении учебных заданий (Milgram, Batory, Mowter, 1993).

Существующая типология нуждается в доработке, посредством выделения отдельного кластера проявлений в профессиональной деятельности стратегии откладывания трудовых задач.

2. Низкая степень изученности специфики феномена прокрастинации в профессиональной деятельности.

В современной психологической науке наблюдается острый дефицит исследований психологических особенностей стратегии откладывания специалистами выполнения предписанного круга профессиональных задач.

В систематизированной совокупности основных, крайне малочисленных публикаций, посвященных анализу функционирования феномена прокрастинации в трудовой деятельности (см. табл. 3), в наиболее общем виде прослеживается ряд тенденций:

- феномен прокрастинации описывается на материале достаточно узкого круга специальностей – в основном, на примере должностей специалистов и руководителей в сфере образования и области информационных технологий (сфере IT);
- в отечественной психологии крайне слабо представлены исследования феномена прокрастинации в труде.

Анализ существующих публикаций позволяет выделить ряд перспектив научных исследований в данной области.

Во-первых, на сегодняшний день крайне актуальным является изучение специфики проявления прокрастинации в различных областях профессиональной деятельности. Целесообразно осуществление сравнительного описания особенностей функционирования данного феномена в работе представителей профессий разных типов: технономических, соционимических, сигнономических, бионимических, артономических (Климов, 1988). Приобретает важность анализ психологической стратегии откладывания выполнения должностных задач в труде специалистов экстремального профиля (работники военных, морских, авиационных, космических и других специальностей), по-

скольку минимальное деструктивное промедление в деятельности данного круга профессионалов может привести к губительным последствиям.

Во-вторых, необходимо описание воздействия организационных и личностных факторов на специфику отсрочивания выполнения профессиональных задач в трудовой деятельности (Барабанщикова, Каминская, 2013). Целесообразно разграничение и сравнительное изучение психологических аспектов, детерминирующих проявление прокрастинации как единичного ответа на ситуативное воздействие и ее существование в качестве устойчивой личностной черты.

В-третьих, ввиду особой специфики труда на постсоветском пространстве, возрастает актуальность осуществления отечественного научного анализа особенностей феномена прокрастинации в профессиональной деятельности. По ряду данных, большинство отечественных организаций систематически функционируют в авральном режиме, причем этапы активных трудовых свершений чередуются со своеобразными периодами «застоя», когда интенсивность работы находится на относительно стабильном уровне. При этом в качестве основной характеристики успешного специалиста отмечается способность к быстрому перераспределению задач в меняющихся условиях трудового процесса и полной мобилизации доступных ресурсов с целью достижения наивысшего результата в короткий срок (Прохоров, 2002). Вполне возможно, что в подобной ситуации феномен прокрастинации будет разворачиваться особым образом.

3. Отсутствие сравнительного описания деструктивных и конструктивных проявлений феномена прокрастинации на материале трудовой деятельности.

Наряду с частым констатированием негативных последствий поведенческой тенденции отсрочивания выполнения различных действий, в психологической науке присутствуют данные о возможности продуктивного воздействия данного феномена.

Прокрастинация разделяют на «пассивную» и «активную» (Chu, Choi, 2005).

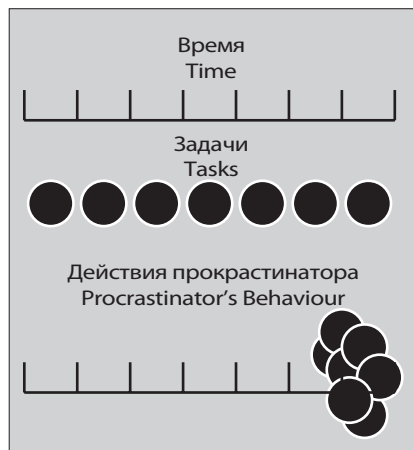

Рис. 1. Специфика проявления прокрастинации в различных видах деятельности.

Fig. 1. Specific features of procrastination manifestations in various activities

При схожих внешних признаках проявления в деятельности (см. рис. 1) выделенные виды стратегии откладывания решения необходимых задач имеют различный внутренний регуляторный механизм.

Понятие «пассивной» прокрастинации подразумевает традиционное осмысление феномена, термином «активная» прокрастинация обозначается особый тип психологической стратегии сознательного отсрочивания выполнения определенных заданий с целью достижения оптималь-

Таблица 4. Сравнительная характеристика особенностей «пассивной» и «активной» прокрастинации.

«Пассивная» прокрастинация	«Активная» прокрастинация
Изначальное отсутствие намерения отсрочить выполнение дел	Присутствие осознания возможности своевременного обращения к выполнению задания
Откладывание решения задач из-за неспособности быстро принимать решения	Сознательное откладывание выполнения дел с целью фокусировки на решении более важных и первоочередных задач

Table 4. Comparative characteristic features of «passive» and «active» procrastination

"Passive" procrastination	"Active" procrastination
The initial absence of intention to delay the execution of affairs	Awareness of capabilities of timely treatment to the assignment
Delaying the solution of problems due to the inability to make quick decisions	Conscious postponement of doing things with a view to focusing on the most important and priority

ного итогового результата деятельности (Chu, Choi, 2005) (см. табл. 4).

Индивидуальные качества так называемых «активных» и «пассивных» прокрастинаторов во многом различаются. На материале академической деятельности было показано, что лица, склонные к сознательной отсрочке определенных действий с целью сосредоточения внимания на выполнении субъективно первостепенных дел, по ряду характеристик больше похожи на тех, кому вообще не свойственна склонность откладывать «на потом», чем на

традиционных деструктивных прокрастинаторов (Chu, Choi, 2005). Так, «активные» прокрастинаторы схожи с «непрокрастинаторами» в аспектах контроля над временем, специфике представлений об уровне собственной эффективности, особенностях предпочитаемых копинг-стратегий. Также две данные подгруппы демонстрировали более высокую удовлетворенность жизнью, более низкий уровень стресса и депрессии, являлись более успешными в учебе – имели более высокий GPA (Grade Point Average, средний балл диплома или

Таблица 5. Сравнительная характеристика психологических особенностей лиц, склонных к «пассивной» или «активной» прокрастинации, а также индивидов, не демонстрирующих тенденцию откладывания дел.

	«Пассивные» прокрастинаторы	«Активные» прокрастинаторы	«Непрокрастинаторы»
Временной контроль	Малая целенаправленность расходования времени; Невысокий уровень временного контроля	Целенаправленное распоряжение временем; Высокий уровень временного контроля	
	-	Высокая оценка собственного уровня контроля времени	Низкая оценка уровня собственного контроля над временем
	Высокий уровень структурирования времени		Низкий уровень структурирования времени
Самоэффективность	Относительно невысокая оценка уровня собственной эффективности	Высокая оценка уровня собственной эффективности	
Мотивационная ориентация	Выраженная внешняя мотивация деятельности	-	Низкий уровень выраженности внешней мотивации деятельности
Стратегии совладания со стрессом	Малая степень использования стратегий совладания со стрессом, ориентированных на достижение цели	-	Использование продуктивных стратегий совладания со стрессом, ориентированных на достижение цели
	Использование стратегии избегания в стрессовых ситуациях	Малая степень использования стратегии избегания в стрессовых ситуациях	
Индивидуальные характеристики	Низкий уровень удовлетворенности жизнью; Выраженное чувство стресса и депрессии; Низкий GPA	Высокий уровень удовлетворенности жизнью; Низкий уровень выраженности депрессии и стресса; Высокий GPA	

Table 5. Comparative characteristics of the psychological features of people who are prone to the «passive» or «active» procrastination, and individuals who do not display a tendency to procrastination

	"Passive" Procrastinator	"Active" Procrastinator	"Non-Procrastinator"
Time Control	Shallow focus of spending time; The low level of interim control	The targeted time management; The high level of temporary control	
	-	High value of personal level of control time	Low Value of personal level of control time
	High level of time structuring		Low level of time structuring
Self-efficacy	Relatively low levels of self-efficacy assessment	High levels of self-efficacy assessment	
Motivational Orientation	Severe expression of extrinsic motivation activities	-	Low expression of extrinsic motivation activities
Coping Strategies with Sress	Low utilization of coping strategies, stress management, goal-oriented	-	Using the productive coping goal-oriented and stress management strategies
	Using avoidance strategies in stressful situations	Low degree of using avoidance strategies in stressful situations	
Individual Characteristics	Low levels of satisfaction with life; Expressing feelings of stress and depression; Low GPA	The high level of satisfaction with life; Low levels of depression and stress; High GPA	

аттестата) по сравнению с ровесниками, предрасположенными к «пассивной» прокрастинации (см. табл. 5).

Существуют данные, в различной степени подтверждающие возможность положительной связи «активной» прокрастинации с повышенной результативностью учебной деятельности (Demeter, Davis, 2013; Lee, 2013).

Более того, отмечается, что, благодаря способности к оперативному изменению приоритетов в решаемых задачах, «активные» прокрастинаторы могут

быть более эффективными в условиях постиндустриального общества (Choi, Moran, 2009).

Необходимо четкое понимание того, при каких условиях психологическая стратегия отсрочивания реализации должностных задач в труде специалистов будет иметь негативные последствия, а при каких, напротив, продуктивные. Итогом станет возможность поощрения позитивных проявлений прокрастинации и блокировки или минимизации ее негативных аспектов как на индивидуально-личност-

ном уровне каждого профессионала, так и в масштабах системы управления персоналом на предприятиях.

4. Дефицит средств диагностики склонности к прокрастинации и методов коррекции ее проявлений.

Основные психодиагностические инструменты, существующие на сегодняшний день, направлены на изучение академической прокрастинации и прошли апробацию на выборках студентов и учащихся подростков (см. табл. 6).

Таблица 6. Систематизация методик, направленных на диагностику прокрастинации.

Наименование методики	Авторский Состав	Год публикации	Характеристика выборки
Оригинальные методики			
Aitken Procrastination Inventory (API)	M.E. Aitken	1982	Учащиеся колледжа
Procrastination Log – Behavior	F.G. Lopez, C.A. Wambach	1982	Студенты
Procrastination Assessment Scale-Student(PASS)	L.J.Solomon, E.D. Rothblum	1984	Учащиеся колледжа
Procrastination Self-Statement Inventory (PSSI)	P.R. Grecco	1984	Студенты
General Procrastination Scale (GPS)	C. Lay	1986	Учащиеся колледжа
Adult Inventory of Procrastination (AIP)	W.G. McCown, J.L. Johnson	1989	Студенты
Test Procrastination Questionnaire (TPQ)	P. Kalechstein, D. Hocevar, J.W. Zimmer, M. Kalechstein	1989	Студенты
Tuckman Procrastination Scale (TPS)	B.W. Tuckman	1991	Учащиеся колледжа
Academic Procrastination State Inventory (APSI)	H.C. Schouwenburg	1995	Студенты
Academic Procrastination Scale (APS)	N. Milgram, Y. Toubiana	1999	Подростки (возраст: 13-16 лет) и их родители *
Active Procrastination Scale (APS)	J.N. Choi, S.V.Moran	2009	Студенты
Pure Procrastination Scale (PPS)	P. Steel	2010	Подростки (средний возраст – 14лет)
Русскоязычная адаптация			
General Procrastination Scale (GPS)	C.Lay (адаптация О.С. Виндекер, М.В. Останиной)	1986 (2014)	Студенты
Procrastination Assesment Scale Student (PASS)	L.J. Solomon, E.D. Rothblum (адаптация М.В. Зверевой)	1984 (2015)	Мужчины и женщины, возраст: 18-25 лет, образование не ниже полного среднего

* Родителям участников исследования предлагалось вспомнить возможные случаи прокрастинации из их детства

Table 6. Ordering the techniques aimed at diagnosing of procrastination

Designation method	Author Board	Year of Publication	Sample Characteristics
Original Techniques and Methods			
Aitken Procrastination Inventory (API)	M.E. Aitken	1982	College Students
Procrastination Log – Behavior	F.G. Lopez, C.A. Wambach	1982	University Students
Procrastination Assessment Scale – Student (PASS)	L.J. Solomon, E.D. Rothblum	1984	College Students
Procrastination Self-Statement Inventory (PSSI)	P.R. Grecco	1984	University Students
General Procrastination Scale (GPS)	C. Lay	1986	College Students
Adult Inventory of Procrastination (AIP)	W.G. McCown, J.L. Johnson	1989	University Students
Test Procrastination Questionnaire (TPQ)	P. Kalechstein, D. Hocevar, J.W. Zimmer, M. Kalechstein	1989	University Students
Tuckman Procrastination Scale (TPS)	B.W. Tuckman	1991	College Students
Academic Procrastination State Inventory (APSI)	H.C. Schouwenburg	1995	University Students
Academic Procrastination Scale (APS)	N. Milgram, Y. Toubiana	1999	Adolescents (Age: 13-16 years) and their parents *
Active Procrastination Scale (APS)	J.N. Choi, S.V. Moran	2009	University Students
Pure Procrastination Scale (PPS)	P. Steel	2010	Adolescents (Mean age - 14 years)
The Russian-Language Adaptation			
General Procrastination Scale (GPS)	C. Lay (Adaptation by O.C. Windeker, M.V. Ostanina)	1986 (2014)	University Students
Procrastination Assessment Scale – Student (PASS)	L.J. Solomon, E.D. Rothblum (Adaptation by M.V. Zvereva)	1984 (2015)	Females and males, age: 18-25 years, education is not lower than complete secondary education

* Parents of participants were offered to recall possible procrastination events from their childhood

Произведенный синтез данных позволяет сделать вывод о необходимости разработки в отечественной и зарубежной психологии адекватной системы диагностики особенностей феномена прокрастинации в профессиональной деятельности.

Помимо этого, в современной психологической науке отмечается нехватка научно обоснованных стратегий совладания с прокрастинацией на рабочем месте, действенных в рамках труда представителей различных профессий. Основная часть материалов, так или иначе затрагивающих данный вопрос, является публицистической и носит достаточно абстрактный характер.

Таким образом, исследование специфики психологической стратегии откладывания специалистами исполнения должностных задач имеет высокую теоретическую и прикладную значимость. Тем не менее, феномен прокрастинации на профессиональном поприще недостаточно изучен в современной психологической науке.

В качестве наиболее перспективных направлений научной разработки проблемы прокрастинации в трудовой дея-

тельности можно выделить следующие аспекты:

- Концептуализация и операционализация феномена прокрастинации в профессиональной деятельности;
- Сравнительное изучение проявления стратегии откладывания «на потом» выполнения должностных задач в труде представителей профессий различного типа, в том числе, специалистов экстремального профиля деятельности;
- Изучение специфики функционирования так называемой «пассивной» (традиционной) и «активной» (продуктивной) прокрастинации в профессиональной деятельности;
- Апробация на выборках профессионалов системы диагностики особенностей поведенческой тенденции промедления при выполнении предписанных должностных обязанностей;
- Выделение действенных методов саморегуляции и стратегий совладания с прокрастинацией, пригодных для внедрения в профессиональной среде.

В отечественной психологии исследование особенностей феномена прокрастинации в профессиональной тру-

довой деятельности имеет особую актуальность, благодаря совокупности ряда факторов:

- Относительная новизна проблемы прокрастинации в труде для отечественной науки (первое русскоязычное исследование, посвященное рассмотрению особенностей стратегии отсрочивания реализации трудовых задач, было опубликовано лишь в 2013 году);
- Крайне низкая степень изученности проявлений психологической стратегии откладывания «на потом» выполнения элементов рабочей нагрузки в профессиональной деятельности специалистов;
- Существование ряда противоречий в области анализа феномена прокрастинации.

Выявленная специфика периодизации публикации результатов исследований, посвященных феномену прокрастинации, обуславливает актуальность осуществления теоретического анализа психологической литературы в данной сфере глубиной в пять, максимум в десять лет, что позволит рассмотреть актуальное состояние проблемы.

Литература:

- Барабанщикова В.В., Каминская Е.О. Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп // Национальный психологический журнал. – 2013. – №2 (10). – С. 43-51.
- Барабанщикова В.В., Останина М.В., Климова О.А. Феномен прокрастинации в деятельности спортсменов индивидуальных и командных видов спорта. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 91-104.
- Иванников В.А. Порождение деятельности и проблема мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2015. - №2 – с. 15-22.
- Климов Е.А. Введение в психологию труда. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 199 с.
- Носкова О.Г. Общепсихологическая теория деятельности и проблемы психологии труда // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2014. - №3 – с.104-121.
- Прохоров А.П. Русская модель управления. – Москва : ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. – 376 с.
- Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики под ред. акад. Д.С. Львова, чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – Москва : Наука, 2007. – 422 с.
- Ульрих Д. Эффективное управление персоналом. Новая роль HR-менеджера в организации. – Москва : ИД «Вильямс», 2007. – 304 с.
- Юрьев С.В. Аутсорсинг как элемент современных экономических отношений в РФ: монография. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербург. гос. ун-т сервиса и экономики, 2012. – 165 с.
- Andreasen N.C. Negative symptoms in schizophrenia. Definition and reliability // Arch Gen Psychiatry. – 1982. – V.39 (7). – P. 784-788.
- Choi J.N., Moran S.V. Why not procrastinate? Development and validation of a new active procrastination scale // The Journal of Social Psychology. – 2009. – V. 149 (2). – P. 195-212.
- Chu A.H.C., Choi J.N. Rethinking procrastination: Positive effects of «active» procrastination behavior on attitudes and performance // The Journal of Social Psychology. – 2005. – V. 145 (3). – P. 245-264.
- Corkin D.M., Yu S.L., Lindt S.F. Comparing active delay and procrastination from a self-regulated learning perspective // Learning and Individual Differences. – 2011. – V. 21 (5). – P. 602-606.
- Demeter D.V., Davis S.E. Procrastination as a tool: exploring unconventional components of academic success // Creative Education. – 2013. – V.4 (7). – P. 144-149.
- Ferrari J.R., Johnson J.L., McCown W.G. Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment. – New York: Plenum Press, 1995. – 245 p.
- Ferrari J.R., O'Callaghan J., Newbegin I. (2005) Prevalence of procrastination in the United States, United Kingdom, and Australia: arousal and avoidance delays among adults // The American Journal of Psychology. – 1995. – 7 (1). – 1-6.
- Ferrari J.R., Pychyl T.A. Procrastination: Current Issues and New Directions. [Special Issue] // Journal of Social Behavior and Personality. – 2000. – V.15 (5). – P. 197-202.
- Flett G.L., Blankstein K.R., Hewitt P.L., Koledin S. Components of perfectionism and procrastination in college students // Social Behavior and Personality. – 1992. – V. 20 (2). – P. 85-94.
- Gupta R., Hershey D.A., Gaur J. Time Perspective and Procrastination in the Workplace: An Empirical Investigation // Current Psychology. – 2012. – V. 31 (2). – P. 195-211.
- Gura T. I'll Do It Tomorrow // Scientific American Mind. – 2008. – V. 19. – P. 27-33.
- Hammer C.A., Ferrari J.R. Differential incidence of procrastination between blue and white-collar workers // Current Psychology. – 2002. – V. 21 (4). – P. 333-338.
- Harriott J., Ferrari J.R. Prevalence of procrastination among samples of adults // Psychological Reports. – 1996. – 78 (2). – P. 611-616.
- Krause K., Freund A.M. Delay or procrastination: A comparison of self-report and behavioral measures of procrastination and their impact on affective well-being // Personality and Individual Differences. – 2014. – V. 63. – P. 75-80.
- Lee D. Differences in Passive/Active Procrastination, Happiness, and Depression by the Clusters of Perfectionism in College Students // Korea Journal of Counseling. – 2013. – V. 14 (2). – P. 857-875.
- Milgram N.A. El retraso: Una enfermedad de los tiempos modernos [Procrastination: A malady of modern time] // Boletín de Psicología (Valencia). – 1992. – V. 35. – P. 83-102.
- Milgram N.A., Batory G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // Journal of School Psychology. – 1993. – V. 31 (4). – P. 487-500.
- Milgram N.N., Tenne R. Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination // European Journal of Personality. – 2000. – V. 14 (2). – P. 141-156.
- Mohsin F.Z., Ayub N. The relationship between procrastination, delay of gratification, and job satisfaction among high school teachers // Japanese Psychological Research. – 2014. – V. 56 (3). – P. 224-234.
- Parsons C.A., Soucie D. Perceptions of the causes of procrastination by sports administrators // Journal of Sport Management. – 1988. – V. 2 (2). – P. 129-139.
- Procee R., Kamphorst B., Van Wissen A., Meyer J.J. A formal model of procrastination // BNAIC 2013: Proceedings of the 25th Benelux Conference on Artificial Intelligence, Delft, The Netherlands. – November 7-8. – 2013. – P. 152-159.
- Pychyl T. A., Flett G. L. Procrastination and self-regulatory failure: An introduction to the special issue // Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy. – 2012. – V. 30 (4). – P. 203-212.
- Rebetz M.M.L., Rochat L., Van der Linden M. Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach // Personality and Individual Differences. – 2005. – V. 76. – P. 1-6.

- Schowenbourg H.C., Lay C., Pychyl T.A., Ferrari J.R. Counseling the procrastinator in academic settings. – Washington, DC: American Psychological Association, 2004. – 250 p.
- Seo E.H. Teacher's procrastination and its reasons // *Korean Journal of Teacher Education*. – 2012. – V. 28 (2). – P. 189-201.
- Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. – 2007. – V. 133 (1). – P. 65-94.
- Steel P. Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? // *Personality and Individual Differences*. – 2010. – V. 48 (8). – P. 926-934.
- Steel P. The procrastination equation: How to stop putting things off and start getting stuff done. – New York: HarperCollins, 2012. – 352 p.
- Ugurlu C.T. Effects of Decision-Making Styles of School Administrators on General Procrastination Behaviors // *Eurasian Journal of Educational Research*. – 2013. – V. 13 (51). – P. 253-272.
- Van Wyk L. The relationship between procrastination and stress in the life of the high school teachers: unpublished master thesis [University of Pretoria] – Pretoria, 2004. – 98 p.
- Wilson B. A., Nguyen T. D. Belonging to tomorrow: An overview of Procrastination // *International Journal of Psychological Studies*. – 2012. – V. 4 (1). – P. 211-217.
- Ying R.Q. Core Self-Evaluations' Relationship with Procrastination: The Perfectionism as a Mediator // 2nd International Symposium on Public Human Resource Management, Hangzhou, China. – October 26-28, 2012. – P. 74-79.

References:

- Andreasen, N.C. (1982) Negative symptoms in schizophrenia. Definition and reliability. *Arch Gen Psychiatry*. 39 (7), 784–788.
- Barabanshchikova V.V., Kaminskaya E.O. (2013). Procrastination phenomenon in virtual project team members. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 2, 43-51.
- Barabanshchikova V.V., Ostanina M.V., Klimova O.A. (2015). Procrastination phenomenon in individual and team sports athletes' activity. *National Psychological Journal [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal]*, 3, 91-104.
- Bardyshevskaya, M.K. (2013). The development of affective behavioral complexes: A level-based model. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(1), 66-76. doi: 10.11621/pir.2013.0106
- Choi, J.N., & Moran, S.V. (2009) Why not procrastinate? Development and validation of a new active procrastination scale. *The Journal of Social Psychology*. 149 (2), 195–212.
- Chu, A.H.C., & Choi, J.N. (2005) Rethinking procrastination: Positive effects of «active» procrastination behavior on attitudes and performance. *The Journal of Social Psychology*. 145 (3), 245–264.
- Corkin, D.M., Yu, S.L., & Lindt, S.F. (2011) Comparing active delay and procrastination from a self-regulated learning perspective. *Learning and Individual Differences*. 21 (5), 602–606.
- Demeter, D.V., & Davis, S.E. (2013) Procrastination as a tool: exploring unconventional components of academic success. *Creative Education*. 4 (7), 144-149.
- Ivannikov, V. A. (2015) A generation of activity and the problem of motivation. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 2, 15-22
- Ferrari, J.R., Johnson, J.L., & McCown, W.G. (1995) Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment. New York, Plenum Press.
- Ferrari, J.R., O'Callaghan, J., & Newbegin, I. (2005) Prevalence of procrastination in the United States, United Kingdom, and Australia: arousal and avoidance delays among adults. *The American Journal of Psychology*. 7 (1), 1-6.
- Ferrari, J.R., & Pychyl, T.A. (2000) Procrastination: Current Issues and New Directions. [Special Issue]. *Journal of Social Behavior and Personality*. 15 (5), 197-202.
- Flett, G.L., Blankstein, K.R., Hewitt, P.L., & Koledin, S. (1992) Components of perfectionism and procrastination in college students. *Social Behavior and Personality*. 20 (2), 85-94.
- Gupta, R., Hershey, D.A., & Gaur, J. (2002) Time Perspective and Procrastination in the Workplace: An Empirical Investigation. *Current Psychology*. 31 (2), 195-211.
- Gura, T. (2008) I'll Do It Tomorrow. *Scientific American Mind*. 19, 27-33.
- Hammer, C.A., & Ferrari, J.R. (2002) Differential incidence of procrastination between blue and white-collar workers. *Current Psychology*. 21 (4), 333-338.
- Harriott, J., & Ferrari, J.R. (1996) Prevalence of procrastination among samples of adults. *Psychological Reports*. 78 (2), 611-616.
- Jur'ev, S.V. (2012) Outsourcing kak element sovremennykh ekonomicheskikh otnosheniy v RF: monografiya [Outsourcing as an element of modern economic relations in Russian Federation: monograph]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudrsvennyi unisutut servisa i ekonomiki.
- Klimov, E.A. (1988) Vvedenie v psikhologiyu truda [Introduction to work psychology]. Moscow, MGU.
- Krause, K., & Freund, A.M. (2014) Delay or procrastination: A comparison of self-report and behavioral measures of procrastination and their impact on affective well-being. *Personality and Individual Differences*. 63, 75–80.
- Lee, D. (2013) Differences in passive/active procrastination, happiness and depression by the clusters of perfectionism in college students. *Korea Journal of Counseling*. 14 (2), 857-875.
- L'vov, D.S., & Klejner, G.B. (Ed.) (2007) Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki [Russia in the globalized world: the modernization of the Russian economy]. Moscow, Nauka.
- Milgram, N.A. (1992) El retraso: Una enfermedad de los tiempos modernos [Procrastination: A malady of modern time]. *Boletin de Psicologia (Valencia)*. V.35, 83–102.
- Milgram, N.A., Batory, G., Mowrer, & D. (1993) Correlates of academic procrastination. *Journal of School Psychology*. V.31 (4), 487–500.

- Milgram, N.N., & Tenne, R. (2000) Personality correlates of decisional and task avoidant procrastination. *European Journal of Personality*. 14 (2), 141-156.
- Mohsin, F.Z., & Ayub, N. (2014) The relationship between procrastination, delay of gratification, and job satisfaction among high school teachers. *Japanese Psychological Research*. 56 (3), 224-234.
- Noskova, O. G. (2014) General psychological theory of activity and problems of the work-psychology. *Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology*, 3, 104-121
- Parsons, C.A., & Soucie, D. (1988) Perceptions of the causes of procrastination by sports administrators. *Journal of Sport Management*. 2 (2), 129-139.
- Procee, R., Kamphorst, B., van Wissen, A., & Meyer, J.J. (2013) A formal model of procrastination. *BNAIC 2013: Proceedings of the 25th Benelux Conference on Artificial Intelligence, Delft, The Netherlands. November 7-8*. 152-159.
- Prohorov, A.P. (2002) Russkaya model' upravleniya [Russian management model]. Moscow, ZAO "Zhurnal Ekspert".
- Pychyl, T. A., & Flett, G. L. (2012) Procrastination and self-regulatory failure: An introduction to the special issue. *Journal of Rational-Emotive and Cognitive-Behavior Therapy*. 30 (4), 203-212.
- Rebetez, M.M.L., Rochat, L., & Van der Linden, M. (2005) Cognitive, emotional, and motivational factors related to procrastination: A cluster analytic approach. *Personality and Individual Differences*. 76, 1-6.
- Schowenburger, H.C., Lay, C., Pychyl, T.A., & Ferrari, J.R. (2004) Counseling the procrastinator in academic settings. Washington, DC: American Psychological Association.
- Seo, E.H. (2012) Teacher's procrastination and its reasons. *Korean Journal of Teacher Education*. 28 (2), 189-201.
- Steel, P. (2007) The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure. *Psychological Bulletin*. 133 (1), 65-94.
- Steel, P. (2010) Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? *Personality and Individual Differences*. 48 (8), 926-934.
- Steel, P. (2012) The procrastination equation: How to stop putting things off and start getting stuff done. New York, HarperCollins.
- Ugurlu, C.T. (2013) Effects of Decision-Making Styles of School Administrators on General Procrastination Behaviors. *Eurasian Journal of Educational Research*. 13 (51), 253-272.
- Ul'rih, D. (2007) Effektivnoe upravlenie personalom. Novaja rol' HR-menedzhera v organizacii [Effective Personnel Management. The new role of HR manager in organization]. Moscow, OOO «ID "Vil'yams"».
- Van Wyk, L. (2004) The relationship between procrastination and stress in the life of the high school teachers: unpublished master thesis.
- Wilson, B. A., & Nguyen, T. D. (2012) Belonging to tomorrow: An overview of Procrastination. *International Journal of Psychological Studies*. 4 (1), 211-217.
- Ying, R.Q. (2012) Core Self-Evaluations' Relationship with Procrastination: The Perfectionism as a Mediator. *2nd International Symposium on Public Human Resource Management, Hangzhou, China*. October 26-28. 74-79.

V Международная научно-практическая конференция «Воспитание и обучение детей младшего возраста»

состоится 12-14 мая 2016 года

Организаторы конференции: **Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московская педагогическая академия дошкольного образования**

Рабочие языки конференции: **русский, английский (Синхронный перевод).**

Приглашаются: педагоги, психологи, управленцы, а также все специалисты, заинтересованные в проблематике дошкольного образования.

В 2016 году Международная научно-практическая конференция «Воспитание и обучение детей младшего возраста» пройдет в пятый раз. Конференция уже стала одним из главных событий для профессионалов в данной области. Главные цели конференции: обсуждение профессиональным международным научным сообществом актуальных вопросов дошкольного образования и перспектив развития исследований в области ВОДМ, расширение партнерских отношений и сетевого взаимодействия в сфере дошкольного образования, развитие использования ИКТ в области ВОДМ, ознакомление российских ученых и практиков с зарубежным опытом и системой организации дошкольного образования.

Формы работы конференции:

- пленарные заседания
- панельные дискуссии
- научные секции
- мастер-классы
- семинары
- лекции
- молодежная программа

Направления работы конференции:

- Мировой опыт: программы, мониторинг, оценка качества.
- Достижения отечественного дошкольного образования. Опыт регионов.
- Оценка качества дошкольного образования.
- Дошкольник и школьник: проблемы перехода
- Информационно-коммуникационные технологии в дошкольном и начальном образовании.
- Личностно-развивающее взаимодействие ребенка и воспитателя.
- Обзор и сравнительный анализ образовательных техник в современном дошкольном образовании.
- Мониторинг развития ребенка в ДОО.
- Ребенок с особенностями развития в детском саду.
- Развивающая среда детского сада.
- Здоровье дошкольника и здоровьесберегающие технологии.
- Нейропсихология дошкольного детства.
- Одаренный ребенок.
- Познавательное развитие дошкольника
- Семейное воспитание и дошкольное образование.
- Ребенок в мире современных технологий.
- Социология дошкольного детства.
- Философия – детям.
- Межличностные отношения дошкольников.
- Игра в системе дошкольного образования.
- Продуктивные виды деятельности в развитии ребенка.
- Психологическая служба в ДОО.
- Ребенок в поликультурной среде, многоязычие.

Открыт прием тезисов для публикации в сборнике материалов

Открыт прием тезисов для публикации в сборнике материалов V юбилейной международной конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста».

Для публикации тезисов в сборнике материалов Конференции необходимо:

- заполнить форму заявки на участие в Конференции, указав желаемую форму участия;
- отправить тезисы в сборник Конференции,
- дождаться подтверждения принятия тезисов к публикации в сборнике;
- оплатить регистрационный взнос участника Конференции.

Прием тезисов продлится до 1 февраля 2016 года.

Подробная информация на сайте: <http://ecceconference.com/>

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научно-информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в электронном виде. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учре-

ждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной – строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 20, но не более 40 ссылок.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>. Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, с. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах .jpeg (показатель качества не ниже 8) или .tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments is provided in a footnote at the foot of the first page..

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- Alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, graphs, drawings tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: .Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, изобилуют общими ничем не значащими словами, увеличивающими объем, но не способству-

ющими раскрытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.